

ИЕРУСАЛИМ

ИСТОРИЯ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ

ИЕРУСАЛИМ

ИСТОРИЯ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ

Москва
алгоритм
2011

УДК 94
ББК 63.3
И 30

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной церкви
(ИС 10-18-1773)*

И 30 Иерусалим. История Святой Земли. — М.: Алгоритм, 2011. — 352 с.

ISBN 978-5-9265-0508-2

В этой книге рассказывается об истории Святого города — Иерусалима, самого сакрального города человечества, где произошли распятие, смерть и Воскресение Господа нашего Иисуса Христа. Иерусалим видел многих библейских пророков, нашествие разноплеменных войск, знавал времена триумфа и времена падения. За город сражались персы, римляне, крестоносцы, сарацины... Даже Крымская война 1854—1856 гг. формально началась из-за споров о принадлежности христианских ценностей Иерусалима.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей.

**УДК 94
ББК 63.3**

ISBN 978-5-9265-0508-2

© ООО «Алгоритм-Издат», 2011

А. Вейнберг

ИЕРУСАЛИМ

Иерусалим (*лат.* Hierosolyma, в клинообразных надписях Ursalimmi, в иероглифах Schalam, *еврейск.* Jeruschalajim, *турецк.* Soliman или Kiidsi Scherif, *араб.* EL-Kuds, т. е. святой) — главн. гор. древней Палестины, ныне областной гор. Дамасского вилайета (генерал-губернаторства) в Сирии (в Турецкой империи), у ручья Кедрона, на склонах трех отрогов иудейских гор: Акра, Сион и Мориа. Долины, разделявшие эти отроги, были ранее довольно глубоки, но теперь они засыпаны, застроены и мало заметны. За долинами — пустынная местность, бесплодные голые скалы. С С к Ю город перерезан оврагом. Высшая точка Иерусалима — 784 м над ур. моря. Современный Иерусалим окружен зубчатою каменною стеною, в 12 м высоты, с 34 бастиянами и башнями и 7 воротами (Яффские на З, Сионские — или Давидовы — и Грязные на Ю, Золотые и Гефсиманские на В, Иродовы и Дамасские на С). Город делится на половины зап. (на холме Сионском) и восточную (с высотами Мориа, Акра и Везефа) и состоит из 4 кварталов: 1) христианского — на СЗ, с церковью Св. Гроба; 2) армянского — на ЮЗ, где Сион, с цитаделью, и протестантская церковь; 3) еврейского — на ЮВ, между Сионом и Морией, и 4) магометанского — на СВ, со старой площадью храма, скорбным крестным путем, мечетью Омара и домом паши, с 1840 г. имеющего постоянное местопребывание в Иерусалиме. Улицы узкие, грязные,

дурно мощенные; многие из них глухие; движение по ним возможно только пешком или верхом; местами улицы затемнены перекинутыми поперек арками и сводами (базары). Из 170 улиц нет ни одной совершенно прямой или вполне удобной для экипажной езды. Главная улица — Дамасская, или Базарная, идущая с С к Ю, отделяет сначала христианский квартал от магометанского, потом еврейский от армянского. Другая главная улица, ведущая с З от Яффских ворот на В к Храму, отделяет сперва христианский квартал от армянского, затем мусульманский от еврейского. Площадей всего 3. Дома массивные, некрасивой архитектуры и небольших размеров, каменные или глиняные, с куполообразными крышами и квадратными двориками, где имеются цистерны для собирания дождевой воды. Речной и родниковой воды нет, но с древних времен сохранились два общественных водохранилища, довольно значительных размеров. За последние 10 лет за городской стеной, по Яффской дороге, возникает новый город: уже застроена зданиями европейского типа длинная, широкая улица, с бульваром. Сюда перенесли свою резиденцию европейские консулы. Проектирован и застраивается ряд других улиц. Здесь вокзал железной дороги, соединяющей Иерусалим с Яффой. Население по народностям весьма пестрое; точное число его неизвестно. По наиболее достоверным сведениям, в 1893 г. в Иерусалиме было 41 335 жит. об. п., в том числе 11 013 христ., 25 322 евр. и 5000 мусульман. Среди христиан преобладают православные (до 5000), у которых 20 церквей и монастырей, много школ для туземцев и богоугодных заведений. Православная церковь имеет здесь патриарха. Римские католики (до 2000) и армяне (до 1000) имеют также своих патриархов, а иаковиты, копты и абиссинцы — епископов. Протестантов до 1300. С 1841 по 1887 г. в Иерусалиме существовало евангелическое епископство, которое содержалось на счет Пруссии и Англии; теперь Англия одна назначает сюда епископа. В 1889 г. прусский ко-

роль Вильгельм II основал в Иерусалиме учреждение для охраны интересов евангелической церкви, устройства школ и покровительства пребывающим в Иерусалиме лютеранам: капитал его — 1 180 000 марок Русское Императорское православное палестинское общество, основанное 12 лет тому назад, содержит в Палестине до 15 учебных заведений, в которых к 1 янв. 1893 г. насчитывалось 1200 детей; кроме того, общество оказывает пособие 3 школам, в которых до 200 детей. Им же устроено на СЗ от Иерусалима, в 1/2 в. от Яффских ворот, на так называемой Мейданской площади (принадлежащей русскому правительству; посреди ее пятиглавый собор во имя св. Троицы; тут же дом русского генер. консула), русское подворье для паломников, с 44 отдельными комнатами и 80 общими палатами, рассчитанными на 951 чел. Прибывающие на поклонение святыням русские богомольцы простого звания пользуются бесплатным помещением и столом. При подворье больница на 54 кровати (в том числе 10 для заразных больных). Из иностранных странноприимных домов наиболее замечательные: Казанова, Австрийский и дом францисканского монастыря (все три в центре города). Население, в общем, бедное; общественной жизни нет; торговля и промышленность на весьма низкой ступени; главное занятие жителей — выделка предметов религиозного культа: четок, образков, крестиков, распятий и пр., большею частью из перламутра, масличного дерева и кипариса. Иерусалим весьма богат святынями и историческими памятниками. Из первых наиболее замечателен храм Св. Гроба Господня. С левой стороны храма стоит полуразрушенная башня, а прямо перед входною дверью — 2 ряда арок, поставленных одна над другою; над ними возвышается небольшой купол. На дверных перемычках изображены барельефно: на лев. ст. — восхождение Лазаря, на прав. — ветви с листьями и разными плодами, среди которых видны группы людей, птиц и четвероногих животных. При самом входе в храм — возвыше-

ние для всегда присутствующей здесь турецкой стражи. Прямо против входных дверей плита розовато-желтого мрамора, прикрывающая собою ту плиту, на которую Иосиф Аримафейский и Никодим положили Тело Спасителя, по снятии Его со креста, для помазания миром. Этот камень (длин. около 3 и шир. 1 арш.) составляет общую принадлежность православных, армян и католиков. Первая часть храма довольно мрачная, так как она отделена от остальной высокою стеною. Свет проникает сюда из ротонды часовни Св. Гроба, имеющей 10 саж в диам. и освещаемой из окон верхнего купола. Часовня Св. Гроба (Кувуклия) разделяется на два отделения. Первое — придел св. Ангела, вход в который через мраморное широкое крыльцо, с мраморными перилами; над дверью — мраморное мозаичное изображение Воскресения Христова. Придел имеет вид квадрата, до 5 арш. в обе стороны. По середине придела, в высокой мраморной вазе, часть камня, который был отвален от Гроба. Над вазою висят лампы, принадлежащие разным исповеданиям. Внутренность придела обложена белым и серым мрамором; по обеим сторонам от входа, в стенах, два небольшие овальные отверстия, через которые в страстную Субботу патриарх раздает народу священный огонь. Над низкою дверью, ведущею во *второе* отделение, — придел, где стоит Гроб Господень, — изваяны два ангела, держащие венок. Гроб Господень покрыт каменною плитою, на которой высечено изображение Спасителя; на священном изображении серебряный ковчег с Символом веры, писанным на греческом языке. Самое ложе окаймлено мраморною плитою, чтобы воспрепятствовать поклонникам отламывать, на память, частицы Гроба. Площадь этого придела занимает почти квадратную сажень. На главной стене, что над Гробом, образ Воскресшего Спасителя; более 40 золотых и серебряных лампад спускаются со свода, освещая придел; лампы принадлежат четырем вероисповеданиям — православным, армянам, коптам и латинянам.

Над Гробом горят неугасяемо шесть лампад; два монаха чередуются при Св. Гробе, окропляя каждого богомольца освященною ароматною водою и по временам обтирая мраморную доску над Гробом Спасителя этою же водою. На стене, прямо против входа в придел, помещается икона Божией Матери. Часовня кругом уставлена в верхнем ярусе сотнями свеч и разноцветных лампад, которые зажигаются в торжественных случаях. На верху она венчается небольшим куполом в виде короны. От камня миропомазания две мраморные, довольно крутые лестницы в 20 ступеней ведут с двух сторон на высоту; это вход на скалу *Голгофу*. Мрачный храм Голгофы помещается под небольшим куполом природной скалы, образуя две арки. Под первой от входа аркой помещается православный престол, из цельной мраморной плиты, поставленный над тем самым местом, где был водружен крест Спасителя. Престол открыт по бокам, и под ним видно круглое отверстие, где стоял крест. За престолом величественное распятие, по сторонам которого изображены во весь рост Богородица и Иоанн Богослов. Позади распятия — иконостас с иконой Спасителя, влекомого на страсть. По обе стороны престола два круглых отверстия, обложенные черным мрамором; здесь были водружены кресты разбойников. Направо, возле престола, видна трещина скалы, образовавшаяся от сотрясения земли при кончине Иисуса Христа. Скала одета плитами желтого мрамора. Все богатство этой церкви заключается в 14 дорогих паникадилах, висящих над престолом, — дар христианских царей. Два престола под второй аркой Голгофы принадлежат католикам. По преданию, это то самое место, на котором пригвождали Спасителя ко кресту. В южной стене этого придела окно, через которое видна внизу небольшая католическая *капелла во имя Марии Скорбящей* (*Maria Dolorosa*). Окно это, по преданию, было прежде наружною дверью на Голгофу, через которую император Гераклий вошел с Животворящим Крестом, по отнятии его у

персов. Внизу, к В от подошвы Голгофы и круглой ротонды Св. Гроба, под большою аркою расположен православный *храм Воскресения*, продолговатой формы, весьма обширный, с отдельным куполом и с великолепным иконостасом из чистого золота; все иконы — византийского письма. В куполе 18 арок, из которых 8 служат окнами; направо от царских врат трон патриарха; посередине храма небольшая мраморная ваза с яблоком наверху, означающим центр земли. Вокруг храма приделы различных вероисповеданий. Наибольший из них — часовня *Каменных Уз* — принадлежит православным и устроен на том месте, где Спасителя подвергали пытке. Влево от этой часовни помещается придел *Темницы Христовой*. По преданию, здесь Богочеловек был заключен с двумя разбойниками, пока приготавливали орудия для Его казни. Следующий придел — *св. Лонгина Сотника*. Далее на В, за самым алтарем храма Воскресения, находится придел *Разделения Риз*, принадлежащий армянам. Отсюда лестница в 28 ступеней ведет вниз, в *церковь св. Елены*, также принадлежащую армянам; она высечена в скале, покрыта куполом и снабжена окнами в виде амбразур. Из этой церкви 13 ступеней вниз ведут в *храм Обретения Честного Креста*, своды которого иссечены в природной скале; здесь два придела: один принадлежит православным, другой — католикам. Отсюда лестница вверх, где вдоль северной стороны храма ведет дорожка к *часовне Адама, или Иоанна Предтечи*. Здесь, около дверей часовни, похоронены Готфрид Бульонский и брат его Балдуин I, освободители Иерусалима; пожар 1808 г. уничтожил памятники на их могилах. Прямо к Ю от греческого храма Воскресения расположена католическая *часовня Богоматери, или Явления Христа Богоматери*, с тремя престолами; близ одного из них, за железною решеткою, обломок колонны, к которой в претории Пилата был привязан Спаситель для бичевания. Отсюда ход ведет в круглую ротонду Св. Храма и Кувуклию, к зап. стороне которой примыкает

сперва небольшой придел коптов, а еще далее на З, между арками, — придел сирийцев, близ которого спуск к *могилам Иосифа Аримафейского и Никодима*, высеченным в камне и составляющим принадлежность сириян. К стенам храма примыкают м-ри православный и латинский, сообщение с которыми возможно только через Св. Храм. От храма Гроба Господня несколько кривых улиц ведут на СВ, к месту, где стоял дом Пилата, а теперь казармы турецких войск; отсюда начинается *скорбный крестный путь* (*Via dolorosa*), по которому Спаситель был веден, под тяжестью креста, на место казни. Из нехристианских памятников Иерусалима наиболее замечательна *мечеть Омара*, назыв. мусульманами *Эль-Сахараллах*, — краса арабского зодчества, пользующаяся на Востоке почти такую же славою, как и мечети Медины и Мекки. Вся площадь, занятая мечетями Омара и Эль-Акса и принадлежащими к ним строениями, назыв. Гарам-эш-Шериф (священный двор). Омарова мечеть, восьмиугольной формы, построена на месте *храма Соломонова*, над тою скалою, которая находилась внутри храма. Вся площадь мечети устлана широкими гранитными плитами и обсажена кипарисами; металлический цилиндр поддерживает великолепный купол в 20 фт. вышины и до 60 фт. ширины, увенчанный золоченым полумесяцем. Нижняя часть здания покрыта белым мрамором; выше мрамор заменяется разноцветными изразцами и, наконец, мраморными цветными плитами, с изящной резьбой. Внутри мечети купол поддерживается яшмовыми колоннами; медная вызолоченная решетка между ними окаймляет все пространство под куполом, где находится скала — место поклонения мусульман. По их верованию, Магомет с этой скалы вознесся к небу. Над самою скалою, под куполом, растянута широкая пунцовая материя в виде палатки. Здесь, по преданию, стояла скиния завета и находилась Святая Святых Иерусалимского храма. Под скалою спуск в пещеру, перед входом в которую разные хоругви, щит Магомета,

знамя и огромный меч Али, ржавое оружие, почитаемое за копье Давида. На скале разложены подлинник Корана, седло кобылицы «Эль-Борак» и весы для взвешивания душ. Пещера, назыв. мусульманами *сходом в подземное царство душ*, представляет квадрат в 3 саж. во все стороны, несколько выше человеческого роста. Обширная *мечеть Эль-Акса* выстроена параллелограммом, с куполом. По преданию, это — древняя базилика Юстиниана, где была церковь Введения во храм Пресвятыя Богородицы. Под мечетью подземелье (до 140 шагов в длину, 12 в ширину), со сводами из огромных камней; о его происхождении мнения весьма разноречивы. Городская стена во времена Спасителя находилась внутри нынешнего Иерусалима, так что Голгофа и место погребения Спасителя были вне городской черты. Раскопки, произведенные близ храма Воскресения в 1883 г., обнаружили основания древней иерусалимской стены, с порогом, который, вероятно, принадлежал *Судным воротам*. В конце 1892 и начале 1893 г. раскопками расширены прежние находки Геннафских ворот, открытых впервые Чарльзом Варреном в 1867 г., причем найдены мостовая и порог этих ворот. В настоящее время вполне очищены от векового мусора *Соломоновы конюшни*. После разрушения стены времен Спасителя была устроена новая, при импер. Адриане, в 133 году по Р. Хр., опоясавшая собой Голгофу и место погребения Спасителя. Ни один город в мире не претерпел столько нападений, осад и разрушений, как Иерусалим; всех их насчитывается до 32. Каждая последующая война разрушала город, его стены, его старые, обновленные и новые памятники, так что в настоящее время археологу нелегко разобраться в массе памятников многих времен и народностей. Большинство находимых ныне колонн, пилястров и арок приписывается сооружениям Константина. Нынешняя иерусалимская стена построена султаном Селимом, на основаниях прежних городских стен времен крестоносцев и, вероятно, Адриана. Самые нижние слои стен в

вост., а частью и в запад. стороне состоят из громаднейших камней, ошлифовка которых доказывает их древнееврейское происхождение; их относят ко временам Ирода. Выше этих камней идет более правильная кладка и из камней меньшей величины; полагают, что это постройки крестовосцев. Еще выше — камни различной величины, сложенные беспорядочно; это турецкие постройки времен султана Селима, XVI в. Ширина стен местами 2 арш.; все протяжении стены — до 4 в. Близ Яффских ворот к стенам примыкает укрепление с высокою башнею под назв. *Давидовой*; в укреплении помещается турецкий гарнизон (один батальон). У южн. стороны городской стены, на склоне горы Мориа, где стоял храм Соломона, — так назыв. *место плача Иудеев*. По преданию, после разрушения Иерусалима Титом уцелела, в числе немногих других, именно эта часть стены. Сюда-то, в течение XVIII веков, евреи приходят ежедневно перед закатом солнца, а в особенности по пятницам, молиться и оплакивать разрушение храма и утрату независимости, так как на самую площадь, где стоял храм, евреям строжайше входить запрещается. Пение псалмов сопровождается рыданием; многие становятся перед стеною на колена, падают ниц и лобызуют камни. По мнению археологов, эта часть стены действительно весьма древнего происхождения, в особенности нижние ее ряды, по мнению евреев, входившие в состав храмовой стены; камни здесь величиною до 4 арш., а кругом каждого камня высечка, пальца в 3 шир.

Окрестности Иерусалима и их достопримечательности. Влево от русских построек дорога ведет мимо Дамасских и Иродовых ворот, по крутому каменистому спуску, к Кедронскому потоку, в долину, назыв. *Иосафатовою*. Справа здесь виднеется водоем, некоторыми отождествляемый с евангельской Вифездой. По ту сторону Кедронского потока идущая в гору дорога ведет к *пещере* или *храму Богоматери*, извне напоминающему прислоненный к гребню горы

погреб, с большими двухстворчатыми железными дверями в готических арках; стены пещеры, сложенные из массивных камней, заросли мхом. Широкая мраморная лестница в 50 ступеней ведет в глубь одетой мрамором пещеры, только внизу освещенной множеством лампад. На глубине 20 ступеней площадка с двумя престолами: над могилами родителей Пресв. Девы, св. Иоакима и Анны, и с одним престолом Иосифа Обручника. Еще ниже храм с полукруглыми сводами, в восточн. стороне которого возвышается Кувуклия, около 1 саж. в квадрате, из цельной природной скалы, отделенной от окружающих скал; мрамором одето только то место, которое служило гробницею Богоматери. При совершении литургии гробница служит престолом, а жертвенник, вне Кувуклии, прислонен у входных южн. дверей. На самой гробнице литургию вправе совершать только православные и католики; копты и сирийцы имеют свои небольшие приделы. Католики совершают литургию и на престолах св. Иоакима и Анны. Построенный св. Еленю одновременно с храмом Св. Гроба Господня, разрушенный и затем восстановленный в 1161 г., *храм гробницы Богоматери* сохранился в целости до наших дней благодаря почитанию магометанами Пресвятой Девы. Влево от гробницы Богоматери находится небольшая пещера, принадлежащая католикам и называемая «*Пещера моления о чаше*». Вблизи *Гефсиманский сад* (см. Гефсимания, VIII, 611), у подошвы Елеонской горы; он обнесен каменною стеною и принадлежит католикам. Предмет всеобщего почитания — 8 огромных масличных деревьев с многовековыми стволами. Полагают, что они сохранились со времен Спасителя. Внутри сада, крутом по ограде, несколько небольших часовен с рельефными изображениями страданий Иисуса Христа. Отсюда дорога идет на гору *Елеонскую*, или *Масличную* (см.), самую высокую из гор, окружающих Иерусалим. Она состоит из трех вершин: южн. — *гора Соблазна*, сев. — *гора Малой Галилеи* и вост. (высшая точка Елеона) — *гора Вознесения*.

Отсюда виден Иерусалим и его окрестности на огромном пространстве, начиная от *горы Испытания* до Мертвого моря включительно. По дороге от Гефсиманского сада к вершине Елеонской горы, на одном из ее склонов, недавно сооружен православный храм во имя равноапостольной Марии Магдалины, в память императрицы Марии Александровны. Здесь же, близ храма, Императорское Православное Палестинское общество выстроило 2 домика для русских паломников, в память вел. кн. Александры Георгиевны и вел. кн. Константина Николаевича. От храма дорога ведет к *вершине Вознесения*, на которой построены несколько арабских лачужек и мечеть (*часовня Вознесения*). Внутри мечети небольшой камень, с отпечатком человеческой ступни; по преданию, Спаситель вознесся с этого камня на небо. Мечеть находится на месте бывшего христианского храма, построенного св. Еленой и разрушенного персами, дважды возобновленного и окончательно разрушенного в 1517 г. султаном Селимом. Мусульмане не только позволяют иноверцам осматривать мечеть, но, с их разрешения, ежегодно в день Вознесения совершается христианское богослужение, для чего устроено два каменных престола. На том самом месте, где находится мечеть, остановился, по преданию, Христос в день торжественного въезда своего в Иерусалим и, рыдая, изрек окружавшему Его народу грозное пророчество о граде (Ев. Луки, 19). Вблизи *католический м-рь кармелиток и католическая капелла*, с галереею вокруг того места, на котором Спаситель научил апостолов молитве Господней. Внутри галереи, на боковых ее стенах, 33 мраморные доски, на которых золотыми буквами написана молитва Господня на 33 различных языках (в том числе и на русском, но с грубыми ошибками). В подземелье, под двором монастыря, католический алтарь, посвященный памяти 12 апостолов. По преданию, ученики Христа, по вознесении Его на небо, пребывали некоторое время в этой пещере и здесь составили Символ веры. От мона-

стыря кармелиток каменная дорога круто поднимается к вершине Вознесения. Здесь воздвигнут небольшой православный храм, в византийском стиле, во имя *Христа Спасителя*. С высоты колокольни, построенной близ храма, видны одновременно два моря, Средиземное и Мертвое. Позади колокольни — дом для отдохновения молящихся. В одной из его комнат собраны обломки древних гробниц, части карнизов, колонн и орнаментов, найденных в земле при закладке фундамента церкви. Внизу усыпальница, где видны 6 гробов, высеченных в скале; на верхн. досках гробов вырезаны кресты и надписи, что здесь покоятся тела *армянских царей*. Здесь же часть древнего мозаич. пола VI в., с изображениями рыб и птиц; под этим полом были открыты цистерны в несколько аршин глубиной. У подножия Елеонской горы вьется почти всегда сухое ложе Кедронского потока, на берегу которого, на откосе горы Мориа, магометанское кладбище; на откосах подножия Елеонской горы много еврейских могил. Эта местность, наз. *Иосафатовою долиною* (долина смерти), вся усеяна еврейскими надгробными памятниками; один из них, большое 4-угольное здание с заостренною крышею — *могила Авессалома*, сына Давида. Богатые евреи приезжают сюда из Европы доживать свой век и считают величайшим счастьем быть погребенными в этой долине. К ЮЗ отсюда, несколько в гору, находится *Силоамская купель*. Резервуар, длиною 8 с, шир. 3 с. и глубиною 3 саж, соединяется с близлежащим *Силоамским источником*, откуда и наполняется водою. На этом месте Спаситель исцелил слепорожденного. Отсюда дорога ведет на *Сион*, мимо Сионских ворот. На месте дома, где происходила *Тайная Вечеря*, прежде находилась христианская церковь, превращенная мусульманами в мечеть. В последней находятся, говорят, гробницы Давида и Соломона, но видеть саркофаги редко кому удастся. Вблизи *русское кладбище*, где хоронят паломников, и *Гинонская долина*, отделяющая Сион от горы *Злого совещания*, где, по преданию, нахо-

дился дом Каиафы. В 9 вер. от Иерусалима лежит *Вифлеем*. Дорога туда, перевалив через хребет, спускается в долину Рафаим, служившую некогда театром военных столкновений между иудеями и филистимлянами; по дороге встречаются развалины и башни, из которых одна наз. *башнею Вениамина*; дальше *монастырь св. пророка Ильи*, сооруж. в VI ст. по Р. Хр. и возобновленный в 1860 г. Миновав его, дорога спускается в равнину, наз. *Гороховым полем*. По преданию, Божия Матерь, проходя однажды этим путем, увидела человека, засевавшего поле горохом, и спросила его: что он сеет? «Камни», — отвечал насмешливо сеятель. Горох мгновенно окаменел, и все поле покрылось мелкими кругловатыми камешками; их собирают паломники. Далее по дороге гробница *Рахили*; памятник над ее могилою, в виде небольшой мечети с куполом, окружен маслинами и находится под охраной еврейск. иерусалимского общества. О Вифлееме — см. соотв. статью. На 3 от Иерусалима, в 3 часах пути, находится *«Горняя»*, или *«Горний град Иудов»*: здесь жили Захария и Елисавета, родители Иоанна Предтечи. В Горнем Граде православный храм во имя Казанской Божией Матери, монастырский женский приют и дом для русских богомольцев, а также католические монастырь и церковь, из которой спуск в выложенную мрамором пещеру, где, под престолом, круг с надписью на латинском яз.: *«Здесь родился Предтеча Господень»*.

Жители Горнего Града — арабы, большей частью крещенные в православную веру. По новому штату 1890 г., русская иерусалимская духовная миссия состоит из начальника, старш. иеромонаха, 4 иеромонахов, протодиакона, иеродиакона, 4 монахов, 6 послушников, регента, 8 певчих, 2 пономарей, 2 звонарей и 1 драгомана. На содержание церквей, приютов и дома миссии, найма прислуги и др. расходов назначено 7900 р. в год. Имений, преклоненных в России Св. Гробу, числится: в Бессарабской губ. 73 959 дес. и в Кутаисской губ. 16 929 дес. Паломников ежегодно прибы-

вают в Иерусалим до 8000, в том числе ок 4000 русских. Ср. «История св. града Иерусалима от времен Апостольских и до наших» (СПб., 1844); «Путешествие игумена Даниила по Святой Земле в начале XII в.» (изд. археогр. комм., под ред. А. С. Норова); «Путь к Синаю», А. В. Елисеева; «Странствование», В. Григоровича-Барского; Chateaubriand, «Itinéraire de Paris — Jerusalem» (1811); Fergusson, «Essay on the ancient topography of Jerusalem» (1847); Baedeker, «Palestina u. Syrien» (1891, 3 изд.); Б. Мансуров, «Православные поклонники в Палестине» (1858); «Путешествие ко св. местам в 1830 г.» (1832); «Путешествие по св. земле в 1835 г.», А. С. Норова; «Путеводитель в св. град Иерусалим ко гробу Господню и прочим св. местам Востока, и на Синай», паломника-святогорца И. А. (1885); «Неделя в Палестине», В. Н. Хитрово (2 изд.); «Спутник православного поклонника в св. землю», протоиерея В. Я. Михайловского (вып. 2-й); «Воспоминание о поездке в Константинополь, Каир и Иерусалим в 1887 г.», А. Коптева; «Путешествие в Египет и Палестину», Е. Картавцева; «Раскопки на русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме», архим. Антонина (1883); Гейки, «Святая земля и Библия» (вып. 5—7); «Православие в св. земле», В. Н. Хитрово; «Сообщения и отчеты Импер. правосл. палестин. общ.» (1882—1894). О патриаршей библиотеке в Иерусалиме см. Пападопуло Керамевс.

* * *

История. Древнейшие дошедшие до нас известия о Иерусалиме заключаются в письменах, недавно найденных в Эль-Амарне, в среднем Египте, и содержащих в себе, между прочим, письма царя *Урсалимму* к егип. царю Аменофису III (XIV—XV в. до Р. Хр.): Иерусалим указывается здесь как резиденция царька, состоявшего под властью Египта. В Библии Иерусалим впервые упоминается под именем Салима, в книге Бытия (XIV, 18), где Мельхиседек называется

царем салимским. Имя Иерусалим в первый раз встречается в книге Иисуса Навина (X, 1): во главе царей ханаанских, соединившихся против Иисуса Навина, значится Адониседек, царь иерусалимский. При разделе земли Обетованной Иерусалим достался колену Вениаминову, но постоянно находился во владении колена Иудина. Окончательно завоеван он был лишь Давидом, который, победив Иевусеев (см. Иевусей, XIII, 620), завладел их крепостью Сионом и стал жить в ней, назвав ее *городом Давидовым*, а вскоре перенес туда и ковчег завета. В сравнении с нынешним Иерусалимом, город в древнейшее время лежал несколько далее к Ю и занимал значительно меньшее пространство. Он состоял из двух частей — из города в собственном смысле и горной цитадели Сиона. Незащищенная часть Иерусалима была расположена по довольно широкому холму, высотой в 768 м, который с СВ примыкает к плоскогорью водораздела, со всех же других сторон окружен долинами, а Сион лежал к В от города, на узком, низком (ныне 690 м), но малодоступном холме. Господствуя над единственным невысыхающим ручьем Иерусалим, Гионом, и над входом его в Кедронскую долину, Сион представлял собою ключ ко всей местности. Укрепления как Сиона, так и города Иерусалим, начатые Давидом, были закончены Соломоном, который занял на вост. стороне, к С от Сиона, еще третий холм, построив на нем дворец, государственные здания и храм Иеговы. На этот третий холм (ныне выс. в 744 м) распространяется, в книгах пророков и в псалмах, имя Сиона. Постройки, появившиеся к С от древней Соломоновой стены, на единственной стороне, в которую город мог расширяться, Езекия окружил новой, так назыв. «второй», стеною.

Когда Езекии удалось предотвратить завоевание Иерусалима ассирийским царем Сеннахиримом (701 до Р. Хр.), это подняло значение Иерусалима, как священного, недоступного для язычников жилища Иеговы, и содействовало тому, что при религиозных реформах царя Иосии храм ие-

русалимский признан был единственным настоящим святилищем Иеговы во всем царстве Иудейском. В 597 г. до Р. Хр. Иерусалим был взят вавилонским царем Навуходоносором. Новая осада, начавшаяся в 588 г., окончилась через 1½ года полным разрушением города в 586 г., Иерусалим вновь стал заселяться в 537 г., когда евреи вернулись из вавилонского плена. Зоровавель (см.) возобновил храм, но царский дворец и правительственные здания не были восстановлены. В 444 г. Неемия (см.) вновь окружил город стеною, придерживаясь вообще направления древней городской стены, а на С — стены Езекии; он же выстроил замок Бира, для защиты храма, к С от него, близ городской стены. О дальнейших судьбах Иерусалима под персидским владычеством почти ничего не известно. Посещение Иерусалима Александром Македонским в 332 г. не представляется невероятным, но, во всяком случае, рассказ об этом событии Иосифа Флавия сильно изукрашен. После этого Иерусалим находился попеременно под владычеством то Птолемеев, царей египетских, то Селевкидов, властителей Сирии, но в 198 г. до Р. Хр. надолго подпал власти последних. В 170 и 168 гг. Антиох IV Епифан явился в Иерусалим с большим войском, приказал срыть стены, большой жертвенник перед храмом обратить в языческий алтарь и приносить на нем жертвы Зевсу Олимпийскому, древний же город Давидов превратил в сильную крепость и занял сирийским гарнизоном. Но уже в 165 г. Иуда Маккавей вновь овладел Иерусалимом, очистил храм от идолослужения и укрепил холм, на котором храм находился. Симон Маккавей овладел в 142 г. и крепостью сирийцев. Иоанн Гиркан I превратил замок Бира, или Барис, в свой дворец; в верхней части города существовал еще дворец Маккавеев. В 63 г. Помпей занял холм с храмом и подчинил Иерусалим римскому владычеству. При Ироде Великом Иерусалим снова пришел в цветущее состояние и украсился великолепными зданиями (театр, амфитеатр, может быть, и ипподром). В то вре-

мя Иерусалим распадался на верхний город (юго-зап. холм, древнейший Иерусалим), нижний город, или Акру (юго-вост. холм, некогда Сион, или город Давидов), храмовый квартал и предместье, к З от храма и к С от верхнего города. В сев.-зап. углу верхнего города Ирод выстроил великолепный дворец, наружные стены и башни которого отчасти сливались с городской стеной. С особым великолепием возобновил он храм, соединив его с западными частями города многочисленными мостами. Перестройка эта началась в 20—19 г. до Р. Хр., но была закончена лишь в 62—64 г. по Р. Хр. При Архелаве возник на С тогдашнего города новый квартал, названный потом новым городом (Кенополис). Агриппа I приступил к укреплению города стеною («третья» стена Иерусалима), но предприятие это доведено было до конца лишь в начале иудейского восстания, в 66 г. по Р. Хр. В эпоху Иродов Иерусалим, по словам Иосифа Флавия, имел свыше 200 000 жит., при окружности в 33 стадии (6,3 км). Во время Иисуса Христа к величайшим достопримечательностям Иерусалима и окрестностей его принадлежали: 1) дом судей, или претория (Ев. от Иоан. XVIII, 28), служившая жилищем рим. наместника в Иерусалиме, некогда дворец Ирода, к Ю от нынешней цитадели, и 2) находившийся пред преториею Лифостротон (т. е. каменный помост, Ев. от Иоанна, XIX, 13), по-еврейски Гаввафа, откуда Спаситель начал Свой крестный путь. В 70 г. по Р. Хр. Иерусалим взят был Титом и разрушен до основания; оставлены были только три башни Иродова дворца и часть городской стены, чтобы десятый легион мог там устроить укрепленный лагерь. В 130 г. имп. Адриан, в бытность свою в Сирии, задумал восстановить Иерусалим в качестве *языческого* города и этим вызвал последнее отчаянное восстание евреев против римлян. По подавлении этого восстания Иерусалим, под именем Aelia Capitolina, обращен был в рим. колонию; евреям, под страхом смертной казни, запрещен был вход в Иерусалим, а на месте иудейск. святилища воздвиг-

нут был храм Юпитеру Капитолийскому, со статуей Адриана. Константин Великий в 326—335 гг. воздвиг на местах распятия и воскресения Спасителя великолепную базилику; Иерусалим, который, по-видимому, и раньше населен был главным образом христианами, официально признан был христианским городом. Он оставался под властью визант. императоров до 614 г., когда завоеван был персид. царем Хозроем II. По миру 628 г. император Гераклий вновь приобрел Иерусалим, но уже в 637 г. халиф Омар подчинил его власти мусульман. Иерусалим получил араб. имя эль-Кудс (святилище), или Бэт-эль-Макдис (место святилища), но араб. писатели употребляют и название Aelia, в форме *Илия* (Ilija). В 969 г. Аббасиды должны были уступить Иерусалим египетск. Фатимидам, а у этих последних он был в 1077 г. отнят Ортокидами, ветвью Сельджуков, которые стали подвергать христианских пилигримов жестоким преследованиям, чем и вызвали крестовые походы. После того как Фатимиды, в 1098 г., вновь овладели Иерусалимом, он 15 июля 1099 г. завоеван был франц. крестоносцами, под предводительством Готфрида Бульонского (см. соотв. статью), и снова сделался столицей независимого государства, которое, при брате и преемнике Готфрида, Балдуине I, под именем *Иерусалимского королевства* на короткое время достигло, в середине XII стол., высокой степени процветания. После Балдуина I (1100—1118) в королевстве этом последовательно царствовали: его двоюродный брат Балдуин II (1118—1131), дочь последнего Мелизенда со своим мужем Фулько Анжуйским (1131—1143), их сын Балдуин III (1143—1162), брат последнего Амальрих (1162—1173), сын его Балдуин IV (ум. 1183), племянник последнего Балдуин V и, наконец, узурпатор Гвидо де Лузиньян, при котором Иерусалим, в 1187 г., вновь отнят был от христиан египетским султаном Саладином. Генрих Шампанский, которому Гвидо в 1193 г. передал кипрскую корону, а также преемники его, Амальрих II и Иоанн Бриенский, не могли осуществить

своих притязаний на Иерусалим. Это в 1229 г. удалось импер. Фридриху II, который, посредством брака, приобрел право на иерусалимскую корону, но уже в 1244 г. Иерусалимом вновь овладели мусульмане, и корона иерусалимская осталась лишь почетной регалией некоторых европейских династий. В 1382 г. Иерусалим отнят был у Эйюбидов (из рода Саладина) египетскими мамелюками, а в 1517 г. им овладел халиф османов Селим I. С тех пор Иерусалим остается под владычеством Порты, за исключением лишь небольшого промежутка времени с 1833 до 1840 г., когда он находился во власти египетского вице-короля Мегмет-Али. Под турецким владычеством исчезли последние остатки средневекового блеска Иерусалима. Некоторое возрождение города замечается в текущем столетии, когда в Иерусалиме, с 1820-х гг., появились протестантские миссионеры (германские, английские, американские) и европейские консулы (англ. с 1839 г., прусск. с 1842 г., русский с 1858 г.; еще в 1839 г. К..М. Базили, живший главным образом в Бейруте, назначен был консулом в Сирию и Палестину). Русская миссия основана была в Иерусалиме в 1858 г.; первым ее настоятелем был известный еписк. Порфирий (Успенский). В истории внутренней жизни Иерусалима за новейшее время виднейшее место занимают споры из-за святых мест.

А. Вейнберг, Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона

А. Муравьев

ИСТОРИЯ СВЯТОГО ГРАДА ИЕРУСАЛИМСКОГО

Солнце, встающее из-за Элеона, мало-помалу оставило передо мною очаровательное и вместе страшное зрелище Св. Града. Обнесенный зубчатою стеною, он весь лежал перед очами на скате горы, издали как бы вновь созданный и без следа развалин. Обширная зеленая площадь Соломонова храма живописно отделялась от стесненных позади ее зданий, из груды коих возвышались два купола Св. Гроба, крепость Давида и несколько минаретов и башен. С левой стороны, вне ограды, дом Тайной Вечери венчал Сион: еще южнее, через овраг Геенны, гора Соблазна восставала над деревнею Силоама, и монастырь Пророка Ильи мелькал вдали, промеж маслин, на высотах, ведущих к Вифлеему. С правой стороны города, позади рассеянных садов и утесов, село Пророка Самуила ограничивало горизонт на высоком хребте Силома, где так долго хранился кивот завета. У ног моих извивалось иссохшее русло Кедрона, по зеленой долине Иосафатовой, усеянной гробами евреев. Могила Авессалома и вертеп Гефсиманский стояли гранями, на двух краях сей вещей долины.

Такая дивная картина развивалась восхищенным взорам, и пламенно бы я желал всегда иметь ее, хотя мысленно, перед собою. Я бы желал выразить то необыкновенное

волнение, которое овладело духом, когда в одном великом зрелище предстали мне оба завета: все пророчества Ветхого и их событие в Новом, все клятвы и благословения, попеременно висевшие над роковым градом, доколь не сбылись наконец судьбы его, доколь благодать, однажды излившись на мир из сего таинственного кладезя, не положила вечной печати безмолвия на его иссякшее устье, отколь некогда истекало столько видений. Псалмы, гремевшие во дни славы Сиона, плач Иеремии, оглашавший его падение, сия таинственная юдоль плача, где начались страдания Спасителя, юдоль Иосафатова, в имени коей уже начинается звук последней судной трубы... о кто, в таком хаосе предметов и воспоминаний, в такой буре взволнованных чувств (довольно мыслей и глаголов) и что, кроме слез, может облегчить сердце на том месте, где плакал Бог!

Разорение Иерусалима римлянами

Иаков, брат Божий, первый Епископ

Протекло семьдесят лет от Рождества Христа Спасителя и менее сорока от Его вознесения, как уже приспела предсказанная им кончина Иерусалиму, над коим плакал Он с такою сердечною скорбью: *«Иерусалим, Иерусалим, град, избивший пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица, собирающая птенцов своих под крылья, и вы не восхотели! се оставляется вам дом ваш пуст!»* (Матф., XXIII, 37).

Уже завет Новый Бога с человеками, через страдания Христовы, утвержден был на веки; надлежало запечатлеться Ветхому, временно заключенному с избранным народом, в котором преемственно сохранялось чистое учение о Божестве, дабы явить миру, что отныне истинные поклонники поклонятся Ему на земле уже не в одном Иерусалиме. Разрушение его сопряжено было со многими необычайными событиями, в знамение долголетнего высокого его значения.

После славного племени Маккавеев, которые избавили Иудею от насилия Антиохов Сирийских и вступили в союз с римлянами, милостью их воцарился в Сионе иноплеменник Ирод, сходно с пророчеством древнего патриарха. Иаков возвестил двенадцати сынам своим, что не оскудеет князь от Иуды до пришествия Мессии, и Мессия родился во дни чуждого пришельца Ирода, племя коего продолжало господствовать в Палестине, притесняя юную Церковь Христову; в самом же Иерусалиме повелевали игемоны римские, подобно Пилату, под властью проконсулов Сирии.

По мудрому устройению Промысла, со времени пленения Вавилонского, большая часть колен Израилевых осталась в Месопотамии и оттоле рассыпалась по Востоку. Многие из иудеев основались также в западных областях Рима, приобретая себе права гражданства в столицах языческого мира и умножая число своих прозелитов, в лучших городах поморья. Таким образом мир приготавлился к принятию учения Христова, потому что апостолы повсюду начинали проповедь свою с иудеев, как сохранявших предание о Мессии. Наипаче в Египте, где славилась просвещением Александрия, многочисленны были евреи и гордились своим учением, смешанным с философиею эллинскою.

В Александрии произошло и начало болезней, посетивших народ Иерусалимский за его неверие. Там впервые поднялась на него рука эллинов, когда вспыхнул мятеж евреев, раздраженных за поругание царя их Агриппы, внука Иродова, который шел из Рима властвовать, по воле кесаря, в Палестине. Многие тысячи, всякого возраста, истреблены были яростью языческой черни, и впоследствии подобные убийства повторились по городам Сирии и у парфян, ибо везде были ненавидимы евреи; везде подозревали их в зажигательствах и в нарушении общественного спокойствия. Такая печать отвержения повсеместно на них легла, с тех пор как отвергли они своего Мессию. Иудеям грозило другое бедствие, которое едва могли отклонить

они посольством своего ученого гражданина Филона и ходатайством в Риме царя Агриппы. Безумный цезарь Калигула, негодуя, что одни иудеи не воздают ему почестей божеских, велел правителю Сирии поставить изваяние свое в святилище Иерусалимском, как бы в обличие непокорного народа, который еще недавно не хотел признать, в том самом храме, лицо истинного Сына Божья в смиренном образе человека.

Один только, из всеобщего восстания отчаянных, готовых погибнуть за оскорбление своей святыни, удержал проконсула исполнить волю кесаря. Но хотел. Своцарением Клавдия совершенно оставлена была нелепая мысль сия, однако же часть от часу более тяготело над Иерусалимом иго римское, и возрастающее хищничество правителей Сирии превосходило меру терпения людей, не научившихся терпению Христову, доколь наконец частые мятежи соединились в один общий, всего народа, при кесаре Нероне.

Началу войны предшествовали знамения. Ночью, на праздник опресноков, внезапный свет осиял алтарь и храм, и восточные медные ворота его, с трудом отверзаемые силою двадцати человек, отверзлись сами собою, и на вечернем небе явились, в разных местах Палестины, конники колесницы, стремящиеся к Св. Граду; в день же пятидесятницы жрецы и левиты, вошедшие в храм для принесения обычных жертв, с ужасом почувствовали тяжкое его колебание, и внезапно изшел из святилища громкий глас: «Изыдем отселе!» Но ежедневные жертвы, утратившие свое значение, с тех пор как принесена была однажды примирительная жертва Христова, не прекращались. Продолжался и ряд Первосвященников, по чину Аронову, утративших свою законность в лице Каиафы, который, не ведая сам силы слов своих, прорек о Христе, «что лучше одному человеку умереть за всех», и тем самым признал его Первосвященником вечным, по чину Мельхиседекову. Временные преемники Каиафы сменялись непрерывно, по прихоти народ-

ной или властью детей Ирода; ослепшие не хотели видеть конца завета Ветхого и грядущего события всех пророчеств над Иерусалимом; они не внимали вещему воплю Иисуса, сына Ананова, который за четыре года до падения скитался по всему городу, повторяя непрестанно: «Глас от востока, глас от запада, от четырех стран ветров, глас на Иерусалим, на храм и новобрачных, глас на весь народ!» Вещий голос сей замолк только во время осады, когда Иисус, воскликнув однажды: «Горе и мне!», поражен был брошенным из снаряда осаждавших камнем. И как все течение духовной и гражданской жизни народа еврейского, от времен патриархальных Авраама, описано в его священных книгах, так и кончина ветхозаветного города с разительною точностью передана была потомству очевидцем событий, знаменитым по своей учености иудеем Иосифом Флавием, который, после многих битв, сам находился пленником в осадном стане римлян.

Иосиф поставляет одною из причин, навлекших казнь Божью на его соотечественников, убийство ими праведного Иакова, брата Господня, первого Епископа Иерусалимского, который, по древним преданиям, рукоположен был в сан сей самим Господом (Златоуст. толк на Коринф, гл. XV). Тридцать лет уже правил он Церковью Христовою и до такой степени приобрел любовь граждан, что название праведного присоединилось к его имени, и, ради общего уважения, имел он даже дозволение всегда входить в святилище иудейское. От юных дней посвятив себя на служение Богу, Иаков непрестанно умолял Господа о спасении своего народа; колена его отвердели от напряженной молитвы, а тело изнурилось постами. В виду ветхозаветного храма собирал он живую Церковь Бога живого, в горнице Сионской, и установил порядок молитв при совершении вечери Христовой, который послужил основанием и образцом последующих литургий; первоначальная же сохранила имя Иакова. Бедствия верующих между евреями и

повреждение нравов от лжеучений внушили любящему его сердцу написать соборное послание ко всей братии о делах истинной веры и пагубных следствиях чувственности, о преодолении искушений, смирении, нищелюбии, ожидании суда и о двух таинствах: исповеди и елеосвящения, для поддержания немощных.

Священники иудейские боялись, чтобы сильное влияние Иакова на сердца народа не привлекло еще более людей к распятому Мессии, и восстали на праведника. Сперва лестью надеялись они убедить его отречься от Христа и, превознося хвалами смиренного, просили, в день Пасхи, взойти на крыло церковное, чтобы оттоле объявить в слух всего верующего народа, сколь тщетно обольщается он учением Христовым. Готовый умереть за исповедание истины, мнимо повиновался Иаков и взошел на террасу храма. Там громким голосом сказали ему книжники: «Муж праведный, которому подобает всякая вера, народ обольщается, следуя распятому Христу; научи нас истине: что есть жертва Иисуса на кресте?» И столь же громко ответствовал им Иаков: «Что спрашиваете меня о Сыне человеческого? Он сидит одесную силы Божией и грядет на облаках небесных». Разъяренные книжники, посреди восклицаний народных «Осанна сыну Давида!», свергли праведника с вершины храма, и умирающий успел еще молиться, подобно Стефану, за своих убийц, пока они добивали его камнями.

Три миллиона евреев собрались на Пасху в Иерусалим, когда в последний раз тщетно просили они проконсула, Кестия Галла, остановить хищность их частного правителя Флора, и, несмотря на кроткие убеждения царя Агриппы Младшего, внука Иродова, роковой мятеж вспыхнул. Сын первосвященника Анании, юный Елеазар, начальствовавший над стражею храма, возбудил народ и взял приступом башню Антониеву, главную твердыню города; все воины римские, изгнанные из прочих укреплений, умерщвлены были яростью черни. В тот же день 20 000 евре-

ев пали в соседней Кесарии, под мечом язычников, и весть сия взволновала всю Палестину. Жестокая война возгоралась по всем городам и селам Сирии, между иудеями и сирийцами: распутия и вертепы наполнились разбойниками; войска евреев овладели многими замками, но за то граждане их немилосердно избиваемы были по всем местам, и в Александрии погибло их до 50 000. При самом начале можно было уже видеть, что война сия должна окончательно решить участь целого народа. Вооружился проконсул и, усмирив Галилею, двинулся к Иерусалиму, но отчаянное сопротивление иудеев принудило его удалиться.

Тогда, по небесному внушению, христиане иерусалимские, видя, что уже мерзость запустения, предсказанная Даниилом, является на месте святом, бежали из Иудеи в горы и удалились в Сирийский город Пеллу, на рубеже пустыни. Иудеи же, гордые своим успехом, вооружили бойницами город. Веспасиан заступил место Галла и в короткое время покорил Галилею и окрестности Иудейские, но предоставил сыну своему Титу конечное покорение Иерусалима, когда сам, по смерти кесаря Нерона, провозглашен был императором. Он устремился на запад, превознесенный пророчествами востока о всемирной монархии, потому что к его лицу относили темные гадатели обетованное издревле владычество Мессии по вселенной.

Между тем еще прежде меча римского уже губили внутренние раздоры Иерусалим. Опытнейшие в нем хотели мира, более пылкие — войны. Первосвященник Анания с другими старейшинами, которые одни только могли управлять народом, умерщвлены были зилотами. Вожди так называемых ревнителей, Иоанн Гискала и Елезар, владели храмом и призывали хищные колена идумейцев для грабежа и убийств, по улицам бедствующего города; разделились между собою и самые зилоты. Некто Симон вар Сиора собрал за Иорданом шайку разбойников, как бы в отмщение за смерть первосвященника Анании, и овладел Сио-

ном и нижнюю часть города. С своей стороны Гискала укрепился во внешних галереях храма, сражаясь то с ним, то с Елеазаром, который затворился во внутреннем дворе святилища, доколе наконец, пользуясь праздником Пасхи, Иоанн ворвался во внутрь его и перебил всех зилотов; Симон же с Идумеями остался владыкою города.

Тогда подступил Тит с легионами римскими, от пути северного, и осадил Иерусалим. Часть его войска расположилась на горе Елеонской, и жестоко было против нее первое нападение осажденных; внутренние раздоры препятствовали дальнейшим успехам. Более миллиона народа, собравшегося на последнюю свою Пасху, впало в гибельную осаду: голод и мор жадно налегали на пожираемый раздорами город. В течение первых пятнадцати дней орудия римские разбивали северную стену Иерусалима, и через девять дней совершенно вытеснили евреев из-за старой ограды; они остановились у башни Антониевой и укрепленного храма. Желая спасти город и храм, военачальник послал именитого пленника Иосифа убеждать к сдаче Иоанна Гискалу, но ему отвечали камнями. Между тем голод возвысился до такой степени, что единокровные оспаривали друг у друга пищу и отцы вырывали ее у детей; многие покушались искать себе пропитания за стенами города; но бежавших от голода распинали тысячами в виду Голгофы, так что недоставало места и дерева для крестов в страшную память того креста, на коем отцы их распяли Царя славы со страшным воплем: «Кровь его на нас и на детях наших!»

Не менее смертей среталось и внутри города, обреченного гневу Божию. Алчные убийцы врывались в дома, где только подозревали найти пищу, которой самые гнусные роды все уже истощены были отчаянием, и обрели наконец последний — мать, пожирающую собственного младенца. Она сама открыла испеченный труп его привлеченным на запах яства и сказала: «Это мой сын и мое дело; ешьте, ибо я ела; или вы нежнее женщины и мягкосердечнее матери?»

С ужасом бежали от нее голодные, и когда весть о том дошла до стана римского, Тит призвал Бога во свидетели, что невинен в таком злодеянии, ибо не преставал предлагать мир. После многократных напрасных приступов к Антониевой башне римляне с невероятною скоростью обнесли в течение трех дней весь город многобашенным валом, так что уже никто из жителей не мог переходить за роковую черту, и до двух тысяч бежавших евреев сделались жертвою корыстолюбия сириан, которые искали золота в их утробе. Трупы умерших с голода несметным множеством бросали со стен, так что от смрадного воздуха задыхались в городе.

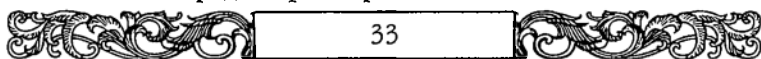
С необычайными усилиями овладели наконец римляне Антониевою башней, потому что до такой степени опустошена была окрестность Иерусалима, что за двадцать верст привозили лес для стенобитных орудий. Уже Тит совершенно подступил к храму, но междоусобие не прекращалось; последнего первосвященника Матфея убил Симон, Иоанн же ограбил самый храм, и тогда прекратилась ежедневная жертва. Желая сохранить святилище, еще однажды послал Тит убеждать Иоанна не осквернять святыни и спасти ее, но Иоанн отвечал, «что Божию граду не может угрожать разрушение», и поставил орудия, метавшие камни, в самых воротах храма, так что святилище подобно было крепости, окруженной трупами. Военачальник в последний раз послал сказать Иоанну: «Призываю во свидетели отеческих моих богов и Бога, который некогда охранял храм сей, а ныне его оставил, что я не вынуждаю вас осквернять святилище; хотите ли избрать другое поприще для битвы? и никто из римлян к нему не прикоснется, ибо я, вопреки вашей воле, хочу спасти храм». Но нечестивый Иоанн принял великодушие вождя за малодушие, и после страшного ночного приступа сгорели постепенно великолепные галереи, окружавшие храм с запада, и там осадили их римляне; семнадцать дней длилась осада и еще бы могла продолиться, по неприступности башен и стен, но внезапный страх овла-

дел осажденными; они сами их оставили и, не в силах будучи прорваться сквозь римскую стражу, укрылись в подземных ходах около купели Силоамской. Римляне проникли в оставленный ими город, и до ночи продолжались убийства в тесных улицах, где нашли целые дома, наполненные трупами; ночью же пламя охватило и Сион. Сам Тит изумился твердости башен, которые без оружия достались ему в руки. «С помощью Божиею окончили мы войну, — сказал он, — ибо руки человеческие не в силах были бы вытеснить иудеев из таких укреплений».

Воины утомились от убийств, но еще много оставалось иудеев. Из них казнены были все, принимавшие участие в мятеже; красивые юноши оставлены были для триумфа; многих сослали в рудокопни египетские, многих обрекли для амфитеатра; 2500 иудеев пали на одном побоище в Кесарии, многие тысячи распроданы в неволю; от несметного числа их и обилия золота, найденного в Палестине, упала цена невольников и металла. По исчислению Иосифа до 100 000 пленных достались в руки римлян и более 1 000 000 погибли в осаде, ибо собравшиеся на Пасху со всех концов Иудеи заключены были в Иерусалиме, как в темнице.

Более 2000 трупов еще найдено было в подземельях, из коих вышли, наконец, вожди мятежников, сперва Иоанн и потом Симон, как некое привидение, восставшее из развалин, в белой одежде и пурпурной мантии; их сковали для триумфа. Уже более нечего было щадить в Иерусалиме; тогда Тит велел воинам своим разметать до самых оснований весь город и храм, сохранив только три башни: Конную, Фазаеля и Мариамны, для памяти минувшего великолепия и силы, одоленной храбростью римскою: воины так уравнили землю, что нельзя было даже подозревать существования города.

Вместе с отцом своим Веспасианом Тит торжествовал в Риме конечное одоление Иудеи, и казнены были вожди мятежников пред жертвоприношением. Златой подсвеч-

ник, священные сосуды храма, самые книги закона носимы были в торжестве по стогнам римским. Сосуды поставил Веспасиан во вновь устроенном им храме мира, а пурпурную завесу скинии и книги закона хранил в собственном дворце. Таков был печальный конец Св. Града, в коем некогда воссияла слава Божия, избранного самим Господом, дабы там пребывало имя Его, и который даже язычники называли именитейшим городом во всем Востоке. В 70 году по Р. Х. 7 Мая началась сия последняя губительная осада Иерусалима и окончилась совершенно 11 Сентября; храм же сгорел в субботу, 10 Августа, в самый день истребления первого храма Соломонова царем Вавилонским.

Взирая на сие страшное наказание целого народа, невольно вспомнишь опять предсказание Господа, когда плакал Он над Иерусалимом, нисходя с горы Елеонской, посреди вербного торжества своего, и восклицал: «О если бы и ты, хотя в сей день твой, узнал, что служит к миру твоему! но сие скрыто от очей твоих; ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя до основания, и избьют тебя и детей твоих посреди тебя, и не оставят в тебе камня на камне, за то что ты не уразумел времени посещения своего» (Лука, XX, 42—44). И когда один из учеников показывал Ему великолепное здание храма, говоря: «Учитель! посмотри, какие камни и какія здания!», Он отвечал: «Видишь сии великие здания? все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне» (Марк, XIII, 1, 2).

Церковь иерусалимская в три первые века

Епископы св. Симеон, Иуст, Иуда, Марк, Наркисс, Александр

После мученической смерти первого Епископа и по разорении Иерусалима, которое вскоре за нею последовало, оставшиеся еще в живых апостолы и ученики Господа, с родственниками его по плоти, собрались для избра-

ния преемника св. Иакову и, по общему согласию, признали достойнейшим Симеона, сына Клеопы, упоминаемого в Евангелии, двоюродного брата Спасителя. Таким образом престол Иерусалимский, на который сам Господь посвятил Иакова первым епископом во вселенной, по особенной важности своей, предоставлен был роду Давидову. Св. Златоуст в толковании своем на деяния Апостольские говорит, что верховные апостолы Петр, Иаков, Иоанн не спорили между собою, кому из них быть первым Епископом Иерусалима, но смиренно уступили сан сей брату Божию. Посему и гора Сион названа была матерью Церквей, а Евсевий свидетель ком забвении, что когда судья, спросивший одного из них: «отколе он родом?», услышал в ответ: «из Иерусалима», он стал жестоко пытаться его, чтобы дознаться, где находится сей город? Хотя не более двух дней пути от Кесарии до Иерусалима, однако языческое имя Элии Адриановой привело в забвение библейское. Мученик сей, по имени Илия, не желая осквернить священного названия языческим, продолжал среди истязаний восклицать только, «что город сей на востоке и есть отчизна праведных людей». Смущенный судья, полагая, что это какой-либо замок, который христиане хотели укрепить против римлян, напрасно требовал новых объяснений и велел наконец отсечь ему голову.

Жестокий правитель осудил на ту же казнь ученого Памфила, после двухлетнего заточения, и тех, которые исповедали вместе с ним веру свою на судилище. Мужественный раб Памфила, Порфирий, хотевший вскоре предать тело его погребению, сожжен был малым огнем с другим исповедником, Иулианом. Двух бросили зверям, и правитель Фирмилиан не пощадил собственного служителя, почтенного старостью Феодула, за то, что исповедал имя Христово; но и сам мучитель вскоре подвергся казни по приговору кесаря Максимиана. Друг Памфила, епископ Евсевий, сохранил потомству его подвиги и прочих мучеников. По-

сле всех пострадал престарелый епископ Газы, Сильван, знавший наизусть все святое Писание, и с ним обезглавили в один день 39 мучеников. Ими окончилось жестокое гонение, продолжавшееся в Палестине восемь лет, до 310 года. Тогда уже на кафедре Иерусалимской сиял своими добродетелями благочестивый епископ Макарий, которому суждено было видеть славное обновление св. мест.

Протекла трехвековая буря, которая десять раз принималась опустошать Церковь вселенскую, разражаясь мучениями во всех пределах мира. Константин Великий, руководимый небесным знамением креста, победил постепенно жестоких гонителей. От внешних ужасов отдохнула Церковь, исповедники ее воссияли на кафедрах святительских; вскоре, однако, опять спокойствие ее возмущено было бурею арианства, отвергавшего тот основной догмат, за который пролито было столько крови мучениками, — божественность Господа Иисуса Христа. Первый вселенский собор, созванный в Никее, обличил ересь Ариеву и сложил Символ веры во всеобщее единодушное исповедание Церкви; одним из 318 святых отцов сего знаменитого собрания, исполненного великих пастырей и исповедников, был Макарий Иерусалимский. Вскоре усердие Константина и благочестивое странствие его матери Елены ко св. местам совершенно изменило языческий вид Иерусалима в христианский, подобно как некогда Адрианово странствие обратило иудейский в языческий. Послушаем современника и очевидца Евсевия, епископа Кесарийского, который сам присутствовал на торжестве обновления Сиона.

Сооружение храма Св. Гроба и прочих святынь

Епископы Макарий и Максим

По окончании Никейского собора боголюбивый император предпринял в Палестине дело, достойное вечной памяти. Он почел священнейшим долгом благоустроить в

Иерусалиме место воскресения Господа нашего, драгоценное для всех человеков, и немедленно повелел соорудить на оном великолепный храм, не без Божьего внушения; сам Спаситель возбудил к тому его сердце: поскольку нечестивые люди, или, лучше сказать, весь сонм демонов руками нечестивых людей, покусились погрузить во мрак забвения это свидетельство нашего бессмертия, тот памятник, от коего некогда светлый Ангел отвалил камень, равно как и от души искавших между мертвыми живого Христа. Сиюто спасительную пещеру старались совершенно истребить из памяти нечестивые, безумно мечтая, что таким образом можно утаить истину, и с немалым трудом нанесенною землею засыпали вокруг все место. Возвысив несколько насыпь, они обложили ее камнем и таким образом укрыли вертеп, а к довершению устроили сверху Св. Гроба гробницу для душ, темное капище мертвых своих идолов, в честь сладострастного некоего демона, именуемого Венерою, где и приносили жертвы на нечестивых алтарях.

Ослепленные не разумели, что невозможно было победителю смерти потерпеть их преступное дело, как и солнцу, обтекающему поднебесную, укрыться от зрения. Сила же Спасителя нашего далеко превосходит изливание света, и не только просвещает тела, но, проникая в души, давно уже исполнила собою мир. Однако, несмотря на то, долго пребывало неприкосновенным дело нечестивых и не нашлось для его истребления никого между столькими властителями, кроме одного благочестивого императора, который не мог равнодушно перенести такого поругания святыни. По внушению Божью он полагал, что та часть земли, которая наиболее была опозорена, наипаче должна быть предметом его благочестивых забот о ее украшении, и посему повелел немедленно обрушить все созданное на ней к обольщению людей и самих идолов низвергнуть, отбросив как можно далее остатки нечестия. Но и тем не удовлетворилась его ревность; он велел глубоко окопать кругом все место, чтобы отнюдь не оставалось на нем земли, оскверненной требищами.

Тогда открылась первоначальная почва, т. е. святое место, бывшее внизу, и сверх всякого чаяния просиял самый священный памятник воскресения Господня; пещера, по истине могущая называться святою святых, явила собою нечто, подобное воскресению Спасителя нашего, когда внезапно опять произошла на свет из-под трехвекового мрака; она представила взорам народа, стекшегося на это утешительное зрелище, как бы самую повесть чудес, некогда в ней совершившихся; ибо громче всякого гласа свидетельствовала о воскресении Спасителя нашего. Обрадованный император определил, с великолепием истинно царским, обильные даяния для сооружения достойного храма вокруг спасительной пещеры и предписал начальникам областей Восточных не щадить для сего никаких издержек; епископу же Св. града послал грамоту, в коей излилась явственно его благочестивая вера:

«Константин, победитель, великий, Август — Макарию епископу Иерусалимскому.

Милость, оказанная нам Спасителем нашим, столь чрезвычайна и изумительна, что не достает слов для ее выражения. По истине, что может быть чуднее судеб Его промысла, по коим скрывал Он под землею, столь долгое время, памятник своих страданий, доколе не был побежден враг благочестия и не освободились верные служители. Мне кажется, если бы собрали всех мудрецов и риторов вселенной, не могли бы они сказать ничего, достойного сего чуда, ибо оно столько же превосходит всякое чаяние, сколько вечная мудрость свыше разума нашего. Посему вознамерился я возбудить все народы к принятию истинной веры и с ревностью, достойною дивных событий, которыми она утверждается со дня на день. Не сомневаюсь, что, как сие мое намерение уже всем известно, так и ты веришь, что одно из самых пламенных моих желаний — украсить великолепнейшими зданиями место, которое, будучи свято само по себе, освящено еще свидетельством страданий

Спасителя нашего и, по воле Божьей, освобождено было моим старанием от требища идольского. Поручаю опытности твоей принять нужные меры, дабы здание сие величием и красотою превзошло все, что только есть великого и славного в мире. Я повелел любезному нам Дракилияну, наместнику епарха и правителю области, употребить, по твоему указанию, лучших художников для сооружения стен. Извести меня, какие желаешь их иметь мраморы и колонны; я бы хотел знать твое мнение: должно ли святилище сие иметь потолки? ибо в таком случае можно бы их позолотить. Уведомь скорее назначенных мною сановников о числе строителей и нужном количестве денег, о мраморах, колоннах и богатейших, какие только можно, украшениях, дабы я мог скорее о том быть извещен. Господь да сохранит тебя, возлюбленный брат».

Блаженная Елена, мать императора, отнесла письмо сие в Палестину. Она возбудила в нем свет истиной веры и укрепляла его примером своих добродетелей. Восьмидесятилетний возраст не воспрепятствовал ей предпринять дальнего пути. Проходя области восточные, ознаменовала она странствие свое необычайными милостями ко всем к ней прибегавшим, деньгами и одеждами наделая убогих, открывая темницы, возвращая из заточения и рудокопей, ибо такую власть даровал ей, с титулом Августы, благоговевший пред нею сын. В самой Палестине обнаружилось еще более благочестие души ее почестями, какие воздала девам, посвященным на служение Богу: созвав их в свои палаты, она сама рабски им служила, возливая им воду и предлагая яства во время трапезы. Столь глубоко была проникнута царица чувством истинного смирения; в ее присутствии совершались работы около святого вертепа.

Но ревностной царице желательно было обрести животворящее древо честного креста, на коем распят был Господь славы, ибо Голгофа завалена была землею, подобно как и Св. Гроб; она сокрушалась духом о сей утрате. Богу

угодно было указать, в сонном видении некоторым из благочестивых мужей, самое место, где находился крест. Предание говорит также, что один из евреев, по имени Иуда, уже преклонный годами, сохранял письменное свидетельство отцов своих о том, где обреталась святыня христианская, и угрозами вынужден был открыть ее. (Еще другое предание дополняет, что сам он, обращенный к вере, зрением чудес, сделался впоследствии епископом Иерусалимским, под именем Кириака, но его нет в списке патриархов Св. Града.) После многих трудов обреты были в недрах земли, с северо-восточной стороны Голгофы, три креста и начертание на трех языках: еврейском, греческом и римском; но нельзя было распознать, который из сих трех крестов послужил орудием смерти Спасителю нашему, ибо воины небрежно бросили их с Голгофы и начертание отпало с древа. Надлежало опять Промыслу Божью указать Животворящий Крест Господень, и епископ Макарий успокоил смятенное сердце царицы, верою испросив знамение.

В Иерусалиме лежала на одре смертном одна именитая жена; святитель велел принести к болящей три креста и, преклонив колена со всем народом, так помолился: «Ты, Господи, единородным Сыном Твоим даровавший спасение роду человеческому чрез крестное Его страдание и в новейшие времена вложивший в сердце рабы Твоей искать сие блаженное древо, на коем висело спасение наше, Сам явственно укажи ныне, который из сих трех крестов послужил ко славе Господней и которые из них только для рабской казни? даруй, дабы сия полумертвая жена одним прикосновением к спасительному древу внезапно возвратилась от врат смертных к жизни!» Произнеся сию молитву, Макарий приложил к болящей сперва один крест, а потом другой, и не было от них никакого действия; но едва прикоснувшись к ней третий, болящая внезапно открыла глаза и, встав с одра, укрепилась в силах своих более, нежели в прежнем состоянии здоровья, и, бегая по всему дому, громко про-

славляла силу Божию. Некоторые говорят еще, что и мертвый воскрес от прикосновения животворящего древа.

Историки, Сократ, Созолиел, Феодорит и Руфил, свидетельствуют повесть сию как слышанную ими от людей достоверных и записанную для благочестивого предания потомству. Св. Елена оставила большую часть Честного Древа епископу Макарию, заключив ее в серебряный ковчег, для хранения в новом храме, дабы все верные могли поклоняться святыне; отселе получил начало благочестивый обряд воздвижения Честного Креста, ибо блаженный Макарий, стоя на возвышенном месте, воздвигал оный пред всем народом; другую часть креста царица послала к сыну своему, вместе с обретенными гвоздями, из которых один он вделал в шлем свой для охранения царственной главы.

Вместе с епископом Макарием ревностно приступила царица к исполнению воли сыновней, и над самым памятником смерти Господней возник новый Иерусалим, славнее древнего, который после убиения Господня подвергся крайнему запустению за грехи народа. Около сего новозаветного святилища, бывшего вне стен древнего Иерусалима, быстро образовался новый город, и тогда оставлено было языческое имя Элии Капитолины, данное Адрианом. Император воздвиг трофеи победы, одержанной Спасителем нашим над смертью, говорит Евсевий, и сей-то храм быть может тем новым Иерусалимом, о котором провещали пророки и столько писали в божественных своих книгах движимые Духом Святым.

Прежде и выше всего украшена была священная пещера: лучшим мрамором и великолепнейшими колоннами как венец всего здания и божественное свидетельство того обновления, которое возвестил некогда миру, у дверей ее, небесным светом воссиявший Ангел. Из внутренности сей пещеры выходили под открытое небо, на весьма обширное место, помост коего устлан был светлым камнем, а с трех сторон возвышались длинные галереи; напротив входа пещеры, об-

ращенного к востоку солнца, была соборная церковь. Внутренность ее убрана была разноцветным мрамором.

Царица велела обложить памятник воскресения снаружи мрамором, чтобы он казался как бы построенным внутри стен внешнего храма. Поелику же она повесила внутри Св. Гроба лампы, то вверху пещеры, иссеченной из одного цельного камня, просверлила камень в разных местах для исхода дыма. Вокруг пещеры на площади построен был храм Воскресения Христова и новый, предсказанный Пророками, Иерусалим, и зодчим его, по сказанию Феофана, был некто по имени Евфимий.

Все сие сходно с местностью и с Евсевием, но вот где начинается разность: святая пещера стоит теперь внутри храма, под куполом, который, однако, не совсем сведен и открыт сверху; Евсевий же прямо свидетельствует, что пещера воскресения стояла совершенно под открытым небом, на площадке, окруженная только с трех сторон галереями. Быть может, не посему ли император Константин, прежде построения храма, спрашивал в письме своем у епископа Макария: надобно ли и какого рода делать потолки? если только это относилось не к самой соборной церкви, а к зданию около пещеры Св. Гроба. Вероятно, судили тогда неприличным, чтобы памятник Воскресения, только что открывшийся миру, был опять закрыт, хотя и сводами храма, и воспоминание сего сохранилось доньше в отверстии купола над пещерою.

Главная соборная церковь и теперь находится к востоку против входа в пещеру Гроба, и полукружие ее алтаря доселе сходно с описанием Евсевия; но тогда она составляла особенное здание, примыкавшее только к галереям, которые окружали вертеп Гроба, и в нее входили тремя воротами с площадки, бывшей около вертепа. Теперь портик сей уничтожен и заменен так называемою царскою аркою; ибо хотя и доселе два разные купола над церковью и вертепом, но они составляют нераздельный храм. Двухъярус-

ные галереи, по обеим сторонам соборной церкви, и теперь отчасти существуют, ибо кругом ее идет галерея с малыми приделами, а с правой стороны возвышается двухъярусная Голгофа; но, из описания Евсевия, видна совершенная правильность здания, которого теперь вовсе нет, ибо с севера и востока прилегают бывший дом патриархов и монастырь Абиссинский, а с полудня к Голгофе — монастырь Авраама. Но что весьма удивительно, Евсевий ни слова не упоминает о Голгофской церкви, ни о подземной — обречения Креста — при описании храма, хотя и говорит о них как об отдельных церквях в похвальном слове Константину, исчисляя устроенные им в Палестине святилища. Быть может, описывая только красоту здания вообще, он не коснулся отдельных частей и под именем двухъярусного притвора разумел и Голгофу, или в то время еще не было на ней сооружено особенной церкви, и сия часть здания окончена после. Быть может еще и то, что св. Голгофа была всегда отдельною церковью и только впоследствии, при крестоносцах, включена в общее святилище, как о том пишет Вильгельм, архиепископ Тирский.

Есть еще одно не совсем разгаданное место у Евсевия: это главный вход. Описав собор, он просто говорит, что идущим к его выходам встречалось открытое место, и это можно отнести к площади около Св. Гроба, хотя он упоминает еще потом о первом дворе с галереями. Судя по сему описанию, можно бы предполагать, что пред площадью, бывшею около Св. Гроба, находилась еще другая, вроде внешнего двора с западной стороны, т. е. прямо против Св. Гроба и лежащего за ним собора; но сего, кажется, не позволяла местность, ибо патриарх Досифей ясно говорит, что храм имеет к западу одну только стену, потому что с той стороны находится гора, и сие совершенно справедливо, так как в ней и доселе показывают гробы Иосифа и Никодима, иссеченные в скале. Главные и единственные ворота находятся и теперь с южной стороны, а на малой площадке, пред ними лежащей,

видны остатки столбов, и точно с сей стороны могла находиться торговая площадь, о коей упоминает Евсевий. А как он не говорит, чтобы главный вход был прямо с запада, и нет причины предполагать, чтобы его изменили впоследствии, то весьма справедливо можно заключить, что и во времена Евсевия вход сей, по расположению местности, находился, как теперь, с полуденной стороны.

Благочестивая царица не могла видеть окончание заложенного ею храма; она украсила только пещеру Св. Гроба и соорудила два других храма: один над тою пещерою, где родился Эммануил (с нами сущий Бог), другой же на той горе, отколе вознесся на небо к пославшему Его Отцу; ибо Господь, нашего ради спасения, благоволил явиться миру в Вифлееме, и сию священную пещеру украсила, со всевозможным великолепием, Елена, а немного спустя император почтил ее царственными дарами, золотыми и серебряными сосудами и драгоценными тканями, не уступая в щедрости своей боголюбивой матери. Она же, в память вознесения Спасителя нашего, воздвигла величественные здания на самой вершине горы Масличной, вместе с церковью. Правдивое предание свидетельствует, что близ сего места находится та священная пещера, в которой Спаситель наставлял учеников своих тайнам царствия небесного, и благочестивый император также почтил в ней Царя многими дарами. (Здесь нельзя опять угадать, о какой пещере говорит Евсевий: о той ли, которая в полугоре, или о Гефсиманской у ее подошвы?) Сии два великолепные памятника над двумя святыми пещерами, в бессмертную славу своего имени и в залог пламенной любви к общему всех Спасителю, оставила по себе царица, и немного спустя, по счастливом возвращении в объятия своего семейства, достигнув крайнего предела старости, хотя и в совершенном здравии тела и духа, перешла она от временной жизни к вечной. Позднейший историк Никифор приписывает еще царице строение многих других церквей в Палестине, как-то: в Гефсимании и Вифлее-

ме, и на том поле, где пастыри слышали пение Ангелов, словословивших новорожденного младенца, на Иордане, одну в честь Предтечи около его пещеры, а другую в честь Илии Пророка; в Тивериаде, во имя Апостолов, также и в Капернауме на Фаворе, и на Сионе, где была Тайная Вечеря.

По примеру благочестивой Елены и мать императрицы Фаветы, Евтропия, родом из Сирии, посетила святые места и писала к императору о виденном ею нечестии при дубе Мамврийском, где некогда Авраам оказал гостеприимство трем Ангелам. Место сие, на расстоянии десяти часов хода от Иерусалима, называлось также Теревинфом, по древнему там находившемуся дереву, при коем ежегодно совершались торжества идольские и стекались на торжище купцы Финикийские и Аравийские, ибо оно было в глубоком уважении христиан, евреев и язычников ради памяти патриарха и Ангелов. Самые язычники приносили им жертву, почитая их за богов, и, по древнему преданию, сохранили себя в совершенной чистоте во все время празднества, опасаясь гнева за нарушение святости места; но, по причине возлияний идольских, христиане не могли черпать из колодезя Авраамова. Император, известясь о том, немедленно написал грамоту Макарию и другим епископам Палестины, кротко упрекая их, что доселе терпит такое поругание святыни. Он сообщил им, что уже предписал правителю области, Акакию, сокрушить алтарь, сжечь идолов и строго наказывать тех, которые, вопреки сего повеления, дерзнут еще осквернять место, на котором велел соорудить церковь; епископов же просил только извещать его о беспорядках, если где какие произойдут. Во исполнение воли императора воздвигнута была великолепная церковь у дуба Мамврийского, над двойною пещерою Хевронскою, где погребены патриархи Авраам, Исаак и Иаков.

Император велел соорудить и другие церкви, в разных местах Палестины, ознаменованных событиями евангельскими. Совершителем благочестивой воли его был нек-

то Иосиф, родом из евреев Тивериадских, возведенный им в достоинство комита и, по дивному промыслу, обращенный к свету Христову Патриарх иудейский Гиллел, потомок знаменитого Гамалиила, чувствуя приближение своей кончины, призвал, в качестве врача, соседнего епископа христианского и, под предлогом бани, принял от него в купели св. крещение. Он оставил по себе преемником малолетнего сына, под опекою Иосифа, который втайне видел крещение патриарха и еще более убедился в истине, когда, отважившись проникнуть в его сокровищницу, нашел в ней, вместо золота, Евангелие и другие священные книги. Сам Господь явился ему в сонном видении и сказал: «Я Иисус, которого распяли отцы твои, веруй в меня». Многие болезни посетили его с такими же таинственными видениями; но еще долго не смягчалось сердце Иосифа, даже когда и сам он, по небесному внушению, исцелил знамением крестным одного беснуемого. Наконец жестокие гонения со стороны единоплеменников обратили его к Богу истинному, и он, приняв крещение, явился ко двору императора Константина. Там испросил себе позволение строить церкви в селениях иудейских и первую соорудил в своем отечестве Тивериаде на том месте, где исцелил Спаситель тещу Петрову.

Любопытно заглянуть в путевые записки современно-го поклонника западного, из Бурдигалии, который посетил св. места в 333 году, чтобы видеть, в каком виде он их застал: «Когда идешь от Сиона к вратам Неапольским, с правой стороны в долине есть арка, где был дом, или преторий, Понтия Пилата и где предстал на судилище Господь прежде своей страсти; с левой же стороны холм Голгофы, на коем распят был Господь: оттоле как бы на вержение камня есть пещера, где положено было тело его и в третий день воскресло. Там, по повелению императора Константина, сооружен храм чрезвычайной красоты, имеющий по сторонам водохранилища, отколе почерпается вода, а позади — купели, где омывают детей. Идущим также, от Иеру-

салима к вратам восточным, чтобы подняться на гору Елеонскую, представляется долина, именуемая Иосафатовою, где по левую сторону есть виноградники: там Иуда предал Христа; с правой же стороны пальмовое дерево, с которого дети срывали ветви, чтобы подстилать их грядущему Христу. Потом восходишь на гору Елеонскую, где Господьставлял своих Апостолов, прежде страдания, и там сооружена церковь повелением Константина. Далее к востоку село, именуемое Вифания, и пещера, где положен был Лазарь, воскрешенный Господом». Путешественник говорит еще о Вифлееме и Хевроне, где по приказанию императора сооружены также великолепные храмы, сходно с показанием Евсевия.

Уже окончено было великолепное святилище Воскресения Христова в Иерусалиме, но первого его строителя не было в живых. Другой исповедник, Максим, посвященный Макарием в епископа Лидды, был удержан народом на его кафедре. Он ходил вместе с прочими епископами в Тир, для суждения великого Афанасия Александрийского, которого оклеветали ариане, и там еще однажды исповедал правую веру свою пред лицом всего собора. Св. Пафнутий, епископ Фиваидский, друг Афанасиев, увидев блаженного Максима, взял его за руку и сказал: «Так как ты носишь одинаковые со мною знаки, и каждый из нас потерял по одному глазу за Господа Иисуса Христа, то я не могу видеть тебя сидящим в этом собрании». Он вывел его с собою и, открыв ему все козни против великого Афанасия, побудил возвратиться в Иерусалим.

Между тем император, достигнув тридцатилетней эпохи своего царствования, почел время сие самым приличным для возблагодарения Царя всех за все оказанные ему милости освящением созданного им храма. Грамотою царскою повелел он собору, бывшему в Тире, немедленно идти в Иерусалим, и место сие внезапно исполнилось собранием епископов всея вселенной: ибо и македоняне посла-

ли туда своего предстоятеля, и жители Мидии и Паннонии, недавно обращенные к Богу, лучший цвет своего племени. Присутствовал там и украшение епископов пэрских Иаков, муж святой, опытный в божественных писаниях. Из Вифинии и Фракии епископы почтили своим лицом собрание; там были и святители Киликии и Каппадокии, славные ученостью и красноречием. Вся Сирия, Месопотамия, Финикия и Палестина, весь Египет, Аравия и Фиваида, сошедшись воедино, составили один священный лик. За ними последовало бесчисленное множество народа из всех областей, и все они угощались на счет казны царской, ибо нарочно присланы были из палат императора мужи почетные для их приема. Над ними начальствовал сановник, близкий к царю, именитый верою и учением, который во времена гонений много раз был исповедником и вполне заслуживал такое назначение. Он с щедростью истинно царского принимал многочисленных епископов, убогим же из народа раздавал милостыню, пищу и одежды, а самую церковь украсил неоцененными дарами. Служители Божьи провождали дни торжественные частью в молитве, частью в проповеди Слова Евангельского; некоторые восхваляли благодарность императора к общему всех Спасителю и величие храма; другие усаждали слушателей духовною трапезою догматов богословия; иные толковали тексты Святого Писания и проясняли глубокий смысл таинств. Кто же не в состоянии был проповедовать, тот бескровными жертвами умолял Бога о мире всего мира и благосостоянии святых Божьих церквей и о благочестивом императоре. Так, по описанию Евсевия, совершилось обновление храма Иерусалимского в 13 день Сентября 335 года; оно продолжалось восемь дней, как некогда обновление Соломонова, и с сего времени Церковь не престает праздновать день сей накануне воздвижения Честного Креста. Патриарх Иерусалимский Досифей пишет, что поклонение Св. Кресту приносили и во дни Пасхи, по случаю явления особенного света на

гробе Христовом, и что такое же поклонение бывало ради многочисленного собрания верных, в третье воскресение Великого поста. Он же, в своей истории, вероятно, по местному преданию, говорит, что великий Афанасий, убежав из Тира, прежде нежели явился императору в Константинополе, посетил втайне Иерусалим, и по провидению Божью, сделал обновление Св. Гроба, вместе с епископом Максимом, чтобы он не был обновлен арианами. Но хотя Арий и принят был в общение, на соборе Иерусалимском, однако большая часть епископов не разделяли его мнений, а только были обмануты его мнимою покорностью догматам Церкви. Четырнадцать лет спустя Максим Иерусалимский имел утешение принять в Св. Граде великого исповедника Афанасия, со славой возвратившегося из своего долгого изгнания; все епископы Палестины, числом до шестнадцати, кроме двух закоснелых в арианстве, Акакия Кесарийского и Патрофила Скифопольского, собрались в Иерусалим для свидания с защитником православия и написали соборно поздравительную грамоту епископам Египетским о радостном возвращении их Архипастыря:

«Святой собор, соединившийся в Иерусалим, пресвитерам и диаконам, и верным Египта, Ливии и Александрии, нашим возлюбленным братьям во Христе радоваться.

Никогда же возможем мы, возлюбленные братья, воздать Богу, Творцу и блюстителю всех тварей, должные хвалы за дивные дела Его во всякое время и наипаче ныне за те, какие оказал вашей Церкви, возвратив ей пастыря вашего Афанасия, сослужителя нашего смирения. Кто когда-либо надеялся на такую милость? Но Господь сжалился над вашею Церковью, исполнил молитвы ваши, внял плачу и воздыханиям. Вы были как овцы заблудшие и рассеянные, не имевшие пастыря; но истинный Пастырь, пекущийся о стаде Своем, воззрел на вас с высоты и дал вам того, кого пожелали. Мы же, ищущие только мира церковного и вполне единомысленные с вами для его сохранения, мы прияли его от всего сердца и просили доставить вам письмо сие, в

коем изъявляем радость о его возвращении, дабы вы знали, что мы находимся с ним в общении. Праведно вам вознести молитвы к Богу о благочестивых императорах, которые, признав его невинность и желание ваше паки иметь Афанасия, возвратили его вам с такою для него почестью; и так примите его с радостью и воздайте хвалу Богу, чрез Иисуса Христа Господа нашего, им же слава Отцу во все веки».

Разорение Иерусалима персами

Император Ираклий — патриархи Захарий и Модест

Протекали последние годы шестого столетия и первые седьмого, ознаменованного столькими бедствиями для Иерусалима. Патриархи его, святительствовавшие в сие время, известны нам более по имени, нежели по деяниям, и даже есть о них разногласия в историках. Зонар говорит, что патриарху Макарию, после второго четырехлетнего правления, наследовал Исаакий, игумен цареградской обители Неусыпаемых и, содержа кафедру двадцать восемь лет, передал ее Амосу; но летописец Никифор называет вместо Исаакия Иоанна, а писатель церковный Евагрий ставит патриарха Амоса между Иоанном и Исаакием, которого называют иногда Исихием. Избрание патриарха Амоса, после Иоанна, одобрено было настоятелями монастырей палестинских, и все они собрались к нему, чтобы воздать должную честь, хотя Амос отклонял со смирением высокую степень, называя ее тяжким бременем, едва удобоносимым для небесных сил. Один только Афанасий, игумен новой лавры, несколько времени не покорялся избранному патриарху, и ему писал папа Римский св. Григорий Великий, дабы он примирился с своим владыкою. Исихию, волею оставившему престол свой, наследовал в 610 году патриарх Захария, избранный из пресвитеров церкви Константинопольской, и он был свидетелем разорения Иерусалимского.

Гражданские перевороты империи Греческой навлекли бедствия и Св. Граду. После славного долголетнего правления Юстинианова и двух его преемников, Юстина и Тиберия, лучшего из императоров Восточных, Маврикий, зять его, еще продолжил некоторое время внешнее благоденствие; но мятежник Фока овладел престолом, умертвил его детей, и начались бедствия. Хозрой, царь Персидский, под предлогом мести за смерть благодетеля своего Маврикия, который призрел его юность, но более из честолюбия, дабы исполнить обширные замыслы великого деда своего Нуширвана, выступил с сильными войсками на империю, и в течение пяти лет постепенно завоевал все ее восточные пределы; бежали пред ним военачальники малодушного Фоки.

Евреи палестинские, возбужденные надеждою возобладать землею своих предков, предложили помощь свою Хозрою; в числе 26 000 присоединились они к войскам персидским и ознаменовали себя повсюду жестокостью против христиан: в Антиохии умертвили они патриарха Анастасия. Сорок тысяч евреев, из пределов Тира, Тивериады, Дамаска и даже Кипра, соединились осадить Тир и разорили его окрестности; но на Иерусалим особенно излилась вся их жестокость; там упились они кровью христианскою, когда военачальник персов, Харузий, овладел Св. Градом; это бедствие случилось в июне 614 года. Погибли многие тысячи клириков, иноков и инокинь под мечом персов; опустошены и сожжены были церкви и самый храм Св. Гроба; расхищены все священные сосуды, взято даже и Честное Древо Креста Господня. Некто патрикий Никита, по знакомству с военачальником персов, мог только спасти копье, пронзившее ребра Спасителя, и губку, напоенную желчью, которую поднесли Ему воины на кресте, и отослал святыню сию в Царьград. Патриарх Захария уведен был в плен с многочисленным народом, за Иордан и Евфрат, как некогда во дни пленения Вавилонского при Навуходоносо-ре. Число всех погибших простиралось до девяноста тысяч.

Подобного бедствия не испытывал Иерусалим со времени разорения римского.

Персы опустошили, в одно время с Голгофою и Св. Гробом, великолепный храм Вознесения, сооруженный некогда царицею Еленою, на горе Елеонской, который с тех пор, по свидетельству патриарха Досифея, никогда уже не возникал в таком виде из своих развалин. Они истребили окрестные монастыри не только около Св. Града, но и в Галилее и Самарии и на Иордане. За восемь дней до разорения Иерусалимского отряд варваров напал на великую лавру св. Саввы и наполнил ее смертоубийствами. При первой вести о их приближении большая часть иноков разбежалась; а те из них, которые долгим подвигом иночества привыкли предпочитать временной жизни вечную, не хотели оставить своих келий и там решились перенести с терпением все, что готовила им ярость варваров; персы, проникнув без всякого сопротивления в укрепленную лавру, сперва ограбили церковь, потом же рассеялись по кельям, требуя от старцев сокровенных, по их мнению, сокровищ, и в течение нескольких дней жестоким мукам подвергали они мужественных страдальцев; и наконец, видя тщету своих надежд, рассекали их на части. Стефан Савваит, рассказывая о их святой кончине, свидетельствует, что всем им отсекали головы на одном камне, и камень сей доселе показывают в лавре. Современный же описатель их страданий, Антиох, инок той лавры, в послании своем к Евстафию и игумену Галатийскому, оплакивая участь Св. Града и избивенных братьев, так о них отзываясь:

«Ты спрашиваешь меня о святых отцах нашей лавры, недавно избивенных, о их жизни и подвигах; но язык мой не может выразить сего, как должно. Одно только скажу: не знаю, Ангелами ли их должно назвать или человеками? От самой юности взяли они на рамена свои сладкое иго Господне, перенося мучительный зной одинокой жизни. Многие из них исполнены были святых дел, смиренны, кротки,

достоуважаемы, благочестивы, чужды всякого зла, украшены всеми добродетелями, сосуды даров Божьих. Некоторые имели более ста лет и всю жизнь провели в лавре, никогда не выходя из нее и даже не оставляя своих келий, разве только для церкви по субботам и воскресениям, днем и ночью размышляя о страшном таинстве смерти: это были небесные человеки и земные Ангелы, и за сие они, достоуважаемые отцы и братия наши, наследовали венец победы!»

По удалении персов возвратились рассеявшиеся иноки лавры, в числе коих был и Антиох. Один из них, по имени Никодим, увидев разорение обители и трупы братии, упал, как мертвый, от изнеможения душевного. Знаменитый архимандрит обители Феодосиев, Модест, собрал рассеянные остатки избитых, облобызал их с любовью и, оросив благочестивыми слезами, положил в усыпальницу братии. Сорок четыре черепа святых мучеников, хранящиеся отдельно в пещерной церкви лавры, донныне свидетельствуют об их подвиге. Утешая оставшихся, Савва Модест напомнил им слова пророка Исаии: «Мужи праведные возьмются и никто не разумеет сего в сердце своем, ибо от лица неправды взялся праведный, и с миром будет погребение его». Он произнес и премудрые слова Соломоновы о участи праведных, «которых души в руках Божьих и они суть в мире; ибо хотя пред лицом человеков и принимают муку, но упование их исполнено бессмертия, и, немного будучи наказаны, много будут благодетельствованы, поелику Бог искусил их и нашел их достойными себя». Воздав им таким образом последний долг любви христианской, авва Модест убеждал братию не оставлять более лавры и мужественно претерпевать в ней всякое искушение Христа ради, памятуя слова Его, «что узки врата царствия небесного и путь к нему ведущий», также и слова апостольские, что «многими скорбями должно достигать оного».

Иноки последовали его совету, и хотя два месяца спустя, при слухе о новом нашествии варваров, временно удали-

лись в соседний монастырь Анастасиев, однако опять возвратились в лавру и уже более ее не покидали, руководимые своим архимандритом Фомою, который поистине был дан им в сию горькую годину как некий божественный дар, ибо он чрезвычайным благочестием, бдительностью и любовью назидал и укреплял малодушных.

Благочестивый Антиох, сохранивший нам подвиги архимандритов Модеста и Фомы, равно как и мученичества иноков лавры, в своих пандектах (состоящих из 130 глав разного содержания) сам говорит, что он написал их для душевной пользы братии, повсюду рассеявшихся от страха персов: «Как полагал я хлеб в сумы скитальцев, так раздавал им и духовный хлеб учения, чтобы души их не умирали от голода слова Божья; поелику же не мог сам посещать святые обители, то почел полезным составить для них хотя некое краткое поучение, которое было бы в общем употреблении у всех и могло им сопутствовать повсюду». Антиох оплакивает в своих духовных беседах и разорение Иерусалима: «Пролием горячие слезы, ибо Св. Град Божий сожжен, Честный Крест Господень похищен и толикое число святых побито и отведено в плен; посему, согласно с изречениями пророка Иоиля, восплачем посреди степеней жертвенника и воскликнем к Господу: пощади, пощади людей Твоих и не дай достояния твоего в поругание, да не обладают им язычники и не рекут между собою, где есть Бог их?» Он приводил во свидетельство и пророчество Исаии о осквернении Св. Града за нечестие дочери Иерусалимской, и сам сознается, что все сии бедствия случились по грехам народа христианского.

Патриарх Досифей пишет, однако, в книге своей, что хотя иудеи, радуясь победе персов, полагали, что погибнет и самое имя христиан, ибо честное древо креста досталось в руки варваров, но они устыдились, когда опять вознесен был рог благочестивых. Сам Хозрой с честью охранял торжественное оружие креста и даже не смел вынуть его из за-

печатанного ковчега, в коем оставался неприкосновенным до дня возвращения в Иерусалим. Подобно как филистимляне, когда взяли кивот завета, поражены были от Господа, так и персы, похитив победоносное оружие Бога нашего, сами на себя восстали и говорили друг другу: «Пришел к нам Бог христианский; что будет с нами, когда теперь у нас чудодейственный скипетр живого Бога!» Посему описатель жизни св. мученика Анастасия-персиянина, Симеон, говорит, что когда знамение спасения нашего, разрешившее узы смерти и отъявшее силу греха, унесено было в Персию, то оно там обуздало нечестие и ослабило поклонение огню и, будучи само по видимому в плену, пленило души персов: поелику просветило сидящих в стране и сени смертной и возжгло в них тот внутренний огонь, который пришел возрещи на земле Спаситель и которым, в Ветхом завете, знаменован был видимым неугасимым огнем на жертвеннике.

Когда Иерусалимский патриарх Захария отведен был в плен, с частью граждан, и никого не оставалось для управления осиротевшею Церковью, избран был ее блюстителем Модест, архимандрит обители Феодосия Киновиарха, один из величайших мужей, каких даровал Господь обетованной земле; потомство назвало его вторым Веселеилом, строителем скинии, и Зоровавелем, обновившим Иерусалим; ибо он восстановил опять из развалин сожженное здание Св. Гроба, и церковь Голгофы, и самый Вифлеем, не опасаясь гонения иудеев, ни скитавшихся в Палестине персов. Мужественный император Ираклий, вооружившийся из Египта против нечестивого тирана Фоки и венчанный в Царьграде на его место, способствовал, своими сокровищами, благочестивому Модесту и вел переговоры с персами, но еще, обуреваемый другими войнами, не мог исхитить оружием Св. Града из-под их владычества в первые годы своего правления. Нашелся и другой великий помощник блюстителю Модесту — св. Иоанн милостивый, патриарх Александрийский, который, оплакав сперва, подобно пророку

Иеремии, бедствия Св. Града, принял с отверстыми объятиями всех беглецов палестинских в Александрию, утешал плачущих, врачевал болящих и употреблял сокровища церковные на пропитание не имевших крова и на обновление разоренных святилищ. Он послал Модесту тысячу золотых и тысячу пудов железа, тысячу кулей пшеницы, столько же овец, тысячу мер сухой рыбы и столько же мехов вина и тысячу работников египетских с смиренною грамотою, в коей просил извинения, что не посылает ничего достойного храмов Господа Иисуса Христа: ибо и сам пламенно желал бы прийти трудиться, как простой каменщик, при сооружении храма Св. Воскресения, матери всех церквей. Писатель духовного луга Иоанн Мосх и будущий преемник Модеста Софроний находились тогда в Александрии при милостивом святителе и разделяли его заботы о бедствующим согражданах палестинских.

Благочестивый инок Антиох, сохранивший нам подвиги Модеста, говорит и о другом именитом настоятеле, Юстине, монастыря Анастасиева, лежавшего на расстоянии пути одного часа от Св. Града. Временно призрев у себя монашествующих великой лавры, из коей и сам происходил, Юстин строго соблюдал чин св. Саввы в собственной обители и в духе сего великого аввы управлял ею посреди обуревавших бед, так что мало-помалу собралось около него великое число иноков. Одним из учеников его был славный мученик персидский, запечатлевший своими страданиями исповедание имени Христова.

Анастасий был родом из Персии и научен волхвованию от языческих родителей. Когда Честное Древо креста принесено было Хозроем, юноше языческому любопытно было знать, почему оказывают оному такое уважение христиане? То, что услышал о их вере, побудило его обратиться к истине, и, оставив броню воинскую, удалился он сперва в Иераполь; там принял его с любовью один из верных и, частоводя по церквам, объяснял иконы, их украшавшие.

Особенно занимали Анастасия изображения подвигов мученических, и это было предзнаменованием, что сам некогда удостоится венца мученического. Потом пришел он в Иерусалим; представленный архимандриту Модесту, принял во святом крещении имя Анастасия и, желая совершенно оставить мир, постригся в обители Юстина; но и там из всех духовных чтений наипаче привлекало его описание мученических подвигов. Господь открыл ему и его игумену, в сновидении, предстоявшее мучение, и еще более укрепленный в пламенном желании пострадать за Христа, он причастился Св. Таин и, с благословения своего настоятеля, пошел в Кесарию, бывшую тогда в руках персов. Там схватили его воины, как соглядатая, и привели к правителю области, Марзавану, который, спросив его о вере и осыпав поруганиями и ударами, бросил в темницу. Анастасий, твердо исповедуя Христа, просил только своих мучителей снять с него рясу иноческую прежде ударов, чтобы не обесчестить сию одежду его славы. Днем и ночью молился он в темнице, остерегаясь нарушить покой того узника, с которым был вместе скован; и настоятель Юстин со всею братиею молились также, чтобы Господь дал ему силу довершить начатый подвиг; небесные видения утешали его в темнице. Между тем правитель спрашивал у царя Хозроя, что делать с пленником? Царь позволил отпустить его, если только в присутствии двух свидетелей скажет, что он не христианин. Анастасий с ужасом отверг такое предложение; тогда правитель решил отправить его в Персию, на суд царя; но так как в течение сего времени случился праздник обновления храма Иерусалимского, он позволил узнику идти отслушать литургию в одной из церквей Кесарийских в сопровождении двух иноков, присланных к нему от игумена Юстина, и его присутствие утешило христиан, возбудив упавший дух многих. Один из иноков сопровождал Анастасия и в Персию, чтобы потом известить о нем своего игумена.

Царь Хозрой послал сановника своего испытать веру исповедника; но Анастасий не хотел даже и отвечать ему по-персидски и отверг все предложения почестей и богатств. В течение нескольких дней терзали его жесточайшими муками, раздавили обе ноги под тяжелою доскою, вешали за руку, привязав камень к одной ноге; все напрасно: мученик остался непоколебим. Верные навещали его в темнице, по дозволению стража, который был также из тайных христиан. Наконец царь повелел умертвить его с семьюдесятью другими пленниками. Их удавили одного за другим пред его глазами и в последний раз предлагали ему жизнь за отречение от христианства; он же отвечал сановникам царским: «Я думал, что вы рассечете меня на части ради Иисуса Христа; но если угрожаете мне только такую смертью, то благодарю Господа, что столь легким путем приобщает меня к славе своих мучеников». Голову его отсекли и послали Хозрою; но еще накануне он предсказал смерть свою христианам, говоря: «Знайте, что я завтра умру по милости Божьей, вы же, братия, освободитесь чрез немного дней, ибо убиен будет нечестивый царь». Скоро исполнилось его предсказание; тело мученика Анастасия выкуплено было последовавшим за ним иноком и положено в пустынной обители Сергиевой, а потом в собственном его монастыре.

Император Ираклий решился наконец деятельно противоборствовать Хозрою, которого оружие распространилось уже на юге до Египта, Ливии и Эфиопии, а к северу даже до Халкидона, предместья столицы, осажденной военачальником персидским Саином. Ираклий хотел сперва преклонить его мирными словами, и Саин подал ему благую надежду; но честолюбивый Хозрой отверг дружелюбную грамоту Ираклия, умертвил самого Саина и надменно объявил посланникам царским, что не пощадит римлян, доколе не отрекутся от распятого Христа и не поклонятся солнцу. Тогда Ираклий, заключив мир с каганом Скифским, по недостатку денег взял для священной войны имущество

ва церковные и даже серебряные подсвечники св. Софии и, отпраздновав Пасху, предстал лично своим дружинам. Он взял с собою и нерукотворный образ Спасителя и поклонялся пред ним, что будет сражаться до смерти, после же клятва со слезами произнес слова сии: «Вы видите, братия мои и дети, что враги Божьи попрали святые места, церкви сожгли, обители обратили в пустыни, жертвенники и алтари обрушили, все осквернили, все разорили: время отомстить им!» Патриарху Сергию поручил он царствующий град и малолетнего сына своего и, взойдя в последний раз в великую церковь св. Софии, так помолился: «Господи Иисусе Христе Боже наш, не дай за грехи наши радоваться врагам нашим; но призри и помилуй нас, да не превозносятся беззаконные и не попирают наследия Твоего».

Ираклий выступил в поход в двенадцатый год своего царствования, и первые шаги его были ознаменованы победою в Армении. На следующий год он проникнул в Персию и принудил Хозроя оставить город Газакию, где находилось знаменитое капище огня. В чертогах царских нашел он истукан Хозроя, под сенью, изображавшею небо, а вокруг него солнце, луну и звезды, с ангелами, ему поклонявшимися. Император сжег капище и дворец и, желая узнать, где ему провести зиму, очистил прежде трехдневным постом войска свои, потом открыл Св. Евангелие и, из прочитанных им слов, решился остаться в Албании. Там отпустил он до пятидесяти тысяч взятых им пленников и чело- веколюбиво снабдил их в путь, так что все они молили Бога даровать победу кроткому Ираклию над жестоким Хозроем. С наступившею весною продолжались успехи оружия царского. Видя воинов своих, смятенных многочисленностью врагов, он им сказал: «Братия, с помощью Божьею один из вас поразит тысячу; пожертвуем собою для спасения братьев и восприимем венец мученический, дабы нам воспрять мзду от Бога и прославиться в веках грядущих». Император обратил в бегство Сарвасара, военачаль-

ника персов; раздраженный Хозрой велел расхитить имущество всех церквей христианских в Персии и принуждать православных к общению с несторианами, многочисленными в его пределах. Между тем и Царьград подвергся великой опасности от нападения отряда персов из Халкидона и хана Аварского с севера; но заступлением Богоматери спасена была столица.

Ревностный Ираклий не останавливался на пути побед и все далее проникал в Персию. Наконец всеми ненавидимый Хозрой был свергнут с престола собственным сыном своим, Сироем, за то, что хотел возвести на его место младшего брата, и, томимый голодом посреди собранных им сокровищ, скончался мучительною смертью. Воцарившийся Сирой немедленно заключил мир с Иракием и возвратил ему всех пленников, с патриархом Захариєю, и Честное Древо Креста, бывшее в плену в течение четырнадцати лет. По некоторым летописцам, император прежде принес оное в Царьград, где патриарх Сергей всенародно воздвиг святыню сию в храме Софийском, и на другой только год отплыл Ираклий в Иерусалим с Крестом Господним, но Зонар, Феофан и другие утверждают, что прямо из Персии победитель пришел в Св. Град.

С торжеством хотел сам Ираклий вознести на Голгофу Честное Древо, думая украсить величием царским церковное шествие, и, облеченный в порфиру, увенчанный диадемою, поднял крест на рамена свои. Патриарх Захария вышел к нему навстречу, со всем народом, до горы Елеонской, с финиковыми ветвями в руках, воспевая «осанна», и уже они приблизились к красным вратам, чрез которые надлежало взойти на Голгофу: но внезапно, силой Божьею удержанный, император стал во вратах и не мог далее двинуться со крестом; старец же патриарх духовным оком увидел во вратах молниеносного Ангела, возбранявшего вход, и, уразумев его тайный глагол, сказал императору: «Знай, о государь, что невозможно тебе, облеченному в одежды

царские, вознести сие святое древо, которое некогда подъял сам Господь, обнищавший нашего ради спасения; если же хочешь понести крест, то последуй вольному его смирению». Смирился Иракий, снял с себя багряницу, венец и самую обувь и, облеченный в убогое одеяние, без всякого препятствия вознес Честное Древо по ступеням Голгофы на то место, отколе было оно взято персами. Велика была радость верных о возвращении Креста Христова, как некогда Израиля, когда кивот завета возвратился от филистимлян. Опять воздвигалось было Честное Древо патриархом Захарию пред лицом народа, как некогда Макарием, во дни царицы Елены, чтобы все могли поклониться распятому на нем Царю славы. Таким образом, два радостных события вспоминаются на другой день праздника Обновления храма Иерусалимского: и обретение креста Еленю, и возвращение оного Ираклием; но ради претерпленного им плена и чуда, бывшего для смирения царя, праздник сей, всемирного Воздвижения Честного Креста, совершается Церковью с постом и повторением самого воздвижения, на утрени, пред очами верных.

Старец патриарх Захария, истомленный четырнадцатилетним пленом, недолго пережил радостное освобождение; место его заступил достойный блюститель и обновитель Св. Града архимандрит Модест; но и ему не более пяти лет суждено было сиять на свещнике Сиона, ибо он уже совершил свой подвиг, еще не будучи на престоле патриаршем, и для него уже готов был тот венец правды, который, по словам Апостола Павла, ожидает возлюбивших имя Христово.

Но император Иракий, виновник стольких торжеств, был причиною и распространения новой ереси монофелитов, которых хотел привлечь к общению Церкви во время славных своих походов на Востоке. Феодор, епископ Фара в Аравии, первый изложил в письме к патриарху цареградскому Сергию свое неправильное мнение о единой воле в Господе Иисусе Христе, когда, напротив того, Цер-

ковь православная признает две воли, как и две природы, божественную к человеческую, в одном лице Богочеловека. Монофелиты, т. е. единовольники, были отраслью ереси монофизитов, или последователей Евтихия, Севера и его главного ученика Иакова Вардаи, которыми распространил в Сирии так называемую секту иаковитов, и доныне там сохранившуюся, в общении с армянами и коптами Египта. Сергей, происходивший сам от родителей иаковитских, принял мнение Феодора Саранского, и сим ложным мнением увлекся император Ираклий, когда вступал в прение с последователями Севера в Армении, с Киром, епископом Лазов и, наконец, с Афанасием, главою иаковитов в Иераполии, стараясь склонить их к единомыслию в вере. Афанасий, которому польстил император надеждою на кафедру Антиохийскую, обманул его признанием двоякой природы в Господе Иисусе, хотя она и была несовместна с единою волею; Кир же вполне разделил образ мыслей императора и патриарха Сергия и был поставлен на кафедру Александрийскую; а как в то же время патриарх Константинопольский льстиво своею грамотою увлек и папу Римского Онория, то внезапно все патриаршие престолы, исключая Иерусалимский, поколебались в православии, и ересь сия укоренилась в Александрии и Царьграде до шестого вселенского собора.

Завоевание Иерусалима арабами

Патриарх Софроний

Из Александрии восстал сильный противоборник ереси в лице священника Софрония, который возвратился туда из Рима, по смерти блаженного своего учителя Иоанна Мосха. Патриарх Кир дал ему прочитать изложение своих догматов, и Софроний со слезами бросился к ногам его, умоляя не оглашать их в соборной церкви; не послушал мудрого совета Кир, ибо надеялся тем привлечь на

свою сторону всех монофизитов, отделившихся от Церкви, и точно привлек; но чрез это сам отступил от православия, и с тех пор большая часть египтян закоснела в расколе под народным своим именем коптов. Ревностный Софроний, не ожидая никакого успеха в Александрии, отплыл в Царьград; но тщетно убеждал он патриарха Сергия отступить от мнений Кировых. Он принужден был возвратиться в родственный ему по сердцу Иерусалим, и там волею промысла, который воздвиг его для соблюдения православия, единодушно избран был на кафедру Св. Града, после кончины знаменитого патриарха Модеста (633 г.).

Первым деянием св. Софрония было созвать собор всех епископов Палестины для предупреждения их против лжеучения монофелитов, и он написал соборную общительную грамоту к святителям старших престолов, дабы изложить им исповедание своей веры. Замечательно пространное его послание к патриарху Сергию Константинопольскому, которое было отправлено также к папе Онорию и впоследствии послужило правилом веры, на шестом вселенском соборе. Софроний начинает свое послание горькими жалобами на то, что его извлекли из мирного уединения на столь великую кафедру; потом излагает свое исповедание, объясняя таинство Пресвятыя Троицы и опровергая все богопротивные ереси, особенно Нестория и Евтихия, в ясном свете выставляя спасительный догмат о вочеловечении Христова и двоякую волю в едином лице Богочеловека, соответствующую двум его природам, божественной и человеческой. Он осуждает также Оригена и анафематствует всех еретиков, признавая за основание чистой веры решения пяти вселенских соборов, до него бывших; но, несмотря на заблуждения патриарха Сергия, весьма скромно изъясняет ему истину, поручая себя его молитвам, и, уже предвидя грозу сарацинскую, предстоявшую Св. Граду, так заключает свое послание: «Помолись о наших императорах Ираклии и сыне его Констанции, дабы Господь дал им по-

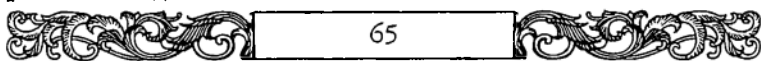
беду над всеми варварами, и наипаче дабы смирил надменность сарацинов, которые, по грехам нашим, столь нечаянно против нас восстали и все вокруг опустошают с нечестивою дерзостью».

Забывая столько же о благе вселенской Церкви, сколько и о собственной пастве, обуреваемой внешними бедствиями, Софроний собрал до шестисот отрывков из св. отцов против ереси монофелитов, для их обличения, видя, что ничто не успевает, а враги умножаются, ибо не знал еще, что и папа Онорий впал в заблуждение. Призвав Стефана, епископа Доры, благочестивый Софроний возвел его на Голгофу и сказал: «Ты дашь ответ Распятому на сем святом месте, когда придет Он судить живых и мертвых, если пренебрежешь опасностью, в коей обретается святая вера; и так исполни то, чего я сам не могу сделать ради набегов сарацинских. Поспешి от сего края земли предстать кафедре апостольской, где основания чистой веры; открой святым мужам, собранным там, все, что здесь происходит, и не престань умолять их, доколе не осудят соборно сего нового лжеучения». Стефан, утраченный сим заклинанием и убежденный мольбами многих епископов Востока, поспешил в путь и, несмотря на все препятствия со стороны монофелитов и на опасности от сарацин, присутствовал впоследствии на соборах его преемников, для утверждения православия.

Страшная гроза, которую видел Софроний восстающею от юга на Иерусалим и которая над ним разразилась еще во дни его святительства, была новая вера лжепророка Магомета, возникшая, как некий пустынный вихрь, из песков Аравии и проповеданная оттоле оружием по вселенной; кровь и пламя знаменовали путь ее и пределы. Сбылось предсказание ангела Агари, скитавшейся некогда в пустыне Аравийской с отроком своим Измаилом: что он будет муж дикий, и руки его на всех, и рука всех на нем, и что вселится с оружием пред лицом братии своих, чад Аврамовых, плотских и духовных. От колена Измаилова воз-

ник Магомет, из племени корейшитов; скитался он с верблюдами по пустыням, предаваясь созерцаниям и почерпая понятия об иудействе и христианстве от рассеянных в Аравии евреев и от некоего еретического инокa Сергия, с коим встретился в Вострее во время своего странствования для купли житейской. Сорока лет выступил он на поприще мира и, убедив сперва в своем небесном посольстве богатую вдову, на коей женился, племянника Али и тестя по другой жене, Абу-Бекра, проповедовал единство Божье посреди идолопоклонников, признавал пророков и посланников Божьих: Ноя, Авраама, Моисея и Мессию, Господа Иисуса, чудно рожденного от Девы, как слово и дух Божий, но не распятого за род человеческий, а спасенного будто бы тайно Богом из рук евреев; признавал Ветхий и Новый завет, но в искаженном виде, и составил из отрывков священных преданий собственную книгу Коран; ибо себя выдавал он за исправителя иудеев и христиан и за последнего из пророков, обещанного Богом, для обращения к истине всех народов; посему и изложил новое законодательство свое в Коране, повелевая всех покорять его учению. Принужденный бежать из Мекки в Медину от восставших против него корейшитов, в 622 г. по Р. Х., он утвердился в Медине. Бегство сие, по-арабски эгира, принимается за начало летосчисления у последователей Магомета; семь лет спустя победителем вступил он опять в Мекку, и уже в час смерти вся Аравия преклоняла пред ним колена. Тесть его, Абу-Бекр, принял после него звание халифа, т. е. его наместника или властителя всех правоверных, и собрал в одну книгу рассеянные листы Корана.

Тогда выступил бурный поток сей из пределов Аравии и разлился по вселенной. Сирия и Палестина первые испытали силу фанатизма Магометова и тем скорее подверглись игу чуждому, что еще не успели оправиться от опустошений персидских. Малые дружины императора, который не ожидал, после своих славных побед, столь сильного

нападения с юга от пренебрегаемых им сарацин, не могли защитить безлюдных городов. В окрестностях Газы были первые сражения греков с арабами, которые предлагали мир и братство с одним лишь условием — принять их веру, и все предавали огню и мечу, если отвергали Коран. Амру, Калед, Обеид были вождями неодолимых дружин, и уже пред ними пали главные города Сирии, Востра и Дамаск, когда халиф Омар заступил место Абу-Бекра. Дошла очередь до Иерусалима, ибо, по общему совету старейшин арабских и по уважению, какое питали последователи пророка к сему месту погребения пророков, они жаждали овладеть им: военачальник арабский получил повеление осадить Св. Град. Император Ираклий, после падения Дамаска, удалился с войсками в Антиохию, не в силах будучи противостоять новой буре, как некогда Хозрою, и, по свидетельству летописца Феофана, унес с собою, из Иерусалима, Честное Древо Креста, дабы оно вторично не досталось в руки варваров, ибо предвидел, что не устоит против них Св. Град. При первом повелении халифа пятитысячный отряд войск арабских, под начальством Абу Софияна, приступил к стенам Иерусалимским, и мало-помалу собрались другие войска. Все предложения о сдаче были отвергнуты и отбиты первые приступы, продолжавшиеся в течение десяти дней. Славный воевода Обеид, приведший с собою остальные дружины, думал устрашить осажденных зрелищем своих несметных полчищ и написал к ним письмо такого содержания: «Мы требуем от вас, чтобы вы признали единого Бога и Магомета его пророком, и страшный день судный, и что мертвые восстанут из гробов. Когда обнародуете сие исповедание, нам уже нельзя будет проливать крови вашей, ни расхищать имущества и чад ваших; если же отречетесь от сего, то должны платить дань; иначе пошлю против вас людей, которые более любят смерть, нежели сколько вы сами любите упиваться вином и пресыщаться свиным мясом; и я не оставляю вас, если сие угодно будет Богу, доколе

не порабощу вас и детей ваших, истребив и тех, кто за вас сражался». Надпись сего письма была: «Именитым гражданам Элии», ибо так называли Иерусалим арабы; но не утрашились угроз мужественные воители Св. Града, и в течение четырех месяцев продолжались непрестанные вылазки, стоившие много крови и осажденным, и осаждавшим. Положение сих последних было еще затруднительнее от чрезвычайно холодной зимы, их обуревавшей под шатрами.

Патриарх Софроний, все еще надеясь на защиту Ираклия, поддерживал своими речами мужество граждан и возбуждал их к покаянию. Нам сохранилась проповедь его на Рождество Христово, в коей он оплакивал, что не может совершать молитвы над колыбелью Вифлеемского Младенца по случаю осады: «Пастыри, говорил он, имели утешение пойти в Вифлеем поклониться там Спасителю мира и не страшились никакого препятствия. Волхвы от Востока, руководимые звездою, посланною им от Бога, на пути в Вифлеем заботились только о том, кого искали и нашли, с радостью великою, повитого пеленами в убогих яслях; в них познали они Бога, Господа и Спасителя мира, хотя божество Его не могло быть зримо телесными очами, под покровом Его человечества. Мы же, ради бесчисленных грехов наших, не можем участвовать в сем блаженстве, будучи принуждены оставаться заключенными в стенах наших, и хотя мы не связаны узами, однако страх сарацинский удерживает нас паче всяких уз. Конечно, виною тому грехи наши; ибо если бы достойны были участвовать в утешении пастырей и волхвов, и мы могли бы, подобно им, идти в сей любезный нам Вифлеем, издали только нами видимый теперь, хотя он так близко от нас, и мы бы там воспели песнь святых ангелов: слава в вышних Богу и на земли мир, в человеках благоволение! Поистине, мы можем воспевать и здесь сию песнь, но мы не имеем утешения видеть святых яслей и той дивной и небесной пещеры Рождества, которой мы сделались недостойными по грехам нашим. Мы подверглись участи

первого нашего праотца, когда он был изгнан из рая и поселился прямо рая, имея пред собою огненный меч херувима, воспрещавшего ему вход. Не сего пламенного оружия мы страшимся, горевшего во вратах Эдемских, но земного оружия варваров, и, находясь недалеко от Вифлеема, не можем в него проникнуть. И так углубимся в самих себя, обратимся к Господу, оставим дела нечестия, которых столько гнушался сей божественный Младенец, дабы там вознести пред ним наши молитвы». Так возбуждал св. Софроний плачущий народ к покаянию, подобно древнему пророку Ионе, проповедовавшему покаяние в Ниневии.

Однако же постоянство, с каким неприятели переносили все трудности долгой осады, поколебало наконец твердость осажденных; они стали опасаться совершенного разорения Св. Града и, после двухлетней обороны, старейшины решились вступить в переговоры с самым кротким из военачальников арабских, Обеидом, который, по Промыслу Божию, занял место жестокого Каледа, разорителя Востры и Дамаска. Они умолили своего патриарха принять на себя столь опасное дело, и не отрекся благой пастырь положить, в случае нужды, душу свою за овец своих. Софроний потребовал свидания с Обеидом и в долгой беседе старался тронуть его святостью места и великими воспоминаниями, внушая ему, что и самое небо накажет гневом своим всякого, кто дерзнет вступить неприятельски в заветные стены.

«Знаю, — отвечал вождь арабский, — что Иерусалим — место рождения и погребения многих пророков и даже из сего именитого города собственный наш пророк Магомет был однажды ночью восхищен на небо и приблизился к Господу на два вержения стрелы. Мы его ученики и посему более вас достойны владеть святынею; и так не оставим осады, доколе Богу не угодно будет предать нам сей город, подобно как и многие другие». Так передает беседу сию арабский летописец Алвакеди. Тогда патриарх Софроний, видя, что уже не остается никакой надежды, старался только сдать город на выгодных условиях и, опасаясь

жестокости варваров, требовал, чтобы из уважения к столь священному месту сам халиф пришел принять оное из рук христиан. Согласился Обеид и немедленно послал вестника в Мекку убедить Омара к исполнению сего условия.

Разделилось мнение советников халифа: Отман, будущий его преемник, противился такому снисхождению к христианам, недостойным чести видеть лицо его; но племянник Магомета, Али, утверждал напротив, что не должно проливать крови верных дружин, если одно присутствие халифа может покорить город, и Омар собрался в путь в совершенной простоте древних патриархальных нравов Востока. Два меха с пшеницею и плодами и мех воды составляли весь запас его пищи, на том же верблюде, на коем сидел; совершенная простота сия привлекала ему любовь многочисленных подданных. Так прибыл он в стан Иерусалимский, путем горы Масличной, и после утренней молитвы осудил многих за непозволительную роскошь одежды, ибо опасался, чтобы богатство не угасило воинственно-го духа последователей Магомета.

Христиане иерусалимские, услышав о прибытии халифа, послали избранных мужей своих в стан, и после многих совещаний Омар положил следующие условия, которые послужили образцом для всех будущих, при завоевании городов: «Христиане не будут строить новых церквей ни в городе, ни в окрестностях и препятствовать входить в оные мусульманам, ни днем, ни ночью; двери их должны быть отверсты всем мимоходящим. Если странствующий мусульманин остановится в их городе, они обязаны содержать его три первые дня. Христиане не могут учить детей своих Корану или говорить открыто о своей вере; кольми паче убеждать к ее принятию и удерживать других от магометанства. Им не дозволено одеваться подобно мусульманам, ни носить их чалмы и обуви; они не будут говорить языком арабским, ни даже называться именами арабскими. Каждый христианин должен вставать пред мусульманином,

чтобы воздать ему должную честь, и стоять, пока тот не сядет. Христиане не будут продавать вина, ни держать у себя рабов, бывших в услужении у мусульман; не позволено им совершать крестные ходы по улицам, где живут мусульмане, или ставить кресты на церквах своих и звонить в колокола». Халиф дал от себя краткую охранительную грамоту христианам иерусалимским: «Во имя Бога милостивого и милосердного, Омар, сын Хаттиба, дарует безопасность народу города Элии, как самим гражданам, так и их женам и детям, имуществам и всем их церквам; они не будут ни сломаны, ни закрыты». Но халиф, хотя и не кровожадный по нраву, не в точности исполнил свое обещание, ибо пустил войска бесчинствовать в городе и его окрестностях. Двенадцать тысяч воинов греческих защищали Св. Град и должны были выйти из одного, положив оружие; могли оставаться в нем только туземцы, числом до пятидесяти тысяч, которые все, кроме старцев и детей, обложены были данью от трех до пяти золотых.

Победитель вошел в Иерусалим с видами внешнего благочестия, ибо по чрезвычайным судьбам Св. Града он не только есть святилище христиан и евреев, но и магометан, уважающих в нем место Соломонова храма, отколе, по их преданиям, лжепророк взшел на небо. Халиф облечен был, ради смирения, в верблюжью убогую власяницу, хотя и окружала его блестящая дружина. С тяжкою скорбью в душе пришел встретить завоевателя во вратах покоренного им города блаженный пастырь Иерусалимский Софроний, когда уже не мог более защитить паству свою от врагов. Халиф благосклонно принял великого мужа Церкви, расспрашивал с любопытством о древностях Св. Града и пожелал видеть храмы. При посещении первого из них он спросил патриарха: может ли совершить в нем молитву? И, услышав горький ответ, что все в его власти, вышел вон из храма без моления. Так поступил и во всех прочих церквах и остановился только в главном соборе Воскресения Христова. Там, осмотрев прежде внутреннюю красоту здания,

преклонил колена на ступенях храма и совершил намаз или молитву; потом сказал патриарху: «Ты, конечно, осуждаешь мои своенравные поступки; но знай, что я так действовал из уважения к тебе, для того, чтобы вам сохранить обладание вашими церквами; ибо если бы я в них совершил свою молитву, мусульмане стали бы у вас их оспаривать и непременно бы овладели, по тому праву, какое имеют молиться на тех местах, где их халиф».

Тогда Омар велел принести себе условия о сдаче Иерусалима и прибавил собственною рукою, что мусульманам дозволяется только приходить молиться на ступенях или в преддверии христианских храмов и что их муэдзины, или глашатаи, не могут на сих местах призывать к молитве. Так рассказывает летописец арабский Алвакеди; но местное предание говорит, что, когда халиф хотел совершить свою молитву в храме Воскресения, мужественно воспротивился сему патриарх Софроний, напомнив условия мира. Послушал старца Омар и в виду храма велел разостлать ковер для совершения первой молитвы в стенах Св. Града, который и у арабов называется Эль-Кодс, т. е. святым. Место сие обозначено и доныне малою мечетью с высоким минаретом, свидетельствующим ревность благочестивого пастыря о спасении святилища.

Историки арабские, восхваляя благочестие своего халифа, утверждают, что он спросил патриарха о месте Соломонова храма, и ему указали камень, на коем спал Иаков, когда видел во сне небесную лестницу. Место сие было в совершенном запустении у христиан, ибо они не хотели касаться развалин древнего храма, когда самые основания его еще недавно были сожжены чудесным огнем при отступнике императоре Юлиане. Омар оскорбился таким пренебрежением места священного, по его мнению; он начал сам сносить с оного нечистоту в поле своей одежды, и вся дружина ему подражала, так что в короткое время очистились развалины и открылся совершенно мнимый камень Иакова; халиф, преклонив на нем колена, совершил молитву из ува-

жения к памяти патриарха Иакова; но камень сей, по мнению христиан, есть тот, на коем остановился ангел смерти, поражавший израильский народ во дни Давида. Летописец греческий Феофан присовокупляет, что, видя сие, блаженный Софроний со слезами сказал: «Теперь по истине будет на месте святом та мерзость запустения, о коей предрекал еще пророк Даниил!», ибо обломки древнего святилища иудейского, отверженного за грехи народа, обновлялись новыми врагами имени Христова. Так как Омар молился посреди развалин и земляною работою измарал свою одежду, Софроний предложил ему от себя чистое одеяние, но халиф согласился только принять оное на то время, пока измывалось его собственное. Тот же летописец свидетельствует, что несколько лет спустя, когда уже начал сооружать мечеть свою Омар, здание не могло держаться твердо на основании; он спросил о причине сего явления, и евреи ему объяснили, что мечеть не утвердится, доколе будет стоять крест на противолежащей горе Елеонской. Снятие креста укрепило мечеть.

Омар пробыл некоторое время в Иерусалиме, чтобы устроить дела завоеванных им областей; он вверил правление Палестины и Иерусалима Абу Софиану, который прежде всех подступил к Св. Граду, и, повелев воеводам, Обеиду и Амру, продолжать завоевания в Сирии и Египте, сам возвратился с торжеством в Медину. Новые успехи ознаменовали оружие арабов; им содействовало малодушие войск греческих при вероломстве некоторых из вождей. Скоро пал Алеп, и сам император Ираклий, на время затворившийся в Антиохии, принужден был удалиться в Царьград от превосмогавшей силы арабов, которые овладели сею столицею Востока. Обеид сделался правителем Сирии; между тем Амру изгонял из Палестины сына царского Константина. Сперва, при личном свидании с царевичем, военачальник арабский требовал от него или дани, или исповедания магометанства; потому, победив его в сражении,

принудил заключиться в стенах Кесари, и все поморские города, один за другим, покорились врагам. Услышав о падении Тира, Константин бежал в Царыград, и Кесария сдалась военачальнику арабскому. Завоевание всей Палестины и поморья было столь быстро, что оно казалось более путешествием, нежели походом. Тогда обратился Амру на Египет и покорил его столь же неожиданно. Александрия одна противостояла долгой осаде. С ее падением прекратилось владычество императоров греческих на Востоке (640 г.).

Не вынесла стольких горестей пламенная душа патриарха Софрония, исполненного ревности к Богу и любви к своей пастве, которую старался защищать пред лицом завоевателя арабского с мужеством, достойным великого святителя Христова. Три года спустя после взятия Иерусалима, когда уже оружие арабов распространилось по всей Сирии и Египту и пали под иго их два другие патриаршие престола, Александрии и Антиохии, святой Софоний отошел ко Господу; с ним надолго закатилась слава Иерусалима, и Церковь вселенская утратила в нем одного из величайших своих пастырей и ревнителей православия. Нам осталась после него сия вечерняя молитва, донныне певаемая в православных церквях Востока:

«Свете тихий, святые славы, бессмертного Отца небесного, святого блаженного, Иисусе Христе, пришедше на запад солнца, видевшие свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа Бога. Достоин еси, во вся времена, петь быти гласы преподобными, Сыне Божий, живот дая, тем же мир ты славит».

Завоевание Иерусалима крестоносцами

Никто не смыкал глаз в Эммаусе, накануне того дня, когда должен был предстать крестоносцам предмет их давних пламенных желаний — Иерусалим! Внезапное затмение луны навело сперва уныние на дружины, но оно рассеялось

тою надеждою, что ущерб луны знаменовал поражение неверных, избравших ее своим символом. На рассвете радостно двинулись крестоносцы, и, когда с вершины последней горы внезапно открылся их взорам Св. Град, невыразимый восторг овладел сердцами всех, и одно только имя Иерусалима, переходя из уст в уста, громко раздавалось по окрестным долинам, при звуке оружия, готового его покорить. «О, сколько слез пролито было при зрелище Твоего града, Господи Иисусе! — восклицает благочестивый летописец. Одни, бросая коней своих, падали на колена и с воздыханиями целовали землю, где ступал Господь их; другие простирали безоружные руки к Иерусалиму, повторяя обет свой освободить его, с кликами, которые огласили некогда Клермонский собор при начале сего чудного движения Запада на Восток: «Так хочет Бог! так хочет Бог!»

.. На рассвете того же дня выступил из Вифлеема Танкред и, отразив под стенами города нападение сарацин на передовой отряд Бодуэна, сам взошел на гору Елеонскую, чтобы насладиться оттоле зрелищем Св. Града, в утренней красоте его и в тишине, еще не нарушенной звуками брани. Издали он уже видел приближение воинства крестоносцев, но витязь принужден был сразиться сам с пятью сарацинами, которые думали одолеть одинокого и бежали от его страшного меча. Танкред возвратился невредимо к своим дружинам, которые ополчились с северо-западной стороны Св. Града, усеянной масличными садами и более удобной для стана по ровному местоположению; ибо отовсюду с прочих сторон Иерусалим окружен глубокими оврагами и горами. Царственный Готфрид стал посредине, с двумя Робертами, Нормандским и Фландрским, по бокам его, против ворот Дамасских и малых Ирода, ныне заложенных; правее их Танкред, пред угловой северо-западной башней. Стан графа Раймунда Тулузского простирался с западной стороны, против ворот Вифлеемских, или Давидовых, на высотах горы Исполинской, по которой лежит обыч-

ный путь западных паломников; но так как глубокий овраг прудов Соломоновых отделял его от города, то он перенес впоследствии часть своих шатров на самую гору Сионскую, где, поблизости от стен, много беспокоили его стрелы неприятелей. Малый отряд войск поставлен был и на вершине горы Елеонской, но вся восточная и южная стороны, где пролегали глубокие долины, Иосафатова и Еннона, оставались свободными, и неприятель мог черпать воду из купели Силоамской, у подошвы Сиона.

Со слезами умиления смотрели крестоносцы на Св. Град, уже как бы объемлемый их руками, и жаждали добыть его, чтобы в нем напитать душу зрелищем святыни, для которой пришли издалека чрез столько стран, бедствий и трудов. Толпа христиан иерусалимских, изгнанная из своих жилищ неверными, еще более возбуждала их ревность рассказом о претерпеваемых гонениях; жены, дети и старцы задержаны были заложниками, взрослые обречены на тяжкие работы, превосходившие их силы; церкви разграблены для содержания войск сарацинских; блюститель странноприимницы западной ввержен в темницу за вооружение его крестоносных собратий. Сам патриарх Симеон заблаговременно удалился на остров Кипр, чтобы там просить милостыни у верных для спасения своей паствы, которой угрожали опять разорением св. мест, если не заплатить непомерной дани, поголовно возложенной на всех христиан иерусалимских. Пребывая во все время осады на острове, ревностный патриарх не переставал посылать оттоле денежные пособия и припасы осаждавшим, которые заплатили ему неблагодарностью по взятии Св. Града.

С первых дней осады явился в стан христианский пустынник, поселившийся на горе Елеонской, и умолял не отлагать приступа, именем Иисуса Христа обещая победу. Обещание сие польстило духу ратных, и, без всяких приготовлений, вожди решились на приступ, ожидая явного покровительства Божья и памятуя бедствия долгой осады

Антиохийской. В большом порядке приблизились полки к твердыням; они стеснились под щитами, чтобы укрыться от метаемых камней и стрел, но тщетно старались железными ломami сокрушить толстые стены, одна только лестница достигла до их вершины; тысячи храбрых устремились на нее и в рукопашном бою сражались с арабами, изумленными такою дерзостью: конечно, крестоносцы овладели бы в сей день Иерусалимом, если бы имели хотя некоторые орудия, необходимые для осады. Но чудо, ими ожидаемое по гласу отшельника, не совершилось, и они принуждены были отступить, оплакивая свое легкоеверие, ибо много храбрых погибло на стенах.

Чувствуя необходимость стенобитных орудий, но не видя нигде в окрестности лесов, крестоносцы порубили все маслины, сломали дома и самые церкви, чтобы только добыть себе дерева, и, быть может, пострадали тогда соседние обители пустыни Иерусалимской, заблаговременно опустевшие. К медленному успеху осады присоединилась еще засуха, ибо летний зной начинался в ущельях Палестинских, когда крестоносцы подступили к Иерусалиму; Кедрон иссяк, отравлены были колодези; купели Силоамской не доставало для стольких ратных: все ужасы жажды стали томить войско под раскаленным небом пустыни, и одна только мысль занимала воинов и вождей — добытие прохладной струи. Днем и ночью толпы богомольцев скитались по окрестным горам с опасностью попасть в руки врагов; когда же находили где-либо живую струю или колодезь, часто с мечом в руках оспаривали друг у друга каплю воды. Соседние жители приносили в мехах болотную воду из застоявшихся колодцев, но и ее с жадностью глотали воины, несмотря на смрадный запах, хотя и самые кони от нее отвращались. Вода сия послужила источником кровавой болезни, и внезапная смертность распространилась в человеках и скотах, воздух заразился от тления трупов. Каждый день умножал томление крестоносцев; за душным

днем следовала столь же душная ночь; не было ни росы утренней, ни прохлады вечерней, так что самые сильные изнемогали и лежали неподвижно в шатрах своих, умоляя Бога ниспослать им ливень и грозу. Все проклинали чуждое знойное небо, столь негостеприимное для пришельцев, и самые ревностные стали колебаться в вере, страдая муками в виду того града, отколе истекло общее спасение. Некоторые даже искали себе смерти и, устремляясь к стенам, целовали холодные камни, восклицая: «Стены Иерусалимские, падите на нас и покройте нас священным прахом!» И если бы осажденные не были сами удержаны страхом первых побед, огласивших всю Азию, и сделали нападение, они легко бы одолели пришельцев; но Восток трепетал пред сим призраком Запада, и горсть храбрых еще казалась ему столь же страшною, как те несметные тысячи, которые уже положили кости свои в его пустынях! Самая беспечность христиан посреди опасности убеждала в невозможности одолеть их.

Нечаянная помощь оживила дух воинов: в стане пронеслась весть, что причалил флот генуэзский с оружием и припасами, и триста всадников, посланных из стана, пробились в Яффу сквозь толпу врагов. Между тем флот египетский истребил суда христиан; но уже запасы и все нужные оружия сложены были на берег и благополучно достигли стана Иерусалимского в сопровождении опытных мастеров. В окрестностях Самарии открыт был и строевой лес, по указанию одного сирийца, и все дружно принялись за стенобитные орудия; рыцари и бароны не уступали в ревности простым воинам. Одни строили башни и тараны, другие носили воду в мехах, из дальних источников Вифании, Вифлеема и пустыни Предтечевой; иные же готовяли кожи для орудий и собирали сухие ветви для плетней; везде закипела жизнь.

В короткое время соорудились три подвижные трехъярусные башни на колесах, превышавшие самые стены, на

которые можно было бросать с их вершины подъемные мосты; вид их исполнил ужасом осажденных. Но вожди, приготовляя все нужное к последнему приступу, не оставили возбудить и душевного восторга дружин своих сильными речами многочисленных священников. Рассеявшись по стану, они всех убеждали к взаимному миру, покаянию, забвению обид; к ним присоединился пустынный горы Елеонской. «Вы, говорил он, пришедшие из дальнего Запада для поклонения гробу Господню, возлюбите друг друга, как братья, и освятитесь покаянием и добрыми делами. Если покоритесь заповедям Божиим, Он дарует вам овладеть святым своим градом; если же будете упорствовать, гнев его падет на вас». Пустынный советовал им сделать крестный ход вокруг Иерусалима, по подобию народа Божия, некогда обходившего стены Иерихонские, которые пали при звуке труб и кимвалов жрецов иудейских.

Послушались благочестивого совета крестоносцы и после строгого трехдневного поста, вооруженные, выступили из шатров, с босыми ногами и обнаженною головой. Впереди их шли пресвитеры и епископы в белых ризах, с хоругвями, иконами и крестами, воспевая псалмы; развиты были и воинские знамена; издали раздавались звуки кимвалов и труб. От стана Готфридова началось шествие и чрез долину Иосаватову, мимо Гефсимании, следовало на священные высоты Елеонские. Оттоле величественное зрелище открылось взорам: к востоку — море Мертвое, в глубокой долине Иерихонской, как яркое зеркало, и серебристая лента Иордана, с лазурными твердынями зубчатых Аравийских гор; к западу же, как на ладони, весь Иерусалим, в венце своих грозных башен, и окрестные бледные холмы Иудейские. На том месте, где ступила в последний раз на землю стопа Христова, Арнульд, будущий латинский патриарх Св. Града, тогда же еще только домашний священник герцога Нормандского, произнес красноречивое слово, возбуждая крестоносцев к довершению их обета. «Видите ли на-

следие Христово, попираемое Его врагами? воскликнул он, обратясь к Иерусалиму, вот достойная награда всех ваших трудов, вот место, где Господь простит вам все ваши согрешения и благословит ваши победы!» Внимая речам его, Танкред и Раймунд, граф Тулузский, долго имевшие между собою распрю за замок Антиохийский, обнялись пред лицом всей дружины, и богатые дали обет поддерживать убогих; все поклялись следовать заповедям евангельским. И пустынный Петр, виновник похода, при виде крестов, которые с ругательствами подымали на стенах сарацины, умоляя витязей креста защитить гонимого Христа, паки распинаемого на Голгофе Его врагами. «Клянусь, воскликнул он, вашим оружием и благочестием, что царство тьмы миновалось! При первом движении Божьей рати оно рассеется как дым, сего дня еще превозносятся враги, а завтра ужас их обьет на той самой Голгофе, которой ругаются ныне. Они будут пред лицом вашим, как стражи римские, остолбеневшие с оружием в руках около Св. Гроба, в час воскресения Христова, и падшие на землю, как мертвые, при страшном землетрясении, которое обнаружило миру присутствие воскресшего Бога. Еще немного, и все сии места обратятся в храмы истинного Бога, и новые храмы возникнут из развалин, и весь Иерусалим огласится опять псаломными песнями».

Чрезвычайный восторг одушевил сердца витязей; с радостным кликом спустились они к купели Силоамской и поднялись на гору Сионскую, не обращая внимания на метаемые со стен стрелы и камни, от коих многие пали на крестном ходу, благословляя Бога в час смерти. К вечеру только возвратилось войско в стан, и вся ночь протекла на молитве в ополчении христианском; вожди и простые воины исповедовали грехи свои и укреплялись причащением Св. Таин на предлежавший подвиг. Глубокая тишина царствовала и в Иерусалиме, обреченном последней осаде: там раздавались только пронзительные крики муэдзинов, сзывавших к молитве, и страшное ожидание исполняло сердца всех!

Совет военачальников положил: воспользоваться общим восторгом для приступа на другой день; и в ту же ночь Готфрид перенес стан свой и перекатил огромную башню, с позлащенным на ней крестом, к юго-восточной стене, более благоприятной для осады. Танкред остался против Вифлеемских врат и угольной башни, и между ними оба Роберта; а на Сион граф Раймунд ценою денег, под тучею стрел завалил глубокий ров, отделявший его от южных твердынь города, которые защищал сам эмир Иерусалимский. Начался убийственный приступ и не менее сильный отпор; стрелы и камни, кипящее масло и греческий огонь сыпались на стенобитные орудия осаждавших, и в отважной вылазке неверные покусились сжечь подвижные башни, но их отразили, хотя и повреждены были орудия. Ночь прекратила бой, и с горестью возвратились в стан свой христиане, вздыхая о том, что не почел их достойными Бог овладеть Св. Градом для поклонения Христову гробу; неверные же ругались им со стен, которых проломы спешили завалить камнями. Но в течение целой ночи духовенство возбуждало в шатрах доблесть воинов, и на утро уже опять были готовы к бою и люди, и орудия. С рассветом начался приступ на тех же местах, теми же вождями и с одинаковою яростью, посреди камней, стрел и дикого вопля бьющихся и стона умирающих.

Во время боя, по словам летописцев западных, две чародейки явились на стенах, заклиная силы ада на помощь неверным, и два гонца, посланные от Аскалона, куда приближалось уже многочисленное полчище халифа Египетского, искали проникнуть в город, чтобы поддержать дух осажденных надеждою на скорую помощь; но они были перехвачены крестоносцами и трупы их брошены через стены врагам. Полдня уже длился бой; подвижные башни христиан несколько раз загорались, и недоставало воды для угашения огня; золотой крест на башне Готфрида привлекал к нему главные усилия неприятелей, и он бился с двумя своими братьями на верху площадки, усеянной трупами его рыцарей; многие погибли у подшвы стен, под грудю низ-

вергаемых камней; греческий огонь пожирал самое оружие воинов, искавших спасти тараны и башни; полуденный зной довершал изнеможение ратных, уже отчаявшихся в небесной помощи. Одно мгновение все изменило; крестоносцам внезапно показался блестящий всадник на горе Елеонской, который щитом своим подавал знак, чтобы вступили в город; и оба вождя, Готфрид и Раймунд, воскликнули в одно и то же время, что сам великомученик Георгий им помогает. Имя небесного витязя оживило дружины, все с новой ревностью устремились в бой; жены и дети, и даже болящие, стали разносить по рядам воду, пищу и оружие и помогать воинам двигать туры.

Общими силами подкатали к самой стене башню Готфрида, и, несмотря на стрелы и огонь, спустился с нее подъемный мост; пламя, раздуваемое неприятелями, от нечаянного ветра обратилось на них самих, и вслед за двумя рыцарями Готфрид третьим вскочил на стену Иерусалимскую в сопровождении братьев и иных витязей; вслед за ними устремились в город и прочие воины и бились по улицам с сарацинами. В то же время разнесся слух, что блаженный епископ Адемар и многие крестоносцы, павшие в битвах, явились впереди дружин и водрузили знамена свои на башнях Иерусалимских. Одушевленные сим рассказом, Танкред и два Роберта проникли также внутрь города, при кликах «так хочет Бог!» одни по лестницам, другие чрез проломы стен, и разбили секирами врата Гефсиманские для прочей толпы. Еще медлил один Раймунд Тулузский со стороны Сиона; но и его полки, услышав об успехах своих братьев, бросили туры и тараны и по лестницам взобрались на стены. Эмир Иерусалимский принужден был заключиться в крепость Давида, так называемый замок; все, проникшие в город, со слезами обнимались на улицах, поздравляя друг друга с победою.

Крестоносцы вошли в Иерусалим 11 июля, по замечанию летописцев, в пятницу, в три часа пополудни, т. е. в

тот самый день и час, когда Господь наш на кресте испустил дух; самая торжественность сей минуты могла бы расположить их к милосердию; напротив того, раздраженные прежними ругательствами неверных и бедствиями шестинедельной осады, и даже сопротивлением неприятеля внутри стен, они исполнили кровопролитием Святой Град, будущее их отечество. Не было никакой пощады побежденным ни в домах, ни в мечетях, куда стекались толпы беззащитных. В мечети Омара повторились опять те же самые ужасы, которых уже однажды был свидетелем храм Соломонов, разрушенный Титом; место сие, казалось, исключительно было обречено небесному мщению. Пешие и всадники вместе ворвались в мечеть по груде тел, посреди стона и воплей смерти, и очевидец свидетельствует, что внутри самого храма натекло крови до колен и даже до удила коней. Чтобы вернее изобразить сие ужасное зрелище, дважды повторившееся в том же месте, можно привести слова свидетеля первого разрушения храма, Иосифа Флавия, который говорил некогда, что число избиваемых мечом далеко превосходило число умерщвлявших и что соседние горы Иорданские откликнули страшный клич смерти, исторгавшийся из внутренности храма. С ужасом отвращается воображение от столь плачевного зрелища, чтобы остановиться на трогательной картине христиан, которых оковы разбили крестоносцы. Со всех сторон сбегались они к победителям, освежая их пищею и водою; все вкупе благодарили Бога за избавление от неверных; пустынный Петр, за пять лет пред тем обещавший вооружение Запада, был предметом общего восторга, и освобожденные, как бы забыв о подвигах стольких витязей, его одного провозглашали победителем, изумляясь, что одним человеком могло прийти к ним избавление.

Тогда благочестивый Готфрид, удержавшийся от всякого убийства после взятия города, оставил прочих вождей и всего с тремя спутниками, без оружия и обуви, посетил церковь Св. Гроба. Его примеру последовали прочие вожди,

и все крестоносцы, сложив с себя ратные доспехи, босыми ногами устремились в святилище, исполняя плачем и воздыханиями Св. Град. В тишине наступившей ночи слышались только гимны псаломные, и так изумительна была сия внезапная перемена, что, казалось, дикие воители, обагренные кровью, провели всю свою жизнь мирными отшельниками. Но на другой день обновились опять ужасы, бывшие накануне; толпа оставшихся врагов в городе и приближение сильного войска египетского устрашили победителей, и жестокий приговор смерти произнесен был всем сарацинам иерусалимским. Тогда погибли и те, коих сперва пощадила жажда корысти в надежде на богатый выкуп: одних свергали с башен и стен, других сжигали в домах или умерщвляли на площадях и в подземельях, где искали укрыться. Ничто не спасало: ни слезы, ни слабый возраст и пол, ни самое зрелище мест, освященных присутствием Христовым; весь город завален был трупами, и в буйстве кровопролития зрелище это никого не поражало. Милосердые из числа крестоносцев не могли спасти обреченных на смерть: триста сарацин, взошедших на площадку мечети Омаровой, были умерщвлены, несмотря на знамя, данное им Танкредом, сердце которого горело негодованием за такое нарушение слова и всех прав рыцарской чести. Спаслись только те, которые сдались графу Раймунду в крепости Давидовой, и нашлись даже люди, которые приписали сей поступок более корысти, нежели милости.

Целую неделю продолжалось кровопролитие, во время коего погибло до семидесяти тысяч магометан и евреев; сии последние сгорели в своей синагоге. Некоторые пленники, избежавшие участи своих братьев, принуждены были предавать земле тлевшие трупы для очищения города от смрада; им помогали воины графа Раймунда, которые надеялись найти еще что-либо между мертвыми, ибо менее других получили добычи. Опять совершенно изменилось лицо Иерусалима: в течение нескольких дней он переменил своих жи-

телей, веру, законы; по взаимным условиям крестоносцев, каждый владел завоеванною им частью города: крест или щит на дверях знаменовал владельца и отклонял других; таким образом восстановился порядок. Часть собранных сокровищ была определена убогим и на украшение храмов; золотые и серебряные лампы мечети Омаровой достались Танкреду и были им разделены с Готфридом, которого он избрал своим государем; два дня на шести возах перевозили из мечети всю богатую утварь. Но христиане скоро обратили взоры свои от сего тленного сокровища к нетленному, когда увидели Честное Древо Креста, которое некогда взято было Хозроем и возвращено Иракием и вновь утаено верными во время осады от хищности врагов. Крестоносцы, говорит летопись, обрадовались сему обретению, как будто бы сам Господь висел еще на Честном Кресте Своем, и с торжеством носили его по улицам Св. Града.

Через десять дней после победы вожди озаботились восстановлением престола Давида и Соломона, дабы избранный ими мог сохранить завоеванное христианами царство в Палестине. Посреди совета князей граф Роберт Фландрский изобразил в благоразумной речи предлежавшую опасность от окружавших врагов при удалении многих из числа крестоносцев на родину; говорил также, как-вы должны быть доблести избираемого менее в цари, нежели в блюстители Св. Граду, и в отцы тем многочисленным семействам, которые добровольными изгнанниками посвятили себя, в стране им чужой, на служение Богу. Многие из числа вождей крестовых могли иметь надежду на престол Иерусалимский, особенно Раймунд, Танкред и два Роберта, не говоря уже о доблестном Готфриде; но вожди единодушно положили, для избежания распри, чтобы будущий король был избран советом десяти благочестивых мужей, из числа духовных и светских.

Наложили пост и молитвы; избиратели дали клятву беспристрастно увенчать только мудрость и добродетель,

и после многих испытаний о каждом из главных вождей выбор пал на благочестивого Готфрида, ради его доблестей воинских и домашних добродетелей, засвидетельствованных его близкими, и ради общего к нему расположения войска и народа. Многим представлялся он в сновидениях, окруженный величием царским, и его избрание произвело единодушный восторг. С торжеством ввели его в церковь Св. Гроба для присяги и венчания; но смиренный Готфрид отрекся принять златой венец там, где его Спаситель венчался тернием: он принял только скромное звание Барона Св. Гроба.

Когда князья занимались избранием достойного властителя Иерусалиму, духовенство обновляло церкви и рассылало пастырей по окрестным городам, покорившимся оружию крестоносцев. Главною заботою его было назначение патриарха; но выбор сей не был столь счастлив, как выбор короля, ибо с самой первой минуты владычества христиан западных в Св. Граде происки и нечистая корысть все исказили. Духовенство греческое, несмотря на его права, пожертвовано было честолюбию римского клира; забыт был и законный патриарх Симеон, накликавший сию бурную тучу с дальнего Запада и помогавший во все время осады крестоносцам. Он умер на Кипре, вскоре после неблагодарного их поступка. Православные избрали на его место архипастырем Евфимия, который носил титул девятнадцать лет, хотя и отсутствовал от своей паствы. Он был посредником мира между императором Алексеем Комнином и королем Сицилийским Роже. При том же императоре упоминаются еще, в сане патриархов Иерусалимских, Агапий и Савва, бывший епископ Кесари Филипповой; но они имели также пребывание в Царьграде.

Арульда, недостойный капеллан герцога Нормандского, легкий нравами и жадный на корысть, поставлен был силою денег латинским патриархом Св. Града. Первым его действием была распря с Танкредом за сокровища мече-

ти Омаровой, как будто бы имущество иноверных капищ было достоянием христианского первосвященника. Арнульф коварно старался возбудить зависть и негодование прочих князей против Танкреда, представляя им, что не столько Церковь, сколько все они оскорблены присвоением общественных сокровищ частным лицом; благородно защитил себя Танкред правом войны и тем, что он жертвовал большую часть добычи храму Божью; а совет князей присудил ему дать только десятину своей добычи в пользу Св. Гроба, что составило до семисот марок серебра. Ничего не щадили крестоносцы для восстановления благолепия церковного в Иерусалиме; опять загудела призывная медь колоколов, умолкших со времен халифа Омара, и верные всех окрестных стран стали опять стекаться на поклонение Св. Гробу; Готфрид немедленно учредил при нем братство из двадцати латинских каноников, которые, вместе с греческим духовенством, стали совершать богослужение. Он поспешил также обратиться в храмы обе мечети: Омарову, эль-Сахара, и эль-Акса, отнятую халифом Абдель Мелеком у христиан, и учредил при них братство, которое впоследствии заменили славные рыцари Храма. И в Иосафатовой долине, над вертепом Гефсиманским, устроил он обитель из тех иноков, которые мужественно подвизались во время осады.

Когда христиане предавались радости об искуплении св. мест, общее уныние распространилось между магометанами. В Багдаде кади города Дамаска, принесший горькую весть сию халифу Мостанзеру, рвал себе седую бороду в присутствии, посреди дивана, и, внимая ему, халиф и весь диван плакали; установили посты и молитвы; имамы и поэты в красноречивых проповедях и стихах описывали бедствие мусульман, сделавшихся невольниками христиан, и ужасы осады Иерусалимской. «Сколько крови, сколько бедствий! восклицали они; жены и дети погибли мечом! Братья нашим, некогда властителям Сирии, нет другого приюта, кроме хребта быстрых своих верблюдов и утробы жад-

ных коршунов!» Столь велико было смятение арабов, турок и египтян, что временно прекратились между ними раздоры, бывшие виною первых успехов крестоносцев. Жители Дамаска и Багдада одинаково стали ожидать спасения от оружия халифа Фатимидов, издавна ненавидимого ими как незаконного соперника рода Аббасидов. Со всех пределов Востока храбрые воины стали стекаться в стан его войск, приближавшихся к Аскалону, под начальством визиря Афдала, который еще недавно отнял у турок Иерусалим.

Танкред и граф Фландрский, посланные с дружиною по окрестным пределам, поспешили доставить весть сию в Иерусалим и, ради близкой опасности, ее огласили ночью, при свете факелов и при звуке труб, по всему городу. На рассвете громкий благовест созвал крестоносцев в церковь Св. Гроба, дабы приготовились к походу молитвою и причащением Св. Таин; столь велика была общая уверенность в победе, что ни малейшего беспокойства не возникло в городе и войске. Король Готфрид вывел дружины в западные врата Вифлеемские, в сопровождении патриарха Арнульда, с Честным Древом Креста. Жены, дети, старцы и слабые богомольцы остались одни в Иерусалиме, под надзором пустытника Петра, чтобы молитвами содействовать успеху оружия. Граф Раймунд Тулузский, неохотно сдавший крепость Давидову новому королю, и беспечный герцог Нормандский Роберт, довольный совершением своего обета, колебались следовать за Готфридом, но и они увлечены были общим стремлением; в Рамле ополчилось все воинство креста.

Услышав, что сильное войско халифа расположилось станом, на равнине Аскалонской, Готфрид велел полкам своим приготовиться к бою, накануне праздника Успения. С рассветом каждая дружина собралась вокруг своей хоругви, и патриарх, возвысив Честное Древо Креста, как верный залог победы, дал благословение к битве. С пламенною ревностью двинулись крестоносцы, как бы на некий пир, нисколько не смущаясь числом врагов, так что сам

арабский эмир Рамлы, следовавший за ними, изумился мужеству воинов и обещал Готфриду принять веру храбрых. Вся равнина Аскалонская покрыта была полчищами врагов, которые, опираясь на песчаные холмы поморья, распустили широкие крыла, чтобы окружить христиан; вдали на высоте виднелись башни Аскалона, в пристани коего стоял флот египетский с припасами воинскими. Малочисленные дружины христиан показались несметным полчищем изумленным врагам, потому что целое стадо волов, лошадей и верблюдов, к которому запретил прикасаться Готфрид из опасения какой-либо воинской хитрости, следовало за звуком труб и подымало вдали широкое облако пыли.

Страх объял сарацинов; они не ожидали, что христиане отважатся выступить против них в поле, и вспомнили ужасное кровопролитие в стенах Антиохии и Иерусалима, но уже закипела битва. Король Готфрид с десятью тысячами всадников и тремя тысячами пеших устремился к Аскалону, чтобы воспротивиться нападению засадного войска и жителей. Граф Раймунд стал между неприятелем и его флотом; Танкред и два Роберта ударили на врагов; черные африканцы сперва выдержали напор пеших и конных, осыпав их тучами стрел, и вступили в рукопашный бой; за ними устремились и другие полчища египтян; но ничто не могло удержать пыла крестоносцев. Герцог Нормандский пробился до того места, где сам визирь Афдал распоряжался битвою, и выхватил главное знамя неверных. Тогда общее смятение распространилось между ними, и все их нестройное полчище обратилось в бегство: тысячами падали неприятели под мечом победителей, бросая оружие, и свежие войска Готфрида и Раймунда довершили поражение, какого давно не видели надменные завоеватели Востока. Многие погибли бедственно в пустыне; до двух тысяч задавлено было во вратах Аскалона, в коем искали спасения. Визирь Афдал, утративший меч свой на поле битвы, видя конечную гибель с вершины башен Аскалонских, в тот же день бежал с фло-

том в Египет. Чрезвычайное обилие припасов и богатейшая добыча вознаградили крестоносцев за их подвиг: уже им не было врагов в Палестине; победа сия распространила всеобщий страх имени христианского от Каира до Багдада. По сказанию очевидца, монаха Роберта, и летописца, архиепископа Тирского, двадцать тысяч крестоносцев одолели на полях Аскалонских триста тысяч магометан. Сдался бы и самый Аскалон, если бы не возникло гибельное несогласие между старшими вождями. Король Готфрид и граф Раймунд оспаривали друг у друга владение городом; внезапное удаление Раймунда принудило короля довольствоваться легкой данью, которою откупились жители. Та же распря и та же неудача повторились и под стенами соседнего города Арсуфа, и уже раздраженный король хотел сразиться с непокорным графом, но Танкред и оба Роберта бросились посредине дружин и примирили державных соперников.

С торжеством и радостными гимнами возвратились крестоносцы в Иерусалим; меч и знамя Афдала повешены были на столпах церкви Св. Гроба, которую еще недавно он клялся разрушить до основания. Так окончился сей первый Крестовый поход, взволновавший весь Запад и Восток! Совершив обет свой, князья стали собираться в обратный путь, предоставив защиту св. мест мудрости короля и мечу Танкреда с тремястами избранных рыцарей. Не более сего осталось в Палестине от миллиона людей, принявших на себя крест в Европе, и хотя еще поднялись, в течение краткого времени, три новые полчища, предводимые знаменитейшими из князей Запада, они не достигли Иерусалима, но одно за другим, в числе четырехсот тысяч, погибли бедственно в горах Малой Азии, где воспользовались их неопытностью орды турецкие, рассеянные первыми крестоносцами около Никеи.

Со слезами прощались остававшиеся в Палестине с братьями их, идущими опять на родину, и умоляли не забывать добровольных изгнанников, возбуждая новых вои-

телей из Европы; рыцари и бароны клялись не оставлять в забвении Св. Гроба и, возвратясь морем или сухим путем в Европу, повсюду встречаемы были с пальмами в руках как достойные витязи креста; но плачь о многих погибших отравлял радость о малом числе возвратившихся. Граф Раймунд Тулузский временно остался в Царьграде, где укрепил за ним император княжество Лаодикийское, на поморье Сирии; он вызвался быть предводителем одной из трех новых дружин крестоносцев; и хотя они бедственно погибли в Анатолии, но сам граф спасся от смерти. Герцог Роберт Нормандский, беспечный и сластолюбивый, дерзнул состязаться с братом своим, королем Генрихом, за венец Англии, и умер в долголетней темнице, забытый своими подданными. Более счастлив был другой Роберт, граф Фландрский, благополучно возвратившийся в свою область, равно как и Эсташ, брат короля Готфрида, смиренно управлявший до конца жизни родовым своим наследием. Но общее негодование Европы восстало против графа Этьена Шартрского и графа Юга Вермандуаского, брата короля Французского, за то, что оставили знамена креста еще под Антиохиею; они принуждены были, со стыдом, опять идти в поход с теми отрядами, которые впоследствии погибли в Анатолии. А пустынный Петр, первый двигатель стольких полчищ, возвратясь в отечество, заключился в обитель, где еще шестнадцать лет вел строгую жизнь инок, забыв о бранных тревогах, возбужденных между Западом и Востоком его мощным гласом.

Упадок королевства

Амори I, Бодуэны IV и V, Лузиньян. Св. Ефросинья Полоцкая

Едва воцарился Амори, как обратил уже взоры на Египет и, с малым войском быстро перейдя пустыню, принудил халифа купить мир ценою золота. Легко было одолеть Египет при внутренних его раздорах; два визиря оспари-

вали друг у друга верховную власть у подножия престола, на коем держали они своим пленником последнего из рода Фатимидов, халифа Адида. Визирь Шавер, изгнанный соперником, обратился к могущественному султану Дамаска, и Нуреддин послал с ним опытного из своих эмиров, Ширку, дядю Саладина, для завоевания Египта. Испуганный халиф, со своей стороны, просил помощи франков, и опять вооружился Амори. Эмир опередил Каира и успел овладеть Каиром; но у него самого возникла распря с визирем, и Шавер в свой черед искал помощи у Амори, обещая ему все то, что предлагал вождю Сирийскому; после многих битв Ширку принужден был оставить Египет. Султан жестоко отплатил сирийским христианам за поражение своих войск; в числе его пленников были князь Антиохийский Боэмунд III и Триполийский граф Раймунд; давно уже томился в его узах и Рено Шатильон, бывший правитель Антиохии. Одушевленный сим успехом, он решился покорить Египет, и сам халиф Багдада провозгласил священную войну против закоснелого врага своего, халифа Фатимидов, ибо он хотел, чтобы одно только имя Аббасидов оглашалось во всех мечетях исламизма как законных наследников пророка Мекки.

Смятенный властитель Египта искал опять спасения в союзе с франками, и послы его явились в Иерусалим. Обрадовалось корыстолюбивое сердце Амори такому зову; он собрал королевский сейм в Наблузе и требовал чрезвычайной подати, представляя все выгоды египетского похода. Уже грозный его соперник Ширку проходил пустынею, вокруг областей христианских, и утратил от песчаной бури половину войска, но и остатками сил своих навел ужас на Египет. Король медлил сражаться, заботясь только о богатой дани, и упустил благоприятное время для истребления врагов; они успели удалиться с честью и без урона. Сто тысяч ефимков золота, роскошные дары и стража христианская в Каире были следствием сего похода; но Амори, увле-

ченный жаждою большей корысти, уже с презрением смотрел на свое убогое царство после сокровищ египетских; им овладело гибельное желание завоевать страну своих союзников. Брак с племянницею императора Мануила еще более возбудил его надежды; он старался склонить властителя греческого к завоеванию Египта, и Мануил обещал ему сильное содействие деньгами и флотом. Напрасно благоразумные советники, и особенно великий магистр храмовников, старались отклонить короля от несчастного похода, представляя незаконным такое нарушение союза, хотя и с неверными, тем более что настоящая опасность грозила от султана Сирии, который держал в плену трех князей христианских. Король не терпел противоречий, и великий магистр госпитальеров поддерживал его в надежде на несметные богатства Египта, коих жаждал не менее Амори. Таким образом, король Иерусалимский и султан Дамасский в одно время устремились на Египет, стараясь оправдать друг перед другом несправедливые свои притязания; в церквах христианских, равно как и в мечетях сирийских, одинаково воссылались обеты о сокрушении престола Фатимидов.

Изумились египтяне нашествию франков и их жестокости при взятии Билбеиса; раздраженный народ изгнал стражу христианскую из Каира и укрепил его, предав огню богатое предместье. Халиф обратился к закоснелому врагу своему Нуреддину с мольбами о защите, и обрадованный султан послал, в третий и последний раз, эмира Ширку покорить Египет. Между тем хитрый визирь Шавер обещаниями богатой дани задержал шествие короля, напрасно ожидавшего подмоги от греков. Вместо них явился страшный Ширку с войсками сирийскими, и со стыдом должен был удалиться через пустыню король Амори, ибо не в силах был бороться с удвоенными силами султана и халифа. Но и визирю стоила жизни победа сирийцев: эмир Ширку отомстил ему за прежнюю измену, и, когда сам скоропостижно скончался посреди своих побед, славный его пле-

мянник Саладин избран был халифом на его место, для собственной гибели Фатимидов и для гибели христиан.

Еще однажды устремился Амори на Египет с флотом греческим, который подошел к пристани Птолемаидской, но поход его окончился тщетною осадю Дамиеты. Несчастные покушения франков на Египет должны были им напомнить древнюю заповедь, данную некогда евреям: не обращать взоров своих на Египет. Не ожидая более помощи от Запада, король Иерусалимский положил всю свою надежду на императора и отплыл в Царьград, предоставив Господу Иисусу управлять Его царством, как он сам отзывался, ибо не было иной защиты обуреваемому со всех сторон врагами. Блистательный прием при императорском дворе не принес, однако, никакой пользы Амори; одно только страшное землетрясение, обрушившее многие города в Сирии, остановило на время султана Дамасского от действий воинских. Каждый князь и народ занят был собственными бедствиями; страх суда Божья удержал обоюдное оружие, говорит Вильгельм, архиепископ Тирский, пользовавшийся милостями короля Амори и бывший наставником его болезненного сына.

В последние годы рыцарского королевства посетила св. места знаменитая паломница русская, игуменья, но вместе и княжна, дочь князя Полоцкого Бречислава. Св. Ефросинья избрала самое благоприятное время для своего странствования, ибо в 1173 году, хотя оставалось только пятнадцать лет до завоевания Иерусалима Саладином, однако еще со славою царствовал король Амори, и по браку своему с Марией, дочерью греческого императора Мануила, вероятно, ласково принял княжну русскую. Краткое описание ее хождения и блаженной кончины осталось нам в ее житии.

«Св. Ефросинья, поручив обитель сестре своей Евдокии и возложив упование на Бога, пустилась в преднамеренный путь. Будучи далеко провожаема всеми родными с горькими слезами, она взяла с собою брата своего Давида и

родственницу Евпраксию и сперва пришла в Царьград, где с честью принята была императором и патриархом. Достигнув Иерусалима, поклонилась живоносному гробу и поставила на нем златое кадило, церкви же Иерусалимской и патриарху поднесла богатые дары. Когда же, с умилением сердца, обошла все св. места, поселилась в монастыре, называвшемся русским, при церкви Пресвятой Богородицы. Пришедши однажды ко гробу Господню, св. Ефросинья так помолилась над ним со слезами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, родившийся от Пресвятой Девы Марии ради нашего спасения и сказавший: просите и дастся вам, благодарю Твое благоутробие, что я, грешная, чего просила у Тебя, то получила: ибо сподобилась видеть св. места, которые Ты освятил пречистыми Своими стопами, и целовать Св. Гроб Твой, в коем Ты почил Твоею плотью, смерть за нас подъявшею: но и еще у Тебя, о преблагой Владыко, прошу единого дара: дай мне и окончить дни мои на сих св. местах. Не презри смиренного моления моего Создатель мой, прими мою душу в сем святом Твоем Граде и водвори ее с утдившими Тебе, на лоне Авраамовом». Св. Ефросинья, возвратившись в обитель, где имела пристанище, вскоре заболела и, уже на одре смертном, благодарила Господа, что послушал недостойную Свою рабу. Ей хотелось побывать на Иордане, но уже недоставало сил, и потому просила брата своего Давида принести ей оттоле священной воды. Блаженная, приняв воду сию с великою радостью и благодарением, пила ее и облила ею все свое тело, благословляя Господа, просвещающего и освящающего всякого человека, грядущего в мир. Было ей в болезни ангельское явление, с извещением о блаженной кончине, и преподобная исполнилась духовной радости о Боге Спасе своем. Потом послала она в лавру святого Саввы просить архимандрита и братию, чтобы дали ей место на погребение в их обители; но они отказали, говоря: «Заповедь имеем от святого отца нашего Саввы, чтобы никогда не погребать жены в его оби-

тели; но есть Феодосиев общежительный монастырь Пречистой Богородицы, в коем многие жены покоятся; там и мать св. Саввы, и мать св. Феодосия, и мать святых бесребренников, Феодосия, и еще иные; посему и богоугодной Ефросиньи прилично быть там положенной». Услышав сие, преподобная возблагодарила Бога, изволяющего, чтобы тело ее положено было с мощами святых жен, и послала в обитель преподобного Феодосия с тою же просьбою, и там иноки показали место для ее могилы, в церковном притворе. Двадцать четыре дня продолжалась болезнь ее; когда же почувствовала приближение кончины, она призвала пресвитера, причастилась Божественных Таин и на молитве предала святую свою душу в руки Божьи, 23 мая; с честью погребена была княжна русская в обители преподобного Феодосия, в паперти церкви Пресвятой Богородицы. Брат же ее Давид и родственница Евпраксия возвратились в свое отечество, в город Полоцк, куда принесли весть о блаженной кончине и честном погребении преподобной Ефросиньи».

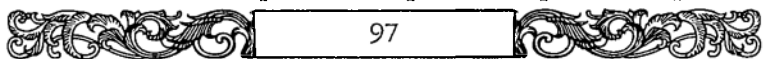
Говоря о молитвенных подвигах святой соотечественницы нашей, любопытно исчислить и ряд патриархов Иерусалимских, заочно бодрствовавших над своею паствою, как называет их в своей истории преемник их Досифей. Когда король Иерусалимский, Бодуэн III, завоевал Аскалон, православным патриархом Св. Града был уже Евхерий, а за ним Иаков. Еще иной патриарх, Арсений, упоминается в некоей древней хартии, по случаю утверждения иноческого устава для монастыря св. Ефимия, который в 1145 году обновил внутри стен Иерусалимских некто авва Герасим, при содействии Анны, императрицы Трапезундской, и с ним названы митрополиты Герман Васанский, Матфей Газский и Илия Вифлеемский: это показывает, однако, что и православные сохранили, в некоторых местах, своих архиереев. Еще два патриарха Иерусалимские подписали имена свои на соборах, бывших в Константинополе при императоре Мануиле

Комнине, в 1156 и 1166 годах, против тех, которые отвергали таинство евхаристии и равенство Сына с Отцом. Первый из сих святителей был Иоанн, писавший также против опресноков латинских, а второй Никифор.

Между тем Саладин укрепляется в Египте, довершая покорение земли сей, будто бы во имя Нуреддина, но уже замышляя владычество. Он уничтожил там халифат Фатимидов, более двух веков враждебный Аббасидам; их черное знамя заменило опять белое потомков Али, и во всех мечетях ислама стали поминать одно только имя халифа Багдадского. Адид, последний из Фатимидов, не ведая сам, в глубине своих чертогов, о совершившейся вокруг него перемене, внезапно скончался, и смерть его приписывают Саладину. Уже новый правитель Египта возбудил подозрения и зависть всех эмиров Сирии и самого Нуреддина, который несколько раз напрасно требовал его ко двору своему. Одна только ранняя смерть султана остановила междоусобия: малолетний сын его, Малек Измаил, не в состоянии был управлять обширную державою. Смятенные эмиры Дамаска искали союза с франками и предложили Амори золото, чтобы только оставил он предпринятую им осаду Панады. Согласился король, испросив прежде свободу всем пленным князьям христианским, и вскоре скончался, ибо недолговечны были властители Иерусалимские на троне Давида и Соломона; а страшный Саладин принудил эмиров Дамаска и самого халифа Багдадского, за оказанную ему услугу против Фатимидов, признать его единственным обладателем Сирии; сыну Нуреддина остался ненадолго один Алеп. Так вся Сирия и Египет, дотоле разрозненные и потому менее опасные для христианских держав Востока, соединились под одну мощную руку, и неминуемая гибель угрожала Иерусалиму, который в столь бедственную годину оставлен был Западом и не имел в себе твердого защитника, ибо малолетний сын Амори, Бодуэн IV, от рождения страдал проказою и не мог управлять.

Все клонилось к падению в королевстве франков, хотя, казалось, никогда не были они в более цветущем положении, по своему богатству, народонаселению и множеству городов и замков, рассеянных по пустыне и вдоль поморья. Родственные связи двух королей упрочили давно желанный союз с императорами греческими. Владетельный граф Триполийский и феодальные владетели Сидона, Бейрута, Каиафы, Кесари, Аскалона, Галилеи, Яффы, Арсура, Карака и областей Заиорданских должны были, по уставу Готфрида, посылать вспомогательные войска свои по первому зову короля, который сам обладал, кроме Св. Града, Наблузом, Аккрою и Тиром. До пятнадцати тысяч войска, конного и пешего, могло выставить королевство франков, не считая двух могущественных орденов, госпитальеров и храмовников, которых дружины наполнялись непрестанно западными пришельцами, а богатства превосходили царские. Силен был и латинский патриарх Св. Града, от которого непосредственно зависели митрополиты Вифлеема, Тира, Кесари, Назарета и Карака, с подчиненными им епископами; как и сам патриарх, имел в своей области епископов Вифлеема, Хеврона и Лидды. Все они также обязаны были поставлять известное число войск во время походов.

Иаков Витрийский, епископ Птолемаиды, описывая папе состояние Палестины того времени, говорит, что под властью франков церковь на Востоке начала процветать и виноградник Господний пускать новые отрасли. Повсюду самые живописные места избирались для обителей, устраиваемых щедростью царскою, и дома Божьи умножались милостиною верных. Гора Четыредесятницы близ Иерихона и гора Кармильская имели духовных пчел своих, которые приготавливали сладкий мед Господу; многие умершие в миру, чтобы жить Богу, избрали себе мирные гробы в пустыне Иорданской, где спасался блаженный Предтеча. В самом Иерусалиме возвышалась, как замок, воинственная обитель госпитальеров, близ храма Воскресения; крепкие

монастыри храмовников стояли на Сионе и Елеоне; кроме каноников Св. Гроба, установленных Готфридом, учредились еще в Иерусалиме и его окрестностях женские обители, во имя Богоматери и св. Анны, на месте рождения Пречистой Девы, и Лазарева в Вифании, устроенная королевой Милезендою для сестры своей, царственной инокини. Иаков, отзываясь с похвалой о рыцарских орденах, говорит особенно о храмовниках, «что молва о их святости распространила благоухание по всему Западу, а церковь всегда будет прославлять их славные победы за имя Христова». Орден сей, принявший устав свой от Бернарда, был точно более строг в его исполнении, нежели рыцари Иоанна Иерусалимского; однако от его честолюбия и жадности к корысти истекла гибель Иерусалиму. Но самое жестокое зло происходило в Палестине от смешения всех племен западных, потомки коих, под именем пулан, отличались своею безнравственностью и утратили силу предков посреди всеобщего возраста. Они были как ржавчина на железе, как дурная трава в богатой жатве, говорит епископ Акры, и турки не страшались сих изнеженных воителей, более привыкших к баням, нежели битвам. Горько жалуется он и на порчу нравов латинского духовенства, которое уподоблялось волкам, пожирающим, а не пасущим вверенное им Христом стадо. Девятый патриарх латинский Св. Града, Ираклий, подавал собою пример всякого разврата. Сам дьявол позавидовал благосостоянию сего нового Эдема и подавил его под бременем грехов, говорит епископ Иаков, так что от ног до главы, от народа до клира, не осталось ничего здорового в Иерусалиме; повсюду соблазн, все вопияло к Богу о небесном мщении, и оно пало на Иерусалим.

Тотчас по кончине Амори возникли распри: кому управлять государством до совершеннолетия юного короля. Но тот, кто домогался власти, Милон, владетель Аравии, найден был мертвым на улицах Птолемаиды, и граф Триполийский, Раймунд, самый доблестный рыцарь во всей Палести-

не, испытанный многими бедствиями и долгим пленом у неверных, принял бразды правления; надменный нрав возбуждал против него ненависть прочих сильных баронов, и сам Бодуэн не доверял ему, хотя покорился необходимости. Явились и еще два лица, имевшие горькое влияние на судьбу королевства: Рене де Шатильон, некогда правитель Антиохии, недавно освободившийся от долгой неволи, которому из сострадания дали замок Карак, а он грабежами караванов навлек мщение Саладина. Другим, не менее гибельным лицом для Иерусалима, был Гуго де Лузиньян, граф Яффы и Аскалона, пленивший своею красотою дочь короля Амори, Сибиллу, и получивший ее руку после кратковременного ее супружества с маркизом Монферратским. Младенец Бодуэн, пятый и последний король сего имени, как призрак, мелькнувший на престоле, был плодом первого ее брака; падение Иерусалима — плодом второго.

Однако еще один, последний, успех порадовал христиан при начале царствования Бодуэна. Войско Саладиново внезапно вторглось в пределы палестинские, все предавая огню и мечу, и осадило Аскалон; болезненный король поспешил туда с малою своею дружиной при первом слухе о нашествии неприятеля. На том месте, где некогда дружины первых крестоносцев, предводимые Готфридом, победили полчища египтян, не усомнился и слабый его потомок выступить с тремястами рыцарей против неверных, уповая, при собственной немощи, на силу Божью и на содействие Честного Древа Креста. Оно поразило внезапным ужасом врагов: ветви его, по сказанию очевидцев, казалось, возросли до неба и простерлись до краев горизонта. Бежали неверные, бросая оружие по дороге, и едва спасся сам Саладин, утратив все свое войско, стан и воинские снаряды; давно не было одержано более полной победы. Бедуины пустынные довершили расхищение и гибель бежавших. Но год спустя уже Саладин явился с новыми силами на берегах Иордана и поразил там новых пришельцев западных, брата короля

Франции и других владетельных графов; в то же время Бодуэну должно было заботиться об обновлении стен иерусалимских, приходивших в упадок от ветхости. Богатейшие граждане наложили на себя добровольную дань для сего необходимого дела, и опять укрепился Св. Град.

Засухи и голод принудили враждующих, христиан и магометан, заключить невольное перемирие на два года; ибо не было средств содержать войско в опустошенных пределах Сирии. Саладин удалился в Египет с толпами голодного народа. В то же время целое племя маронитов, обитавших в горах Ливанских, совершенно независимое по своему гражданству и церкви, присоединилось к римской, признав над собой власть латинского патриарха Св. Града. Духовный и вместе гражданский союз сей принес некоторую отраду областям христианским в Сирии, но более княжеству Антиохийскому и графству Триполийскому, нежели королевству; ибо воинственные марониты ограждали их со стороны Ливана от нападения турок. Еще не кончилось условленное перемирие с султаном, как уже начались враждебные действия с обеих сторон. Саладин захватил корабль с паломниками западными, занесенный бурей в Дамиету; а владетель Карака, Рено, продолжал грабить караваны магометанских паломников и даже отважился овладеть Меккою; но смелое предприятие рушилось, и воины его, взятые в плен турками, принесены были в жертву на празднике Байрама вместе с овцами, пред дверями Каабы, дома Аврамова; некоторые из них погибли в самом Каире, пред лицом раздраженного султана, от руки Софиев и проповедников Корана. Саладин поклялся бородою своего пророка отомстить христианам за их святотатственное покушение, подступал с войском к Караку и Бейруту, опустошил Галилею и опять на время удалился в Месопотамию; ибо он должен был еще сокрушить род Атабеков, который держался в сих пределах. Смерть сына Нуреддинова и взятие Алеппа сделали его, наконец, полным властителем Сирии, как и

Египта, и тогда уже мог он обратить все силы на единственных врагов своих — христиан.

Ежедневно и повсеместно ожидали его нападения, а между тем болезнь прокаженного короля усилилась до такой степени, что он ослеп и лишен был употребления рук и ног. В столь горестном положении Бодуэн был вынужден отказаться от верховной власти, с сохранением только королевского титула; но избранный им правитель, Лузиньян, супруг Сибиллы, не внушал никому доверия; глас народа был гласом Божиим, ибо в скором времени обнаружились неспособность и малодушие правителя, когда он, с двадцатитысячным войском и тысячью тремястами рыцарей, позволил неприятелю, пред своими глазами, опустошать пределы Галилейские. Общий ропот и негодование побудили короля взять из слабых рук кормило правления; он даже хотел лишить Лузиньяна графства Аскалонского и расторгнуть его брак с Сибиллою; но непреклонный вассал заключился в стенах Аскалона, и напрасно царственный слепец болезненными руками сам стучал в закрытые ворота города. Тогда, призывая Бога в свидетели измены Лузиньяна, он назначил правителем королевства Раймунда, графа Триполитского, и венчал в храме Воскресения младенца Бодуэна, сына сестры своей, королем Иерусалимским. В палатах Соломоновых, где обитали властители латинские, в последний раз дан был великолепный пир, на коем граждане Иерусалима служили, по обычаю, королю и его баронам.

Патриарх Ираклий с великими магистрами госпитальеров и храмовников посланы были в Европу просить помощи для гибнущей Палестины. Они предстали в Вероне перед папой Луцием, изгнанным из Рима своим соперником, и Фридрихом, императором Германским, умоляли и короля Франции Филиппа Августа, только что воцарившегося, и могущественного Генриха II, короля Английского: все было напрасно, ибо еще не изгладились следы второго несчастного похода. Генрих обещал помощь и дал только денег; раз-

драженный патриарх напомнил ему данную им клятву идти в Палестину за убийство архиепископа Томаса Беккета, но гневная речь не произвела желаемого действия. Ираклий возвратился ни с чем; первосвяtitель римский, будучи не в силах подвигнуть Запад, принужден был действовать иными средствами и написал умиловительное послание в защиту христиан закоснелому врагу их султану Саладину и брату его Малек-Аделю. «Мы ненавидим наше настоящее, писал архиепископ Вильгельм Тирский, и с ужасом ожидаем будущего; враги наши во всем имеют над нами верх, и мы достигли той степени, что уже не можем переносить ни зол, ни врачеваний!» Сими словами заключает свою летопись красноречивый писатель, ибо уже не в силах был продолжать картины бедствий и описывать падения Св. Града. Многие знамения, на небе и на земле, предвещали близкую его гибель, как некогда, во дни иудеев, страшные вихри и землетрясения, затмения солнца и луны; но вернейшим знаком было всеобщее развращение нравов, начиная с патриарха Ираклия, которого нечистая жизнь служила соблазном целому городу. «Древний враг человекам исключительно царствовал в Иерусалиме, рассеяв повсюду бурю мятежа; другие народы, восприявшие некогда свет веры из Св. Града, видели в нем тогда пример всякого беззакония; потому презрел Господь свое наследие и наказал оное железным жезлом Саладина». Так говорит латинский современный писатель Вальтер о безнравственном состоянии, до какого допустили себя соплеменники его во Св. Граде.

В столь бедственных обстоятельствах несчастный король Бодуэн угас посреди окружавших его раздоров о верховной власти, и вслед за ним скончался младенец Бодуэн V; это было последнее царственное погребение у подножья Голгофы; род Готфрида и Бодуэна отходил к покою, Иерусалим подвигался в падению. Тотчас по кончине обоих королей граф Триполийский созвал баронов королевства в Наблуз, для совещания; патриарх и великий магистр храмовников

остались в Иерусалиме и предложили венец Сибилле, сестре умершего Бодуэна Прокаженного. В заключенном храме Воскресения тайно совершился последний обряд царского венчания, и тогда же, по взаимному согласию с патриархом, Сибилла возложила другой венец на бедственную главу своего супруга, в залог падения королевства. Напрасно граф Триполийский умолял баронов избрать королем молодого Торона, мужа другой дочери Амори, Изабеллы. Сам Торон и вслед за ним прочие бароны, опасаясь междоусобий, покорились Сибилле; граф Раймунд вынужден был удалиться в свой удельный город Тивериаду и даже просил помощь от султана на тот случай, если король нападет на него.

Еще одно нападение Рено де Шатильона на караван, шедший в Мекку, возбудило мщение Саладина. Он провозгласил в мечетях Каира и Дамаска священную войну против врагов ислама (1167 г.), выступил с войсками для защиты караванов и осадил Карак. Сын его Афдал перешел Иордан и приблизился к Назарету; не более ста тридцати рыцарей — храмовников и госпитальеров — сразились с многочисленным неприятелем и, после невероятных подвигов, пали в битве, исключая одного великого магистра храмовников, который спасся на гибель Иерусалима. Тогда король Гуго де Лузиньян и граф Раймунд примирились, при виде угрожавшей опасности, и дружески обнялись пред всем народом на площади иерусалимской.

Взятие Иерусалима Саладином

Битва при Тивериаде

Со стороны христиан и магометан готовились с крайним ожесточением, к решительной битве. Султан уже обещал своим эмирам богатейшие области и города королевства. Халиф воссылаал молитвы о взятии Иерусалима, и ему вторили, от Хорасана до берегов Нила, последователи Корана, приведенные Саладином под его единовластие. Во-

семьдесят тысяч войска перешли Иордан с могущественным султаном Сирии и Египта и остановились при Тивериаде. Король, граф Триполийский, и все бароны собрались в Иерусалим, чтобы совещаться о мерах защиты; весь силы должны были выступить туда, откуда угрожала опасность. Деньги, присланные королем Англии, употребили на вооружение. Честное Древо Креста пронесли по стенам и улицам Св. Града, и патриарх вручил его епископам, дабы сопровождало стану ратных; но грустные предчувствия исполняли сердца жителей Иерусалима, и между ними разгласилось предсказание, что Честное Древо уже не возвратится в Сион.

До пятидесяти тысяч воинов христианских выступили в Галилею, на обширную равнину Сефориса, древней Диокесарии; крепости и замки остались почти без всякой защиты; все паломники, пришедшие с Запада, и даже гребцы судов явились с оружием в руках; граф Триполийский привел всех своих воинов, князь Антиохийский послал только пятьдесят рыцарей, под начальством юного сына. Вскоре услышали, что Саладин овладел Тивериадою и осаждает в замке жену графа Триполийского; в стане христиан собрался военный совет. «Тивериада — мой город, моя жена осаждена в замке, сказал граф Раймунд, мне всех ближе спасение Тивериады; но горе нам, если увлечем в безводные места воинов и коней, а Саладин заслонит нам озеро Галилейское. Дождемся здесь неприятеля, который двинется на нас, превознесенный своими победами, и та участь, которая бы нас ожидала в пустыне, встретит его здесь; жажда и меч истребят неверных, и даже, в случае поражения, нам будет куда отступить. Лучше пусть погибнет одна Тивериада, нежели все королевство». Великий магистр храмовников и Рено де Шатильон упрекнули графа в малодушии; прочие вожди одобрили мудрый совет его, и король согласился с общим мнением ожидать неприятеля. Но в ту же ночь магистр внушил подозрение слабому Лузиньяну

против графа, который будто бы хотел выдать королевство Саладину; он убеждал его спасти христиан решительной битвой. Король велел двинуться к Тивериаде; в первый раз принудил он повиноваться своей воле, и это было для гибели Иерусалима.

Утром 3 июля войско выступило из стана при Сефоре; граф Триполийский шел впереди с своею дружиною, по правому и левую руку бароны Св. земли, посредине Честный Крест, вверенный избранным мужам, и король Иерусалимский с храбрыми своими рыцарями; братья храмовники и госпитальеры замыкали войско. Христиане шли прямо к Тивериаде, и за три поприща от нее встретили сарацин, когда уже сами начинали томиться зноем и жаждою. Надлежало проникнуть сквозь тесные ущелья, чтобы достигнуть моря Галилейского, и потому граф Триполийский послал сказать королю, чтобы он поспешил пройти лежавшее на пути селение; но сарацины с такою яростью устремились на задние полки христиан, что поколебались храмовники и госпитальеры. Тогда король, не смея идти вперед и не зная, что ему делать, велел ставить шатры; многие слышали даже, как он восклицал: «Здесь все для нас кончено! Мы все погибли и погибло королевство!» С отчаянием в сердце повиновались ему дружины; страшную ночь должно было провести им на этом месте. Сыны Измаила окружили стан народа Божья и зажгли окрест него сухой ковыль; всю ночь томились христиане от пламени и дыма, голода и жажды, под тучею стрел. На рассвете султан выступил из Тивериады в битву с изнуренными; крестоносцы хотели проникнуть сквозь ущелья к озеру Тивериадскому, ибо надеялись, освежаясь водою, успешнее действовать. Уже передовой отряд графа Раймунда направился к высоте Хаттин, иначе называемой горою Блаженства, ибо оттоле проповедал Спаситель о блаженствах евангельских, — ее занимали турки. Пока еще войско строилось к битве, пешие полки, в беспорядке и без прикрытия рыцарей, устремились на вы-

соту Хаттин, оставив в смятении прочие дружины. Король, бароны и епископы послали возвратить их для защиты Честного Креста и хоругвей. «Мы умираем от жажды и не в силах сражаться!» — было их ответом; никакие убеждения не подействовали на непокорных; между тем храмовники и госпитальеры мужественно бились в тылу, без всякого успеха, ибо число врагов беспрестанно умножалось. Одолеваемые сарацинами, они звали к себе на помощь короля; но король, видя, что пешие полки его оставили и что сам он в опасности от стрелков сарацинских, предался на волю Божию и велел опять разбивать стан, чтобы удержать, если можно, напор неприятеля. Воины в беспорядке столпились около Честного Креста; когда граф Триполийский увидел, что рыцари и все войско представляют одну смешанную толпу, от которой сам был отделен тьмою варваров, он проложил себе путь сквозь их полчища к озеру. Ежеминутно новые тысячи сарацин устремлялись на христиан, осыпая их стрелами. Епископ Акры, который нес Честное Древо, получив смертельную рану, вручил священный залог епископу Лидды. Тогда пешие полки, искавшие себе спасения на высоте Хаттина, были в свой черед окружены неприятелем и все взяты в плен или убиты. Балеан, барон Наблуза, и те, которые только могли спастись, прошли по трупам, а не по земле. Все сарацины сбежались к тому месту, где находились Честный Крест и король Иерусалимский. Легче выразиться рыданиями и горькими слезами, нежели высказать в подробности конец сего страшного дня, говорит современная летопись. Честное Древо было взято с епископом Лидды и всеми его защитниками; король и его брат, маркиз Монфератский, достались в плен неприятелю и с ними все храмовники и госпитальеры, которые еще не погибли в битве. Господь уничтожил народ свой, излив на него всю чашу своей ярости.

Так рассказывает о сей несчастной битве свидетель ее и боец Карл Корнуольский, родом из Англии, и то же по-

вторяют летописцы арабские: Ибн Алатир и Эмадеддин. «Великий Крест взят был прежде короля, и много неверных около него погибло; они украсили его золотом и драгоценными камнями и почитали первым долгом защищать в битвах, преклоняя колена, когда воздвигалось древо; взятие оно было для них горше, нежели плен их государя. Когда король франков вошел на высоту Хаттина, рыцари, около него бывшие, опрокинули мусульман к подошве холма; омрачилось лицо Саладина, и он схватил себя за бороду, страшными клятвами возбуждая своих воинов; опять взобрались они на вершину и опять устремились на них франки. «Бегут, бегут!» воскликнул стоявший подле Саладина сын его; «Умолкни, — сурово отвечал ему отец, — тогда только будут они совершенно побеждены, когда упадет королевское знамя», и в ту минуту оно упало. Увидя это, султан сошел с коня и, простершись на землю, со слезами благодарил Бога за победу».

Граф Раймунд бежал в Триполи и там умер с отчаяния, подозреваемый христианами в измене. Сын князя Антиохийского, Рено, граф Сидонский, и юный граф Тивериадский, последовавшие за Раймундом на поле брани, спаслись от общего поражения. Писатели восточные прославляют мужество франков в сей жестокой битве: «Рыцари их стояли железной стеной, в своих латах, доколе не пали под ними истомленные кони; вся долина усеяна была трупами, и сие обширное поле смерти благоухало райскими цветами для последователей Корана», — так выразил свою жестокую радость летописец арабский. Судя по множеству мертвых, казалось, ни один из воинов Креста не достался в руки врагов живым; но, когда стали собирать пленных, от множества их можно было опять подумать, что вовсе никто не убит; по сороку всадников связывали одною веревкой; один человек стерег двести, и не доставало покупателей для стольких пленников — за обувь продавали рыцаря. Милостиво принял Саладин короля Гуго де Лузиньяна в шатре своем и

предложил ему прохладный напиток; когда же король хотел передать кубок Шатильону, султан остановил его, воскликнув: «Не должен пить в моем присутствии этот изменник, ибо я не могу пощадить его». Рено с твердостью отвечал на все угрозы, и султан поразил его саблею; голова Рено скатилась к ногам короля. Это был началом кровопролития. На другой день Саладин велел привести всех рыцарей храмовников и госпитальеров и позволил своим эмирам собственноручно убивать их, чтобы избавить землю от столь проклятого рода. Пощажены были один великий магистр храмовников за гибельный совет; сами рыцари не просили себе пощады, но с жадностью устремлялись под меч сарацинский. Даже те, которые не принадлежали к обоим орденам, называли себя их именем, чтобы только добыть мученический венец.

Саладин быстро воспользовался своею победой; он немедленно занял замок Тивериады и отпустил графиню Триполийскую. Не более двух дней держалась Акра, уstraшенная его оружием; Наблуз, Рамла, Кесария, Яффа, Бейрут открыли ворота победоносному султану. Тир отразил его, хотел держаться и Аскалон, но сам король Иерусалимский, водимый пленником в стане Саладина, убедил жителей пощадить жен своих и детей. Согласились доблестные защитники Аскалона, но первым условием сдачи положили освобождение их недостойного короля, и тронутый Саладин обещал возвратить через год свободу Лузиньяну.

Тогда обратился он, со всеми силами, к Св. Граду. Королева, патриарх с клиром, дети убитых при Тивериаде воинов и многочисленные семейства христиан, искавшие убежища в стенах его от грабежей сарацинских, — таковы были защитники Св. Гроба, для которого столько миллионов людей устремились из Европы; плач и смятение наполнили Иерусалим. Султан призвал к себе старейшин города и сказал им: «Знаю, как и вы, что Иерусалим есть дом Божий, не хочу осквернить его кровопролитием; оставьте сте-

ны ваши, а я уделю вам часть своих сокровищ и дам столько земли, сколько можно обработать». — «Не можем, отвечали они, уступить тебе города, в котором умер за нас Господь наш, еще менее можем продать его». Раздраженный Саладин поклялся Кораном обрушить стены и башни Иерусалима и отомстить за смерть мусульман, погибших при осаде его крестоносцами. Во время переговоров внезапно затмилось солнце, и христиане приняли сие затмение за горькое предзнаменование; однако, одобренные духовенством, приготовились к защите города. Они избрали своим вождем Балеана Ибелина, владетеля Наблужского, который спасся от битвы Тивериадской, мужа опытной доблести и всеми уважаемого за свою добродетель. Балеан озабочился укреплением стен и устройством новой дружины и, по недостатку рыцарей, произвел их пятьдесят из числа простых граждан; все те, которые только могли носить оружие, поклялись пролить кровь свою за Господа Иисуса; по недостатку денег все меры показались законными среди угрожавшей опасности, и народ не соблазнился, когда перелили в деньги драгоценную крышу с часовни Св. Гроба.

Вскоре с высот Эммауса показались знамена Саладиновы, который расположился станом на тех же местах, где некогда разбили шатры свои царственный Готфрид и рыцарь Танкред, и оба Роберта. Жестоки были первые стычки; осажденные частыми вылазками беспокоили сарацин, держа в одной руке копье или меч, а в другой лопату, чтобы ослеплять прахом неприятеля. Спустя несколько дней Саладин направил свое нападение к северной стене города и повел подкопы около ворот, с Иосафатовой долины. Храбрейшие из защитников Св. Града вышли уничтожить работы и орудия осаждавших, возбуждая друг друга словами писания: «один из нас поразит десять неверных и десять поразят тьму»; но они не могли остановить успешных действий неприятеля; при первом приступе должны были обрушиться бойницы; уныние овладело гражданами Иеруса-

лима; они плакали в храмах, вместо того чтобы сражаться, и никто, ни за какую цену, не хотел охранять поврежденную часть стен, которой угрожала опасность. Духовенство крестным ходом обходило улицы, взывая к небу о пощаде; иные били себя камнями в грудь, другие томили тело свое вретischem, повсюду слышны были вопли; но не внял им Господь ради развращения и нечистоты, исполнивших Сион и заградивших путь молитве, по выражению современного летописца.

Посреди общего смятения большая часть жителей, греков и сириян, которые много терпели притеснений во время господства франков, по тайному предложению султана хотели открыть ему ворота, чтобы избежать кровопролития. Еще более смутились старейшины города, когда проникли их тайный умысел, и сами решились сдать город. Балеан, вождь их, явился в стан Саладина, предлагая ему ключи города на тех же условиях, какие были отринуты перед началом осады; но султан не хотел изменить данной им клятвы — истребить всех жителей, и напрасно переходил Балеан из города в стан и из стана в город, умоляя сурового победителя о пощаде. Однажды, во время сих переговоров, султан указал просителям свои знамена, уже развевавшиеся на одной части стен, и спросил их с надменной улыбкою: «Каких еще хотят условий?», но в ту же минуту опрокинуты были знамена, и Балеан, возбужденный сим последним успехом, сказал султану: «Ты видишь, что есть еще защитники Иерусалиму; если же не можем ожидать от тебя никакого помилования, мы решимся на нечто ужасное и ты сам ужаснешься нашему отчаянию. Храмы и палаты, коих алчешь, будут разрушены, сокровища наши не утолят жажды сарацин, ибо погибнут в пламени. Обрушим и мечеть Омара и сотрем в прах таинственный камень Иакова, предмет поклонения вашего; пять тысяч ваших пленников падут от меча, ибо мы не пощадим собственных жен и детей, чтобы только избежать позорного рабства. Когда же

Св. Град будет одною обширною могилою и грудю развалин, мы выйдем из сего гроба и не одни, но с теньями наших близких, убиенных тобою и нами, с мечом и огнем; никто из нас не переселится в рай, не умертвив прежде собственною рукою до десяти неверных, и так все погибнем славною смертью, призвав на вас проклятие небесное». Устрашился угрозы Саладин и отложил ответ свой до другого дня; он совещался со своими законниками: может ли согласиться на условия осажденных вопреки данной клятве? И, получив от них разрешение, подписал на следующее утро условия сдачи. Так, после восьмидесятивосьмилетнего владычества христиан, Иерусалим впал опять в руки неверных. Латинский историк замечает, что крестоносцы вошли в Иерусалим в пятницу, в самый час искупительной смерти Христовой; магометане же взяли обратно город в день, празднуемый ими как память восхождения их пророка из Иерусалима на небо, и это обстоятельство еще более возвысило славу Саладина в глазах мусульман. Победитель даровал жизнь жителям и позволил им купить свою свободу, по десяти золотых за каждого мужчину, по пяти — за женщину, по два — за ребенка; кто не мог заплатить выкупа, оставался в неволе; все носившие оружие получили дозволение удалиться в Триполи или Тир, ибо на всем поморье не оставалось более других городов в руках христиан; через сорок дней надлежало сдать Иерусалим. С радостью приняты были сперва условия, ибо все помышляли только о спасении жизни; но по мере приближения рокового срока глубокая горесть овладела сердцами — все проливали слезы на Св. Гробе и Голгофе и сокрушались, что не пожертвовали за них жизнью, особенно отчаивались те, которые не в силах были выкупить себя от неволи; но и в сии жестокие минуты поругание святыни было для них чувствительнее собственной участи. Золотой крест, сорванный с купола церкви храмовников и влекомый по улицам магометанами, едва не возмутил безоружного Иерусалима против святотатственных победителей.

Наступил наконец роковой день, когда христиане должны были оставить Иерусалим. Заключили все врата его, кроме Давидовых, коими исходил плачущий народ пред лицом Саладина. Он сидел у врат Давида, на высоком престоле, и вокруг него, под роскошным шатром, стояли эмиры, софи и законники, вместе с поэтами, которые воспевали стихи в честь победителя. Впервые же вышел из Св. Града латинский патриарх Ираклий со всем клиром, унося с собою церковную утварь Св. Гроба и сокровища, цену которых знал один Бог, говорит арабский летописец. Один из приближенных султана предложил ему отнять сии сокровища; но Саладин не хотел нарушить договора и взял с патриарха, как и со всех других, не более десяти золотых. Королева Сибилла, погубившая королевство несчастным браком, шла позади недостойного Ираклия, участника ее честолюбивых замыслов и настоящего позора, окруженная своим двором и всеми рыцарями, которые не могли спасти мечом Св. Града. Тронулся султан непостоянством величия земного и, почтив горесть королевы милостивым словом, позволил ей идти соединиться с супругом в Наблуже. С нею была одна греческая царица, по словам арабских летописей, которая посвятила себя жизни иноческой в Иерусалиме и была отпущена со всем ее имуществом; но кто она — неизвестно. Вдова Рено де Шатильона, навлекшего грабежами на Иерусалим эту последнюю войну, дерзнула приблизиться к султану и умолять его о возвращении сына ее, бывшего в плену; но Саладин потребовал сдачи замка Карака, и отчаянная мать прошла мимо. Другие именитые жены с плачущими младенцами на руках также умоляли султана о пощаде их детей и супругов: «У ног твоих матери, жены и дочери воинов, со славою защищавших столицу и ныне томящихся в оковах; с ними мы всего лишились; вот мы оставляем навеки родную землю, возврати их нам, чтобы облегчилась наша горькая участь». Сжалился гордый победитель и обещал им свободу; некоторые из граж-

дан иерусалимских, оставив все свое имущество, несли на плечах престарелых родителей или больных друзей, и зрелище это возбудило участие врагов. Саладин, сострадая к убожеству, раздал им обильную милостыню и дозволил нескольким братьям из ордена госпитальеров остаться в городе, чтобы ухаживать за больными.

До ста тысяч христиан заключено было в Иерусалиме при начале осады. Большая часть из них заплатила свой выкуп. Правитель Балеан употребил до тридцати тысяч золотых из общественной казны для выкупа восемнадцати тысяч убогих; брат султана, Малек Адель, заплатил за две тысячи пленных; многие избежали неволи, тайно спустившись со стены города или облекшись в одежды сарацинские, по злоупотреблению эмиров, приставленных к собранию подати; но, несмотря ни на что, еще осталось в неволе до шестнадцати тысяч, и между ними пять тысяч детей; участь их была тем плачевнее, что они вместе со свободою утратили и веру.

Незавидна была участь и тех, кои спаслись от плена; отверженные братьями своими на Востоке, которые обвиняли их в предательстве Св. Гроба неверным, они скитались без приюта по Сирии и большею частью погибли от голода и болезней; город Триполи заключил пред ними врата, и одна мать с отчаяния бросила в море своего младенца. Искавшие спасения в Египте обрели более милости между магометанами, ибо султан велел призреть их; некоторые бежали в Европу. Христиане православного исповедания, из числа греков и сириян, добровольно остались в Иерусалиме и пользовались там большими льготами, нежели при латинских королях, с платою установленной подати. Султан, раздраженный против франков, отдал св. места во владение православным, позволив только четырем латинским священникам остаться при Св. Гробе. Некоторые из ревностных мусульман, говорит Эмад-Эддин, советовали Саладину разрушить до основания храм, полагая, что, когда од-

нажды уничтожится гроб Мессии и плут пройдет по основаниям храма, уже не станут более приходить христиане на поклонение св. мест; но другие судили благоразумнее, что не церковь, а место возбуждает благочестие христиан и что если бы небо слилось с землею, и тогда бы народы христианские устремлялись к Иерусалиму. Пример халифа Омара, пощадившего храмы, решил и Саладина; он только заложил верхние окна купола над Св. Гробом; стер стенную живопись и обратил соседний дом патриарший в училище софиев, а монастырь св. Анны, у врат Гефсиманских, в обитель факиров, и все прочие церкви в мечети. Все его внимание устремилось на главную мечеть Омара, бывшую соборною церковью ордена храмовников.

Писатели арабские Ибн-Алатир и Эмад-Эддин, восхваляя благочестие Саладина, говорят, что первым его действием после торжественного вступления в Иерусалим было обновить славную мечеть Омара и изгладить в ней всякий след христианства, в особенности изображения, оставленные на стенах. Брат султана, Малек-Адель, оба сына, Адель и Афдал, и все члены его семейства не уступали ему в усердии; они сами, сложив оружие, омыли потоками розовой воды стены и помост, особенно в мечети эль-Сахара; внутри ее была устроена малая часовня, наподобие Св. Гроба, с золотым куполом, вероятно, над самым камнем Иакова, который обложили мрамором короли латинские. Султан разрушил алтарь, на коем лежало Евангелие, и положил список Корана на обнаженный камень. Он вспомнил, что Нуреддин, его предместник, устроил великолепную кафедру в той надежде, что когда-либо поставит ее в Иерусалиме, и, исполняя его желание, велел поспешно перенести ее из Алепа в мечеть Омара. В первую пятницу, после торжественного входа в Иерусалим, султан в сопровождении своих эмиров, софиев и толкователей Корана, посреди войска и народа, наполнявших обширную площадь Соломонова храма, взошел во внутренность мечети. Начальник има-

мов поднялся на высокую кафедру и возблагодарил громким голосом Бога за победы Саладиновы. Потом вознес он молитву о халифе Багдада и о победоносном султани Сирии и Египта. Такие молитвы, враждебные имени Христову, раздавались на месте Соломонова храма, и так в один день внезапно изменились вера, законы и жители бедствующего Иерусалима!

Ходатайство императора греческого Исаака Ангела, который находился в дружественных сношениях с султаном, не могло спасти святыни от поругания, хотя и оградило ее от конечного разорения. Император воспользовался, однако, сим случаем, чтобы утвердить опять в Иерусалиме кафедру ее святителей, изгнанных оттоле во время владычества крестоносцев. Тот, кого избрал на кафедру Св. Града, был строгий и благочестивый инок обители Студийской, Досифей, или Феодосий, по некоторым спискам; но горько отозвалось ему внимание царское, когда впоследствии, низложив цареградского патриарха Василия, самодержец греческий принудил святителя Иерусалимского заступить его место. Афанасий наследовал ему в Св. Граде и был свидетелем новых бедствий.

Восьмой поход

Нашествие орды ховарезмиев

Между тем в течение десятилетнего перемирия между императором и султаном беззащитные христиане Палестины подвергались всякого рода бедствиям. Жители Св. Града, не огражденного стенами, беспрестанно опасались нападений сарацинских, и не раз вопли диких арабов заставляли их искать спасения в башне Давидовой, которая одна уцелела посреди развалин. Латинский патриарх Иерусалима, с баронами и магистрами трех орденов, продолжали обитать в Птолемаиде; лишенные короля за отсутствие Иоанна Бриенского и самого Фридриха, напрасно зывали

к Западу, остывшему к их скорбям после стольких неудачных покушений. Папа Григорий, желая опять возбудить дух крестовых битв, угашиваемый его личною враждою с императором, пригласил его на собор, с тремя латинскими патриархами, Царьграда, Антиохии и Иерусалима, и поручил проповедовать новый поход монахам доминиканским и францисканским; он сам написал окружные послания не только к владетелям христианским, но даже к султану Дамасскому и халифу Багдада, убеждая их принять христианство и угрожая небесною казнию в случае необращения. Несколько князей Франции подвиглись на зов римского первосвященника, в их числе Тибо, король Наваррский, и два герцога, Бургундский и Бретонский, ибо из Франции всегда истекали лучшие воители крестовых битв, по ее рыцарскому духу. Они уже готовились отплыть в Палестину, когда зов малолетнего императора Балдуина едва не отвлек их силы к бедствующему под властью латинскою Царьграду; его не могли довольно охранить от нападения греков и болгар победы престарелого короля Иерусалимского Иоанна, тестя Балдуина. Другой голос, самого папы Григория, возбудившего поход сей, внезапно раздался против него, к общему соблазну христиан; ибо новая вражда вспыхнула между ними и императором, и он хотел обратить в свою защиту крестовые дружины. С негодованием отвергли все такое предложение и поспешили в Сирию, где их ожидало горькое поражение.

Крестоносцы нашли Восток в таком же смятении, как и оставленный ими Запад (1240 г.). По окончании перемирия владетель Карака занял опять Иерусалим и обрушил башню Давидову с остатками твердынь христианских, посреди общего уныния жителей, которые подверглись еще большим оскорблениям. В то же время скончался сильный союзник Фридриха, султан Египта Малек-Хамиль, и междоусобие вспыхнуло между князьями Дамаска, Алепа и иных городов; они оспаривали друг у друга державу умершего султа-

на; но крестоносцы не умели воспользоваться их взаимною враждою и подражали ей своими раздорами, ибо не было между ними настоящего главы. Герцог Бретонский, один со своими рыцарями, сделал удачный набег на область Дамасскую и возбудил соревнование герцога Бургундского и других баронов, которые покусились на добычу в окрестностях богатой стадами Газы. Король Наваррский, по имени только начальник похода, не мог удержать их безрассудного пыла и сам принужден был последовать за ними до Аскалона, чтобы подать руку помощи в случае поражения. Но на рубеже пустыни сарацины напали на беспечные толпы крестоносцев, из коих часть хотела сражаться, другая же отступать. Герцог Бургундский с графом Яффы удалились к Аскалону и просили помощи короля Наваррского; но было уже поздно, ибо он нашел поле битвы, усеянное трупами своих неосторожных сподвижников. Граф Барский погиб в сече; Амори, граф Монферратский, с другими баронами достался в руки сарацин. Грустно возвратились остальные вожди в стены Птолемаиды, где возникли между ними жестокие распри. Храмовники и некоторые из владетельных баронов Палестины заключили договор с эмиром Дамаска, чтобы уступлен был им Иерусалим; напротив того, госпитальеры, король Наваррский и оба герцога выступили в союз с султаном Египта, обещая защищать его против магометанских властителей Сирии; посреди столь позорной распри французские крестоносцы внезапно оставили Св. Землю.

Другие пришельцы Запада заменили их в Сирии: доблестный брат короля Англии, Ричард, герцог Корнуольский, с цветом рыцарства своей земли. Одно имя его, напоминавшее Львиное сердце его дяди, уже оживило упавший дух палестинских христиан. Духовенство и народ Птолемаиды встретили его с крестами, при пении ликов: «благословен грядый во имя Господне!» Но после нескольких успехов над неприятелем Ричард был оставлен в одно время

и храмовниками, и госпитальерами, которые не хотели нарушить взаимных договоров своих с султанами Дамаска и Египта; герцог, не видя себе никакой помощи от природных жителей Сирии, принужден был отказаться от дальнейших битв и возобновил мирный договор с Египтом. Он только мог вытребовать освобождение пленников христианских и дозволение погresti павших в битве под стенами Газы. Посетив паломником Св. Град, вторично освобожденный им по мирному договору, благочестивый герцог возвратился в свои пределы через Италию, где с чрезвычайным величием принял его зять, император Фридрих, настоящий король Иерусалима. Ричард не мог, однако, примирить его с неумолимым папой Григорием; вражда сия, между церковью и империею, продолжалась и при Иннокентии IV, его преемнике, оставляя Иерусалим бедственной его участи.

Пользуясь восстановлением мира с сарацинами и внутренними их раздорами, христиане иерусалимские начинали уже возвращаться в свои жилища и обновлять опустевшие храмы, когда внезапно их настигло новое жесточайшее бедствие. С Востока нахлынула буря, разразившаяся над Св. Градом. Еще в исходе XII века образовалась на отдаленном краю Азии, в пустынях Монголии, исполинская держава Чингисхана, из множества соединенных орд, и несметные полчища сего нового повелителя вселенной быстро покорили обширную империю Китайскую, всю независимую дотоле Татарию и сильное государство Магомет-шаха Хорасанского, у пределов Индии. По смерти Чингисхана сын его Октай-хан наследовал его исполинское царство и, разделив войска на четыре части, послал их, под предводительством братьев своих, покорить себе вселенную; страшным потоком разлились они по ужаснувшейся земле. Тогда пострадало и наше отечество от кровопролитных полчищ Батые, и дрогнула вся Европа в ожидании варваров, уже перешедших за пределы гор Карпатских; но все сие тяжкое иго обрушилось на одну Россию, которая послужила оплотом всему Западу.

Последнее из четырех ополчений монгольских обратилось к югу, на потомка сельджукидов, Гелаль-эдина, который восстановил на время сокрушенную державу отца своего Магомет-шаха и тем навлек на себя орды монгольские (1243 г.). Он пал в битве, и с ним погибло его царство, опустошенное огнем и мечом завоевателей; целое племя ховарезмиев, преследуемое варварами, под предводительством вождя своего Барбакана, устремилось в пределы Малой Азии и Сирии, опустошая все, что встречалось на пути, с жестокостью, не уступавшею монгольской. Ужас соединил разрозненных князей Сирии, племени Саладинова, не только между собою, но даже с христианами Палестины, против общего врага. Эмиры сарацинские, Дамаска, Алепа и иных городов уступали христианам не только Иерусалим и всю Галилею, но даже обещали сделать их участниками в завоевании Египта; ибо султан Каира, чтобы одолеть своих врагов в Сирии, призвал к себе на помощь страшное племя ховарезмиев, и двадцать тысяч сих диких всадников исторглись, по первому зову его, из глубины Месопотамии, за Евфрат и Иордан.

Опустошение Галилеи предварило христиан Св. Града о приближении страшного врага; все население бежало под прикрытием рыцарей Храма и госпитальеров, оставив в Иерусалиме одних болящих и тех, которые не решились бросить близких своих и дома. Варвары проникли без всякого сопротивления в город и умертвили всех до последнего человека. Но убийство сие не удовлетворило их кровавой жажды; они умыслили жестокую хитрость, чтобы привлечь еще более жертв. Большая часть варваров удалилась на малое расстояние от разоренного города; некоторые из них, оставшись в нем, подняли опять на башнях хоругви креста и стали звонить в колокола, чтобы обмануть окрестных жителей. Толпа христиан, спасшихся от кровопролития, медленно подвигалась по дороге к Яффе в надежде, что смиляется над ними Господь и возвратит их в дома оте-

ческие. Внезапно услышали они приветный звук благовеста, и некоторые с вершины гор увидели даже крестные хоругви; радостная надежда, которой все желали верить, об удалении варваров пробудилась в сердцах многих, и семь тысяч из числа бежавших вернулись опять в Иерусалим. Но едва вошли они в опустевший город, как опять варвары с воплем на них устремились, и беззащитные христиане еще однажды искали спасения в бегстве под мраком ночи; почти все погибли или были взяты в плен, в соседних ущельях, где их ожидала засада. Дикие завоеватели не пощадили ни возраста, ни пола, ни святыни храмов; бесчеловечно избили они у подножия самых алтарей толпу робких инокинь, укрывшуюся в храме Воскресения. Мало было живых для удовлетворения их алчности; они раскрыли гробы святителей и царей, чтобы воспользоваться корыстью мертвых, коснулись даже и священных украшений Гроба Господня и нетленных мощей, хранившихся в святилище; бедствующий Иерусалим увидел еще однажды в разоренных стенах своих все ужасы и святотатства, каких был свидетелем при прежних своих приступах.

Между тем патриарх с обоими магистрами и баронами совещались в Птолемаиде о средствах защиты против ховарезмийцев; по зову пастыря вооружились жители Тира, Сидона и прочих городов поморья. Войска сарацинские, под начальством эмира Эмесского, Малек-Манзора, соединились с христианами у стен Птолемаиды, к взаимному изумлению обоих народов. С почестью был принят Малек в стенах города как будущий освободитель Палестины и лучший из баронов язычества, по выражению современной летописи. Взаимное согласие христиан и магометан обещало победу над врагами; союзное войско выступило к Аскалону, ибо и орды ховарезмийцев подвинулись к Газе, ожидая вспомоществования от султана Египетского. Франки горели нетерпением отомстить за умерщвление своих братьев в Иерусалиме; но вождь сарацинский полагал более благора-

зумным ожидать, чтобы голод и неустройство рассеяли дикую орду. По странному стечению обстоятельств патриарх Иерусалимский решил идти против врагов, и ему повиновались сарацины.

Союзные войска разделились на три части; левым крылом, где находились рыцари-госпитальеры, начальствовал племянник короля Иоанна, Готье, граф Яффы; правым — эмир сарацинский; патриарх, с Честным Древом Креста в руках, окруженный великим магистром храмовников и баронами Палестины, занимал середину и был виновником поражения по личной вражде своей с графом Яффы: пламенный юноша, видя, с какой медлительностью строились толпы варваров, хотел устремиться в их нестройную толпу и просил патриарха разрешить его от клятвы, возложенной на него за присвоение святительского замка; дважды отказал ему в том неумолимый патриарх, а между тем полчища врагов успели построиться и с диким воплем двинулись вперед. Тогда епископ Вифлеема, сам вооруженный на битву, сказал графу: «Я разрешаю тебя от неправильной клятвы патриарха и беру на себя грехи твои; устремимся на врагов». Закипела общая кровопролитная сеча, от утра и до вечера и еще весь следующий день длилась с тою же яростью; но эмир сарацинский первый оставил поле битвы и выдал христиан, которые уже не в силах были противостоять множеству врагов. Тридцать тысяч воинов христианских и магометанских пали в битве или уведены были в плен. Патриарх с некоторыми из епископов и князем Тира успели бежать в Птолемаиду; но из рыцарей спаслись только не более тридцати трех храмовников и двадцати шести госпитальеров, столь ужасна была сия кровопролитная битва. Радостью восшумел весь Египет при вести о победе ховарезмиев; пленники вступили в Каир при кликах народных, им в позор выставлены были головы их братьев, павших за несколько лет в битве около Газы. Поражение союзных войск христианских и сарацинских расторгло навсегда

краткий союз их; оба народа приписывали оному все свои бедствия. Хоругви Христа и пророка не могли развеяться вместе на поле сражения, и сам эмир сарацинский, готовясь к битве, уже чувствовал некий ужас как наказание за приязнь с франками.

Победа ховарезмийцев предала в их руки всю беззащитную Палестину; с их помощью египтяне опять овладели Иерусалимом, Тивериадою и всеми городами, которые уступал христианам эмир Дамасский. Варвары, опустошив берега Иордана и окрестности Птолемаиды, осадили Яффу и повесили на кресте пред ее воротами пленника своего, мужественного графа Готье, в той надежде, что он убедит своих вассалов сдать город. Но доблестный рыцарь воскликнул с креста гражданам Яффы: «Долг ваш защитить город христианский, а мой — умереть за Христа», — и погиб в жестоких мучениях. Провидение избавило Палестину от диких пришельцев теми же средствами, какими они в нее проникли. Султан Египетский послал их завоевать Дамаск, и город сдался без сопротивления; но вожди сего племени, превознесенные своими победами, начали надменно требовать от султана земель в Палестине для своего поселения, и, уstraшенный таким соседством, он стал медлить в исполнении своих обещаний. Тогда раздраженные вожди предложили свои услуги тому эмиру, у коего недавно похитили область, и осадили египтян в Дамаске; отчаяние поддерживало дух осажденных. Султан успел прислать новое войско из Египта и, с помощью эмиров сирийских, совершенно уничтожил в двух жестоких битвах все племя ховарезмиев. Оно исчезло столь же быстро, как и явилось в пределах Сирии, и даже самое имя его не упоминалось более в летописях Востока.

Бедственно было состояние христиан палестинских и после истребления варваров; им угрожали соединенные силы эмиров Сирии и султан Египетский, владевший Иерусалимом; поморские города их оставались совершенно без

защиты, ибо уже ослабевшие ордены храмовников и госпитальеров не в силах были охранять их после двух несчастных поражений близ Яффы и даже не могли выкупить своих пленников из темниц Каира; а между тем новая дикая орда команов, пришедшая из глубины татарских степей, опустошала пределы Антиохийские по берегам Оронта; короли Армении и Кипра оба страдали от внутренних неурядиц своих областей. По свидетельству патриарха Досифея, король киликийских армян испросил у дружественного ему эмира Дамасского обновить св. места иерусалимские после их разорения; но благодетельная помощь сия едва не навлекла мщения султана Египетского на всех христиан Св. Града. Одна только надежда оставалась бедствующим жителям Сирии: искать помощи на Западе; но и там кипела нечестивая вражда между императором Фридрихом и папою Иннокентием IV. Папа, будучи принужден бежать из Италии, созвал против него многочисленный собор в Лионе и торжественно предал его, несмотря на ходатайства других государей. Однако патриарх Иерусалимский и бароны Палестины решились отправить на сей собор епископа Бейрутского, чтобы еще однажды, в последний раз, подвигнуть сердца западных братьев рассказом бедствий Св. Земли.

Нашествие монголов, десятый поход

Падение Птолемаиды и крестоносцев в Палестине

Между тем усиливались на Востоке враги ослабевших христиан. Мамелюки Каира умертвили знаменитую вдову Негмеддинову за то, что она сама убила нового своего супруга, избранного ими в правители Египту, и возвели на престол одного из среды своей, эмира Кутуза. Вместе с князьями Сирии направили они сперва общие силы на страшные ополчения монголов, наводнившие Восток. Христиане палестинские безрассудно приняли сих варваров за своих покровителей против магометан, потому что монголы не

касались сперва их владений, хотя на Западе папы проповедовали против них крестовый поход. Дикие орды завоевателей, под предводительством сына Чингисхана, Улагу, устремились (в 1257 г.) по течению Тигра к Багдаду и разорением духовной столицы исламизма положили конец халифату, который давно уже истлевал посреди роскоши и праздности преемников пророка. Последний державный халиф Мостасем, из славного племени Аббасидов, погиб в развалинах своей столицы, и уже не восставала более держава халифов.

Хан татарский, коварно обещая покровительство христианам, привлек под свои знамена дружины короля армянского и, перейдя Евфрат, разорил Алеп и Дамаск. На свое горе радовались христиане и даже над Св. Гробом Искупителя в Иерусалиме воссылали молитвы об успехе оружия монгольского. Но распря, возникшая между наместником ханским и рыцарями Тевтонского ордена, в коей погиб племянник татарского вождя, обратила его оружие на христиан. Раздраженный Кетбога разорил окрестности Сидона и угрожал Птолемаиде. Тогда опомнились христиане, но поздно; они поспешили заключить мирный договор с сильным султаном Каира; Кутуз подступил к стенам Птолемаиды и разбил монголов в кровопролитной битве близ озера Тивериадского, где, казалось, суждено было решаться всегда судьбам Палестины. Бежали дикие орды монголов, и вся ненависть сарацин обратилась на христиан, ибо закоснелые враги их помнили, как радовались они нашествию варваров. По всей Сирии раздавался один только общий вопль: смерть христианам! В Дамаске разрушены были все их церкви. Сам властитель Египта пал жертвою своей благосклонности к христианам, потому что не захотел нарушить заключенного с ними договора. Свирепый Бибарс, умертвивший последнего султана из рода Саладинова, поразили опять своею рукою и первого султана мамелюков и воцарился сам на его место. В нем восстал жесточайший

враг палестинских христиан, которого сарацины прозвали столпом своей веры и отцом победы, всегда ему послушной (1260 г.). Напрасно папы Александр, Урбан и Климент IV воздвигали опять Запад; все безмолствовало в ответ на их бессильный зов, и посреди сего мертвого молчания Европа равнодушно слышала о падении Латинской империи, основанной ею в Царьграде; император Балдуин II, изгнанный Михаилом Палеологом из столицы греческой, явился странником во всех царственных дворах Европы.

Первым подвигом свирепого Бибарса было опустошение пределов Антиохийских; христиане Птолемаиды послали ему напомнить о мирном договоре с его предместником; вместо ответа он сжег великолепную церковь Назаретскую и разорил окрестности Фавора. Погрозив издали крепкой Птолемаиде, он взял приступом Кесарию и Арсур и разрушил до основания руками их собственных жителей. На другой год Бибарс предпринял новый опустошительный поход в Палестину, отринув всякое ходатайство государей западных, и отвечал графу Яффы, сроднику бывшего короля Иерусалимского Иоанна, что «скоро наступит время ответить за все обиды христиан, ибо за каждую хижину заплатят они замком и тысячью воинов за одного поселянина». Совершив паломничество в Иерусалим, султан в мечети Омаровой помолился об успехе своего оружия и осадил крепкий замок Сафада, на озере Тивериадском, принадлежавший храмовникам. Долго все его усилия оставались тщетными по чрезвычайной крепости места и храбрости защитников; уже он готовился отступить, когда распря, возникшая между осажденными, открыла ему врата города. Одни хотели сдаться, другие умереть с оружием в руках, и сею бедственною распрею воспользовался Бибарс, чтобы, вопреки своему царственному слову, предать всех жителей смерти или неволе.

Довольный взятием Сафада, султан возвратился в Египет; но год спустя опять явился опустошителем в пределах Армении за связь короля ее с полчищами монголов, при-

близился опять к стенам Птолемаиды и, как ангел смерти, с мечом в руках, на боевом коне своем, гордо разъезжал пред ее воротами; однако опять миновал ее, чтобы на обратном пути в Египет овладеть Яффою, которую с таким трудом укрепил благочестивый Людовик Христиане сирийские еще не успели опомниться от сего бедственного похода, как их жестокий враг уже явился в области Антиохийской, под стенами самой столицы сего княжества, в отсутствие ее государя, все предавая огню и мечу. Смятенные жители сдались ему без боя; сам Бибарс хвалился своею жестокостью в письме к их властителю Боэмунду, спасшемуся в Триполи: «Смерть пришла всеми путями в твою столицу! Если бы ты видел твоих рыцарей, попираемых их конями, и жителей, продаваемых в неволю с женами и детьми, и гробы патриархов разверзаемые, сокрушаемые кафедры и престолы и раздираемые хартии Евангелия, клириков умерщвляемых, церкви и палаты в пламени, ты бы воскликнул: лучше бы я сам погиб вместе с ними!»

Простирая алчные взоры и на Триполи, Бибарс отправил послов к Боэмунду и сам вмешался в число их, чтобы осмотреть укрепления города. Он послал вестников войны с угрозами и к королю Кипра, носившему титул Иерусалимского, и распространил ужас на всю Палестину; одно только поморье, от Триполи до Птолемаиды, оставалось в руках христиан. Архиепископ Тира, с двумя великими магистрами, отплыл просить помощи в Европе; папа Климент стал опять возбуждать к Крестовому походу посреди собственной войны своей с империей за наследство Сицилии, и опять одна только Франция отозвалась на голос Востока. Брат Людовика, граф Анжуйский, овладел с помощью папы Неаполем и умертвил там юного внука императора Фридриха, Конрадина, который также носил титул короля Иерусалимского; он обещал содействовать брату и был виною всех бедствий сего похода; ибо не Св. Земля была целью его предприятий. Король Франции, движимый тем же духом благочестия, воо-

ружился опять, вопреки совету своих баронов, которые, однако, последовали за своим государем со всем его семейством. Сын короля Английского, храбрый Эдуард, присоединился со своею дружиною к воителям Франции. Коварный Карл, король Неаполитанский, убедил брата высадить войска на пустынный берег Африки, чтобы смирить властителя Тунисского, страшного своими морскими разбоями для Сицилии, и Людовик поверил лестной надежде, будто бы Тунис готов обратиться к христианству. Под палящим солнцем Африки лучший цвет его баронов и он сам, с частью своего семейства, сделались жертвою смерти. Благочестивый король умер, как жил, со всем смирением христианина, и взоры его, жаждавшие всю жизнь земного Иерусалима, обратились к небесному; но с ним рушился и Крестовый поход, им одним одушевляемый. Сын его, Филипп Смелый, и брат Карл, заключив мир с властителем Туниса, поспешили возвратиться в свои пределы; один только Эдуард, с дружинами Англии и братом своим Эдмундом, продолжал путь в Палестину. Уже все клонилось к быстрому падению. Все крестоносцы, собранные вместе, составляли немногим более тысячи воителей, и эта малая дружина должна была бороться со всеми силами мамелюков.

Наследник престола английского, чувствуя свое бессилие, ограничил ратный подвиг опустошением Назарета в отмщение магометанам за великолепный храм Благовещения, разоренный Бибарсом. Сам Эдуард едва не лишился жизни под кинжалом ассасинов, посланных Старцем горы, и, заключив мир с султаном Египта, возвратился в отечество. Он был последний из князей Европы, посетивший крестоносцем Св. Землю. Еще одна слабая надежда оставалась сирийским христианам. Архидьякон, сопутствовавший Эдуарду, избран был, еще во время своего пребывания в Птолемеиде, на кафедру римскую под именем Григория X и, оставляя Сирию, обещал ей скорую помощь стихами псалма: «...аще забуде тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя».

Патриарх Иерусалимский и оба великие магистра последовали за ним на Запад. Григорий лично сдержал свое слово, немедленно отправив в Сирию на собственном иждивении до пятисот воинов; но знаменитый Лионский собор, созванный им для спасения Палестины, на коем присутствовали до тысячи епископов, посланные всех западных государств и даже татарского хана, никого не подвиг на священную брань. Император греческий Михаил Палеолог, желая польстить папе, обещал от себя вооруженную помощь; но он слишком был занят собственным колеблющимся царством. Палестина оставлена была своей судьбе, и скоро пали ее последние оплоты.

Иерусалим, об освобождении коего никто не хотел заботиться, был, однако, предметом спора трех государей, искавших себе только тщетного титула. Король Кипра, Генрих, и его преемники, два Гуго, носили оный, по благословению папы Иннокентия; король Неаполитанский Карл, убийца Конрадина, полагал, что иерусалимский венец внука императора Фридриха скатился к ногам его с плахи несчастного юноши, и Мария, княгиня Антиохийская, оспаривала также венец сей, происходя, как и король Кипрский, от Изабеллы, дочери Амори Иерусалимского. Латинский патриарх, три великие магистра, представители императора и двух королей, Франции и Англии, и три купеческие республики, Венеция, Пиза и Генуя, разделяли между собою обладание Птолемаидою, разбитой на столько же участков, сколько было в ней различных племен и властей, и потому никакой договор с магометанами не мог оставаться твердым. Частная ненависть враждующих между собою христианских народов в Европе беспрестанно отзывалась в стенах Птолемаиды и нарушала мир внутренний и внешний; как не было мира внутри самой Акры, так не было его и между городами поморья, которые еще оставались в руках христиан; каждый из них отдельно заключал договоры с султанами Египта, и мамелюки пользовались этими случаями, чтобы еще более раз-

рознить врагов своих взаимною завистью. Иногда требовали они от христиан обещания не строить новых укреплений и не помогать друг другу, даже не обновлять своих храмов, и безрассудные на все соглашались.

Жесточайший их гонитель Бибарс, в течение семнадцати лет не дававший покоя покоренной им Сирии, умер наконец в Дамаске; но султан Калаун, избранный на его место из эмиров мамелюкских, не уступал ему деятельностью воинскою против христиан. Он нанес последний удар монгольским ордам в кровопролитной битве на равнинах Эмеса и, склоненный к миру графом Триполийским, жестоко отомстил царям Армянскому и Грузинскому за их союз с монголами. Вся малая Армения предана была огню и мечу, и сам царь Грузии, посетивший втайне св. места для поклонения, открыт был своими врагами и увлечен пленником в темницы Каира. Недостаток флота удерживал Калауна от конечного разорения городов христианских; он боялся еще навлечь на себя оружие Запада, потому и заключил последний мирный договор с Птолемаидою, но продолжал брать приступом отдельные замки рыцарей, на берегу моря или в горах, и, наконец, несмотря на смиренные мольбы графа Боэмунда, подступил со всеми силами к стенам цветущего Триполи. Более месяца длилась кровопролитная осада; никто из рыцарей и баронов палестинских не подал руку помощи бедствующему Боэмунду. Триполи разорен был до основания; все его народонаселение погибло, и богатая пристань опустела. Магометане старались истребить все, что только могло привлечь христиан западных к роскошным берегам Сирии. Тир, Сидон и Птолемаида спокойно ожидали той же участи, и вскоре разразилась буря воинская над сею последнею столицею Востока (1294 г.).

Легат папский осуждал мирный договор с султаном; новое посолье, присланное Григорием на помощь христиан, было виною последней войны их с мамелюками; ибо буйные воины, собранные из всех сословий, грабили ок-

рестности Птолемаиды. Раздраженный султан не хотел более слышать ни о каком удовлетворении; умирая сам, посреди приготовлений к походу, он взял клятву с сына своего Халиля, что довершит предпринятый подвиг. Огромное полчище мамелюков двинулось из Египта к стенам смятенной Птолемаиды. Латинский патриарх Иерусалима, благочестивый старец, созвал на совет баронов, великих магистров и граждан и пламенной речью возбудил всех к отчаянной защите. При первой вести об опасности король Кипра и Иерусалима Генрих II приплыл с восемьюстами всадников и восьмью тысячами пехотинцев. Они разделили между собою защиту обширных укреплений Птолемаиды, обнесенных королем Франции: французы и англичане взяли на себя оборону одной части стен, король Кипра с магистром Тевтонским и два другие великие магистра, тремя отдельными отрядами, расположились по крепким твердыням; но последний час Птолемаиды уже пробил. Необозримый стан сарацинский покрывал всю окрестную равнину, от моря до соседних гор, ибо шестьдесят тысяч всадников и сто сорок тысяч пеших, от берегов Евфрата и Нила, собрались под знамена Халиля, чтобы разрушить последний оплот христиан; до трехсот огромных орудий действовало против потрясаемых ими стен.

Великий магистр храмовников, по совещанию с некоторыми из вождей, решился просить мира в стане мамелюков, и султан, еще не испытывавший силы врагов своих, согласился отступить с условием, чтобы каждый из жителей внес за себя по червонцу поголовной дани; но предложение сие было с презрением отвергнуто прочими властями и народом; сам великий магистр едва не сделался жертвою раздраженной черни. Начались кровопролитные приступы, в коих отчаяние осажденных не уступало мужеству осаждавших; ни с той, ни с другой стороны не было пощады, но множество врагов одолевало; мало было защитников по обширному пространству укреплений. После первых горячих стычек уныние овладело сердцами воинов, ибо не видели

никакой пользы от кровопролитий. Многие искали спасения на судах, потому что море было открыто осажденным, и в несколько дней число защитников уменьшилось до двенадцати тысяч; обычные распри между вождями довершали бедствие. В час страшного приступа к той части города, которую защищали рыцари Кипра с Тевтонским орденом, малодушный король тайно отплыл со всею своею дружиною, и на другой день одно только отчаянное мужество храмовников и госпитальеров спасло город, в который уже вторглись враги сквозь пролом незащищаемой стены. Не более семи тысяч воинов оставалось в Птолемаиде. Доблестный патриарх еще однажды созвал на совет всех вождей и, убеждая их к взаимному миру, умолял не выдавать неприятелю последней надежды христиан Востока.

Ободренные своим пастырем, защитники Птолемаиды выдержали еще несколько жестоких приступов, во время коих часто старческий голос его раздавался позади бежавших по улицам города и возвращал их к бою. Уже султан Халиль отчаивался одержать верх: но переметчики, из числа христиан, подкрепили его надежды, он решился на последний приступ. После многих кровопролитий неприятель ворвался в проломы; оба великие магистра, храмовников и госпитальеров, движимые отчаянием, устремились в стан сарацинский и опять восстановили битву, но смертью обоих рыцарей и всей их дружины кончилась сия неровная сеча. Не было уже более кому защищать город; отовсюду врывались в него враги; страшная буря присоединила ужасы своих молний и громов. К ужасам сего страшного дня пламя разлилось по улицам с толпами неистовых мамелюков; народ бежал к пристани, чтобы найти спасение на судах; но там одни только богатые покупали себе места ценою своих сокровищ; простой народ отталкивали веслами, и множество потонуло, ибо самая буря не позволяла приблизиться ладьям. Вожди спаслись заблаговременно; патриарха Иерусалимского едва могли силою увлечь на ко-

рабля, который вскоре потонул под бременем искавших на нем спасения, ибо чадолюбивый пастырь всех хотел принять к себе и погиб жертвою своей христианской любви.

Еще в некоторых частях города мужественно бились несколько рыцарей Храма и госпитальеров, и держался замок храмовников на самой пристани; но немного спустя обрушилась и сия последняя твердыня, со всеми ее защитниками; вся Птолемаида представляла взорам одно пространное пепелище, где не было никому пощады. Через несколько дней Тир, Сидон и Бейрут, устрешенные падением Птолемаиды, открыли врата свои победителям и подверглись той же бедственной участи; так совершенно исчезло владычество христиан на Востоке, основанное мечом и мечом сокрушенное. Падение Птолемаиды было повторением падения Иерусалима; ибо с нею совершенно окончилось королевство франков в Палестине, восемьдесят восемь лет державшееся в стенах Св. Града и сто девяносто лет на берегах Сирии.

Горькая весть о взятии последних христианских городов Сирии исполнила горестью всю Европу, как некогда весть о падении Св. Града, но не произвела того же ратного движения, ибо буря крестовых битв уже угасла. Один только папа Николай IV с высоты своей кафедры гремел в слух властителей Запада и Востока о изгнании сарацин из Св. Земли; он писал и к двум императорам греческим, Царьграда и Трапезунда, и к королям Армении и Кипра, и к царю Грузии, и к самому властителю монголов, которые продолжали от времени до времени подавать обольстительные надежды о своем обращении. Никто не отозвался на голос первосвященителя римского в Европе: император Рудольф вскоре окончил жизнь, короли Англии и Франции, Эдуард и Филипп, не думали оставлять своих владений, и, с кончиною папы, Запад позабыл бедствия восточных братьев.

По странному стечению обстоятельств, монголы, властители Персии, поднялись по зову епископа римского, ко-

торый посылал к ним своих миссионеров, и, вместе с христианскими князьями Востока, на краткое время освободили Иерусалим. Монголы, хотя и побежденные в нескольких битвах мамелюками, не преставали простираť жадных взоров на Египет, где после сильного султана возникли опять междоусобия эмиров. Еще могущественный сын хана Улагу, разорителя Багдада, Абага-хан, и внук его Аргун благоприятствовали христианам в своих владениях и отправляли посольства к первосвященникам римским, предлагая им общим силами освободить Св. Землю. Сын Аргуна, Хазан-хан, столь же сильный, вооружился также на Египет (1300 г.); позову его цари Грузии и Армении, король Кипра Генрих II и два воинственных ордена госпитальеров и храмовников присоединили слабые свои дружины к его сильному войску, и на равнинах Эмесских, где еще недавно Бибарс и Калаун поражали монголов, силы мамелюков египетских истреблены были монголами; Ален и Дамаск открыли врата свои победителю. Иерусалим с торжеством принял властителя монгольского, который вместе с христианами посетил гроб Искупителя и, по свидетельству летописи армянской, оставил Св. Град в их руках. Оттоле отправил он послов своих к папе Бонифацию VIII и государям западным, приглашая их к общему союзу против мамелюков; папа восхвалял в грамотах своих языческого князя, великодушно подвизавшегося за Св. Землю, но никто не вооружился по его примеру.

Минутный счастливый оборот дел в пользу христиан Востока случился во время внутренних смятений державы мамелюков; ибо султан Халиль был умерщвлен два года после покорения Птолемаиды, а малолетний сын его, Мелек Незер, принужден уступить на время престол свой двум сильным эмирам. Потомки Аббасидов, утратившие халифат свой в Багдаде и призванные опять султаном Бибарсом в Каир, как духовные главы ислама, принимали участие в междоусобиях, освящая властью своею каждого похитителя престола; но Мелек Незер, достигнув совершенноле-

тия, вышел из своего пустынного замка Карака, и долгое его царствование было самым цветущим из всей династии мамелюков, так называемых Бахаритов. Между тем внутренние смятения собственного государства заставили Хазана удалиться в Персию; он предпринял еще два похода против султанов Египетских и умер в Дамаске, посреди общего плача христиан, коих последние надежды унес с собою в могилу; ибо, по личным его достоинствам и по самой цели войны сей, недоставало только имени христианского вождю монголов, чтобы поход его назвать крестовым. После смерти Хазана короли Кипра и Армении должны были оставить Иерусалим, и уже с тех пор никогда не развевались в нем знамена христианские. Госпитальеры и храмовники искали себе пристанища на острове Кипре; а Иерусалим предан был, их бессилием и равнодушием остывшей к нему Европы, тому запустению, о коем говорит Евангелие.

Странная судьба Св. Града! Для освобождения его более двухсот лет весь Запад двигался на уstraшенный Восток, и миллионы крестоносцев усеяли своими костями всю Малую Азию, Сирию и Египет; из многих Крестовых походов, предпринятых во имя его, только один достиг своей цели, и то с горстью храбрых остатков несметного полчища. С тех пор все предприятия западных государей не принесли ему ни малейшей отрады. Уже во втором походе император Конрад и король Франции Людовик, утратив на пути свои дружины, приходят в Иерусалим простыми паломниками. Другой император, Фридрих, тонет в третьем походе, и как дым рассеиваются его дружины; короли Франции и Англии истощают силы свои на городах поморья, Ричард Львиное Сердце плачет, взирая с высоты гор на Иерусалим, но по какому-то неизъяснимому чувству не смеет к нему приблизиться, хотя все трепещет его имени. Еще иные крестоносцы, прежде нежели идти к Св. Граду, истощают силы под стенами ничтожного замка. Вожди четвертого похода сокрушают Царьград, вместо того чтобы освободить Иерусалим. Дру-

гие, под предводительством легата папского и короля Иерусалимского Иоанна, гибнут в полноводии Нила. Император Фридрих II по мирному договору приобретает Иерусалим, и никто не хочет венчать в храме Св. Гроба отлученного папою. Дважды вооружается благочестивый король Франции Людовик единственно для защиты Иерусалима, ибо никакая земная выгода не влечет его на священную брань; никто, как он, не горел столь чистою, бескорыстною любовью к Иерусалиму, и дважды не может он достигнуть желанной цели: сперва бедствует на берегах Нила, пагубных орудию крестовосцев; в другой раз умирает на знойном побережье Туниса, и им заключаются Крестовые походы, ибо уже никто из государей Европы не оставляет своего престола для освобождения св. мест. Между тем священная цель стольких подвигов остается во власти неверных и попирается языками, до времени скончания языков. Так пронеслись над Иерусалимом два бурные столетия крестовых битв, изменившие лицо Палестины и Востока!

Владычество султанов мамелюкских

Короли Иерусалимские на Кипре. Патриарх Лазарь

С XIV веком возникла на Востоке новая могущественная династия, долженствовавшая вскоре покорить его. Это было пастушеское племя турок, которое при страшном нашествии монголов перекочевало из Туркмении в Анатолию и там укрепилось в горах, под властью последних султанов сильного некогда рода Сельджукидов. Сын воинственного Эртогула, Осман, давший свое громкое имя целому народу, мало-помалу сделался обладателем всей Анатолии и утвердил столицу свою в Брусе, отколе потомство его еще более столетия боролось с угасавшею империей Греческою до конечного падения Царьграда. Орхан, Мурат и Баязид, сын, внук и правнук славного Османа, предписывали законы императорам Греческим, постепенно отнимая у них все

города вокруг трепещущей столицы. Бедственны были последние годы сей долголетней империи, как болезненные муки умирающего. Император Михаил Палеолог, снискавший себе громкое имя изгнанием крестоносцев из Царьграда, помрачил оное гонением православных, когда из видов политических хотел соединиться с церковью Римскою, в суетной надежде на покровительство папы. Сын его, Андроник, восстановил церковный мир; но семейные неурядицы возмутили спокойствие гражданское, и внук сего последнего, Андроник Младший, принудил престарелого деда сперва разделить с ним, а потом уступить ему царство. Смятения продолжались и при его малолетнем сыне Иоанне Палеологе, который принял соправителем доблестного опекуна своего Иоанна Кантакузина, ибо детские руки не в силах были держать кормило распадавшегося царства; все пятидесятилетнее царствование сего Палеолога, под грозою султанов Орхана и Мурата, было постепенным склонением Византии к ее упадку.

Между тем Иерусалим и вся Сирия находились в полном распоряжении султанов Египетских. Магомет эль Незер, идучи на богомолье в Мекку, посетил и Св. Град; но при нем пострадало много христиан в Египте за подозрение двух коптских монахов в поджоге главной мечети Каира; едва спасся сам патриарх, и, по ожесточению народа, христиане не смели показываться на улицах. Новый указ строго запретил им ездить на лошадях и мулах или носить чалмы иного цвета, кроме голубого; церкви и монастыри в Египте были временно закрыты. Виною сих новых притеснений был визирь одного из магометанских властителей западной Африки, который, посетив Каир на пути в Мекку, заметил султану, что нигде христиане и евреи не пользовались такими преимуществами, как в Египте. По смерти сильного Мелек Незера двенадцать сыновей его, один за другим избираемые и свергаемые с престола по прихоти буйных эмиров и малодушных халифов, наполнили воинскими смутами Египет и Сирию. Замок Карак, в каме-

нистой Аравии, был обычным местом ссылки свергнутых султанов до времени их нового воцарения, а Иерусалим местом изгнания эмиров, если они могли сохранить жизнь при своем падении. Некоторые из султанов посещали также богомольцами Св. Град, но их милости не простирались на палестинских христиан. Наконец, после сорокалетних смятений, эмир Берку, происходивший из пленников черкесских, низложил последнего султана из рода Бахаритов, Хаджи, внука Калаунова, и, воцарившись сам на его место, начал новую династию мамелюков черкесских.

Орды монгольские, наводнявшие Сирию, получили наконец оседлость в пределах Персии и в Багдаде, бывшей столице халифов, где царствовал спокойно род Чингисхана, доколе не явился новый завоеватель Востока, Тимур. От стольких христианских княжеств, основанных крестоносцами в Сирии, только два еще держались по ее соседству: малое королевство армянское в Киликии, бывшее в союзе с Римом, и королевство Кипрское. Туда перешли все титулы и чины бывшего королевства Иерусалимского и окрестных княжений и ордена рыцарские. Когда сам король носил громкое имя Иерусалимского, братья его и бароны разделили между собою прочие звания: князей Антиохии, Сидона, Тира, Галилеи, графов Триполи, Яффы и Фавора, и так это продолжалось еще два века, до владычества венецианского. Но на Кипре не было латинских патриархов Св. Града, ибо титул сей не принадлежал архиепископам острова. Славный орден госпитальеров переселился с Кипра на остров Родос, чтобы там прославиться новыми победами над сарацинами уже на море, когда суша изменила их оружию: оттоле же вызван был и знаменитый их соперник, орден храмовников, в Европу, чтобы там мученически скончаться на кострах и в темницах от корыстолюбия короля Франции Филиппа IV и малодушия папы Климента V.

Немного славы было дано в удел и призракам королей Иерусалимских на Кипре, над коими беспрестанно но-

силась: с юга — гроза султанов мамелюкских, а с севера — султанов турецких. Король Генрих II, после постыдного бегства из Птолемаиды и неудачного покушения с ханом монгольским на Иерусалим, подвергся узам у киликийских армян; это случилось по проискам его брата Амори, князя Тирского, который с помощью генуэзцев хотел овладеть его престолом. Генрих удержал, однако, за собою царство и скончался на Кипре после сорокалетнего правления, оставив по себе преемником доблестного племянника. Гуго IV Лузиньян в течение столь же долгого царствования старался устроить благосостояние королевства, но семейные огорчения отравили его последние годы. Престарелый король, венчав на царство сына своего Петра, сам скончался в монастырском уединении.

Еще однажды, и в последний раз, вспыхнула на Востоке тлевшая искра Крестовых походов при воинственном Петре. Напрасно старались возбудить ее, в начале сего столетия, короли Кипра и Армении жалобами на предстоящую им опасность и первосвященники римские громкими буллами, и даже именитые певцы и ученые Запада своими песнями и творениями. Благородный венецианец Марин Санути нарочно странствовал по Сирии и Египту, чтобы собрать сведения о средствах обладания Палестиною, и представил папе свои две книги с четырьмя картами Св. Земли, Египта, Средиземного моря и всей земли. «Я не послан к тебе ни от какого короля, или князя, или республики, — говорил он Клименту V, — но по собственному движению сердца падаю к ногам твоим, чтобы предложить тебе легкое средство сокрушить врагов веры, искоренить секту магометанскую и приобрести вновь Св. Землю. Мои долгие странствия в Кипре, Армении, Египте и Румелии дали мне некоторые сведения на пользу всего христианства». Санути указывал все пути, на море и на суше, рассказывал подробно о состоянии каждого государства, советовал прежде всего ослабить могущество султанов мамелюкских и привлечь, мимо Да-

миеты и Александрии, всю торговлю Индии, прямо из Багдада в пристани сирийские.

В то же время другой, не менее ревностный посетитель и заступник св. мест, миссионер Раймунд Лулли, испросил соборное решение на преподавание в университетах восточных языков и обходил всех государей Запада, умоляя их спасти Иерусалим. И сладкий певец Лауры, Петрарка, настроив более высоким тоном свою цевницу, призывал весь Запад к спасению Св. Града: «Сын Божий обратил взор свой к тому месту, где был Он вознесен на крест. Те, которые обитают между Роною, Рейном и морем, и те, коих палит знойный полдень, равно как и жители мрачных краев, отдаленных от пути солнечного, готовы поднять хоругвь креста; один ли град сынов Марса, град первосвященников, останется чуждым славному предприятию?»

Но сии красноречивые призывания замирали в пустыне остывших сердец. Короли Франции на смертном одре вспоминали в своих завещаниях град Божий, но не подымали более оружия при жизни. Их примеру следовали и могущественные вассалы; иные же принимали крест на свои мантии и не исполняли обета. Папа Иоанн XXII внял воплю христиан восточных и провозгласил Крестовый поход (1336 г.). Король Франции Филипп Валуа с королями Богемии и Наварры и со всеми своими баронами дали клятву в Париже идти освободить Гроб Господень. Короли Англии, Венгрии и Арагона и многие республики Италии обещались также подать руку помощи; но все предприятие обрушилось со смертью папы Иоанна. А между тем весть о новом Крестовом походе распространилась по Востоку; христианские жители Сирии и Египта, наипаче паломники и купцы, подверглись жестокому гонениям. Султан Каира, Мелек Назер, стал собирать войска с прочими эмирами Сирии, чтобы не только отразить христиан, но даже их искать на Западе. Потомок Аббасидов, живший в Египте, где носил громкое имя халифа, разослал повсюду свои грамоты, возбуждая всех

истинных мусульман к оружию обещаниями чувственного рая их пророка. Но папа Бенедикт XII, заступивший место Иоанна, уже не нашел в крестоносцах, давших обет, желанного расположения к походу, несмотря на усиленные жалобы христиан восточных. Тогда инок Антиохийский Андрей, пришедший просить о помощи первосвященителя римского в Авиньоне, услышав, что король Франции Филипп отлагает поход свой, схватил за узду его коня и спросил: «Ты ли Филипп, король Франции, давший обет Богу освободить Св. Землю? Если ты хочешь исполнить свое предприятие, молю Господа направить столпы твои к победе; если же нет и ты обманываешь святую церковь, гнев Божий на тебе, на твоём роде и на твоём королевстве; ибо на тебя падет вся кровь, которая пролилась при одной вести о твоём походе!» Король смутился и позвал инок с собою. «Пойду пред тобою, если идешь на Восток, и оставляю тебя, если на Запад, — сказал он, — иду каяться о грехах моих в ту землю, которую ты выдал сарацинам».

Однако жестокая война, возникшая между Англиею и Франциею, воспрепятствовала обоим королям, несмотря на их обеты, идти в Иерусалим, и над родом и королевством Филиппа сбылось пророчество инок Антиохийского. Один только флот, вооруженный папою, Венециею и королем Кипра, с помощью рыцарей Родосских, отплыл к берегам Анатолии и овладел Смирною, где погиб папский легат: турки опять вытеснили оттуда крестоносцев. Жестокая чума, пришедшая с Востока и опустошившая весь Запад под страшным прозванием черной смерти, положила на время предел воинским предприятиям; но явление короля Иерусалимского Петра в Авиньоне опять возбудило дух Крестовых походов.

Петр уже был испытан в битвах с турками Карамании, у коих отнял Саталию, и простер оружие даже до Смирны. Еще один венец присоединился к двум его венцам, Кипра и Иерусалима, когда киликийские армяне, недовольные

своим королем Леонтием, предложили малое свое царство Петру, правление коего было самое счастливое для его острова. С такою славою предстал он папе Урбану V в Авиньоне, где находились тогда Иоанн, король Франции, и Вальдемар III, король Дании, со многими владетельными князьями Европы. Западные властители были тронуты плачевным рассказом короля Кипрского о бедствиях восточных христиан и, приняв крест, обещали обратить свои силы на султана Египетского; Петр посетил почти все царственные дворы Европы, и все восхищались красноречием доблестного короля, проповедника крестовых битв; назначен был легат со стороны папы, дабы участвовать в походе; но все кончилось одними лестными обещаниями. Король Иерусалимский собрал только толпу бездомных наездников, которые искали себе счастья на войне; король Франции Иоанн умер пленником в Англии, а Вальдемар Датский был остановлен смутами в собственном государстве. Венеция из видов торговых вооружила несколько судов, но главными союзниками были рыцари Родосские, которые еще не забыли своих подвигов в Св. Земле. До десяти тысяч воинов отплыли под знаменем креста и под предводительством храброго Петра из пристани Кипра и без всякой препоны овладели Александрией. Король хотел укрепиться в этом городе, столь необходимом для дальнейших действий, и ожидать в нем войск египетских; но его союзники не могли устоять против искушения ограбить богатства Александрии, ибо они более думали о корысти, нежели о победах. Не ожидая мамелюков, крестоносцы оставили на четвертый день опустошенный ими город, только раздражив неприятеля против христиан, которые опять пострадали в Египте; флот крестовый наполнил такими же бедствиями и берега Сирии, разорив приморские города Триполи, Тортозу и Лаодикию, и возвратился без дальнейших подвигов.

Успехам христиан благоприятствовали внутренние смятения Египта, при частом низвержении с престола сла-

бых сыновей Мелек Незера; мамелюки не имели и флота, чтобы отразить крестоносцев. Пользуясь сими обстоятельствами, венецианцы, в качестве посредников, заключили на выгодных условиях мир между королем Кипра и султаном Египетским Шабаном, который долее других братьев держался на престоле. С обеих сторон возвратили пленных, и султан уступил королю половину десятинной пошлыны, взимаемой с товаров в Александрии, Дамаске, Тире, Бейруте и Иерусалиме. Он отдал рыцарям Родосским древний их замок, которым владели во Св. Граде, и освободил богомольцев от позорной дани пяти червонцев, какую должны были платить для выкупа своей головы, когда ходили на поклонение св. мест. Христиане получили также дозволение исправить обветшавшие храмы Св. Гроба, Вифлеема и Назарета.

Таковы были следствия сего ничтожного и последнего похода крестоносцев; но они были весьма кратковременны, ибо благосостояние королевства Кипрского рушилось с кончиною Петра (1268 г.); он был вскоре убит братом своим, князем Галилейским; а слабый его сын и преемник, Петр II, провел все свое десятилетнее правление в междоусобиях с дядею Иоанном и в войне с генуэзцами, которые воспользовались беспорядками на острове и овладели его главным городом Фамагустой. Другой брат убитого Петра, Иаков, заступил место слабого племянника, будучи сам выкуплен своим народом из генуэзской темницы; он венчался также тремя венцами: Кипра, Иерусалима и Армении, хотя даже и весь остров не был в руках его, от притязаний генуэзцев. Так протекает четырнадцатое столетие для королей Иерусалимских и прочих некогда державных князей и графов Сирии, удержавших за собою одни титулы утраченных владений.

Время перейти от мнимых сих властителей к истинным православным патриархам Св. Града, о коих упоминает Досифей в своей истории. В начале сего столетия между ними

появляется одно светлое лицо, утешительное для всего христианства, — Лазарь, ревностный пастырь и исповедник за веру отцов. Он наследовал кафедру после Григория, который управлял церковью в долгое царствование Михаила Палеолога и дожил до дней императора Андроника, избежав, по своему отдалению, соборов и церковных смут Палеолога. Не столько счастлив был его преемник Лазарь, испытывавший гонения и от императоров по гражданским беспорядкам, и от султана Египетского за исповедание веры. Вместе с Иоанном, патриархом Цареградским, и св. Григорием Паламою, архиепископом Фессалоники, соборно осудил Лазарь неправильные мнения Варлаама и Акиндина о божественном свете преображения Господня и потом, вместе с Паламою, подвергся гонению от того же патриарха за то, что благоприятствовал доблестному правителю империи Иоанну Кантакузину. Еще при императоре Андронике, когда Лазарь был избран в Св. Граде, по общему согласию, и отправился в Царьград за царским утверждением, нашелся в духовенстве иерусалимском некто Герасим, который послал на него обвинения в столицу, потому что хотел сам приобрести его кафедру; но император не поверил клевете и писал к султану Египетскому о признании Лазаря законным патриархом; ибо без его согласия никто не мог святительствовать в Св. Граде. Когда же по смерти Андроника возникли при малолетнем сыне его, Иоанне, междоусобия вдовствующей императрицы с опекуном царства, Лазарь, по родству своему с Кантакузином, принужден был удалиться из Царьграда в предместье Галату, принадлежавшее франкам. Патриарх Иоанн рукоположил на его место Герасима и стал требовать выдачи Лазаря, а латиняне думали воспользоваться благоприятным случаем, чтобы обратить его на свою сторону. Обещая ему милость папы, если подчинится Риму, они угрожали в противном случае выдать его врагам — мужественный Лазарь предпочел последнее; но и враги приняли его с почестью за такую твердость в

вере. Отпущенный к Иоанну Кантакузину, он венчал его на царство в Адрианополе и по водворении мира возвратился с ним в столицу. Тогда император отправил Лазаря при своем посольстве в Египет убеждать султана, чтобы возвратил кафедру законному патриарху и покровительствовал палестинским христианам. Услышав о том, лжепатриарх Герасим хотел еще однажды оклеветать Лазаря, уже пред лицом султана, но умер на пути в Египет (1356 г.). Властитель мамелюкский, водворив на кафедре Иерусалимской законного пастыря, написал дружеское послание императору и еще однажды уверил его в покровительстве своем христианам восточным, обещая запретить всякое притеснение со стороны магометан и охранять храмы.

Но преемник сего султана, по наветам своих эмиров, воздвиг гонение на православных, и многие из них скончались мученическою смертью; вызван был и Лазарь в Египет, где старейшины мамелюков хотели сперва ласками, а потом угрозами и пытками совратить его в свою веру, чтобы вслед за пастырем увлечь и неопытную паству. Мужественно воспротивился опять патриарх, как некогда латинянам, и уже изрекли над ним приговор смертный, но султан не допустил его исполнить. Однако раздраженные эмиры дважды еще терзали Лазаря, дав ему по пятидесяти ударов воловьими жилами, так что земля обагрилась страдальческою кровью и одни кости остались от изможденного тела. Его ввергли, наконец, в темницу, где сами приставы сарацинские, изумленные мужеством святителя, помогали ему в узах. Тронулся и патриарх коптов, закоснелый враг греков, ненавидевший прежде Лазаря; видя мучения старца за истинную веру, он воспользовался своим влиянием при дворе султана, чтобы испросить ему свободу и мир православным. Султан велел не только отпустить патриарха, но даже отправил его своим посланником в Царьград, к родственному императору. С миром отошел к Господу, посреди своей паствы, сей многострадальный пастырь; место его заступил Софроний и сорок шесть лет содержал кафедру Св. Града.

Нашествие Тамерлана

Покорение Иерусалима Селимом.

Падение королевства Кипрского и Царьграда

Новая туча собиралась на северном небосклоне Сирии, готовая разразиться над нею потоками крови. Восстал опять завоеватель, подобный Чингисхану, и опять пришли в волнение орды туркменские и монгольские, едва лишь успокоившиеся в завоеванных ими царствах. Тамерлану, иначе Тимуру, одному из князей независимой Татарии, тесною показалась вселенная: она усеялась костями более нежели миллиона избитых им жертв, от пределов Малой Азии до берегов Ганга; девять царственных династий исчезли под его оружием и двадцать семь венцов державных, владетелей Азии, соединились на одной его главе. Самарканд, в глубине Татарии, был великолепною столицею его необъятного царства, которое простиралось от Китайской стены до Средиземного моря, и земля пред ним умолкла, как некогда пред Александром, по словам Св. Писания. Шестнадцать походов предпринимал он в течение своего сорокалетнего царствования, из коих некоторые продолжались по несколько лет, и во все это время только пять раз возвращался в столицу, чтобы там насладиться отдыхом после стольких битв и побед. Монголия, Туркмения и Хорасан были первым приютом его оружия. Тимур проник и в глубину отечества нашего, но возвратился с берегов Оки, испуганный страшным видением; Грузия, Персия, роскошная Индия и, наконец, Сирия обратили на себя алчность завоевателя.

Гостеприимство, которое оказал султан Египетский Беркук потомку ханов монгольских Ахмату, изгнанному из Багдада, навлекло гнев Тимура сперва на властителя мамелюков, а потом на Баязида, султана Турецкого, когда изгнанник искал у него спасения. Все царствование Беркука прошло в междоусобиях со своими эмирами: они не толь-

ко отнимали у него Сирию, но и самого изгоняли из Египта; однако, водворившись опять на престоле, Беркук удержал Тамерлана на его победном пути в Сирию, когда выступил против него с войсками к Дамаску. Но после смерти султана на юного сына его, Феруджа, обрушилась вся ярость монголов (1400 г.). Тамерлан двинулся опять в Сирию, одержал над мамелюками кровопролитные победы под стенами Алепа и Дамаска, взял и опустошил оба города. Тогда завоеватель обратил оружие свое на более сильного неприятеля, Баязида, султана Оттоманского, который дерзнул помериться силами с исполином Востока. Кровопролитная Анкирская битва, сокрушив Оттоманов, продлила еще на полвека существование дряхлой Византийской империи, и Мануил Палеолог вздохнул свободно за стенами своей столицы, освободившись от турецкой осады оружием Тимура.

Непрестанные возмущения эмиров и битвы против монголов могут дать понятие о том бедственном положении, в котором находилась Сирия под владычеством мамелюков во все течение XIV и XV веков. Если Иерусалим не подвергался частым осадам и разорениям, какие испытывали Дамаск, Алеп, главные города Сирии и даже соседние ему Газа и Рамла, то потому лишь, что Св. Град не лежал на ратном пути, будучи отстранен Промыслом Божиим от обычной стези человеческой для высшей цели. Однако и в нем часто отзывались гонения против христиан, начало коих бывало всегда в Каире, по смутам гражданским. Султан Ферудж за год до своей кончины (1411 г.), возвращаясь из усмирённой им Сирии, посетил богомольцем мечеть Омара, и его примеру последовал шейх Махмуд, бывший виной его падения и наследником престола; но и царствование шейха протекало в битвах междоусобных. При одном из его преемников, султанине Бурсбае (1425 г.), который со славою управлял Египтом, христианский царь Абиссинии, Ирам Исаак, сын Давида, умертвил много магометан в своих пределах за то, что мамелюки, неизвестно по

какой причине, заперли в Иерусалиме храм Гроба Господня; раздраженный султан хотел в отмщение за это умертвить патриархов Иерусалима и Александрии и всех христиан, но был умиловлен эмирами. По списку патриархов Досифеевой летописи, в то время святительствовал в Св. Граде Дорофей, который, еще при жизни своей, уступил кафедру собственному сыну Феофилу; так они записаны оба в одной древней грамоте, ибо ничего, кроме имен, не сохранилось от их деяний в смутные дни сии; преемником их был Феофан. О патриархе Феофиле упоминает в своих путевых записках и паломник русский, иеродьякон Троицкой лавры Зосима, который отправился в Царьград с великою княжною Анною, невестою греческого царя Мануила, и потом странствовал со святителем иерусалимским по многим местам Палестины.

Горько памятно было царствование Бурсбая королю Иерусалимскому Иоанну, сыну Иакова, который тогда царствовал на Кипре. Раздраженный частыми нападениями франков на берега Египта и Сирии, султан вооружил сильный флот против Кипра, ибо остров в течение многих лет сделался пристанищем морских разбойников. Войска его одержали совершенную победу и не только опустошили весь остров, но и взяли в плен самого Иоанна. Опять увидел Египет короля Иерусалимского пленником на берегах Нила, как некогда Иоанна Бриенского (1426 г.). Ходатайство консулов европейских и великого магистра рыцарей Родосских спасли от смерти потомка Лузиньянов; но он должен был заплатить дорогую цену за свой выкуп, и тогда утратились все выгодные условия договора, который заключил с мамелюками король Петр. Остров сделался на время областью Египта (1432 г.); сын Иоанна, носивший то же имя, возведен был на престол Кипра уже в качестве вассала и утвержден посланником султана Бурсбая в столичном своем городе Никосии. До такой степени упало достоинство латинских королей Иерусалима! Тридцатилетнее

слабое его царствование протекало под покровительством мамелюков, которые сами принуждены были ограждать его от нападения турок Карамании; семейные раздоры свели его преждевременно в могилу.

Незаконный его сын Иаков, избранный им в архиепископы Кипра, домогался привлечь себе наследие родительское и лишить престола законную сестру свою Шарлотту, обрученную с герцогом Савойским. Еще при жизни отца наполнил он смятением остров, ибо под его кинжалом падали его враги. По смерти Иоанна архиепископ тайно отплыл в Александрию, чтобы просить себе венца у султана мамелюкского Кайтбая, и получил желаемое. Когда же возвратился с сарацинскими войсками, изгнал зятя и сестру из столицы (1460 г.) и долго осаждал их в одном из городов побережья, доколе не принудил совершенно удалиться; но недолголетним было и его царствование. Юный государь пленился красотою Катарины Корнаро, благородной венецианки; хитрая республика поспешила признать ее дочерью св. Марка и совершить брак с королем Кипра, чтобы потом приобрести себе его наследие. По смерти Иакова сестра его Шарлотта стала опять домогаться престола через посредство того же султана Египетского, а между тем Катарина, объявленная правительницею острова, лишилась сына своего, младенца Иакова; тогда Венеция принудила дочь св. Марка уступить республике все права на королевство Кипрское и овладела островом (1489 г.). Так прекратилось окончательно на Востоке королевство Иерусалимское в лице последнего младенца из рода Лузиньянов, который утратил настоящий венец Сионский. Но титул сей удержали за собою короли Неаполя, как преемники императора Фридриха II, венчавшегося в Иерусалиме, и короли Сардинии, происходившие от Шарлотты, урожденной Лузиньян.

XV в. видел падение и другого царства, которое было родственно Иерусалиму не по титулу своих властителей, а по деятельному участию, которое принимало всегда в судь-

бах его, от первого Константина и до последнего: Византия пала под громовыми ударами правнука Баязида Молнии! Предчувствуя близкое падение своей державы, уже стесненной в одной ограде столицы оружием султана Оттоманского Мурата, император Иоанн Палеолог думал найти спасение на Западе соединением церквей и обманулся в своих надеждах. Он послал поверенных к восточным патриархам — Александрии, Антиохии и Иерусалима, дабы они назначили своих местоблюстителей на Вселенский собор с полномочием утверждать все его решения именем их, и святители дали наперед согласие на все, что только не будет противоречить прежним вселенским уставам. В Св. Граде тогда святительствовал Иоаким, и верным его местоблюстителем был именитый Марк Эфесский, который один не поколебался, когда едва не поколебалось православие во Флоренции. Император Иоанн, обманутый личными обещаниями папы Евгения IV, отплыл в Италию вместо того, чтобы последовать приглашению императора Римского на Базельский собор, и был вынужден тесными обстоятельствами подписать вместе с архиереями постыдные условия Флорентийского собора.

Ужаснулись святители восточные, когда услышали о таком злоупотреблении данного им полномочия. Патриархи Филофей Александрийский и Дорофей Антиохийский вместе с митрополитом Кесарийским Арсением собрались в Св. Град к патриарху Иоакиму, чтобы торжественно предать анафеме незаконные деяния Западного собора и нового цареградского патриарха Митрофана, который был поставлен императором на кафедру благочестивого старца Иосифа, скончавшегося во Флоренции. Несколько лет спустя те же патриархи, Александрии и Антиохии, и новый патриарх Иерусалима, Григорий, пришли в Царьград уже при последнем императоре Константине Палеологе, и в храме св. Софии опять осудили догматы латинские и поставили православного патриарха Афанасия на место Григория Маммы,

преданного Риму. Это был последний собор восточных иерархов (1443 г.) в древней столице православия до ее сокрушения Магометом II. Седьмой из царственного рода Палеологов и одиннадцатый славного имени Константинов, император мужественно пал с оружием в руках на стенах своей столицы, и с ним угасла одиннадцативековая Восточная империя, пролившая столько милостей на Св. Град. Осиротевшие его святители лишились сильнейшей своей опоры, которая столько раз ограждала их от гонений сарацинских. Тридцатishестилетнее правление Григория и более нежели сорокалетнее преемника его Дорофея протекали все в междоусобиях султанов мамелюкских, раздиравших Сирию и Египет. Дорофей дожил до владычества оттоманского в Иерусалиме, ибо на обломках Священной империи Константинов внезапно возрастало исполинское царство султанов турецких и охватило весь христианский мир Востока.

Султан Магомет, которого все царствование протекло в битвах с воинственными народами и соседями завоеванной им империи, в последние годы своей жизни обратил взоры на Египет; но смерть застигла его в Анатолии. Каитбай, один из славных султанов мамелюкских, тридцать лет восседавший на престоле Каира, должен был, однако, собрать все свои силы, чтобы противостоять грозному завоевателю; жестокая война вспыхнула между ним и преемником Магомета, Баязидом, за благосклонный прием, оказанный в Египте младшему брату его, изгнаннику Джему. Поприщем битв была Карамания, отчасти принадлежавшая мамелюкам, и эмир Каитбая, Езбеки, покрыл себя славою, одержав многие победы над оттоманами. Но Каитбай хотел мирно окончить дни свои, ибо предвидел после себя новые смуты и уже предчувствовал, что слабый Египет не в силах держаться против возраставшей силы оттоманов. Мало было искателей шаткого престола мамелюков; халиф и эмиры с трудом могли найти преемников Каитбая; при последнем из них, Кансу-Гаури, вспыхнула решительная для Сирии

и Египта война с сыном Баязида, султаном Селимом, также за покровительство, оказанное брату его, лишенному наследия предков. Мамелюки собрали все свои силы против могущественного султана, и на полях Сирии, под стенами Алеппа, решилась участь их царства и самого Иерусалима.

Восьмидесятилетний Кансу был затоптан во время бегства конями своих мамелюков; но Селим, уважая доблести царственного старца, с честью предал тело его земле. Алепп и Дамаск немедленно открыли ворота победителю и признали над собою владычество оттоманов. Между тем бежавшие в Египет мамелюки избрали вождем своим мужественного эмира Туман-бея и готовились к отчаянной защите в Каире. Селим двинулся против них со всеми своими силами; оставив войска в Рамле, султан пожелал видеть Иерусалим и вступить в глубокую полночь в священные врата его; до рассвета посетил он гроба пророков и таинственный камень патриарха Иакова в мечети Омаровой. Это было зимою, в середине декабря, и от чрезвычайных дождей не было сухого места на площадке храма, где бы державный паломник мог преклонить колена, но время не позволяло медлить; несмотря на непогоду, рано утром поспешил он в Хеврон поклониться гробу Аврамову и прочих патриархов и возвратился в стан свой к Аскалону. Из Иерусалима Селим написал Туман-бею повелительную грамоту, чтобы положил оружие; но не внял угрозам новый султан мамелюков. Измена двух его эмиров даровала победу Селиму под стенами Каира, который защищался упорно и взят был новою изменою. Несколько тысяч мамелюков пали в битве, многие сотни на плахе.

Жестоко праздновал свою победу султан в покоренном Египте, напоминая страшные кровопролития Тамерлановы. Туман-бей бежал с остатками дружины к бедуинам в пустыню и продолжал военные действия, доколе не был выдан своими союзниками. Обрадовался Селим, услышав о плене грозного мамелюка, ибо уже начинал отчаиваться в

покорении Египта; он принял его сперва с честью и дивился его воинским доблестям; но потом, возбуждаемый теми, которые изменили своему султану, и опасаясь новых смут, осудил его на позорную смерть перед воротами его столицы. Так окончилась держава мамелюков, два с половиною века страшная христианам Сирии, монголам и самим оттоманам. С тех пор мамелюки остались только в качестве беев или князей в Египте и разделили между собою управление областями его под начальством верховного правителя, утверждаемого в Царьграде. Султан Селим упразднил также халифат в древнем роде Аббасидов со смертью последнего из них, Мотавакея, и принял на себя сей высокий сан как единственный повелитель, светский и духовный, всех мусульман.

Достигнув на обратном пути Дамаска, устроил он там управление Сирии, разделив ее на три пашалыка: Алепа, Триполи и Дамаска; Св. Град вошел в область последнего и не имел отдельного воеводы, но поверенный паши дамаского назначен был в качестве наместника иерусалимского. Однако султан еще однажды посетил Св. Град, уже из Дамаска, опять в смиренном образе паломника, хотя также не благоприятствовала ему зимняя погода. Патриарх Досифей встретил его в воротах города со всем духовенством и ласково беседовал султан со святителями — старцами иерусалимскими; он дал им от себя Ахтиنامه, или завет благоволения, которым определил, чтобы все обители и церкви были во власти патриарха, и он бы первенствовал во всех духовных обрядах над прочими исповеданиями, а все духовенство было бы свободно от поголовной подати, харач, взимаемой с христиан. Между воинами султана было много христиан; бей Пелопоннеса, Геронтий, оградил ходатайством обитель Синайскую и ее подворье в Каире от разорения. И франки, со своей стороны, не забыли своих единоверцев в Иерусалиме; тотчас после возвращения султана в Константинополь явился посол испанский просить

о подтверждении преимуществ, какими пользовались при мамелюках иноки латинские Св. Гроба, дабы не возвысилась обычная подать, издавна определенная для богомольцев западных. Таким образом, после стольких переворотов гражданских, воинских и духовных Св. Град подпал, наконец, под владычество оттоманских султанов.

После завоевания Сирии и Египта султаном Селимом кончается для Иерусалима и политическая его история; ибо вся Палестина, как область обширной турецкой империи, уже не представляет исключительной летописи событий, как во времена Крестовых походов и даже владычества мамелюков. Мы можем почерпать сведения о Св. Граде только из рассказов паломников, которые, с тех пор и доныне, не переставали посещать Св. Землю, несмотря на все ее неурядицы под бедственным игом магометан. В течение XV века при державе мятежных мамелюков владельцы графы и князья Европы, особенно германские, продолжали свои благочестивые странствия, и нам осталась целая книга их походов под именем Паломника Св. Земли. Из числа именитых были герцог Померании Богуслав, Иоанн, граф Сольмский и Рейнский, пфальцграф Александр с графом Насаусским; они посещали дорогою рыцарей Родоса и королей Иерусалимских на Кипре, еще до покорения острова венецианцами. Все эти путешествия совершались наиболее в последних годах того века. Но одно из самых драгоценных, по своим сведениям о состоянии христиан в Иерусалиме, есть описание французского кармелита Николя Гюэна, странствовавшего в 1487 году.

Он был гостеприимно принят латинскими монахами ордена св. Франциска на горе Сионской, как и все путешественники западные; ибо на Сионе находился главный монастырь франков, великолепно украшенный даяниями герцога Бургундского Филиппа на том месте, где Господь совершил Тайную Вечерю со своими апостолами; двадцать четыре инока под начальством блюстителя Св. Земли со-

ставляли братство латинское в Иерусалиме, и блюститель имел разрешение от папы производить в рыцари Св. Гроба мечом и шпорами короля Готфрида. Но в самом храме Св. Гроба франки держали только двух монахов, которые сменялись там для служения литургии во святилище; ибо соборною церковью и святым вертепом владели греки, которые были многочисленны в Иерусалиме, по словам кармелита, и притесняли франков. Пришельцы западные имели еще на Сионе женский монастырь во имя св. Клары, где обитали шесть монахинь, а в Вифлееме в руках их находились великолепный собор Богоматери и малая пещера Рождества Христова.

Православные сирийцы, т. е. арабы, составляли собственно народонаселение Иерусалима; но они были в уничиженном состоянии, пренебрегаемые, как рабы мамелюков, и хотя единоверцы греков, имели, однако, особенный монастырь Иоанна Богослова, в бывшем его доме, и содержали от себя одного монаха в храме Воскресения.

Армяне владели уже тогда великолепным монастырем св. апостола Иакова, который, как утверждают грузины, был у них куплен; им же принадлежала обитель Каиафы на Сионе, где предстал на судилище Господь. Другие исповедания, как томарониты, сирийские иаковиты, халдеи или несториане, копты, кроме абиссинцев, часто враждовавших с мамелюками на границах Египта, не имели своих отдельных обителей в Иерусалиме, хотя обретались в довольно большом количестве; даже евреев считалось там до трехсот, разделенных на многие секты. Но самые любопытные сведения богомольца западного относятся до народа грузинского.

Мамелюки, помня свое черкесское происхождение и опасаясь мужественного племени грузин, которые часто воевали с турками, предоставили им особенные преимущества в Иерусалиме, ибо многие из султанов египетских были сами куплены в Грузии. Одни грузины имели право въезжать на конях и с распущенными знаменами в Св. Град

и были избавлены от всякой подати; даже самые жены их, как амазонки, не иначе как в оружии и на коне являлись на улицах иерусалимских. Кроме великолепной обители Честного Креста и многих других, искони поддерживаемых благочестием царей Грузинских, им принадлежала вся Голгофа, где позволялось служить франкам, и дом первосвященника Анны на Сионе, или обитель Архангельская, и они держали также своих иноков в храме Воскресения, для богослужения. В летописи грузинского царевича Вахуштия находится весьма любопытное и вместе загадочное сказание о походе трех царей грузинских в Иерусалим, в 1524 г., которое доказывает тогдашнее могущество сего народа, хотя событие сие нигде более не повторяется в иных летописях и сбивчиво по летосчислению. Он говорит, что преемник султана Селима, Солиман, будучи сам занят войною на Западе и находясь в разрыве с шахом Персидским, отправил послов к трем царям — Георгию Карталинскому, Баграту Имеретинскому и Левону Кахетинскому, с таким словом: «Иерусалим, сокровище вашей веры, в руках неверных, но я отдаю его вам; идите, изгоните врагов и владейте им»; ибо султан опасался, чтобы и они не присоединились к персам против него. Услышав такое слово, все три государя, дружные между собою, поспешили собрать войско и, вместе с атабеком Кваркли, выступили в Св. Землю, полные упования на Бога. Когда же приблизились к Иерусалиму, жители его выслали сказать им: «Обнаружьте свое намерение: если вы пришли врагами, то вас слишком мало, если же странниками, то слишком много». — «Мы пришли, — отвечали им цари, — в надежде оружием освободить св. места»; после кровопролитной битвы с жителями, вышедшими на брань, грузины обратили их в бегство и вслед за ними ворвались в город, где взяли много пленников и добычи. Когда весть сия достигла до султана, он осыпал их своими милостями и даровал им св. места: Гроб Господень, Голгофу, Вифлеем и обитель Честного Креста; цари возвратились после освобождения Св. Града с великим торжеством в свои пределы.

Трудно разрешить, кто были сии неверные, о коих говорит султан. Если это относится к франкам, то они не владели городом, а только несколькими обителями; если к персам, в качестве шиитов, то они не доходили до Иерусалима, а мятежные мамелюки были одного закона с Солиманом; сверх того здесь есть еще и разность в годах. В первый год его царствования, когда он точно занят был войною с Венгриєю, возмущился паша Дамасский Джанберди Газали, назначенный Селимом, и овладел временно всею Сириею; но он был усмирён еще в 1521 году, следовательно, ранее назначенного срока. Если же предполагать, что летописец грузинский ошибся в годах, то опять выйдет недоразумение насчет царствования Георгия IX, царя Грузинского, который вступил на престол только в 1524 году. Нельзя ни утверждать, ни отвергать сего предания; ибо весьма вероятно, что оно основано на каком-либо историческом событии, хотя и патриарх Иерусалимский Досифей не упоминает о нем в своей истории. Он говорит, однако, что с тех пор, как оттоманы овладели Царьградом и стали презирать греков в Иерусалиме, одно только утешение находил Св. Град в грузинах; ибо они еще и во времена султанов мамелюкских могли защищать св. места и владели в самом Иерусалиме шестью обителями, из коих две впоследствии уступили грекам, св. Феклы и Предтечи, одну, Иоанна Божьего слова, латинянам и одну, апостола Иакова, армянам.

Но архиепископ грузинский Тимофей, посетивший св. места в середине минувшего столетия, подтверждает сказание летописи Вахуштиева о походе трех царей в Иерусалим и присовокупляет еще к сему, что грузины, по освобождении св. мест, владели ими исключительно восемнадцать лет; а благочестивый Лев, царь Кахетинский, не оставил их и, по возвращении в отечество, прислал денежное вспоможение со своим поверенным, настоятелем Крестного монастыря Иоахимом, для обновления храма Св. Гроба и Голгофы, которые тогда украсили мрамором. Он же говорит, что

в его время на Голгофе, у подножья патриаршей кафедры, написано было по-грузински на мраморе: «Грузинский помазанник, царь Кахетинский, и Карталинский Лев достопамятный, возобновитель и ктитор Гроба Христова, Голгофы и высокой соборной церкви Иерусалимской патриархии, разоренной татарами, искупившие оные своим усердием, прислал грузинского архимандрита, отца Иоакима, настоятеля Крестного монастыря, и возобновил святыню сию для вечной своей памяти и своих потомков в лето 1536». Надпись сия истребилась во время последнего пожара храма.

Владычество султанов Османских

Патриархи Досифей, Герман и Софроний

Султан Солиман подтвердил патриарху Дорофею и православному духовенству благоприятные указы отца своего Селима и восстановил стены Иерусалимские (1520 г.), которые оставались разоренными со времен Крестовых походов; он употребил на то камни древнего обширного замка рыцарей-госпитальеров, и стены существуют донныне, но гора Сионская осталась вне ограды. По местному преданию, раздраженный султан лишил за сие жизни того, кому поручено было строение. Он обновил и мечеть Омарову, которая пришла в упадок в смутные времена мамелюков, и взял для сего великолепный мраморный помост и колонны Вифлеемского храма. Некому было вступить за христианское святилище, как некогда во времена халифа Абделмелека, который пощадил Гефсиманский мрамор по ходатайству императора Юстиниана. А так как в то же время супруга султана, знаменитая своею красотою и властью Роксолана, строила в Иерусалиме имарет, или дом для содержания бедных и ученых, то султан приказал запереть св. врата храма Воскресения, чтобы иметь новый источник дохода при каждом их открытии с приходящих богомольцев, а деньги обратить на строение имарета. Указом султанским

была определена и пошлина за вход во святилище, различная для различных исповеданий и племен: франки, как чуждые пришельцы, платили по четырнадцати левов; греки, подданные султана, только половину; армяне, жители Карамании, по пяти левов; православные аравитяне Сирии и Египта и копты по три лева; а грузины и абиссинцы ничего не платили, ибо, как видно, султан искал дружественных сношений с сими двумя воинственными племенами на дальних рубежах своей исполинской империи. Патриарх Досифей свидетельствует, что и в его время, т. е. в исходе XVII века, соблюдалось то же распределение податей.

Судя по сему описанию, можно видеть, в каком бедственном состоянии находилось православное духовенство в Иерусалиме со времени падения Царьграда, исключая одного лишь сильного тогда народа грузинского, который поддерживал святилище, но был в неприязни с патриархами по разнородности племен. Самые патриархи и епископы избирались тогда из туземных арабов, которые, по своей неопытности в делах и крайнему необразованию, привели церковь палестинскую в совершенный упадок. До такой степени доходила бедность, что богослужение совершалось в полотняных ризах, с железными трикириями и медными сосудами, и сановники церковные должны были питаться трудами рук своих; к этому времени относится и уступка многочисленных обителей, принадлежавших православным, в руки иноверцев. Патриарх Досифей рассказывает, каким образом великолепный собор Вифлеемский достался в руки латинян: однажды, в Великую субботу, все иноки Вифлеемские пошли в Иерусалим, и остался там один зажигатель лампад; но и ему желательно было побывать в тот день у Св. Гроба; по простоте своей отдал он ключи от святого вертепа Рождества одному латинскому монаху, поручив ему вечером засветить лампы в пещере; когда же возвратился на другой день и стал спрашивать обратно ключей храма, уже не мог более получить их; а иноки ла-

тинские, которых позвали греки на суд пред кадия, силою денег удержали за собою право обладания храмом. Рассказ сей весьма правдоподобен, потому что не было причины франкам владеть исключительно собором Вифлеемским, когда Саладин, после их изгнания, уступил все святилища православным сириянам, и они, вместе с греками и грузинами, удержали их за собою в бедственную эпоху мамелюков.

Между тем арабы, завидуя грекам, опасались, чтобы они не овладели исключительно св. местами, и, пользуясь их упадком после того, как прекратилось для них покровительство императоров Византийских, строго наблюдали, чтобы никто из греков не был посвящен не только в патриархи, но даже в епископы. Такое положение продолжалось около ста лет, до святительства Германа, уроженца морейского. Изучив в совершенстве язык арабский в Египте, он принят был дьяконом в монастырь Патриарший, где его почили сперва за природного араба, а потом, по необычайным дарованиям, избрали единодушно на кафедру Святого Града преемником патриарха Дорофея (1534 г.). Герман начал опять, мало-помалу, посвящать епископов из греков в течение долгого своего святительства и со смертью последнего члена Синода Иерусалимского из местных арабов постановил за правило, чтобы и впредь не смели посвящать в епископы Иерусалимского престола кого-либо из арабов. Правило сие соблюдается с тех пор с такою строгостью, что и поныне не только епископы, но даже все иеромонахи и иеродьяконы родом греки; местным жителям Сирии не вверяется никакая хозяйственная должность по монастырям палестинским. Для укрепления сего правила Герман постановил также, чтобы наследство духовенства греческого в Иерусалиме всегда оставалось Св. Гробу.

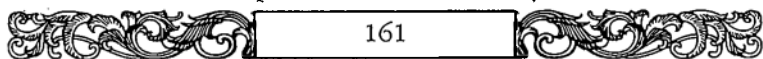
С избранием Германа единоплеменные ему греки стали опять посещать во множестве св. места и обогащать их своими приношениями; он сам ходил в Константинополь и

Другие места за сбором милостыни и вместе с вселенским патриархом Дионисием совещался о подчинении епархии горы Синайской престолу Иерусалимскому; однако епископы ее ныне опять почитаются самостоятельными. Герман посещал часто и Заиорданские области, принадлежавшие его пастве; ибо туда, в укрепленный город Карак, большая и богатейшая часть православных жителей иерусалимских укрывалась в правление мамелюков. Помощью их обновил он мраморные колонны обветшавшей часовни Св. Гроба и покрыл ее сверху свинцом, чтобы защитить от дождя, потому что всегда был отверст главный купол храма Воскресения. Когда же францисканские монахи, воспользовавшись его отсутствием за Иордан, устроили железный кивот, наподобие часовни, над местом снятия со креста и стали исключительно в нем служить, Герман, возвратившись в Иерусалим, заставил их уничтожить такое нововведение. Во время его святительства церковь Иерусалимская испытала еще тяжкое бедствие от землетрясения: высокая колокольня храма Воскресения обрушилась и повредила купол над Св. Гробом; то же случилось с колокольнею Вифлеемскою, и с тех пор обе они находятся в развалинах. Мудрый святитель, опасаясь влияния арабского на дела церковные, решился назначить себе преемника еще при жизни и привел с собою из Царьграда единоплеменного ему священника церкви св. Николая, что у городских ворот Агипкапи, которого облек в иноческую одежду под именем Софрония. Чтобы придать более торжественности избранию своего преемника (1579 г.), он пригласил в Иерусалим патриарха Александрийского Сильвестра, митрополитов Дорофея и Нектария, епископа Синайского Евгения и другого епископа Симеона из Антиохийской епархии, со всеми высшими и низшими чинами патриархии Иерусалимской, и составил из них собор в своих кельях, на котором торжественно отрекся от престола. «Дети мои! — сказал старец своим клирикам. — Бог да благословит вас! Так как я, по старости и по слабости сил

моих, не могу более оставаться на кафедре святительской, то изберите и поставьте на мое место кого-либо другого». Все единогласно одобрили предложение патриарха Германа и решились, согласно с древними примерами, написать три имени на трех листках, чтобы потом бросить о них жребий. На другой день патриарх Александрийский и прочие архиереи положили листки свои на Св. трапезу храма Воскресения и после Божественной литургии ввели в алтарь малого отрока, который снял с престола один из листков: на нем было имя Софрония; таким образом, само Провидение оправдало тайное сердечное избрание добродетельного старца Германа, и все духовенство иерусалимское с любовью приняло сие назначение, как по собственному расположению, так и потому, что оно согласно было с желанием всеми любимого патриарха. Он просил себе только у нового святителя в управление Лидду и Рамлу; но все христиане иерусалимские единодушно воскликнули: «Отец наш, не удаляйся от нас, но живи с нами в Иерусалиме!» Старец отвечал, что исполнит их желание, если обретет необходимое для себя спокойствие в Св. Граде, и паства его объявила громогласно, в присутствии святителей иных престолов, что не имеет ни малейшего иска или жалобы на бывшего своего патриарха ни по каким делам церковным или гражданским. Если же кто-либо останется недовольным избранием нового архипастыря, которого ныне все приемлют как бы от руки трехсот восемнадцати отцов никейских, или станет тревожить старца Германа, то должен внести за сие пятьдесят венецианских червонцев пени, ибо и сам патриарх Софроний должен почитать патриарха Германа вместо отца. Соборное сие деяние, писанное на арабском языке, доселе хранится в библиотеке патриаршей.

Софроний был человек благонравный и весьма усердный к святыне; он возобновил церковь равноапостольных Константина и Елены, находящуюся в патриархии, для вечной памяти своих родителей, как явствует из надписи, и

сделал многие другие исправления в храмах иерусалимских. Таким образом, в Вифлееме, с обеих сторон Св. вертепа, поддержал сводами собор, уже начинавший клониться к падению; и в самом храме Воскресения начал обновлять иконостас усердием христиан острова Крит; но иконостас окончен был только при его преемнике Феофане, в 1608 году: все украшения были белого, красного и небесного цвета, с золотыми звездами. Когда же, во дни святительства Софрониева, один богатый богомолец западный силой денег хотел отнять у православных Голгофу и внес судьям шесть тысяч золотых за неправоное приобретение святыни, ревностный патриарх собрал последние свои деньги и за двойную сумму возвратил православным обладание Голгофою; с тех пор она перешла из рук грузин к грекам; однако полуденная часть священного утеса, на коей был пригвожден к кресту Спаситель, осталась во владении франков, ибо они и прежде имели право служить там литургию на малом престоле, хотя сперва не владели сим местом.

По убогому положению своей кафедры патриарх Софроний предпринимал многие странствия для сбора милостыни, сперва в Египет и на гору Синайскую, куда сопровождал его гость и богомолец русский, Трифон Корабейников, присланный Иоанном Грозным с царскими повиновениями по душе убиенного им царевича Иоанна. Потом отправился в Царьград и еще далее в Молдавию, где получил в дар для Св. Гроба монастырь Круию от благочестивого воеводы Петра. Он хотел продолжать свое путешествие и в Россию, ибо там находился в то время святейший Иеремия Константинопольский, который возвеличил достоинством патриаршим митрополию Московскую и всея Руси, но должен был отложить свое путешествие по смутным обстоятельствам времени.

По возвращении патриарха Иеремии в Царьград Софроний, вместе с прочими святителями восточными, подписал утвердительную грамоту о возведении Иова в сан пат-

риарший и присутствовал вместе с Иеремиею и Мелетием Александрийским на другом соборе, которыми отвергнут новый календарь папы Григория XIV, распространяемый по Востоку. Когда же впоследствии Софроний, по своим преклонным летам, не мог более странствовать для сбора милостыни, он рукоположил себе преемником благочестивого Феофана, воспитанного при нем с юных лет, подобно как и он сам был избран сперва в сотрудники старцу Герману; Феофан был посылаем им по многим странам, чтобы пожертвованиями православных христиан поддерживать святыню палестинскую, оспариваемую иноверцами. Местное предание говорит, что так как двери храма Воскресения были заключены турецкою стражею и приходящие богомольцы, мужчины и женщины, по необходимости обедали и спали внутри храма, то Софроний хотел воспретить беспорядки, недостойные святости места, но ему явился в сонном видении сам Господь Иисус Христос и сказал: «Епископ! Я терплю это, а ты для чего хочешь воспретить народу Моему оставаться в Моем храме? Довольно их благочестия, о прочем же подобает приложить попечение».

Мы имеем свидетельство о состоянии св. мест в исходе XVI века, чрез двух поклонников, одного восточного, другого западного, которые посетили Палестину во дни святительства Софрониева. Трифон Корабейников, посланный Иоанном, описывая красоту храму Воскресения, говорит, что купол его не доделан, потому что турки, однажды разорив оный, не допускают исправить; но это, вероятно, относится к повреждению, случившемуся от упавшей при землетрясении колокольни. Достойно замечания, что в храме, где, по словам Трифона, все исповедания различных народов имели свои малые престолы, около главного собора греческого болгары воздвигли себе престол, над самую крышею часовни Св. Гроба, и там совершали богослужение, под открытым куполом. Рассказ его, о сошествии огня в Великую субботу, исполнен теплой веры. Христиане угашают

огни в домах своих еще с Великого четверга, ожидая появления небесного; Гроб же Господний запечатывают; в день субботний патриарх, взошедши в великую церковь, молит со слезами Господа о ниспослании божественного света, и, когда узрит его, как луч солнца, нисходящий сквозь отверстие купола на Св. Гроб, он совершает вокруг крестный ход со всем духовенством, приказывая туркам отпечатать святилище. Тогда входит один внутрь его, износит святой огонь, который раздает всем верным и иноверным, и огонь сей не жжет, доколе еще в руках патриарших, а на Св. Гробе возжигаются сами собою все кандила православных.

Трифон застал еще тринадцать обителей православных в самом Иерусалиме и рассказывает о монастыре св. Михаила, служившем вместо подворья для иноков св. Саввы, что, когда турки разорили верх церковный, два старца, Моисей и Мефодий, испросили в России милостыню на обновление сей церкви от царя Иоанна Грозного и митрополита Макария. Довершив с дозволения султанского строение, иноки едва не подверглись сами лютой смерти от неверных; ибо паша иерусалимский захотел обрушить опять купол и найден был в ту же ночь мертвым в своей ложнице; стража турецкая устремилась на обитель, но, обретши иноков на молитве, удалилась, пораженная внезапным ужасом. С изумлением описывает Трифон великолепие лавры св. Саввы и особенно соборной его церкви, иссеченной из огромных камней, с резным иконостасом, ярко вызолоченным, и со стенною живописью; кроме собора еще пять церквей и все хозяйственные заведения обители находились в лучшем устройстве; ибо тогда сербы еще владели лаврою, которую обновили в самое цветущее время их царства. Они приобрели ее от греков, вынужденных оставить древнюю свою обитель по нестерпимым гонениям арабов в 1504 г., и выстроили для защиты оной башню с приделом св. Симеона; оттоле один из иноков, стоявший на всегдашней страже, подавал знак о приближении бедуинов; но

в исходе XVI века и сербы, в свою черду, оставили лавру, ибо уже не в силах были поддерживать, и она пребывала в упадке около ста лет, до времен патриарха Досифея. Трифон застал, вероятно, лавру уже в последние годы обладания сербского (1583 г.).

Другой путешественник того же времени, князь Радзивилл, говорит, что он слышал в Иерусалиме, и в самой лавре св. Саввы, о бедственной кончине множества ее иноков, приключившейся при султани Селиме II (т. е. около 1570 г.). Однажды, когда новый паша назначен был в Иерусалим, монахи св. Саввы, коих считалось тогда до тысячи, пришли к нему для поздравления и принесли в дар каждый по курице; паша, испуганный таким множеством людей в одинаковом одеянии, спросил их, кто они? И, услышав, что все иноки св. Саввы, отвечал им: «Дары ваши приемлю, но не могу дозволить, чтобы такое множество народа обитало в стенах одной обители из опасения бунта». Он велел тут же умертвить многочисленную братию, кроме двадцати человек, и султан одобрил жестокую предусмотрительность своего наместника. Во время посещения князя Радзивилла их было только тридцать человек, и так как происшествие случилось не более как за десять или пятнадцать лет, то, конечно, нет сомнения в вероятности оно́го, ибо рассказ князя прост и непреувеличен.

Радзивилл говорит также, что и при первом Селиме много пострадали иноки иерусалимские, когда он шел завоевывать Египет. Услышав, будто они зарыли в землю сокровища храма Господня, пожертвованные государями западными, султан заключил их всех в темницу башни Давидовой и содержал на хлебе и на воде в течение двадцати семи месяцев, допытываясь, где скрыты желанные сокровища; но иноки мужественно претерпевали все истязания и ничего не открыли, хотя многие из них скончались мученически, от долгих томлений. Они освободились только по совершенном покорении Египта. Однако рассказ сей

не сходен с историей патриарха Досифея о благосклонном обращении Селима с духовенством православным, и можно предполагать, что Радзивилл упоминает здесь только об иноках латинских, о которых, как известно, ходатайствовал после возвращения Селима в Царьград нарочно присланный посол короля Испанского. Весьма любопытно приводимое князем предание о Золотых воротах, через которые въехал Господь Иисус в день вербного торжества. Турки почитают за грех отворять их, утверждая, что открыты они будут только одному великому и сильному государю, который через них войдет в Св. Град и будет властителем вселенной. Когда же князь спрашивал турок, почему их султан не войдет через них сам, чтобы с малым трудом получить обладание вселенной, они молчали, а понуждать их к ответу было бы опасно; ибо по заповеди Корана состязавшийся о вере заслуживает казни.

Когда Радзивилл посещал Иерусалим, он был принят иноками францисканскими, уже не на Сионе, но в новой их обители Спасовой, которую купили у православных и где доньше пребывают, ибо главный монастырь их, Тайной Вечери, находится в руках неверных с 1560 года. Один из евреев цареградских, сильный деньгами при великом визире, просил латинян позволить ему поклониться гробам Давида и Соломона, коих место, по давнему преданию, назначалось под сводами сего храма; но все его просьбы остались тщетными. Раздраженный еврей поклялся отомстить и, возвратясь в Царьград, упрекал визиря в равнодушии к двум столь великим пророкам, прославленным в Коране, коих святые останки находились в руках христиан; влиянием своего богатства он достиг, наконец, малодушной цели, сделав христиан, подобно как и евреев, чуждыми сей святыни.

Радзивилл, описывая с большою подробностью внутренность храма Воскресения, говорит, что в его время Св. Гроб принадлежит латинянам, хотя это несогласно с историею Досифея, равно как и половина Голгофы; она была им

уступлена по взаимному согласию грузин, во владении коих осталась другая половина Св. утеса, и армян, коим франки отдали за то третью часть верхних хор храма. Западный Богомолец упоминает еще о церкви Явления Господа Магдалине, отколе начинались, как и теперь, все крестные ходы латинян, и о их приделе в церкви Обретения Креста, где находились также алтари, греческий и армянский. Придел Лонгина Сотника был общим для всех народов, Разделения риз принадлежал армянам, а Тернового венца абиссинцам, равно как и место приношения Исаака, по другую сторону Голгофы. Позади Св. Гроба копты выстроили свою безобразную часовню, воспользовавшись гневом султана против всех франков, которых ввергнул в темницу после славной победы Лепантской, одержанной Хуаном Австрийским над его флотом. Доходы, получаемые турками за отверстие Св. врат для паломников, простирались до тридцати шести тысяч рублей; из числа оных европейцы платили за себя поголовно по девяти червонных, греки — пять, сирияне — три, а христиане отдаленных мест Азии — по семи и восьми. Распределение святилищ внутри храма Воскресения между различными народами было уже и в то время почти одинаково с нынешним, с тем только изменением, что приделы грузин достались впоследствии грекам, а абиссинцев — армянам; но подземелье собора Вифлеемского еще принадлежало тогда францисканцам. Положение Палестины того времени было самое бедственное; не только христиане, но самые турки беспрестанно терпели от нападения бедуинов, которые безнаказанно грабили по всей Палестине и нисколько не уважали пашу Иерусалимского с малой стражею его янычар.

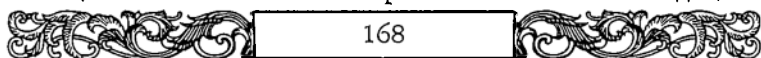
Н. Тимаев

ИЕРУСАЛИМ И ПАЛЕСТИНА

І. Вступление

«Наступает время, когда и не на горе сей и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу. (...) Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Иоанн, IV, 21—24.).

Так Божественный Учитель научает нас, что молиться, поклоняться Богу можно везде, во всяком месте и что служение Богу не связано с одною с какою-либо местностью или страной, не зависит от места, в котором находится человек. Но если истинное служение Богу не связано с каким-либо местом или страной, то тем не менее для христианина дороги и священны места и вещественные памятники, напоминающие события Священной истории и земной жизни Спасителя. Если нам дорога память предков, если мы с почтением сохраняем все то, что напоминает великих людей, и с уважением посещаем места их родины и их деятельности, то во сколько раз дороже и священнее должно быть для христианина все то, что напоминает вочеловечившегося Сына Божия, Спасителя нашего, Господа Иисуса Христа! Сколь священна для нас та страна, в которой жил и действовал Христос, в которой совершилось Таинство искупления, ибо это Таинство совершилось не только в идее, не

умозрительно или исключительно в духовном мире, напротив, оно совершилось видимо, в определенном Лице, в известном времени и месте, при известных обстоятельствах. Спаситель, Господь Иисус Христос, как человек, жил между людьми, странствовал на земле, прикасался к вещам, получал впечатления от окружающей природы, от страны, которая по общему виду, по климату, почве, растительности до сих пор сохранилась в том виде, в каком она была в Его время. Эта природа, эта страна, ознаменованная пребыванием в ней Спасителя, есть Палестина, некогда служившая местопребыванием избранного Израильского народа, среди которого совершились многие священные события, предзнаменовавшие земную жизнь Сына Божия, и эта страна, по справедливости называемая Святою Землею, дорога для всякого христианина.

В Палестине замечательно множество местностей, относящихся ко временам Иисуса Христа и ко временам Ветхого Завета. Хотя в продолжении веков и вследствие нашествий неприятелей, которым много раз подвергалась Палестина, следы священных памятников и событий большею частью исчезли, но некоторые из них сохранились и дошли до нашего времени. Кроме того, в Палестине сохранилось много преданий, сказаний и легенд о священных местах и о таких событиях, которые не отмечены в Писаниях. Некоторые из этих преданий согласны с истиною, другие же, составившись в продолжение веков, могут возбудить сомнение; так, например, некоторые предания указывают на несколько местностей, в которых произошло одно и то же событие, и не устанавливают с точностью, где именно произошло это событие, но все предания служат выражением глубоких чувств веры и благочестия их составителей. Несмотря на шаткость сказаний и на неточность в указании мест некоторых событий, вся земная жизнь Иисуса Христа протекла в Палестине, и с этою страню неразрывно связаны самые священные для христианина воспоминания. Поэтому посещение Палестины или знакомство с этою

страною, с ее священными местами и памятниками, становится как бы потребностью христианского чувства благочестия и может усилить чувства благоговения и любви к Богу; но, конечно, молясь при виде священных мест и памятников, христианин поклоняется не месту или памятнику, не изображению или камню, но Тому, Кого они живо напоминают. Тому, Кто жил и действовал на этих местах, среди этих памятников. Кроме того, знакомство с Палестиною может уяснить некоторые события из Священной истории и земной жизни Иисуса Христа и может переносить христианина к тем временам, когда совершилось величайшее событие — Таинство искупления рода человеческого. Отсюда понятно, что во все времена, из всех христианских народов сотни и тысячи богомольцев стремились в Палестину, и ныне ежегодно тысячи поклонников идут в страну, в которой совершились самые важные для человечества события, в ту страну, в которой жил, проповедовал, пострадал и принял крестную смерть Иисус Христос и где Его первые ученики, св. апостолы, начали распространение божественного учения Христа.

Не имея возможности посетить Святую Землю, мы знакомимся с нею по описаниям очевидцев, и потому настоящий очерк Палестины составлен по сочинениям путешественников, как иностранных, так и русских; при этом мы имели в виду не нынешнее состояние Палестины и ее население, но преимущественно все то, что относится ко временам Спасителя, те памятники и места, которые ознаменованы священными событиями, и те предания, которые в Палестине сохранились издревле и передаются до настоящего времени. Затем о нынешнем состоянии Палестины нами помещены только важнейшие сведения и некоторые указания, которые могут быть полезны современному страннику по Святой Земле.

Итак, возьмем страннический «Посох христианина» и отправимся в путь из С.-Петербурга чрез Москву, с ее мно-

гочисленными церквами, чрез Киев, с его древними храмами и святынями, чрез Одессу, в которой начинается морской путь, мимо Константинополя до Яффы, приморского города Палестины, в которую можно прибыть на 15—25-й день по выезде из Петербурга. Самое путешествие до Палестины в настоящее время, особенно при благоприятной погоде на море, не представляет затруднений, а для облегчения проезда паломник может обратиться к содействию *Православного Палестинского общества*, которое, озабочиваясь удешевлением пути в Иерусалим, нашло возможным брать за проезд в III классе до Яффы и обратно до Петербурга 62 р. 50 к, от Москвы — 46 р. 50 к, от Киева — 33 р. и от Одессы — 24 р.; такое же удешевление цены проезда сделано для путешественников II класса. В Одессе, равно и в Константинополе, паломники могут останавливаться в подворьях афонского Пантелеймоновского монастыря, монахи коего отличаются услужливостью и могут в Константинополе указать путникам все христианские древности и достопримечательности города.

II. От Яффы до Иерусалима

Среди моря быстро несется по волнам огромный пароход; на палубе утомленные долгим четырнадцатидневным плаванием и палящим солнцем паломники с нетерпением обращают взоры к востоку, и вот — вдали показалась земля, показался берег; это берег Святой Земли, берег Палестины, некогда *текищий млеком и медом*, берег страны, где некогда пребывал вочеловечившийся Сын Божий, Господь Иисус Христос! В синеве дали виднеются высокие вершины Иудейских гор, за которыми скрывается священный город Иерусалим; в горах видны селения и города; перед горами, внизу, вдоль моря видна плоская желтая полоса низменного песчаного берега. В одном месте выдающийся в море берег образует скалистый холм, на котором расположен при-

морский город: это город Яффа, к которому направляется пароход и где путники вступают на берег Палестины. Издали *город Яффа*, окруженный стенами, представляется в виде амфитеатра; у самой воды возвышается старинная городская стена, за которою один над другим поднимаются высокие, как бы сливающиеся, белые дома с плоскими крышами, террасами, куполами и минаретами или высокими тонкими башнями при мечетях, с которых муэдзины созывают мусульман к молитве; направо от города скалы спускаются к морю, а слева виднеются сады пальмовых, апельсинных и других деревьев. Порт города Яффы, посещаемый многими кораблями, весьма опасен по своему мелководью и по множеству подводных камней и рифов, о которые с шумом и пеною разбиваются вечно плещущие волны; поэтому прибывающие корабли принуждены останавливаться за версту и более от городского берега. К вновь прибывшему кораблю подъезжает множество лодок арабов лодочников, которые с шумом и криком взбираются на палубу парохода, овладевают путниками и их пожитками, спускаются в лодки и, минуя с замечательным искусством подводные камни, перевозят богомольцев к городской пристани; за переезд платят обыкновенно 30—40 коп, прибавляя к тому небольшую подачу, или бакшиш. По прибытии к пристани странники по каменной, истертой и скользкой лестнице чрез небольшие ворота в стене вступают в город, на набережную, где их встречает шум и гам толпы, окружающей новоприбывших; здесь путешественник должен быть особенно осторожен, чтобы арабы не похитили чего-либо из его вещей. Затем богомольцы, в ожидании отправления в Иерусалим, помещаются или в различных монастырях и подворьях, между которыми есть и русское подворье, или в гостиницах.

Яффа, древняя Иоппия (прекрасная), есть один из древнейших городов в мире, но в нем, вследствие частых разорений неприятелями, сохранилось немного древностей. По

преданию, Яффа была основана сыном Ноя *Иафетом*, и на ее месте Ной строил ковчег пред всемирным потопом; впоследствии к Яффе доставляем был из Финикии кедровый лес для постройки храма Соломонова; отсюда же отплыл пророк Иона, поглощенный в море китом. Здесь, в Яффе, апостол Петр жил у Симона-кожевника в доме при море, и, когда апостол однажды для молитвы взошел на верх дома, он имел видение сходящей с неба плащаницы, наполненной разными снедями, которые ему повелено было есть; этим апостолу было открыто, чтобы ни одного человека не почитать скверным или нечистым (Деян. IX, 43; X, 9—12, 18) и что спасение назначено не только потомкам Авраама, но и всем людям. На месте дома Симона-кожевника впоследствии была устроена церковь. В Яффе же апостол Петр воскресил добродетельную Тавифу, или Серну, сказав умершей: Тавифа, встань! (Деян. X, 36—41).

В настоящее время Яффа — небольшой приморский город, имеет до 10 тысяч жителей, из коих до 2000 христиан. Город обнесен рвом и каменными стенами с башнями; высокие каменные дома с окнами, обращенными во двор, образуют узкие кривые улицы со многими переулками и закоулками, с крутыми подъемами и спусками и с непроходимой грязью во время дождей; в некоторых местах улицы покрыты каменными сводами и представляют тесные каменные проходы. Базары, украшенные водоемами, и лавки, в которых выставлены груды огромных апельсинов и лимонов, оживлены густою толпою различных восточных народностей, так что здесь путешественник впервые сближается с азиатским миром. В городе развито производство кожевенное и мыловаренное, а также торговля апельсинами и лимонами, которые составляют предмет вывозной торговли; но главный доход население получает от постоянно прибывающих и отбывающих богомольцев, причем особенно много русских богомольцев прибывает в Яффу ко времени праздника Пасхи. Из построек в Яффе замечателен воз-

вышающийся террасами на берегу моря греческий монастырь с красивой церковью св. Георгия. Вблизи монастыря, по преданию, находился дом Симона-кожевника, на месте которого построена небольшая турецкая мечеть эль-Табие и возле растет высокая пальма; с плоской крыши этой мечети представляется прекрасный вид на весь город, на окрестности и на безбрежное море с одной стороны и на отдаленные высокие Иудейские горы — с другой. Кроме греческого, в городе есть еще католический францисканский монастырь, с террасы которого также представляется обширный вид на город и море; по католическому преданию, церковь этого монастыря находится на месте дома Симона-кожевника. Место дома Тавифы, по одному преданию, находилось в южной части города, и на том месте была устроена церковь св. Петра; по другому преданию, это место находилось за городом, в поле, и в настоящее время это место принадлежит Русской духовной миссии; на этом месте среди виноградников и прекрасных садов из пальм, бананов, апельсинных, лимонных и гранатовых деревьев о. архимандритом Антонином, строителем многих русских зданий в Палестине, устроен странноприимный дом и предполагается построение русской церкви; но русские паломники мало пользуются этим пристанищем, так как оно находится вдали от города; сверху дома открывается прекрасный вид на Яффу, в саду находится древний каменистый холм с вертепом, и на этом месте найдены многие древности. В Яффе замечательны еще большая мечеть и городские Иерусалимские ворота с высокою аркою и башнею, ведущие за город на иерусалимскую дорогу. За городскими воротами находится базар, место торга скотом и место остановки караванов, состоящих из навьюченных верблюдов, лошадей, мулов и ослов; здесь же на базаре толпится множество народа, находятся лавочки различных торговцев и видны груды винограда, апельсинов, лимонов, бананов, фиников, слив, дынь, яблок, оливок и других плодов и овощей. За базаром,

к северу от города, по берегу моря находятся магометанское кладбище, место предполагаемой станции железной дороги и египетская колония.

Около города Яффы на несколько верст кругом разведено множество прекраснейших садов с роскошнейшею растительностью и прекрасными плодовыми деревьями — апельсиновыми, лимонными, померанцевыми, фиговыми, финиковыми, банановыми, персиковыми, абрикосовыми, гранатами, яблонными, грушевыми, миндальными и ореховыми; кроме того, здесь растут виноградники, сахарный тростник, тутовые деревья, пальмы, сикоморы и мирты, а кактусы более сажени вышиною составляют около садов живые, непроницаемые изгороди. Разнообразные цветы, в изобилии растущие в садах, распространяют на всю окрестность благоухание; множество водоемов и резервуаров воды освежают воздух, нагреваемый палящим солнцем; множество птиц, порхающих на деревьях, своим пением оживляют местность, и в садах слышен постоянный скрип колес от оросительных машин, которые поднимают воду из колодцев для орошения садов. В окрестностях города находится множество загородных домов, селений и колоний, из которых замечательны *Германско-Американская колония* и *колония Сарона*; эти и другие протестантские колонии, в которых обыкновенно находятся школы и больницы, приобретают более и более влияния на окрестное население. К востоку от городских садов и к северу от них, вдоль моря до горы Кармила простирается обширная *Саронская долина*, весьма плодородная в своей южной части, занятой обработанными полями и тучными пастбищами, на которых пасутся стада овец, как некогда на них паслись стада царя Давида. В этой долине местами встречаются рощи с огромными вековыми смоковницами и масличными деревьями, около которых водятся весьма большие ящерицы и хамелеоны; местами в долине встречаются болота, в которых растет кактус, а прибрежная полоса долины представляет пес-

чаную бесплодную местность; в этой же долине во время Крестовых походов находился обширный *Саронский лес*. К югу от Яффы, вдоль моря до Аравийской пустыни, также простирается обширная, плодородная, но запущенная, мало обработанная *долина Сефала*, страна древних филистимлян, в которой находилось пять древних городов: Аккарон, с храмом Вельзевула, бога мух, Гад, родина Голиафа, Аздоб, с храмом бога Дагона, Аскалон, от которого сохранились развалины городских стен, и Газа, в которой назарей Самсон, мстивший филистимлянам за утнетение израильтян, погиб, разрушив храм Дагона.

Из Яффы богомольцы отправляются в Иерусалим по пути, идущему чрез местечко Рамле; но в древности в Иерусалим вела другая, более северная дорога, идущая чрез селение Лидду и древний Вифорон. Путешествие в Иерусалим, отстоящий от Яффы на 60 верст, или 12 часов пути, совершается обыкновенно в два дня. Большею частью путники отправляются в Иерусалим в повозках или каруцах, нанимаемых у германских колонистов с платою по 1 р. 75 к. — 2 р. за место; но многие идут также пешком, запасаясь вьючным животным для клади, или едут на мулах, ослах, лошадях и верблюдах. Вообще в Палестине, вследствие отсутствия железных дорог и почтовых экипажей, путешествие далеко не столь удобно и дешево, как в Европе. В Палестине преимущественно путешествуют верхом, поэтому при найме лошадей необходимо их осмотреть и испробовать, а также обратить внимание на седло, ибо при неудобном седле и плохой лошади более продолжительное путешествие может сделаться весьма тягостным. Для найма лошадей обыкновенно обращаются к драгоманам, которые принимают на себя приготовление всего необходимого для путешествия; но с ними, во избежание недоразумений, необходимо точно условиться обо всех мелочах путешествия. Также полезно посетить консулов и познакомиться с ними, ибо они могут дать много необходимых указаний о стране и жителях

Палестины. Лучшее время для путешествия по Святой Земле продолжается с апреля по июнь, когда еще не настало наиболее жаркое время года. Для защиты от жгучих солнечных лучей полезно оббивать шляпы белым полотном, так, чтобы концы полотна спускались на затылок и плечи; для ночлегов необходимо иметь при себе плед, но из опасения лихорадок должно избегать ночлегов на земле и не оставаться поздно вечером на открытом воздухе. Так как многие святыни и достопримечательности Палестины находятся в полумрачных и даже совершенно темных пещерах и вертепах, то для осмотра их необходимо иметь при себе восковые свечи, а также нити света магния для освещения темных подземелий. Путешествие в обществе более приятно и обходится дешевле, поэтому для более продолжительных странствований обыкновенно стараются приискать попутчиков, которых большею частью легко встретить в Палестине. Наконец, в Палестине необходимо постоянно иметь при себе мелкую монету для подачек или для бакшиша, который часто приходится раздавать; так, даже в церквах и монастырях при главных святынях греческие монахи разными способами вымогают подаяния и тем ослабляют благочестивые чувства богомольцев.

Итак, в Яффе начинается странствование по Палестине. Отправляясь в Иерусалим с базарной площади, находящейся за городскими воротами, путешественник едет сначала среди роскошнейшей природы, между садами фруктовых деревьев и изгородами из высокого густого кактуса. Через полчаса езды встречается вели, или гробница магометанского чтимого шейха Абу Набута; при богато украшенной гробнице находится колодец с прекрасною водою; вообще колодцы в этой жаркой и безводной стране имеют важное значение и большею частью устраиваются прочно и красиво. Здесь же дорога разделяется, и одна дорога идет налево, к северу, к русскому странноприимному дому Тавифы, а другая, идущая к юго-востоку, ведет в Ие-

русалим. Далее, за пригородными садами, следует покрытая весною цветами Саронская долина со многими полями, пастбищами и рощами кипарисов, сикоморов и различных деревьев; кое-где разбросаны селения с невысокими хижинами из камня и глины, покрытыми дерном; кое-где виднеются шатры арабов и пасущиеся стада овец. Дорога идет несколько в гору, и вскоре открывается прекрасный вид: кругом цветущая долина, впереди синеющие иудейские горы, среди которых скрывается Иерусалим, к северу — Самарянские горы со многими белеющими городами, позади Яффа со своими садами и синее море; над головою чистое знойное небо с палящими лучами ярко светящего солнца. По дороге, оживленной многими путниками, толпами богомольцев и караванами верблюдов, встречаются сторожевые башни, устроенные в известном расстоянии одна от другой для охранения безопасности пути. От дороги направо видна устроенная *Обществом израильского союза земледельческой* школа для евреев. Далее встречается деревня Язур, древний Гезер, с колодцем и прекрасным видом на Яффу и на море; здесь же с левой стороны отделяется древняя, северная дорога в Иерусалим, и на ней находятся колодец и гробница со многими куполами, а далее селение Бет Джан, вероятно, древнее селение Дагона. Далее, чрез 3 часа езды, в 15 верстах от Яффы, показываются высокая башня и сады местечка Рамле, в котором богомольцы обыкновенно останавливаются для ночлега.

Местечко Рамле расположено на плоской возвышенности посреди многочисленных, окруженных кактусовыми изгородами садов из кипарисов, пальм и масличных деревьев. В городе Рамле, имеющем до 3 тысяч жителей, узкие улицы обстроены каменными домами с плоскими крышами и узкими, заменяющими окна, прорезами в стенах; красивая мечеть города переделана из древней церкви св. Иоанна Крестителя, а церковная колокольня обращена в минарет. В городе находятся три монастыря: гре-

ческий монастырь св. Георгия, католический и армянский монастыри, которые служат пристанищами для путешественников; в верхнем этаже этих монастырей устроены помещения для богомольцев, а в нижнем находятся конюшни и сараи; кроме сего, в Рамле близ мечети находится весьма удобный, чистый и уютный русский странноприимный дом, с террасы которого представляется превосходный вид на окрестности. Рамле, по преданию, считается за древнюю Аримафею, родину Иосифа Аримафейского и Никодима, которые потрудились при погребении святого тела Иисуса Христа. На месте дома Иосифа Аримафейского находится красивый, но бедный греческий монастырь св. Георгия; в церкви этого монастыря сохраняется обломок древней колонны, назначавшейся для храма Иерусалимского, а в алтаре церкви хранятся древние иконы св. Георгия и св. Никодима. На месте дома Никодима стоит католический францисканский монастырь, в котором находился сделанный св. Никодимом крест, впоследствии перевезенный в Италию, в город Лукку; в этом же монастыре останавливался Наполеон I во время похода на Восток

Около города Рамле сохранились многие развалины; к северу от города находятся замечательные обширные подземелья, состоящие из мрачных сводов и галерей, поддерживаемых многими арками и столбами; эти подземелья служили, вероятно, цистернами или подземными колодцами и водохранилищами дождевой воды и были, по преданию, устроены царицею св. Еленю. Вообще, устройство древних памятников Палестины предания большею частью приписывают св. Елене, а также византийскому императору Юстиниану и царю Соломону. Вблизи цистерн, на возвышении к западу от города, находятся обширные развалины монастыря и так называемая *белая башня сорока свастийских мучеников*. Эти развалины представляют четвероугольный двор, среди которого находятся остатки стен и груды обломков; между развалинами виден спуск в под-

земелье, служившее, вероятно, цистерною; в одном углу двора возвышается белая башня, построенная в полуготическом стиле со стрельчатыми окнами. С вершины этой башни, на которую ведет витая, истертая лестница, открывается, особенно при вечернем освещении, прекрасный вид на город, на его сады и на окружающую долину со многими селениями; на севере виден город Лидда; к востоку вдали синют Иудейские горы, между которыми выдается высокая *гора пророка Самуила*, и местечко *Латрун*; к западу виднеется Средиземное море. Вообще в Палестине путешественники часто останавливаются на возвышенных местах, с которых открывается обширный вид, ибо повсюду можно увидеть одну или несколько местностей, ознаменованных событиями Ветхого или Нового завета.

Из Рамле небольшая, узкая и неровная дорога ведет к местечку Лидда, древнему Луд, находящемуся в четырех верстах к северу от Рамле, на древней Иерусалимской дороге в плодотворнейшей местности со многими садами оливковых, ореховых и апельсинных деревьев. В Лидде апостол Петр исцелил расслабленного Энея (Деян., IX, 32), и место этого события обозначено белым каменным столбом. Здесь же, в Лидде, родился и был похоронен замученный в Никомидии, во время гонения на христиан при римском императоре Диоклетиане, св. Георгий, который, по преданию, умертвил в Бейруте змия, пожиравшего людей. Над гробницею св. Георгия была построена церковь, от которой сохранились обширные развалины; теперь в этих развалинах устроен небольшой греческий монастырь и церковь, под престолом которой находится крипта или подземный придел св. Георгия и его гробница. Возле церкви св. Георгия, в тех же развалинах древнего храма, устроена турецкая мечеть. Кроме церкви св. Георгия в Лидде замечательны древнееврейские погребальные пещеры. От Лидды к северо-востоку находится селение Медидже и развалины древних памятников и гробниц; это селение есть, вероятно, древ-

ний Модин, предполагаемая родина семейства Маккавеев, которые в этих местах вели войны с сирийцами и греками.

Возвратившись из Лидды в Рамле, богомольцы продолжают путь в Иерусалим. За городом Рамле дорога идет на юго-восток по обширной безлесной равнине, которая становится волнистою, холмистою, более и более возвышается и во многих местах покрыта известковыми и песчаниковыми камнями и валунами. В четырех часах пути от Рамле встречается местечко Латрун со многими развалинами (может быть, древнего Никополя) и странноприимным домом, в котором путники останавливаются для отдыха. Это место, по преданию, есть отечество благоразумного разбойника Дисмаса, который во время распятия на кресте молил Спасителя словами: *«Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии Твое»* (Лука, XXIII, 40) и который, по преданию, пощадил и не ограбил Св. Семейство во время его бегства в Египет. Близ Латруна находится деревня Амвас (Эммаус) с развалинами древней церкви. К северу от Латруна, на горе, на древней Иерусалимской дороге видно селение Яло, древний Айалон в обширной Айалонской долине, в которой Иисус Навин во время битвы с пятью аморрейскими царями остановил течение солнца и луны; еще севернее, на горе, видно селе Бетгур, древний Вифарон. Далее за Латруном высота местности увеличивается, а долины между горам суживаются, и обработанные поля прекращаются; близ дороги, с левой стороны, на возвышении, видны колодец и четвероугольные развалины *монастыря праведного Иова*, и затем по дороге, вступающей в горные теснины, встречается гостиница в местечке Баб-эль-Вади (врата долины).

За местечком Баб-эль-Вади начинается подъем на Иудейские горы, состоящие из меловых и известковых горных пород и представляющие ряд поднимающихся выше и выше террас, и много долин, которые более и более суживаются и обращаются в глубокие ущелья с отвесными скалами. Дорога, извиваясь между камней и голых скал, идет по живопис-

ным по своей угрюмой дикости местам, то поднимаясь на выжженные солнцем крутизны, то спускаясь в дикие ущелья, по которым весною несутся горные потоки. На окрестных горах виднеются развалины древних зданий, кое-где пасутся стада; в лощинах, где только представляется возможность, разведены поля или насажены маслины и плодовые деревья, а местами растут низкие кустарники и яркие цветы, распространяющие в воздухе благоухание. С правой стороны дороги виден большой уступ скалы с местечком Бет-Шемеш, вероятно, древний Вефсамис, в котором некоторое время стоял кивот завета после его возвращения из плена филистимского. Затем на пути встречается окруженное каменною оградю великолепное ветвистое дерево, обозначающее древнюю границу между землями колен Иуды и Вениамина. Далее дорога поднимается все выше и выше и восходит на вершины гор, которые становятся более дикими и лишь местами покрыты скудною растительностью. Далее, близ селения Сарис, на горе представляется прекрасный вид: впереди и с боков возвышаются скалы и горы, между которыми видны направо от дороги деревня и гора Соба, с могильными пещерами, а налево — гора Самуила; позади внизу в последний раз видны: обширная Саронская долина, Рамле, Яффа и отдаленное море.

Далее, на правой стороне дороги, на скалистом возвышении лежит более значительное селение Абу-Гош, или Карьет-эль-Энаб (село виноградников), древний Кариафиа-рим (город лесов), в котором некогда хранился кивот завета; по некоторым преданиям, это местечко есть древний город Анатот, родина пророка Иеремии, но город этот находился в местности к северу от Иерусалима. Это селение, окруженное виноградниками и садами фиговых и оливковых деревьев, состоит из пристроенных к скалам домов; в селении находится мечеть и обширные, принадлежащие французскому правительству, развалины древнего храма пророка Иеремии; под храмом устроена обширная крипта,

или подземная церковь, со следами древних фресок на стенах; вблизи развалин вытекает источник с прекрасною водою, оттененный пальмовыми деревьями. К северу от Абу-Гоша, на горе, по древней Иерусалимской дороге, находились города Вифорон верхний и Вифорон нижний, близ которых Иисус Навин разбил амморейских царей и Маккавеи побеждали греков.

За местечком Абу-Гош дорога идет, то спускаясь в долины, то поднимаясь на горы, и чем выше, тем бесплоднее и пустынное становится местность. Направо от дороги на возвышении находятся развалины башни Кастул, относящейся ко временам Крестовых походов или даже ко временам римлян; с этой башни представляется обширный вид: впереди, к востоку, показываются отдаленные *Моавитские горы*, к югу видны развалины жилища *Обед Едома*, за которыми вдали чрез ущелья гор видны местечко Аин Карим, древняя Иутта и Вифлеем; к западу видна гора Сабо, а к северу поднимается высокая гора Самуила. Далее дорога извилинами спускается в обширную долину Ханина и по мосту переходит чрез протекающий по долине поток; обильные источники делают долину плодородною, и в ней находятся прекрасные виноградники и оливковые и апельсинные насаждения. Эта долина, простирающаяся на юг, есть древняя *Рефаимская*, или *Теревинфовая долина*, в которой, по преданию, происходила битва Давида с Голиафом; за долиною, к югу, сквозь ущелья снова видно местечко Аин-Карим. Налево от дороги, к северу, на горе расположено красивое местечко Кулоние, вокруг которого видны многие селения и сады; это местечко, по преданию, есть древний Эммаус, куда шли два ученика — Лука и Клеопы, которым на пути явился Иисус Христос по воскресении Своем; они в доме Клеопы по преломлению хлеба узнали Спасителя и сказали друг другу: «*Не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам...*» (Лука, XXIV, 32); на месте дома Клеопы была построена церковь, от которой сохранились замеча-

тельные развалины с фресками на стенах; по другому преданию, Эммаус находился на месте нынешнего селения Амвас, в котором на предполагаемом месте дома Клеопы устроен католический монастырь. Севернее Кулоние высится дикая крутая гора пророка Самуила, высочайшая из гор в окрестностях Иерусалима; на вершине горы находится бедное арабское селение с мечетью и многие развалины и пещеры. Здесь в древности находилась Мицпа — сторожевая башня и место народных собраний во времена судей израильских; здесь же, по преданию, жил и был погребен пророк Самуил, а в пещерах помещались школы пророков. Над гробницей Самуила впоследствии была построена церковь, на развалинах которой ныне находится бедная мечеть; внутри мечети лестница ведет вниз, в подземную пещеру, в которой стоит покрытая пеленою предполагаемая гробница пророка Самуила. С минарета мечети представляется обширный вид: отсюда видны Иерусалим и Елеонская гора, за которыми видны Мертвое море, долина реки Иордана и Заиорданские, Моавитские горы; к югу видны Вифлеем, гора Франков и отдаленный Хеврон, к северу видны Самаритянские горы до Вефиля, а к западу — Рамле, Яффа и Средиземное море. На горе Самуила находятся также следы древних купален, и, может быть, здесь находится селение эль-Джиб, древний ханаанский город Гаваон, в котором некоторое время стояла скиния свидания; от Гаваона идет трудная каменистая и дикая дорога на запад к древнему Вифорону.

По выходе из Рефаимской долины, на дороге, встречается гостиница, у которой путники обыкновенно останавливаются для отдыха перед последним подъемом на горы. Дорога извилинами круто идет в гору, между однообразными дикими скалами и холмами из белых меловых и известковых горных пород; за одним подъемом следует другой, потом третий и до последней Исполинской, или Поклонной, горы, вершина которой представляет пустынную

плоскую возвышенность с красною бесплодною почвою, усеянную песком и горами камней. Направо, к югу от дороги, видны *монастырь св. Креста* и *монастырь пророка Ильи*, за которыми виднеется Вифлеем, а впереди, на востоке, показываются три вершины Елеонской горы. Несколько далее по дороге внезапно взорам путников представляется на восточном склоне Поклонной горы обширный город, окруженный многими загородными постройками. Это — Иерусалим, священный город, составляющий цель странствования, Иерусалим, столь знакомый с детства каждому христианину! Это — земное средоточие, сердце религиозной жизни христианского мира! Здесь, в Иерусалиме, шествовал Спаситель и Его апостолы, здесь протекала большая и важная часть деятельности Богочеловека, Иисуса Христа, который Своими учениями и Своею крестною смертью изменил судьбы всего мира! Вид на Иерусалим производит сильнейшее впечатление на христианина, в первый раз приближающегося к священному городу. Поэтому паломники, достигнув вершины Поклонной горы, увлеченные священным восторгом при виде Иерусалима, останавливаются, сходят с лошадей и вьючных животных, падают на землю, чтобы поклониться священному городу, и пешком спешат к Иерусалиму. Вдоль дороги, по обеим сторонам, настроено множество ханов, гостиниц, ресторанов и домов, принадлежащих преимущественно евреям, между которыми множество переселенцев из России; затем следует протестантский сиротский дом Талифа-куми (девица, встань) и обширные русские постройки, находящиеся перед городскими стенами Иерусалима. Через двадцать минут пути от Поклонной горы богомольцы достигают до городских Яффских ворот Иерусалима, но большинство русских богомольцев останавливаются вне города, в русских постройках, и отсюда, отдохнув и оправившись с дороги, идут в город Иерусалим.

III. Иерусалим. Краткая история и нынешнее состояние Иерусалима

Грустный вид представляет Иерусалим и его окрестности с высоты Поклонной горы: кругом города видны высокие бесплодные известковые горы, покрытые песком, камнями и тощею растительностью; между этими горами и глубокими долинами находится понижающаяся к юго-востоку каменистая плоскость, на которой расположен Иерусалим, но большая часть города не видна с Поклонной горы из-за множества внегородских построек. Весь город Иерусалим окружен высокими зубчатыми стенами с башнями и глубокими, крутыми оврагами; за стенами, внутри города, виднеется масса серых зданий с плоскими и полукруглыми крышами, над которыми в разных местах возвышаются минареты и огромный купол мечети Омара; в одном месте едва заметно поднимаются два купола главной святыни христианства, храма Гроба Господня и Воскресения; по ту сторону города возвышаются вершины Елеонской горы, а далее, в туманной синеве, виднеются впадины долины Иордана и Мертвого моря и возвышающиеся за ними Моавитские горы. В нынешнем Иерусалиме почти не сохранилось ни одного здания, ни одного памятника, относящегося ко временам Спасителя или к ветхозаветным временам. Хотя в древнем Иерусалиме здания большею частью были построены из чрезвычайно твердого камня известковой породы миззи (острый), но этот город в продолжение своей четырехтысячелетней истории подвергался стольким изменениям и столько раз был разрушаем до основания, что в нем не могли сохраниться памятники древности, а почва покрылась толстым слоем щебня и мусора, скрывшего даже основания древних зданий, которые заменились новыми, большею частью незначительными, постройками; но в то же время почти каждый шаг в Иерусалиме напоминает

какую-либо священную древность или какое-либо священное событие из его многовековой истории.

Город Иерусалим (наследие мира), древний *Салем* или *Салим* (мир), один из древнейших городов в мире, был, по преданию, основан царем и священником Бога Всевышнего, царем правды *Мельхиседеком*; на одном холме Иерусалима, на горе Мориа, Авраам в XX в. до Р. Х. приносил в жертву сына своего Исаака. После Мельхиседека и Авраама Иерусалим принадлежал ханаанскому племени Иевусеев, которые на другом городском холме, на Сионе, построили крепость. В XI в. до Р. Х. царь Давид покорил город Иевусеев Иерусалим, перенес в него свою столицу и кивот завета из древнего города Хеврона и построил на горе Сион замок Давида. Сын Давида Соломон построил в X в. до Р. Х. на горе Сион великолепный дворец, а на горе Мориа он воздвиг великолепный храм Иерусалимский, который был еще более украшен его преемниками. С этого времени город Иерусалим значительно увеличился, сделался прекрасным, богатым городом и стал средоточием Израильского народа; после Соломона, при его преемниках, Иерусалим несколько раз был разоряем неприятелями, наконец, в VI в. до Р. Х. Навуходоносор, царь вавилонский, несмотря на отчаянную защиту жителей, овладел городом и разрушил его, а жителей отвел в 70-летний плен вавилонский. По возвращении иудеев из плена город и храм Иерусалимский были восстановлены *Зоровавелем*, но вскоре Иерусалим подвергся новым нашествиям неприятелей — македонян, египтян и особенно сириян, с которыми иудеи воевали под предводительством мужественных *Маккавеев*. Наконец, в I в. до Р. Х. Иерусалим подпал под власть римлян, во времена которых иудеянин *Ирод Великий*, при помощи римского правителя Антония, овладел Иерусалимом и сделался царем иудейским. При этом иноплеменном царе, не из рода Иуды, совершилось величайшее событие в мире: на землю нисшел Сын Божий, и совершилось Рождество Спасителя нашего,

Господа Иисуса Христа. Этот же царь Ирод украсил Иерусалим многими прекрасными зданиями, дворцами и колоннадами. На месте замка Давида Ирод Великий построил великолепный дворец со многими укреплениями и башнями, из которых главные были башни *Фазаель* и *Иппик*; возле Иерусалимского храма построена была крепость *Антония*; самый храм был великолепно перестроен, и этот-то храм был часто посещаем Иисусом Христом; многие другие великолепные здания украшали город, который во время ежегодных празднеств наполнялся бесчисленною толпою окрестных жителей и отдаленных богомольцев. После Ирода Великого Палестина была разделена на четыре части, правители которых управляли под верховною властью римлян; правителем Иудеи назначен был римский прокуратор *Понтий Пилат*, при котором в 33 г. по Р. Х. совершились страдания и крестная смерть Господа Иисуса Христа! После вознесения Христова в Иерусалиме жили Божия Матерь и св. апостолы; здесь же была устроена первая христианская церковь, и отсюда христианское учение распространилось по всем странам. Вскоре после времени Иисуса Христа в Иерусалиме образовались враждебные партии, которые вели между собою ожесточенные споры и, вследствие жестокости римских правителей, восставали против римлян; но все восстания окончились в 70 г. по Р. Х. при римском императоре *Веспасиане* и сыне его *Тите* падением Иерусалима; город был совершенно разрушен и сожжен, так что от него и от храма Иерусалимского, по предвещению Иисуса Христа, не осталось камня на камне; жители погибли в битвах или взяты были в плен и массами распяты на крестах или проданы в рабство, а в Риме в память покорения Иерусалима воздвигнуты были великолепные *триумфальные ворота Тита*. Палестина была разорена и опустошена римлянами, а оставшиеся в живых иудеи были рассеяны по всем странам, и до сих пор евреи живут между другими народами. Так кончилось существование Иу-

дейского царства и самый город Иерусалим получил новое название *Элии Капитолины*.

В то время, когда падало царство Иудейское, христианское учение более и более распространялось в Палестине, Сирии и других странах Азии, Африки и Европы. Многие благочестивые странники, или *паломники*, начали уже в первые века христианства посещать Святую Землю и разоренный Иерусалим; многие селились отшельниками в пустынных окрестностях Иерусалима; многие отыскивали следы священных памятников и на местах, ознаменованных священными событиями, воздвигали церкви и монастыри; особенно много церквей было устроено при императоре Константине Великом его матерью царицею св. Еленой в IV в. и византийским императором Юстинианом в VI в. В это время христианство все более и более утверждалось и сделалось господствующею верою в Палестине и Сирии, но вскоре новые неприятели, восточные завоеватели, начали вторгаться в Палестину. Сначала в VII в. Иерусалим подпал под власть *Хозроя*, царя персидского, и затем в 637 г. городом овладели арабы-магометане под предводительством *Омара*, преемника Магомета; с этого времени в Палестине начала распространяться магометанская вера, которая более и более вытесняла веру христианскую. Затем в XI в. Иерусалим подпал под власть новых завоевателей, турок, которые жестоко притесняли палестинских христиан. Тогда западноевропейские рыцари, воодушевляемые религиозным чувством и желанием освободить священный город от власти неверных, предприняли Крестовые походы: под предводительством *Готфрида Бульонского* и других рыцарей, сопровождаемые монахом *Петром Амьенским*, крестоносцы прибыли в Палестину, освободили на некоторое время Иерусалим от турок и основали в Палестине *Иерусалимское королевство*; они восстанавливали христианство, возобновили многие древние здания и построили в Палестине и Иерусалиме много замков, церквей, монастырей, госпита-

лей и больниц, но при этом они притесняли православных христиан, отнимали у них храмы и старались ввести католицизм в Палестине. Владычество западных христиан-крестоносцев в Палестине продолжалось недолго; уже в XIII в. Иерусалим снова был завоеван турками под предводительством храброго *Саладина*, и существование Иерусалимского королевства прекратилось, а постройки крестоносцев были разрушены или обращены в мечети, но многие святыни, отнятые от православных, остались во власти католиков и многие древности и святые мощи были перевезены крестоносцами в Западную Европу. После Саладина Иерусалим подвергался нападениям различным восточных народов, которые вели между собою постоянные войны; затем в XIV в. Иерусалим подпал под власть Египта, в котором владычествовали мамелюки и черкесские султаны; наконец, в XVI в. Иерусалим и Палестина покорены были турками-османами под предводительством султана Селима. Еще и теперь Иерусалим находится в запустении, и во многих местах между домами и постройками города видны обширные пустыри и развалины древних исторических зданий. Местные предания указывают в городе на многие места священных событий прошедших веков, а некоторые предания касаются даже будущности, указывая на места, где должно совершиться второе пришествие и общее воскресение мертвых; хотя многие предания неточны и возбуждают сомнение, но некоторые из них, передаваемые издавна от поколения к поколению, могли сохранить и верные указания, касающиеся древних событий.

С половины нынешнего столетия, особенно после Крымской войны 1853—1856 гг., европейские державы обратили внимание на Иерусалим, учредили в нем консульства и миссии и, не жалея издержек, устроили в нем многие прекрасные здания. В этом отношении особенно много сделано протестантами, американо-германскими обществами, которые учреждают в Иерусалиме и других местах Палести-

ны свои миссии, больницы, богадельни, школы для туземцев и, занимая удобные места и отчасти развалины древних православных построек, быстро воздвигают на них величественные здания, а для обращения магометан-туземцев в христианство они рассылают по стране своих миссионеров и евангелических чтецов. Эта деятельность протестантов и отчасти католиков, между которыми замечательна деятельность епископов Валерии и Ратизбона, привлекает к ним многих туземных арабов, но при этом не столько арабы-магометане принимают христианство, сколько арабы-православные обращаются в протестантство и католичество; вообще германцы более и более поселяются в Палестине, основывают там свои колонии, и Германия приобретает там большее и большее влияние. Кроме православных, католиков и протестантов, в Иерусалиме встречаются представители коптов, яковитов, армян и других христианских вероисповеданий; здесь последователи различных церквей находятся между собою в постоянных и близких сношениях, даже совершают богослужение в некоторых общих храмах, и хотя между последователями различных вероисповеданий христианства, этой религии добра, любви и милосердия, теперь еще часто происходят враждебные столкновения, но, может быть, именно здесь, в Иерусалиме, произойдет столь желаемое единение церквей, о котором постоянно молится православная церковь. Кроме христиан различных исповеданий, население Иерусалима состоит из евреев и магометан, большею частью весьма бедных по отсутствию в Иерусалиме торговой и промышленной деятельности. Общее число жителей нынешнего Иерусалима доходит до 45 тысяч, из коих до 28 тысяч евреев, большею частью русских и испанских, 8 тысяч христиан разных исповеданий, из коих до 4500 православных, и, наконец, до 7 тысяч магометан; все эти народности почитают Иерусалим священным городом и имеют в нем свои святыни. Таким образом, древний славный Иерусалим в продолжение многих веков подвер-

гался нападениям, был разорям и впал в бедность, но при содействии христианских народов он снова оживает и, может быть, снова воспрянет, как сказано о нем: *«Иерусалим будет попираем язычниками, доколе не окончатся времена язычников»*. (Лука, XI, 24).

Иерусалим находится в 60 верстах от Средиземного и в 30 верстах от Мертвого моря на возвышении в 2500 футов над уровнем Средиземного моря, и вследствие его возвышенного положения в нем господствует свежий, редкий, прозрачный горный воздух и часто в нем дуют сильные ветры. Город расположен среди диких, безводных и бесплодных известковых гор Иудейских на плоской возвышенности, имеющей склон к юго-востоку и образующей пять холмов: Морию, Везефу, Акру, Голгофу и Сион; из них два первые холма отделялись от последних глубокою долиною Тиропеон (сыродельня), но в настоящее время лощина Тиропеон отчасти завалена, а возвышения холмов отчасти сглажены и понижены. Весь город представляет неправильный четвероугольник, имеющий около семи верст в окружности, так что его можно обойти кругом за 1,5 часа. Город обнесен зубчатыми стенами с 34 башнями и 7 воротами, но нынешние стены и ворота не соответствуют древним вследствие частых разорений и перестроек города; так, ныне не существуют древние *Судные ворота*, и только недавно открыты следы их среди нового города; так и Голгофа, находящаяся теперь внутри города, в древности находилась вне городских стен, а Сион, находящийся ныне вне стен, в древности составлял главную часть города. Внутри Иерусалима находится множество узких, кривых улиц и переулков, которые то спускаются, то круто поднимаются на возвышения. Во многих местах над улицами с одного дома на другой переброшены своды, так что по крышам и сводам можно бы было пройти чрез большую часть города, но от этих же сводов улицы становятся темными, мрачными и душными. Улицы Иерусалима, вымощенные большими не-

Панорама Старого города

Дамасские ворота

Кувуклия –
место
Воскресения
Христово

Место Рождества
Спасителя
в Вифлееме

Голгофа – место распятия Иисуса Христа

Русский женский монастырь Марии Магдалины в Гефсимании

Мощи св. преподобномученицы
Великой княгини Елисаветы Феодоровны
в монастыре Марии Магдалины

Иконы греческих православных монастырей на Святой Земле

Святой праведный Симеон Богоприимец

Христос и Самарянка
у колодца Иаковля

Новопрославленный
священномученик
Филумен

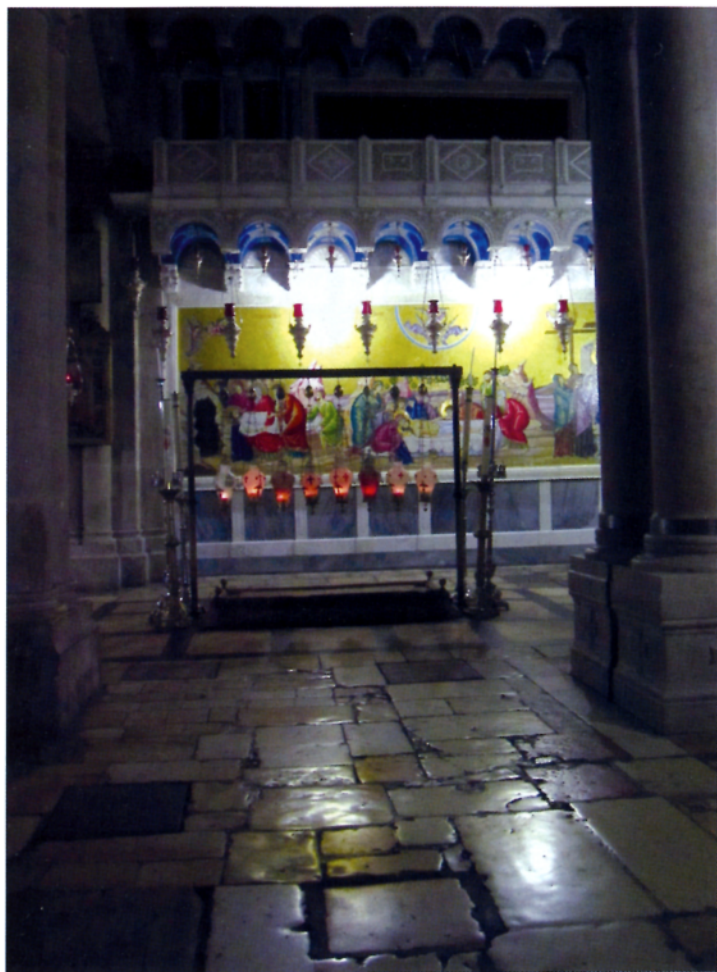
Часовня на месте встречи Спасителя
с сестрами Марфой и Марией в Вифании

Греческий монастырь в Самарии.
Рака с мощами священномученика Филумена,
мученически пострадавшего в 1979 г.

Храм Всех Святых, в Земле Российской просиявших
в Горненском монастыре

В храме Воскресения Христова. Камень Помазания

В греческом монастыре прп. Герасима Иорданского
возле Иерусалима

В греческом монастыре Испытания
на Сорокадневной горе.
Камень с вершины горы

Храм Преображения Господня
на горе Фавор

Три кущи на горе Фавор

Река Иордан. Купание русских паломников

Русский монастырь на Елеонской горе.
Колокольня "Русская свеча"

В монастыре на Елеоне.
Место погребения архимандрита Антонина (Капустина) –
начальника русской миссии в Иерусалиме в XIX веке

Овчая купель в Иерусалиме

Надгробие в храме
Георгия Победоносца в Лидде

ровными камнями, из которых многие относятся к глубокой древности, не отличаются чистотою и хорошим воздухом, а во время дождей они бывают крайне грязны. В некоторых улицах находятся крытые, мрачные базары, которые несколько оживлены толпою народа, остальные же улицы большею частью пустынные и безлюдны, и безжизненность города увеличивается еще многими незастроенными пустырями и развалинами, находящимися между постройками, особенно в мусульманской части города; только во время Пасхи несколько оживляется Иерусалим, ибо тогда отовсюду в город собираются тысячи, преимущественно русских, богомольцев, чтобы поклониться святыням Иерусалима. Главные улицы Иерусалима суть *улица Давида*, или *Патриаршая* или *Базарная улица*, идущая с запада на восток, и *Дамасская улица*, идущая с севера, от Дамасских ворот, на юг, к Сионским воротам; эти улицы пересекаются почти под прямым углом и разделяют город на четыре части или квартала, а именно: *христианский квартал* с храмом Гроба Господня занимает северо-западную часть города на возвышениях Голгофы, Акре и Гаребе; *армянский квартал* с монастырем св. Иакова, находящийся на юго-востоке города, на горе Сионе; *еврейский* с великолепною синагогою и частью стены храма Соломона на склонах горы Сиона, и *магометанский* с мечетью Омара на востоке, на горах Мориа и Везефа. Кроме названных улиц, замечательны Армянская и Еврейская улицы, Христианская улица, ведущая от Яффских ворот к храму Гроба Господня, и улица св. Девы Марии или Страстной путь, ведущий к тому же храму от Гефсиманских ворот. Дома в Иерусалиме большею частью построены по одному общему образцу; обыкновенно окна высоких двухэтажных каменных домов обращены не на улицу, а во двор дома; с улицы узкая, низкая дверь ведет во внутрь небольшого двора, в котором большею частью находится колодезь или цистерна; около двора расположены небольшие, неровные и неправильные покои

с окнами и дверьми, выходящими во двор; над каждым покоем крыша устроена в виде террасы или в виде полукруглого купола. Так как в городе мало воды, то под большею частью домов устроены подземные колодцы или цистерны, в которых собирается и хранится стекающая с крыш дождевая вода; кроме того, вода издали проведена в город посредством подземных водопроводов, и в древности, при исправном содержании водопроводов, Иерусалим изобиловал водою. Между постройками кое-где виднеются тощие кипарисы и отдельно стоящие пальмы, и только в юго-восточной части города, в садах армянских, находятся высокие деревья. Под большею частью Иерусалима находятся обширные и глубокие подземелья и галереи, которые сходились под храмом Соломона и служили частью каменоломнями, частью цистернами, частью путями сообщения; так, замечателен подземный ход под улицею Давида, соединяющий крепость Давида у Яффских ворот с храмом Соломона. Для остановки путешественников в Иерусалиме имеются удобные гостиницы; лучшие из них — гостиница Средиземного моря, гостиница *Дамаск* и гостиница *Европа*, в которых помещение обходится в 6—10 франков в сутки. Кроме того, богомольцы останавливаются во многих греческих монастырях и различных странноприимных домах, а русские богомольцы преимущественно останавливаются в обширных Русских постройках перед Яффскими воротами.

Новоприбывшие богомольцы обыкновенно из Русских построек отправляются, под руководством драгомана, поклониться иерусалимским святыням, но сначала они обыкновенно посещают Патриархию, местопребывание иерусалимского патриарха. Выйдя из Русских построек и пройдя мимо городской стены чрез извилистые Яффские ворота, путники вступают в город, в улицу Давида; чрез 300 шагов от ворот они поворачивают у большого монастыря св. Иоанна Крестителя налево в более широкую улицу христиан, обыкновенно оживленную многими богомольцами; от этой

улицы направо узкий, крытый проход, спускающийся на несколько ступенек, ведет к площадке пред храмом Гроба Господня, а Христианская улица ведет прямо вперед к Патриархии. По прибытии богомольцев к Патриархии их сначала ведут в гостиницу Патриархии, где их радушно встречают греческие монахи, подают им угощение и ведут их к богослужению в патриаршую церковь св. равноапостольных Константина и Елены. После богослужения богомольцы возвращаются в гостиницу, где монахи совершают над ними трогательный обряд омовения ног, во время которого читаются подлежащие молитвы и поются духовные стихи, а богомольцы после обряда надевают новые чулки. Затем богомольцев приводят в синодик или помещение, в котором собирается греческое духовенство, и там желающим назначают на время их пребывания в Иерусалиме место жительства в одном из городских греческих монастырей, за что взимается вклад до 25 руб.; здесь же приглашают богомольцев записать свои и близких своих имена для поминовения, раздают им разрешительные грамоты и принимают от них приношения, дары и вклады. После нового угощения обедом в монастырской трапезной богомольцы посещают в Патриархии церковь преподобной Феклы, затем в сопровождении святогробского монаха поднимаются к куполу храма Гроба Господня, откуда видна внутренность всего храма, и наконец переходят в самый храм Гроба Господня, к главной цели путешествия богомольцев.

IV. Храм Гроба Господня и Воскресения

Храм Гроба Господня и Воскресения, величайшая святыня христианского мира, возвышается среди христианского квартала в северо-западной части Иерусалима. Место, занимаемое храмом и находящееся среди города, в древности находилось вне городских стен, к западу от Судных ворот, и называлось Голгофою, Крайневым или Лоб-

ным местом, Кальварию, а также Юдолюю смерти, потому что оно служило местом казни и погребения преступников. В древности это место представляло неровную, скалистую поверхность, и на одной из скал, собственно называвшейся Голгофою, совершилось распятие на кресте Господа Иисуса Христа; эта скала, в которой находилась небольшая пещера, имела округленную в виде черепа вершину, и в ней, по преданию, схоронен был череп Адама, почему скала и получила название Лобного места — Голгофы. Вблизи к западу от этой скалы находилась другая скала, в которой высечена была погребальная пещера, состоявшая из двух частей: из преддверия, которое впоследствии было отсечено, и из второй пещеры с каменным выступом; в этой последней пещере и было положено пречистое тело Господне для погребения. К северу от этих скал находился вертоград, или сад, в котором Господь по воскресении Своем явился Марии Магдалине; наконец, к востоку от скалы Голгофы находилось глубокое подземелье, вероятно, древняя цистерна, в которой обретен был крест Господень. Во время гонений на христиан язычники, желая уничтожить следы христианских святынь, засыпали все эти священнейшие места щебнем и мусором, и над ними при императоре Адриане построены были языческие храмы Венеры и Юпитера; но при императоре Константине Великом эти храмы были срыты, священные места были очищены, и над ними построен был обширный великолепный храм Гроба Господня, основанный царицею св. Еленою в 336 году. Так как все эти места представляли неровную, скалистую поверхность, то, чтобы получить при постройке храма ровную площадь для помоста или пола храма, скалы были обсечены и, по возможности, выровнены, но некоторые части скал были сохранены и вошли в состав храма; поэтому большая часть храма с его приделами находится на одном уровне, некоторые же части храма и приделы находятся на возвышении, на сохраненной скале, а другие находятся ниже общего помоста и образуют подземные приделы и часовни.

Храм Гроба Господня в продолжение многих веков своего существования несколько раз подвергался опустошениям и разорениям, но снова был восстанавливаем. Построенный при Константине Великом в 336 г., храм был разорен персами; затем он был возобновлен, но так, что над каждой святынею была устроена отдельная часовня или церковь, а всего четыре церкви, соединенные стенами, и в таком виде нашел эти святыни русский паломник XII в. игумен Даниил; позже крестоносцы, овладев Иерусалимом, перестроили весь храм и подвели все отдельные части и святыни под одну общую крышу, в одно обширное здание, и в таком виде храм существует до настоящего времени. В последний раз храм подвергся опустошительному пожару в 1808 г., причем упавший купол частью разрушил колонны храма и отчасти самую часовню Гроба Господня; после пожара храм был восстановлен греческим духовенством при помощи пожертвований из России; наконец, после Крымской войны обветшалый купол храма Господня был восстановлен на счет России и Франции. В настоящее время этот обширный храм, имеющий 46 сажен длины, окружен множеством пристроек, за которыми он почти не виден. Снаружи храм представляет огромное здание со многими пристройками, террасами, плоскими крышами и двумя обширными куполами; внутри храма находится множество отдельных частей, церквей, приделов, часовен, углов, лестниц, галерей, келий; среди всех этих помещений находятся две главные части здания: Ротонда, или круглый храм Гроба Господня, и Католикон, или величественный храм Воскресения, и оба эти храма соединяются между собою так называемую царскою аркою.

Главный вход или Святые ворота находятся на южной стороне храма. Перед входом находится небольшая площадка, неровно вымощенная желтоватыми плитами; здесь постоянно сидят продавцы разных мелких предметов: крестиков, четок, образков и пр., которые богомольцы покупают на память об Иерусалиме; сюда же на пло-

щадку строго воспрещено было вступать евреям. С обеих сторон площадки находятся небольшие часовни и церкви и пристроенная к храму полуразвалившаяся колокольня. На эту площадку выходит часть величественного фасада храма, построенного в византийском стиле; остальные же наружные части храма со всех сторон закрыты различными пристройками. У самого входа в храм с правой стороны находятся крыльцо и лестница, ведущие в пристроенную к храму церковь Божией Матери скорбящей, *Mater dolorosa*, смежную с внутренним приделом Голгофы, а под этой церковью устроена часовня св. Марии Египетской; с левой стороны входа возвышается полуразрушенная колокольня. Святые врата храма, украшенные превосходными колоннами и барельефами, состоят из двух огромных сводов, из коих один с правой стороны заложен и для входа в храм открыт только левый свод, запирающийся массивными бронзовыми дверьми с вделанным в них круглым окошечком. Между колоннами с левой стороны входного свода указывают на одну колонну с трещиною, из которой, по преданию, исшел внезапный свет, когда однажды в Великую Субботу турки, по проискам армян, не хотели впустить православных во внутрь храма; при появлении чудесного света из трещины колонны все православные, находившиеся пред храмом, возрадовались, зажгли свои свечи от чудесного огня, и православные арабы в восторге начали скакать и громко прославлять веру православную. Над святыми вратами в фасаде храма находятся два больших окна с красивыми сводами, которые принадлежат находящемуся в здании храма Святотробскому монастырю. Внутри самого храма помещаются святилища различных христианских исповеданий, так что весь храм разделен на отдельные части, которые принадлежат христианам греческим, латинским, армянским, коптским, абиссинским; некоторые же части храма составляют общее достояние, и в них последователи различных вероисповеданий совершают по очереди бо-

гослужение, происходящее, по древнему обычаю, преимущественно ночью; так, у православных вечерня совершается в 9 часов вечера на Голгофе, ранняя обедня совершается в полночь у Гроба Господня, а поздняя обедня совершается в разных приделах в определенные часы дня; после греков у Гроба Господня служат армяне, а потом католики. Все последователи различных вероисповеданий ревностно охраняют принадлежащие им отделы храма, и между ними происходят иногда споры из-за права на известное место в храме; даже, вследствие взаимного недоверия, одни не позволяют другим производить необходимые переделки, починки и украшения в храме, и потому он содержится небрежно, даже неопрятно и во многих отношениях не имеет благолепия, подобающего столь великой святыне.

За Святыми воротами, внутри храма, представляется совершенно особый, новый мир, переносающий благочестивого посетителя в другие времена, к другим событиям, в мир духовный, мир сердца и души, заставляющий забывать все ежедневное, суетное и земное. Молитва в храме, особенно ночь, проведенная у Гроба Господня, производит потрясающее впечатление: обширное здание с его многочисленными приделами и церквами, многочисленные столпы и колонны, теряющиеся в мрачной высоте, и темнота высоких сводов, тусклое освещение немногих лампад, тишина и святость места, молящиеся тут и там в уединенных местах, воспоминание о священнейших событиях, совершившихся на пространстве, занимаемом храмом, преисполнение души божественными мыслями, возношение души к Богу — все это производит такое состояние духа, состояние благоговейного страха, тихой радости, покорной преданности, какое не выразиимо никакими словами. Богомолец, пройдя Святые врата, вступает сначала в обширное, четвероугольное, полумрачное преддверие, или паперть, находящуюся в южной части храма. У самого входа, на левой стороне преддверия, находится диванная, или помещение для ту-

рецкой стражи и привратников, которые здесь сидят, пьют кофе, курят и, особенно в большие праздники при значительном стечении народа, охраняют порядок, иногда нарушаемый вследствие соревнования христиан различных вероисповеданий; эти же турецкие привратники открывают для богомольцев храм, который обыкновенно днем от 11 до 3 часов бывает заперт и открывается утром от 6 до 11 часов и после 3 до 6 часов дня, но за небольшую плату привратникам можно проникнуть в храм во всякое время дня; против помещения привратников с правой стороны паперти находится лестница и возле нее вход в греческие ризницы, приемную и трапезную; здесь в ризнице хранятся частицы пречестного Креста Господня и части мощей св. Василия Великого.

Прямо против входа в храм, в глубине паперти, на полу находится продолговатый, в одну сажень длины, покрытый желто-красною мраморною плитою камень снятия с креста и миропомазания на том месте, где происходило миропомазание святого тела Спасителя по снятии Его со креста Иосифом и Никодимом. *«Иосиф из Аримафеи пошел и снял тело Иисуса. Пришел также и Никодим и принес составы из смирны и алая, литр около ста. Итак они взяли тело Иисуса и обвили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают Иудеи».* (Иоанн, XIX, 38—40). Восемь лампад и двенадцать огромных свечей в больших свещниках постоянно горят около камня. На этот камень богомольцы обыкновенно полагают купленный ими кусок полотна в величину камня; затем при посещении Иордана они омывают полотно в священной реке и хранят его для себя на саван. Позади камня миропомазания на стене, противоположной входу, изображено снятие со креста пречистого тела Спасителя; эта стена, устроенная между двумя столбами, отделяет паперть от церкви Воскресения, находящейся позади стены.

В паперти часть стены с правой стороны состоит из скалы Голгофы, которая с этой стороны отсечена отвесно и

имеет до шести аршин вышины; продолжение этой скалы, состоящей из твердой горной породы миззи, выходит наружу здания, но закрыта различными соседними пристройками. Две крутые мраморные лестницы в 18 ступеней ведут на вершину Голгофы, на которой как бы во втором этаже храма устроены две небольшие церкви со сводами сумрачными и невысокими, вследствие того, что скала Голгофа доходит почти до потолка здания храма. Первая из этих церквей есть греческая церковь Распятия, или придел Воздвижения Креста Господня. Пол этой церкви, сделанный из желтого мрамора, прикрывает поверхность священной скалы; стены расписаны изображениями Бога Отца и Святого Духа и многих ангелов; вместо иконостаса алтарь отделяется от корабля церкви задвигающеюся завесою. В алтаре за престолом находится изображение распятия, с правой стороны которого стоит изображение Божией Матери, а с левой — св. Иоанна Богослова; за распятием на стене находится много св. икон. Здесь на Голгофе постоянно горит семь свечников и до ста лампад, и патриарх, в воспоминание тернового венца Спасителя, совершает здесь служение без митры. Престол этой церкви находится на самом том месте, где был сооружен Крест Господень; под престолом, который с боков открыт, находится вершина скалы и видно отверстие, в полфута в поперечнике и в один фут глубины, которое обложено серебряным позлащенным окладом с изображением страстей Господних; в этом отверстии, по местному верованию, стоял Крест Господень, а с двух сторон этого отверстия, несколько более вперед, к западу, видны в полу два черных мраморных круга, покрывающие отверстия, в которых стояли кресты разбойников, распятых вместе со Спасителем: *«И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую, а другого по левую сторону»*. (Лука, XXIII, 33). Итак, здесь совершились распятие и крестная смерть Спасителя! Здесь совершилось великое, непостижимое Таинство иску-

пления рода человеческого от греха, здесь Спаситель претерпевал непостижимые страдания, тяжесть которых равнялась тяжести грехов всего мира и вызвала Его возглас: *Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* Эта непостижимая жертва крестной смерти Сына Божия примирила человечество с Богом, она закончила дело искупления, и тогда Богочеловек Иисус Христос возопил громким голосом: *Отче! в руки Твои предаю дух Мой.* От места Креста Господня в полутора аршинах направо видна обложенная позлащенным окладом глубокая расселина скалы, распавшейся при кончине Спасителя: *земля потряслась; и камни расселись.* (Матф., XXVII, 51). Эта расселина в твердой скале идет почти чрез весь грунт Иерусалима до места Офеля и, по преданию, проходит вниз до средоточия земли; чрез нее же, как говорит предание, на череп Адама, схороненного Мельхиседеком в скале Голгофа, падала кровь Спасителя, истекшая при прободении Его ребра копьем: *один из воинов копием пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода.* (Иоан., XIX, 34). Возле греческого придела Распятия, за арками и колоннами из белого мрамора, находится меньший католический придел пригвождения или придел страстей Господних, в котором мраморный прямоугольник на полу означает место, где возлагали Христа на крест и вонзали гвозди в Его святое тело, а вблизи находящийся мраморный круг на полу означает место совращения риз со Спасителя; в этом же приделе находится престол с замечательною иконою Божией Матери на месте, где, по преданию, стояла Божия Матерь во время распятия. Далее за католическим приделом находится вход в пристроенную снаружи к храму небольшую, но богато украшенную католическую церковь Божией Матери скорбящей, на том месте, где, по преданию, Божия Матерь стояла во время пригвождения Христа ко кресту и где распятый Христос поручил заботу о ней любимому ученику Своему св. Иоанну: *«При кресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его,*

Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе. (Иоан., XIX, 25—27). Над церквами Голгофы, в верхнем этаже храма, куда ведет мраморная лестница, находятся кельи и трапезное помещение живущих при храме греческих монахов Святогробского братства; здесь же устроены помещения для богомольцев, желающих пробыть несколько дней в храме и присутствовать при всех богослужениях. В том же верхнем этаже здания рядом с помещениями греков расположены кельи армян, а далее с западной стороны храма следуют помещения коптов, а с северной стороны — помещения латинян. Спустившись с Голгофы и возвратившись на паперть, можно осмотреть под церковью Голгофы церковь св. Иоанна Предтечи, часовню Мельхиседека и мрачную, узкую часовню Адама, в которой под самым местом распятия, по преданию, похоронен был Адам; оттого на изображениях распятия иногда внизу изображают череп и две крестообразно сложенные кости. Позади престола часовни Адама за решеткою видно продолжение глубокой расселины скалы с раздробленными и в ужасном беспорядке разброшенными камнями. На той же правой стороне паперти, несколько далее за лестницею, ведущею на Голгофу, находится вход в длинную закругляющуюся галерею, которая идет вокруг храма Воскресения.

В той же первой паперти, на ее противоположной, левой, стороне находится упомянутая диванная привратников и возле нее возвышается арка, чрез которую вдали видны столбы круглого храма Гроба Господня, отстоящего от Голгофы на 16 сажен. Арка ведет из первой во вторую полумрачную паперть, в которой находится армянский алтарь и узкая крутая лестница, ведущая на хоры, где устроены армянские кельи и богато украшенная армянская церковь. Во второй паперти в середине на полу находится мраморный

круг с металлическим возвышением, на котором постоянно горит неугасимая лампада; этот круг означает место, где во время миропомазания и положения во гроб тела Спасителя стояли Божия Матерь и жены-мироносицы. *«Последовали тоже и женщины, пришедшие с Иисусом из Галилеи, и смотрели гроб, и как полагали тело Его».* (Лука, XXIII, 55).

Далее, за вторую папертью, следует Ротонда, или огромный, круглый, высокий и величественный храм Гроба Господня, и в середине Ротонды помещается главная святыня — Кувуклия, или Гробовая часовня. Пол в круглом храме, или Ротонде, устлан мраморными плитами; восемнадцать огромных пилястров и столбов образуют круг храма, столбы соединены между собою арками, на арках устроены хоры, а хоры украшены лампадами, присланными из России; над столбами и пилястрами высится круглая стена, а над нею огромный купол, вершина которого не сведена и образует большое, круглое, покрытое стеклом отверстие, чрез которое свет падает во внутрь храма; нынешний купол, железный, частью позолоченный, устроен после Крымской войны на средства России и Франции. Внизу в Ротонде, между столбами и пилястрами, устроены кельи греков, а на хорах расположены церкви, ризницы, кельи, приемные и другие помещения армян, коптов и католиков.

В середине Ротонды, под круглым отверстием купола, стоит Кувуклия, или *ложбница*, небольшая часовня, представляющая малую церковь внутри надстроенного над нею огромного круглого храма. Снаружи Кувуклия представляет четырехугольную постройку, имеющую четыре сажени длины и три сажени ширины; на крыше часовни пристроен, окруженный железною решеткою, придел коптских христиан с простым бедным алтарем и неугасимою лампадою; внутри часовни находится главная святыня христианская — небольшая пещера с Гробом Господним. Эта пещера, принадлежавшая Иосифу Аримафейскому, была высечена в скале близ других гробовых пещер: *И положил Его — Ио-*

сиф Аримафейский — в новом своем гробе, который высек он в скале; и, привалив большой камень к двери гроба, удалился. (Мар., XXVII, 60). При устройстве храма часть скалы была отсечена и оставлена была только та ее часть, в которой находился Гроб Господень; эта часть скалы с небольшою пещерою и была обращена в часовню, или Кувуклию, к которой было пристроено преддверие, а над часовнею построен был обширный круглый храм, или так называемая Ротонда. Кувуклия снаружи и внутри обложена желтовато-розовым мрамором, образующим колонны, пилястры, арки, фронтоны и красивый крутлый купол Кувуклии; во время больших праздников Кувуклия и весь храм украшаются многими иконами, дорогими тканями и множеством лампад, число которых доходит до 3 тысяч. Вход в Кувуклию находится на ее восточной стороне; перед входом устроено крыльцо с тремя ступенями, перилами и скамьями из белого мрамора и с огромными серебряными свещниками. Над входом помещены мозаика и барельеф, изображающие воскресение Христова; здесь постоянно горят многие неугасимые лампы; тут же над входом протягивался синий полотняный навес со священными изображениями и звездами, чтобы предохранить вход в пещеру от дождя, падавшего иногда во внутрь храма чрез верхнее отверстие купола. Внутри Кувуклия разделяется на две части; первая часть, небольшое, пристроенное к пещере помещение или преддверие, есть *придел Ангела* — предполагаемое место сидения Ангела после воскресения Христова. *Ангел Господень, сошедший с небес, приступив, отвалил камень от двери гроба и сидел на нем.* (Матф., XXVIII, 2). В этом небольшом приделе стены обложены белым мрамором, образующим двенадцать пилястр, между которыми находятся изображения ангелов; в толстых стенах придела устроено два круглых отверстия, или оконца, и лестница, ведущая на крышу Кувуклии. В середине придела Ангела стоит мраморная чаша, в которой помещена часть камня, отваленно-

го Ангелом от дверей пещеры Гроба Господня; во время богослужения в приделе Ангела этот камень служит вместо престола и освещается 15 драгоценными лампадами, дым от которых выходит чрез отдушины, проделанные в потолке Кувуклии. Из придела Ангела другой низкий, с полукруглым сводом вход, находящийся в задней, противоположной первому входу стене, ведет в самый Гроб Господень, в небольшую пещеру, в которой находится каменный выступ, служивший смертным ложем Спасителя. Эта пещера была высечена из цельной скалы, но во время разрушений храма и эта пещера была частью разрушена и восстановлена впоследствии; поэтому в первобытном виде сохранились только нижние части стен пещеры, каменный выступ и часть стены, в которой находится вход в пещеру; над входом из-за мраморной обшивки местами видна первобытная скала пещеры. Низкий вход и спуск в несколько ступеней ведут из придела Ангела в пещеру Гроба Господня; вся гробовая пещера, обложенная белым мрамором, немного выше человеческого роста и величиною в одну квадратную сажень, так что в пещере могут поместиться не более 4—5 человек. С правой стороны от входа в скале высечен выступ с углублением, или лавица, занимающая почти половину пещеры; эта лавица и есть смертное ложе Спасителя, место, где положено было святое тело Богочеловека Иисуса Христа и где тридневный в гробе, нисшедши в темницу, Он воскрес, довершил искуплением человеков и восстановил единение их с Богом. Здесь величайшая святость всего христианского мира! Сюда в продолжение веков ежегодно сотни, тысячи благочестивых богомольцев стекаются, чтобы излить свои чувства богопочитания и получить утешение и укрепление в тревожнениях жизни! Чувства, овладевающие человеком, в первый раз входящим ко Гробу Господню, невыразимы, и сам он в священном трепете, блаженстве и радости как бы теряет чувство действительности, погружается в духовный мир и переносится в

горняя! Смертное ложе Спасителя покрыто белою мраморною доскою почти в одну сажень длины, имеющую отверстия, чрез которые богомольцы прикладываются к лавице. Доска имеет в середине трещину, о которой предание говорит, что однажды турки желали присвоить себе мраморную доску, и тогда Ангел провел по ней знак, и она треснула, потеряв ценность для турок; по другому преданию, сами христиане распилили эту плиту, чтобы отвлечь от нее внимание турок. Несколько выше лавицы, на узком карнизе, или выступе скалы, стоит ряд золотых и серебряных свещников и ваз со свежими цветами, постоянно сменяемыми; над карнизом в стене находится принадлежащий грекам белый мраморный барельеф, изображающий воскресение Христова; направо от барельефа висит икона, принадлежащая армянам, а слева икона, принадлежащая латинянам. Гроб Господень постоянно орошается ароматами и освещается 43 горящими день и ночь драгоценными лампадами, из коих 13 принадлежат православным, 13 — католикам, 13 — армянам и 4 — коптам; здесь же некогда в XII в. русский игумен Даниил повесил кадило от всей Русской земли. Прямо против входа в пещеру на стене помещена икона Божией Матери; все стены пещеры покрыты мраморными плитами, и в потолке проделаны отверстия для выхода копоти от лампад. Вообще украшения и живопись у Гроба Господня не отличаются великолепием и изяществом и даже бедны сравнительно с теми дарами и пожертвованиями, которые отовсюду собираются в пользу этой святыни. Точное подобие пещеры Гроба Господня устроено под алтарем церкви во дворце великого князя Николая Николаевича Старшего в С.-Петербурге. При Гробе Господнем постоянно находится святогробский монах, который окропляет входящих богомольцев освященною розовою водою. Во время богослужения у Гроба Господня пещера служит вместо алтаря, и в ней ежедневно, по очереди, большею частью ночью совершаются три литургии: сначала с 12 часов ночи служит пра-

вославное греческое духовенство, потом совершается служение армянское и затем католическое; иногда, при большом стечении русских богомольцев, богослужение у Гроба Господня совершается на славянском языке, и многие русские богомольцы здесь исповедаются и приобщаются святых таин; при сем богомольцы обыкновенно входят в пещеру сняв обувь, в чистых чулках, надетых после обряда омовения ног.

В Кувуклии в Великую Субботу перед заутренею Светлого Христова Воскресения при необычайном стечении народа происходит торжество зажжения свечей от огня из пещеры Гроба Господня; этот обряд раздачи огня известен под названием *низведения священного огня небесного* и может символически означать очищение, просвещение светом небесным, победу света над тьмою, добра над злом. К этому торжеству в храм собирается несметное множество богомольцев всех народностей, которые прибывают в храм уже накануне торжества и проводят в нем ночь. Пред появлением священного огня во всем храме погашаются все огни, присутствующие, держа незажженные свечи в руках, с тревогою и нетерпением ожидают огня, все молятся и воздыхают; после же подачи огня чрез отверстия, находящиеся в стенах Кувуклии, и при зажигании свечей в храме начинается невыразимое смятение, давка и беспорядок: каждый желает первым зажечь свои свечи, все тянутся к огню, и в одно мгновение весь храм освещается бесчисленными огнями свечей и лампад.

Русский игумен Даниил повествует в XII в. об этом торжестве, что в Светлое Воскресение нисходит с небес огонь, как говорят одни, в виде голубином, или другие — как молния, но в действительности паникадила зажигаются невидимо. При нем в Страстную Пятницу очистили и вымыли Гроб Господень, влили в кадила елей, потушили огни и закрыли и запечатали пещеру Гроба Господня; во всех церквах храма огни также были потушены. В Великую Субботу

на вечерне множество народа наполнило храм и возглашало: «*Кирие елейсон*» — Господи помилуй! В это время из алтаря храма Воскресения духовенство вышло ко Гробу Господню и смотрело чрез отверстия во внутрь Кувуклии. Внезапно нашла туча и одождила Гроб, в то же время началось страшное блистание, и из Гроба воссиял свет. Тогда патриарх открыл двери Гроба и зажег свечи от этого огня, который имел чудный свет, как киноварь; от этого огня весь народ зажег свечи и, восклицая: Господи помилуй! уносил зажженные свечи домой; от этого же огня были зажжены свечи и лампы во всех церквах храма. Новейший путешественник А. Норов об этом явлении говорит, что в Великую Субботу пред заутреней Светлого Воскресения митрополит, разоблаченный, в одном белом подряснике, со связкою незажженных свечей, в сопровождении всего духовенства, в белых, блестящих золотом ризах, направился из алтаря церкви Воскресения к пещере Гроба Господня, вошел в придел Ангела с немногими лицами, и двери придела за ними были затворены. Затем митрополит один вошел в пещеру Гроба Господня, где были потушены все огни и все было снято с гробового камня. В пещере митрополит повергся на колени пред святым гробом, между тем несметная масса богомольцев окружала часовню и хранила глубокую тишину в ожидании огня. Внезапно мрак озарился светом и митрополит вышел из пещеры с пылающим пучком свечей; он подал народу чрез боковые отверстия часовни огонь, от которого все зажгли свои свечи. Тогда безмолвие толпы сменилось самыми необузданными восклицаниями, буйным волнением и давкой. Один араб подхватил на плечи вышедшего из придела изнемогающего митрополита и пронес его сквозь толпу чрез царские врата в алтарь храма Воскресения; затем началась заутреня и обедня великого праздника. Другой путешественник, А. Муравьев, говорит об этом торжестве, что в Великую Субботу на вечерне крестный ход прошел из алтаря храма Воскресения к Гробу

Господню; здесь у запечатанных дверей Кувуклии остался один наместник, а все остальное духовенство возвратилось в алтарь. Тогда арабская стража отворила двери часовни, в которую вошел наместник, и за ним двери снова затворились. Внутри часовни все огни были погашены, а на самом Гробе находилась незажженная лампада, два пука из 33 тоненьких свечей, по числу годов земной жизни Иисуса Христа, и хлопчатая бумага, чтобы собирать ею священный огонь, который, как говорят, появляется малыми искрами на мраморной плите Гроба Господня. Во всем храме все огни также были погашены, и несметная толпа окружала часовню, в молчании и тайном страхе ожидая появления священного огня. Вдруг в часовне появилось пламя, и огонь подан был из часовни чрез два отверстия: с одной стороны огонь приняли армяне и от этого священного огня все зажгли свои свечи; с другой стороны зажжен был фонарь, который на веревках был поднят на хоры и передан в алтарь храма Воскресения для зажжения свечей и лампад. После этого растворились двери часовни, из которой вышел наместник, и при шумных восклицаниях народа, при дымном свете бесчисленных свечей, мгновенно озаривших весь храм, один араб подхватил наместника и пронес его сквозь толпу, чрез царские двери, в алтарь храма Воскресения. Обряд зажжения свечей от огня Гроба Господня соблюдается до настоящего времени, и путешественник 1884 г. Елисеев говорит о нем так: за вошедшим в Кувуклию греческим патриархом входит армянский, двери Кувуклии затворяются, и что происходит там, знает один Бог и два патриарха. На минуту все смолкает, все ждет в трепете и волнении появления небесного огня, все смолкает, но ненадолго. Сперва глухой ропот раздается вокруг Гроба Господня; он переходит вскоре в рокот толпы, начинающей волноваться, как море при свежем ветре. Крик и возгласы «Наша благодать, наша благодать», моления о скорейшем низведении ее, шум, гам, топание ногами, хлопанье в ладоши и даже

порывистые движения руками и ногами напоминают скорее храм языческий, чем христианский. В нынешнем (1884) году благодать снизошла минут через 5—8. Храм уже наполнился страшным криком, смятением; волнение уже начало все сильнее и сильнее захватывать наэлектризованную толпу, когда из окошка кувуклии справа показался огонь, который патриарх в пучке свечей выдавал народу. Юркий священник из арабов, стоявший с пучками свечей у самого окошка Кувуклии, в одно мгновение засветил свои свечи и стремглав бросился, толкаясь, чрез толпу и пробился чрез всю церковь в алтарь Воскресения, куда перенес прежде всего священный огонь. Весь храм уже дрожал от страшного крика, арабы запрыгали около Кувуклии, море голов заволновалось, как в сильную непогоду, и никакие преграды не заслоняли стремление к источнику священного огня; около Кувуклии поднялась страшная сумятица и суматоха, которые скоро перешли в настоящую драку. За толкотнею народа уже не было видно окна часовни, а сверху представлялась одна живая масса, среди которой волновались одни руки со свечами, стремившиеся заполучить священный огонь. Друг от друга рвали свечи, захватывали дорогое пламя и спешили назад; счастливцев, однако, не мог уйти спокойно после стольких усилий, достигнув своей цели, потому что его осаждали новые толпы сзади стоявших, в свою очередь старавшихся урвать частицу священного огня; они рвали и терзали его так, что сумятица вслед за священным огнем побежала по всему храму, охватывая даже его глухие уголки. С быстротою пороховой нитки обегал священный огонь волнующуюся толпу, и минуты через две-три уже вся церковь пылала огнем; пучки зажженных свечей полетели вокруг, поднялись на веревках наверх, показались при входе в храм, на площади его, на улицах. Весь храм наполнился пламенем, дымом и чадом, слышался запах гари, запах горевших человеческих волос, платья и даже кожи. Не скоро улеглось волнение, сумятица и крики, несмотря на энергич-

ную работу турецких солдат, бившихся прикладами, тушивших свечи, выпиравших толпу из храма. Несмотря, однако, на все свои темные стороны, обряд низведения священного огня (чем бы это последнее ни обуславливалось) производит страшное, потрясающее впечатление. Таким образом, разные очевидцы в разные времена описывают торжество, происходящее при часовне Гроба Господня.

Позади Кувуклии, против алтаря коптов, между пилястрами Ротонды помещается часовня сирийских яковитов. Из этой часовни спускающийся на одну ступень ход с левой стороны ведет в вертеп с двумя погребальными пещерами, высеченными в скале, которая в этом месте составляет часть внешней стены круглого храма; здесь находятся гробницы св. Иосифа Аримафейского и св. Никодима, которые совершили миропомазание и погребение святого тела Иисуса Христа. С правой стороны от часовни сирийян, между пилястрами Ротонды, находится помещение коптов и лестница, ведущая в верхний этаж, в помещение армян. Далее, между следующими двумя пилястрами, начинается длинная галерея с поворотами, ведущая к глубокой цистерне с прекрасною свежою водою. С восточной стороны, напротив входа в Кувуклию, Ротонда или круглый храм Гроба Господня, соединяется с греческим собором Воскресения посредством высокого свода, в котором устроена перегородка со многими иконами и лампадами; посреди этой перегородки находится так называемая царская арка с железною решеткою и железными воротами, которые ведут из Ротонды, или круглого храма Гроба Господня, в Католикон, или продолговатый, четвероугольный собор Воскресения Христова.

Величественный собор Воскресения великолепно украшен и своими иконостасами напоминает древние русские церкви. Помост в соборе из желтого мрамора; четыре огромные пилястра поддерживают большой купол храма. Три паникадила, присланные из России, и множество

лампад украшают храм, в котором во время великих праздников зажигается до 1000 лампад и многие сотни свечей. Самый собор, то есть церковный корабль или трапеза, образуется четырьмя большими пилястрами и с двух сторон трапезы, между пилястрами, устроены деревянные сиденья и места для монахов и два седалища для патриарха и его наместника. В середине церкви стоит мраморная урна с крестом, указывающая, по преданию, *средоточие земли*, у которого совершилось спасение мира и которое игумен Даниил называет *пупом земли*. Алтарь собора возвышается над церковным кораблем на четыре ступени и имеет как бы три иконостаса, помещенные между мраморными колоннами; главный иконостас находится к востоку, а два боковые устроены с северной и южной сторон главного иконостаса; иконы и ризы образов в иконостасах большею частью пожертвованы из России. Над иконостасом устроены хоры в несколько ярусов; на первых хорах помещено Распятие с иконами Божией Матери и св. Иоанна Богослова по сторонам; здесь же помещается полукруглая кафедра, с которой читается Евангелие во время богослужения, и повешены вместо колоколов *била*, или доски, в которые вклепают, или бьют, разными переборами; главное било — медное, присланное из России, остальные била железные и деревянные; но недавно из России же для храма прислан колокол в 300 пудов. С двух сторон иконостаса находятся две лестницы, из которых одна ведет на верх иконостаса, а другая — в верхние этажи здания храма; здесь помещается множество переходов, келий и комнат для греческих святогробских монахов и для богомольцев; здесь же находятся греческая ризница и потаенная сокровищница, в которой между прочими драгоценностями хранятся крест из животворящего древа Креста Господня и две дорогие сабли, как говорят, царя Алексея Михайловича и императора Петра Великого. Возле каждой из лестниц находятся двери, из которых северная дверь выходит на окружающую собор гале-

рею к обширной греческой ризнице, а южная дверь ведет через галерею на Голгофу. За иконостасом находится соборный алтарь, представляющий собою обширный полукруг, покрытый легким полукуполом и обнесенный несколькими ступенями и аркадами, отделяющими алтарь от внешней галереи. Посреди алтаря стоит обширный престол под шатром, или сень, с позолоченными колоннами и золотыми завесами; на престоле в ковчеге хранятся части Животворящего Креста и десная рука св. Василия Великого. Налево от престола, также под сенью, находится жертвенник и направо — другой жертвенник, или малая трапеза. За престолом, у полукруглой задней стены алтаря, находится горнее место с вызолоченным патриаршим престолом и со множеством лампад. Вообще весь собор Воскресения отличается богатством и благолепием, но богослужение совершается большею частью не в соборе, а в ложбнице, или пещере Гроба Господня.

Вокруг всего собора Воскресения, несколько выше его уровня, идет полутемная галерея, закругляющаяся за алтарем и имеющая множество алтарей и приделов. Эта галерея начинается у первой входной паперти близ лестницы на Голгофу и сначала идет прямо между Голгофою и арками собора, потом закругляется у алтаря и затем снова идет прямо вдоль другой стороны собора. Сначала по галерее направо находится лестница на Голгофу. Далее при начале закругления галереи устроен греческий придел поругания или венчания Спасителя терновым венцом; престол этого придела помещен над обломком столба из серого мрамора, к которому, по преданию, Спаситель был привязан во время Его мучений в претории Пилата; к этому столбу богомольцы прикладывают рукою чрез отверстие, находящееся в затворе придела; здесь же за стеклом хранится изображение тернового венца: *«И надели на Него багряницу; сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь пред Ним на ко-*

лени, насмехались над Ним, говоря: радуйся, царь Иудейский! и плевали на Него и, взяв трость, били его по голове». (Матф., XXVII, 28—30).

Далее по галерее на правой стороне ее находится лестница в 49 ступеней, спускающаяся в подземное помещение обретения Креста Господня; в одной месте лестницы находится железная пластинка, указывающая место, где был узнан Крест Господень. Сначала лестница ведет в нижнюю, принадлежащую армянам церковь св. равноапостольной царицы Елены; в этой четверугольной подземной церкви, украшенной многими иконами, лампадами и развешанными страусовыми яйцами, четыре толстые колонны поддерживают невысокий светлый купол, который выходит на поверхность земли во дворе соседнего абиссинского монастыря, вблизи места, принадлежащего России. В церкви св. Елены находится два придела: налево — придел благого разбойника и направо, под небольшим куполом, — придел св. Елены. Возле этого придела находится другая лестница, в 13 ступеней, ведущая еще глубже вниз, в подземелье, вероятно, бывшее в древности цистерною; в этом подземелье между другими крестами обретен был Крест Господень и вместе с крестом, по преданию, обретенны были надпись, находившаяся на Кресте Господнем, гвозди, копьё и терновый венец, из которых надпись впоследствии перевезена была в Рим, в церковь св. Креста. С одной стороны лестницы устроено небольшое помещение с окном; отсюда св. Елена смотрела на работы во время раскопок в подземелье, в котором Крест Господень был засыпан землею и камнями. Прямо против лестницы, внизу, в подземелье, устроен католический алтарь, а вправо от него, в мрачной пещере с высокими сводами и стенами из природной скалы, находится греческий алтарь, и здесь на месте обретения Креста Господня помещен камень с изображением креста, освещаемый неугасимою лампадою; в эту пещеру выходит часть скалы Голгофы, в которой и здесь видна глубокая трещина.

Возвратившись из подземелья и продолжая путь по галерее, огибающей алтарь храма Воскресения, богомолец видит с левой стороны сквозь арки алтарь храма, а с правой стороны встречает армянский *придел Разделения риз*, находящийся в конце поперечника всего храма; за престолом этого придела указывают *камень метания жребия* и часть хитона Спасителя, сотканного, по преданию, Божией Матерью: *«Воины же, когда распяли Иисуса, взяли одежды Его и разделили на четыре части, каждому воину по части, и хитон; хитон же был не сшитый, а весь тканый сверху. И так сказали друг другу: не станем раздирать его, а бросим о нем жребий, чей будет...»* (Иоан., XIX, 23—24). По преданию, риза Господня досталась грузинскому воину, который перенес ее в Грузию; впоследствии персы, завоевав Грузию, овладели и ризою Господнею; часть ризы персидский шах Аббас прислал в Россию в дар царю Михаилу Федоровичу, и часть этого дара хранится в московском Успенском соборе в приделе Апостолов Петра и Павла, а другая часть ризы Господней находится в С.-Петербурге, в Петропавловском соборе. Возле придела Разделения риз находится так называемая левантинская дверь, ведущая в ризницы. Далее, с правой стороны галереи, в стене устроен греческий придел св. Лонгина на месте, где, по преданию, слепую женщину найдена была глава св. Лонгина, того сотника, который во время страшных явлений в природе, сопровождавших кончину Спасителя, сказал: *«Воистину Он был Сын Божий»*. (Матф., XXVII, 54). Св. Лонгин обратился к вере во Христа, спасался от преследований язычников, но был обезглавлен и похоронен в этой пещере. Далее по галерее в стенах направо за решеткою виден камень, взятый, по преданию, с Голгофы и обогранный кровью Спасителя. Затем, обогнув алтарь, галерея снова идет прямо, вдоль другой, северной стороны собора и называется здесь аркадами св. Девы. Здесь, направо, находится вход из галереи в часовню темницы; первую часть этой часовни состав-

ляет *придел Каменных уз Спасителя*, в котором под престолом хранится камень с двумя прободениями, отягчавший, по преданию, стопы Спасителя во время наносимых Ему мучений; за этим приделом, несколько ниже, следует другой, обложенный мрамором и украшенный иконами придел темницы и Божией Матери, устроенный в пещере, в которой, по преданию, заключен был Спаситель во время приготовления орудий казни; здесь же Божия Мать с другими женщинами стояла и плакала, когда повели Христа на распятие: *«Были тут и женщины, которые смотрели издали»*. (Марк, XV, 40). Далее галерея проходит прямо, мимо двери, в обширную греческую ризницу и выходит к круглому храму Гроба Господня. Эта соборная галерея во время Страстной недели и св. Пасхи наполняется множеством богомольцев, преимущественно арабами, христианами, которые заключаются в храме на целую неделю. В это время галерея обращается в настоящее торжище: здесь собирается тесная толпа, каждый молится, поет стихиры, слушит где и когда захочет, иные беседуют и отдыхают, другие продают или покупают съестные припасы, питья, кофе, трубки, иные же шумят, кричат, даже затевают драки, и в храме при самом Гробе Господнем иногда происходят возмутительные сцены, унижительные для этого столь священного места, и часто турецкая стража принуждена бывает восстанавливать в храме порядок, нарушаемый христианскими богомольцами.

В конце галереи, окружающей храм Воскресения и выходящей к Ротонде, находится к северу от Ротонды полутемное помещение с католическим *алтарем св. Марии Магдалины*, а перед алтарем в полу видны два мраморных круга; это помещение занимает место бывшего здесь вертограда: *«На том месте, где Он распят, был сад? и в саду гроб новый»*. (Иоан, XIX, 41). Два круга в полу означают место, где Христос по воскресении Своем явился Марии Магдалине и ею принят был за садовника: *«Мария обратилась*

назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус. Иисус говорит ей: жена! что плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она, обратившись, говорит Ему: Раввун! что значит: Учитель». (Иоан., XX, 14—16).

На месте, где стоял Спаситель, горит неугасимая лампада; в этом же помещении прежде находились мраморные купель и колодезь. Помещение придела св. Марии Магдалины с южной стороны выходит к Ротонде, с другой же, северной стороны на несколько ступеней выше находится полутемная католическая *церковь Явления Христа Божией Матери*, и место явления обозначено мраморным кругом посреди пола церкви; налево от этого круга находится орган церковный, а направо — алтарь, подле которого в углу за решеткою сохраняется один из обломков колонны, к которой привязан был Христос в претории Пилата; богомольцы прикасаются к колонне посредством длинной трости, которую потом лобызают. Перед алтарем на полу виден другой мраморный круг, означающий место, где Крест Господень узнан был посредством чудесного воскрешения умершей. Возле этой церкви с правой стороны находится католическая ризница, в которой хранятся меч и шпоры Готфрида Бульонского, а прямо за церковью к северу находится католический монастырь францисканцев, занимающий бывшее помещение греческой патриархии, пристроенное к самому зданию храма. Из католического монастыря богомольцы, осмотрев все святыни храма Гроба Господня и Воскресения, возвращаются чрез Ротонду в первую паперть и к выходным вратам храма.

Снаружи храма, пред входными вратами, расположена небольшая площадка, со всех же других сторон храм окружен многими церквами, часовнями и монастырями, которые частью пристроены к самому храму и имеют с ним сообщения. Эти постройки, окружающие храм Гроба Гос-

подня, можно осмотреть, начиная с юга, с храмовой площадки, и следуя затем к востоку, северу и западу вокруг храма. К югу от храма находится упомянутая площадка, с двух сторон которой помещаются два ряда небольших церквей, принадлежащих разным вероисповеданиям. С правой, восточной стороны площадки находится греческая церковь и монастырь св. Авраама с некоторыми помещениями для богомольцев; на месте монастыря, по преданию, Авраам приносил в жертву Исаака, и в монастырской церкви, имеющей вид небольшой круглой часовни, показывают камень, на котором происходило жертвоприношение, а также дерево, при котором Аврааму явился овен для принесения жертвы; по другому, более принятому преданию, это событие происходило на горе Мориа. Возле Авраамиева монастыря идет узкий ход, в конце которого находятся церковь св. Апостолов и часовня Мельхиседека. С той же правой стороны площадки, ближе к храму, находится небольшая армянская церковь св. Иакова и коптская церковь Архангела Михаила. За этими церквями к востоку находится бедный абиссинский монастырь, во дворе которого возвышается купол, устроенный над упомянутою подземною церковью Обретения Креста Господня. Возле абиссинского монастыря далее к востоку находится принадлежащее России место, на котором недавно при раскопках найдены остатки древней стены, ворот и порога; эти врата, как ближайшие к Голгофе, были, вероятно, Судные врата, через которые проходил Спаситель на крестную смерть на Голгофе, и над этими священными остатками предположено устроить русский храм. Далее, с северной стороны храма Воскресения, находится монастырь коптских христиан со многими кельями для богомольцев; здесь показывают спуск в глубокую древнюю цистерну св. Елены, высеченную в скале и образующую обширный подземный пруд. Возле монастыря коптов находится латинский францисканский монастырь Гроба Господня, который помещен в древней гре-

ческой патриархии, пристроенной с северной стороны к самому храму Гроба Господня. Наконец с западной стороны храма, на месте древнего вертограда Никодима, находится патриархия и греческий патриарший монастырь, к которому принадлежат небольшие церкви, выходящие на левую, западную сторону храмовой площадки. Обширная патриархия разделяется на старую и новую, которые соединяются между собою, а также с патриаршим монастырем и с храмом Гроба Господня посредством арок, переброшенных через улицы. Новая патриархия, при которой имеется прекрасный сад с прудом и огромнейшим кедром, есть место пребывания иерусалимского патриарха и посредством арок соединяется со старою патриархией. При старой патриархии находится небольшая, но великолепная церковь св. Константина и Елены, которая устроена у самого купола храма Гроба Господня, так что из церкви три окна открываются в храм; здесь же находится лестница и ход на крышу храма Гроба Господня, откуда представляется прекрасный вид на весь город; в патриархии замечательна синодальная комната, в которой показывают древние резные двери от Кувуклии, сохранившиеся после пожара, опустошившего храм в 1808 году. При патриархии содержатся госпиталь, школа для мальчиков и девочек и монастырская гостиница для богомольцев с небольшим садом во дворе. Патриархия соединяется с патриаршим монастырем, в котором находится много церквей и несколько небольших двори-ков, или террас, с цветниками, около которых расположе-ны украшенные иконами и диванами кельи для монахов и для богомольцев. Главная из многих монастырских церквей есть богато украшенная *Крестовая церковь* или *церковь св. Фомы*, в которой сохраняется камень с отпечатком стопы Спасителя. Несколько ниже этой церкви находятся выходящие на левую западную сторону храмовой площадки небольшие церкви, а именно церковь св. Иакова брата Господня, в которой сохраняется икона, писанная еванге-

листом Лукою, и камень и изображением креста, перенесенный сюда с Синайской горы; возле находится *церковь Воскресения*, или *церковь Марии Магдалины и жен-мироносиц*, построенная на месте, где, по преданию, Господь явился женам-мироносицам; в этой церкви сохраняются древняя кафедра св. Иакова, книги Ветхого завета, присланные из Византии, древняя купель и частицы Животворящего Креста Господня; наконец, возле этой церкви в нижнем этаже пристроенной к храму колокольни находится третья, ближайшая к храму церковь 40 мучеников, которая служила местом погребения прежних иерусалимских патриархов; в этой же церкви сохраняется прекрасная крещальня, а над церковью, в следующем этаже колокольни, устроена церковь св. Иоанна Богослова. Кроме патриаршего монастыря патриархия владеет в Иерусалиме, преимущественно в северо-западной его части, еще двенадцатью монастырями, из коих три женские; все эти монастыри состоят из множества небольших зданий, соединенных между собою переходами, лестницами, террасами; эти монастыри или подворья обыкновенно стоят пустыми и наполняются богомольцами только во время Пасхи; тогда в этих монастырях размещаются богомольцы, и в монастырских дворах они сами себе готовят на таганах пищу из припасов, покупаемых за недорогую цену на базарах. Из этих монастырей замечательны: монастырь св. Иоанна Предтечи, в церкви которого, устроенной в виде креста, в золоченом аналое сохраняются частицы мощей от главы Иоанна Крестителя; из крипты, или нижней подземной церкви этого монастыря, подземные ходы вели к храму Гроба Господня; затем замечательны монастырь св. Феодора Стратилата и монастырь св. Феодора Тирона, которые обыкновенно отводятся для помещения русских богомольцев и в которых богослужение совершается на славянском языке; монастырь св. Николая, в котором помещается патриаршая типография; небольшой Гефсиманский монастырь, находящийся на южной стороне храмовой площадки, против входа в храм, в церк-

ви которого хранится плащаница с изображением Успения Божией Матери; этот монастырь, близ которого находился дом св. Захарии, построен на месте темницы, из которой апостол Петр чудесным образом был освобожден, и здесь показывают остатки ворот, раскрывшихся пред апостолом: *«Прошедши первую и вторую стражи, они — Ангел и апостол Петр — пришли к железным воротам, ведущим в город, которые сами собою отворились им: они вышли и прошили одну улицу, и вдруг Ангела не стало с ним»*. (Деян., XII, 10). В этом же монастыре помещается греческое духовенство, совершающее богослужение в погребальной пещере Божией Матери. Во всех этих монастырях ко времени Пасхи поселяются богомольцы, приходящие из разных стран в Иерусалим поклониться святыням храма Гроба Господня.

Таким образом, величественный храм Гроба Господня и Воскресения представляет обширное, сложное здание, состоящее из множества отдельных частей и построек. В середине этого здания находятся два храма: Ротонда, или круглый храм Гроба Господня, и Католикон, или собор Воскресения, которые соединены между собою царскою аркою; вокруг собора идет галерея, которая с южной стороны начинается у входной паперти близ Голгофы, огибает собор с восточной стороны и оканчивается на северной стороне у католической церкви Явления Христа Божией Матери; в галерее с правой стороны находятся многие святыни, часовни, приделы и спуск в подземную церковь Обретения Креста Господня; в верхних этажах здания храма расположено множество ризниц, келий и помещений для монахов и для богомольцев; наконец, снаружи все здание, исключая небольшой южной части, застроено различными церквями и монастырями. Этот храм, средоточие христианских святынь, включает в себе священнейшие для христиан места и преисполнен священных воспоминаний, драгоценных для каждого христианина. Подобие этого храма Гроба Господня устроено в России патриархом Никоном в Воскресенском монастыре Нового Иерусалима, близ Москвы.

V. Страстный путь

«И взяли Иисуса, и повели. И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа; там распяли Его и с Ним двух других, по ту и по другую сторону, а посреди Иисуса». (Иоан., XIX, 16—18). Так, после жестокого поругания и бичевания, под ношею тяжело-го креста Иисус Христос веден был почти через весь город по пути от претории Пилата до Голгофы, находившейся вне города за Судными воротами. Этот путь есть *Страстной путь*, *Путь крестный* или *скорбный*, и предание указывает его в улице Девы Марии, одной из главных улиц нынешнего Иерусалима. Эта улица, проходящая почти в середине города с востока на запад, начинается у древних Овчих ворот, которые ныне называются воротами св. Стефана, воротами св. Девы Марии или Гефсиманскими воротами. С наружной, обращенной к Кедронскому потоку стороны ворот на стене находятся четыре высеченные из камня изображения львов; внутри ворот, представляющих изгибающийся проход, указывают древнюю темницу и камень с отпечатком стопы Иисуса Христа. За воротами, внутри города, начинается узкая, полумрачная от перекинутых через нее сводов улица Девы Марии. С левой стороны улицы, на месте бывшего храма Соломона, находится мечеть Омара, в которую ведет несколько входов. Пред оградой мечети находится глубокий четвероугольный высохший бассейн, внутри обложенный камнями и на дне частью заваленный мусором и поросший кустарником; кругом едва заметны следы арок и крытых ходов; это есть, по преданию, древняя Вифезда, или Овчая купель, в которой омывали животных, приносимых в жертву в храме, и в которой Иисус Христос исцелил расслабленного. *«Есть же в Иерусалиме у Овчих ворот купальня, называемая по-еврейски Вифезда, при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество*

во больных, слепых, хромым, иссохших, ожидающих движения воды». (Иоан., V, 2, 3). Здесь и ныне сидят и просят милостыню многие больные проказою; по другому предположению, Овчая купель находилась близ середины западной стороны храма, на месте нынешнего базара Катаний. Против Овчей купели, на правой стороне улицы, ворота ведут к церкви св. Анны, находящейся, по преданию, на месте жилища Богоотец Иоакима и Анны, родителей пресвятой Девы Марии. На этом месте была построена древняя церковь св. Анны, возобновленная во время Крестовых походов и затем обращенная в мечеть; после Крымской войны султан подарил мечеть Франции, которая восстановила здесь церковь св. Анны. Внутри церковь разделяется арками на три части, или на три церковные корабля, с тремя алтарными выступами или конхами (абсиды); направо от среднего алтаря находится спуск в подземелье, высеченное в скале и служившее жилищем Св. Семейству; в одном углу подземелья, под среднюю конхою верхней церкви, каменная плита означает, по преданию, место рождения Пресвятой Девы; вблизи плиты находится древняя цистерна. В южной части верхней церкви при выходе замечательна небольшая, весьма древняя дверь; при церкви св. Анны учреждена католическая семинария. За церковью св. Анны небольшая улица ведет к развалинам на месте, где находился дом Симона-фарисея, у которого грешница слезами омыла стопы Спасителя (Лука, VII, 36—50). Здесь показывают камень с иссеченною стопою Спасителя, над которым горит неугасимая лампада; на этом месте прежде находился женский монастырь. Далее, на правой стороне улицы Девы Марии, следует небольшая, принадлежащая францисканским монахам часовня бичевания; внутри часовни, где, по преданию, стоял столб, к которому был привязан Спаситель во время бичевания и наложения на Него тернового венца, находится углубление и над ним престол, освещаемый лампадами.

Против часовни бичевания, по левую сторону улицы Девы Марии, находятся турецкие казармы на том месте, где

в древности находилось укрепление Антония и претория, или дом Пилата, от которого сохранились некоторые следы. Во дворе казарм показывают небольшую четвероугольную мечеть, бывшую часовню, на том месте, где происходил суд Пилата над Иисусом Христом, и предание говорит, что в этом здании были слышны звуки ударов и являлись грозные видения. От часовни суда Пилата над Спасителем начинается так называемый Страстной путь, по которому Спаситель, неся крест, шествовал чрез весь город к месту распятия на горе Голгофе. На этом пути, имеющем всего 1200 шагов, показывают 14 станций или обозначенных надписями мест, на которых Иисус Христос претерпевал мучительные страдания; первую станцию составляет часовня суда над Спасителем в бывшей претории Пилата. В преторию вела мраморная лестница, от которой в Иерусалиме сохранилась только нижняя ступень и вход, ныне заложённый камнями; самая же лестница была перевезена в Рим и находится в *церкви Св. Креста*, близ Латеранского собора. По этой лестнице восходил Иисус Христос на суд Пилата, здесь же на Него возложили крест для несения к месту распятия, и Божия Мать ожидала здесь своего Божественного Сына; это место составляет *вторую станцию*. Далее на Страстном пути встречается переброшенная через улицу арка, имеющая надстройку с окнами и частью входящая с правой стороны в соседнее здание. Эта арка, по преданию, построена на месте бывшей здесь более древней арки, в которой Пилат вывел к народу Иисуса Христа в багрянице и в терновом венце и сказал: «*се, Человек!*» (Иоан., XIX, 5). Под аркою с левой стороны, в стене небольшого монастыря индейских дервишей, видно углубление, где, по преданию, стояла Божия Мать, ожидая окончания судилища Пилата над Иисусом Христом. С правой стороны *арки Се человек* находится католический *монастырь Сионских сестер* и женская школа, содержаемая монахинями; светлая, обширная, с высокими сводами церковь этого монастыря

отчасти высечена в соседней скале и в древности служила темницею; в эту церковь входит конец арки, и на нем поставлено превосходное мраморное изображение Спасителя в терновом венце. Позади монастыря Сионских сестер находятся обширные развалины на предполагаемом месте дворца Ирода Агриппы, к которому Иисус Христос послан был Пилатом.

Далее Страстной путь спускается вниз, в древнюю долину Тиропеон, затем снова поднимается и, повернув чрез сто шагов налево, к югу, идет по Дамасской улице. У самого поворота находится с правой стороны *австрийский странноприимный дом*, а против него, с левой стороны, — султанские бани, занимающие место древней церкви; здесь на углу лежит поверженная колонна, означающая, по преданию, место, на котором Спаситель изнемог под тяжестью креста; это место составляет *третью станцию* Страстного пути. Чрез несколько шагов далее на Страстной путь выходит с левой стороны узкий переулок, начинающийся у места претории Пилата; предание говорит, что Божия Матерь по этому переулку возвращалась от Пилата, которого тщетно умоляла за Божественного Страдальца; при выходе из переулкa Божия Матерь встретила изнемогающего Христа; на этом месте, составляющем *четвертую станцию*, была устроена часовня; теперь же здесь на камне показывают след стопы Божией Матери. Против переулкa, на правой стороне Страстного пути, предание указывает жилище бедного Лазаря. Далее Страстной путь снова поворачивает направо к западу и круто поднимается в гору; у самого поворота, на левой стороне улицы, указывают дом богача, упоминаемого в евангельской притче. Здесь же указывают место, составляющее *пятую станцию*, где крест Господень возложен был на шедшего из Судных ворот *Симона Кириянейского*; вблизи в стене дома вделан камень с углублением на месте, где Спаситель рукою опирался о стену. «И когда повели Его, то, захватив некоего Симона Кириянеяни-

на, шедшего с поля, возложили на него крест, чтобы нес за Иисусом». (Лука, XXIII, 26). Далее, в ста шагах от угла улицы, на правой стороне указывают дом Агасфера, вечного жида, который, по преданию, отказал изнемогающему Христу в помощи и за это должен вечно блуждать на земле. На левой стороне улицы указывают шестую станцию — дом св. Вероники, которая, по преданию, увидев Иисуса Христа, отерла кровавый пот с Его лица и на полотне отпечатался лик Спасителя в терновом венце; в подземелье этого дома, приобретенного униатами, указывают гробницу св. Вероники. Далее Страстной путь поднимается выше в гору, и поверженная колонна с левой стороны улицы указывает место, где упал изнемогающий Христос. Затем, с правой стороны, у перекрестка двух улиц, следует седьмая станция, место, где находились городские Судные врата, чрез которые шествовал Спаситель на Голгофу; это место, ныне застроенное, находится среди города; возле, в небольшой часовне, указывают остатки свода и столб, на котором вывешивались приговоры осужденных. Недалеко отсюда, на русском месте, близ храма Гроба Господня, после сделанных недавно раскопок, найдены остатки стен Иерусалима и порог от ворот; эти остатки, вероятно, принадлежат Судным вратам, чрез которые шествовал Спаситель на крестную смерть, и на этом месте предположено воздвигнуть русский храм, который может быть назван храмом св. Врат, или Ее Порога. Далее, с левой стороны улицы, находится монастырь св. Харлампия, в стене которого вделан камень с отверстием, обозначающий восьмую станцию — место, где встретили Христа плачущие женщины, которым Он сказал: «Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших». (Лука, XXIII, 28). Далее, у коптского монастыря, близ Гроба Господня, Спаситель, по преданию, еще раз упал от изнеможения, и это место составляет девятую станцию, ближайшую к Голгофе. Остальные станции находятся внутри храма Гроба Господня, а именно: на

Голгофе находятся *десятая станция* — у места Совлечения риз, *одиннадцатая* — у придела Пригвождения, *двенадцатая* — у придела Распятия, *тринадцатая* — у камня Снятия с креста и миропомазания и, наконец, *четырнадцатая станция* — у часовни Гроба Господня. Здесь оканчивается Страстной, Скорбный путь, по которому шествовал на крестную смерть Сын Божий Иисус Христос и претерпевал от людей всевозможные унижения, поругания и мучения, воспоминание о которых наполняет благоговейным ужасом душу богомольца, идущего по Страстному пути.

VI. Достопримечательности Иерусалима

Кроме храма Гроба Господня и Страстного пути, в Иерусалиме находится еще много мест, ознаменованных священными и историческими событиями и привлекающих благочестивое внимание богомольцев; эти замечательные места находятся в кварталах христианском, армянском, еврейском и магометанском. Христианский квартал, коего средоточием служит храм Гроба Господня, занимает древние возвышенности Акру и Голгофу и расположен к северу от улицы Давида, или Базарной улицы. Эта улица, одна из главных в Иерусалиме, начинается у Яффских ворот, проходит на восток чрез весь город и доходит до главной турецкой мечети, находящейся на горе Мориа. В начале улицы Давида находятся величественные Яффские ворота с большою башнею, внутри которых устроен извилистый проезд в город. Возле ворот находится городская крепость, называемая *замком Давида*, потому что крепость построена на месте дворца Ирода, который, в свою очередь, возведен был на месте замка Давида. Крепость представляет обширную средневековую постройку со многими башнями, глубокими рвами и древнею цистерною; в некоторых башнях, например, в *башне Иппика* и особенно в высокой башне Фазаель, или *башне Давида*, первоначально постро-

енных при царе Ироде или даже ранее, сохранились древние фундаменты из огромных четверугольных камней. В башне Давида крутая каменная лестница и темные переходы ведут наверх, в помещение, в котором показывают углубление в окне, и здесь, по преданию, царь Давид молился и писал свои вдохновенные псалмы. С верха этой башни представляется прекрасный вид на город и его окрестности до Мертвого моря и до горы Самуила. Возле крепости расположены турецкие *Сионские казармы*. Против крепости валовой стороны улицы Давида, другая небольшая улица идет на север к католическому, хорошо устроенному странноприимному дому *Casa piova* и к францисканскому монастырю *Спасителя*, в котором находится прекрасно устроенная церковь и богатая ризница; монахи этого монастыря, отличающиеся своею образованностью и обходительностью, чрез каждые три года сменяются вновь прибывающими из Европы монахами. Далее, по той же левой стороне улицы Давида, находится Средиземная гостиница, и затем вторая улица, идущая на север, ведет мимо обширного пустыря, на месте которого находился *бассейн Урии*, или *Вирсавии*, и мимо греческого госпиталя к месту жительства католического патриарха, к *католической патриархии*, с великолепною церковью и богатою библиотекою. Эта же улица ведет далее к углу городской стены, у которой на остатках древнего укрепления *Голиаф* и древней башни *Псефина*, или башни *Танкреда*, устроена католическая школа. Далее по улице Давида встречается третья улица, идущая на север; это есть более широкая и многолюдная *Христианская улица*, которая проходит мимо *Патриаршего пруда*, не видного с улицы за возведенными пред ним постройками, и мимо многих магазинов и книжных лавок и ведет к храму Гроба Господня и к греческой патриархии.

Далее, за улицу христиан, по улице Давида находится обширное четверугольное место *Муристан* (госпиталь, дом умалишенных), которое простирается до площад-

ки, находящейся пред входом в храм Гроба Господня. На этом месте в древности, по преданию, находился *дом Зеведея*, отца апостолов Иакова и Иоанна, и *дом св. Захарии*, близ здания темницы. Во время Карла Великого здесь основан был странноприимный дом для богомольцев и многие церкви и монастыри; во время Крестовых походов в Муристане возведены были обширные великолепные *постройки рыцарей Ордена Иоаннитов*, или *Госпиталитов*, обращенные впоследствии в госпиталь; после завоевания Иерусалима Саладином Иоанниты выселились на остров Родос и потом на остров Мальту и приняли название Родосских и Мальтийских рыцарей; наконец, часть рыцарей переселилась в Россию, и последним начальником, или гроссмейстером, Мальтийского ордена был российский император Павел I. От построек Иоаннитов сохранились обширные развалины, остатки церкви св. Иоанна Крестителя, остатки двухэтажных зданий, больших рыцарских зал и палат и великолепные ворота; под зданиями в подземельях были устроены цистерны, бывшие, вероятно, древними каменоломнями, в которые можно и ныне спуститься по лестницам. В настоящее время эти развалины подарены султаном Пруссии, которая произвела в них значительные раскопки, восстановила церковь и устроила здесь лютеранскую школу и странноприимный дом.

В юго-западной части Муристана находится обширный греческий *монастырь св. Иоанна Крестителя*, а в северо-западной части, против храма Гроба Господня, находится *Гефсиманский монастырь* и возле него небольшая *мечеть Омара* с высоким минаретом на том месте, где завоеватель Омар остановился для молитвы после покорения Иерусалима. Пройдя мимо Муристана, улица Давида спускается вниз, проходит через крытый полутемный базар, пересекает две улицы, идущие на юг от Дамасских ворот, и снова поднимается к горе Мориа, к *воротам эс-Силселе*, которые ведут к главным магометанским мечетям, находящимся на месте древнего храма Соломона.

К югу от улицы Давида находится Сионская возвышенность, на которой расположен армянский квартал. Сначала возле Яффских ворот находится городская крепость и сионские казармы. Возле крепости, к югу от улицы Давида, расположена базарная площадь, оживляемая многими торговцами, народом, верблюдами и мулами. За площадью базара, с той же правой стороны улицы Давида, следуют значительные английские постройки, английская церковь, дворец английского епископа, английская школа и госпиталь. Возле английского госпиталя находится бедный *абиссинский монастырь*, построенный на месте дома евангелиста Марка, к воротам которого прибыл апостол Петр после чудесного освобождения его из темницы. *«И, осмотревшись, Петр пришел к дому Марии, матери Иоанна, называемого Марком, где многие собрались и молились».* (Деян., XII, 12). В монастырской церкви сохраняются весьма древняя купель и икона Божией Матери, писанная евангелистом Лукою. От базарной площади, находящейся между крепостью и английскими постройками, идет к югу по Сионской возвышенности большая Армянская улица, на которой указывают место, где Спаситель, по воскресении Своем, явился трем женам Мариям: *«Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги Его и поклонились Ему».* (Матф., XXVIII, 9). Несколько далее, в переулке направо, указывают мечеть, находящуюся на месте, где стоял дом апостола Фомы.

Далее на юг Армянская улица доходит до обширного армянского сада с большими деревьями и до большого *армянского монастыря*, основанного грузинами на том месте, где во время гонения Ирода Агриппы замучен был апостол Иаков Зеведеев, брат евангелиста и апостола Иоанна Богослова: *убил (Ирод) Иакова, брата Иоаннова, мечом.* (Деян., XII, 2). Внутри монастыря, вокруг обширного двора и сада с высоким кедром, расположены странноприимные дома, в

которых находится до 700 келий для богомольцев и множество дворигов, аркад, переходов, лестниц, террас и куполов. Главная монастырская *церковь св. Иакова* роскошно украшена; внутри четыре столба поддерживают стройные арки и не сведенный на вершине свод с отверстием, освещающим внутренность церкви; стены церкви в высоту человеческого роста обложены синими изразцами, над которыми на стенах находится стенная живопись, а пол устлан богатыми коврами. В церкви хранится золотой престол св. Иакова, возле которого помещено патриаршее место. Возвышенный церковный алтарь украшен множеством золотых и серебряных свечников с толстыми свечами и множеством лампад с висящими на них страусовыми яйцами. В боковом приделе св. Иакова, в помещении под алтарем, за дверьми, обложенными дорогим перламутром и черепахою, показывают место в полу, обозначенное мраморным кругом, где совершилось отсекование главы и погребение св. Иакова; впоследствии мощи св. Иакова были перевезены в Испанию, в город Сант-Яго-ди-Кампостелло; здесь же в подземелье находится монастырская сокровищница со многими драгоценными предметами. Возле церкви монастыря находится дворец армянского патриарха, в котором замечательные многие великолепные палаты. К югу от монастыря св. Иакова находится армянский женский монастырь с *церковью Ангелов* на месте, где стоял *дом первосвященника Анны*. Сюда в полночь приведен был Иисус Христос, поставлен пред первосвященником и, привязанный, по преданию, к маслине, предан был поруганиям и заушениям: *«Один из служителей, стоявший близко, ударил Иисуса по щеке, сказав: так отвечаешь Ты, первосвященнику? Иисус отвечал ему: если Я сказало худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня?»* (Иоан., XVIII, 22, 23). Внутри церкви на полу означено место, где стоял Христос пред первосвященником, а вне храма у алтарной стены видна стройная маслина, обнесенная решеткою.

Далее к югу большая Сионская улица доходит до городских Сионских ворот, с верха которых представляется прекрасный вид на город и окрестности. Сионские ворота ведут на высокую Сионскую гору, которая ныне находится вне городских стен, но в древности эта гора составляла главную и древнейшую часть Иерусалима и в ней находились дворцы Давида и Соломона. Ныне на Сионе много пустырей, несколько построек и кладбища различных вероисповеданий, между которыми находится и русское кладбище. Вне стен городских, налево от Сионских ворот, проходит подземный ход к вертепу, над которым устроена была часовня 12 апостолов.

В этом вертепе, по преданию, апостол Петр скрывался и плакал, после своего троекратного отречения от Иисуса Христа: «*Петр, вышед вон, плакал горько*». (Матф., XXVI, 75). От Сионских ворот направо находится небольшой армянский мужской монастырь на месте, где стоял дом *первосвященника Каиафы*. Перед монастырскую церковь находится двор с большою виноградною лозою; здесь апостол Петр трижды отрекся от Христа прежде, чем петух возгласил дважды (Марк, XIV, 72). Внутри весьма древней каменной церкви пол устлан коврами, стены украшены изразцами и живописью и со сводов свешены многие паникадила. В алтаре церкви, в престоле, помещена часть камня, отваленного Ангелом от дверей Гроба Господня; возле главного алтаря находится небольшой *придел темницы*, устроенной, по преданию, на месте той темницы, в которой заключен был Спаситель после допроса у Каиафы, растерзавшего при этом допросе свои одежды; место, на котором стоял Иисус Христос во время допроса, означено на полу мраморным крестом.

Несколько далее, к югу, на Сионской горе находится целый ряд построек и развалин, среди которых стоит небольшая мечеть на месте бывшей христианской церкви: здесь, по преданию, находилась *горница Тайной Вечери*. В этой

горнице Иисус Христос совершил Тайную Вечерю и установил Таинство Евхаристии; здесь же Он, по воскресении Своем, являлся ученикам и дал осязать язвы Свои апостолу Фоме. В этой же горнице апостолы собирались для молитвы и совершилось сошествие Духа Святого на апостолов, поэтому в ней устроилась первая церковь — мать всех церквей христианских; царица св. Елена увеличила и украсила эту первобытную церковь св. Апостолов, но во время нашествия неприятелей она была разрушена; во время Крестовых походов на ее развалинах была построена новая католическая церковь, впоследствии обращенная в турецкую мечеть, существующую до настоящего времени. Мечеть представляет двухэтажную постройку; в нижнем этаже, в помещении за решеткою, находятся два покрытых шелковыми тканями саркофага, которые, по магометанским верованиям, суть гробницы Давида и Соломона; там же находится дверь, ведущая, вероятно, в подземелья. В верхнем этаже находится большое помещение с колоннами, на которых изваяны голуби, и с готическими сводами, на одном из которых изваян агнец; здесь между двумя колоннами указывают *место Тайной Вечери*: возле этого места, на отдельном возвышении с древним алтарем, указывают *место Святого Духа*, а направо от этого места находится *придел апостола Фомы* на том месте, где он осязал язвы Иисуса Христа. Под всем зданием мечети находятся высеченные в скале подземелья, которые еще не исследованы и, может быть, заключают в себе древние гробницы. Возле мечети видны груды камней и развалины, сохранившиеся, по преданию, от *дома Иоанна Богослова*, в котором было жилище и место Успения Божией Матери; здесь же, по преданию, происходил первый собор апостолов. Вблизи развалин находится большое здание *школы английских миссионеров*.

Возвращаясь чрез Сионские ворота в город, путешественник встречает с правой стороны, вдоль городской стены, бедные мазанки, жилища несчастных, страдающих

страшную болезнью, *проказою*, которая в древности считалась наказанием и проклятием за грехи человека, и прокаженные должны были на улицах кричать: несчастный, несчастный! для предостережения мимоидущих. Эта ужасная болезнь до сих пор существует в Палестине и местами появляется в разных других странах. Большею частью проказа поражает людей в зрелом возрасте. Больной сначала чувствует утомление и боли в членах тела; взгляд его становится мутным и печальным; кожа на оконечностях и на лице опухает и на опухолях образуются затвердения; такие же опухоли являются в носу, во рту, в гортани, и голос становится сиплым, зубы крошатся, ногти выпадают; на лице появляются медно-красные нарывы, глаза впадают и выражают душевную скорбь; в таком виде болезнь может продолжаться десятилетия. Затем опухоли размягчаются и обращаются в язвы, которые источают зловонный гной и покрываются темными струпьями; в сочленениях происходит разрушение, затем отваливаются пальцы, руки, ноги; язвы прободают гортань, носовые полости, глаза так, что больной теряет зрение, нос, оконечности, принимает ужасный вид и наконец умирает. Таких больных удаляют из общества, не имеют с ними сношений, и они лишаются всякого ухода, утешения и религиозного напутствия. В Иерусалиме прокаженным запрещено выходить из своих жилищ и из устроенных для них приютов в другие места; но, несмотря на запрещение, их можно встретить просящими милостыню в разных частях города...

Вблизи Сионских ворот начинается улица, которая ведет в еврейский квартал, занимающий часть горы Сиона и часть долины Тиропеон. Сюда отовсюду переселяются евреи в старости, чтобы умереть в Иерусалиме и быть похороненными в Иосафатовой долине; здесь, в еврейском квартале, евреи, разделяющиеся на испанских евреев, или *шефардим*, и русских евреев, или *ашкеназим*, живут уединенно в бедных мазанках и старинных развалинах; между

жилищами проходят узкие, грязные и смрадные улицы, в которых местами встречается весьма древняя мостовая. В еврейском квартале находится множество синагог, принадлежащих различным еврейским сектам; из синагог замечательна великолепная новая синагога и госпиталь Ротшильда и находящаяся в улице ель-Егуди синагога евреев ашкеназим. Еврейский квартал доходит до южной части сохранившейся высокой стены бывшего храма Соломона; нижние части этой стены сложены из огромных четвероугольных тесаных камней, от древности поросших по скважинам мхом и ползучими растениями. К этим остаткам древней священной стены евреи собираются преимущественно по пятницам, после 4 часов, чтобы молиться и оплакивать в антифонных песнопениях бедствия своего народа: кантор торжественно начинает запев, например: *Ради стен разоренных*, и все молящиеся за ним вторят: *Сидим мы одиноко и плачем*; эти плачевные песнопения поражают слушателя своею оригинальностью и глубокою скорбью. Недалеко от этого места, в той же стене, находятся закрытые соседнею постройкою *Лестничные ворота*, которые чрез подземный ход и по подземной лестнице вели на верхнюю площадь храма. От этого же *места плача евреев*, к северу, у стены видны остатки Сионского моста, Милло, который вел из верхнего *Сионского города*, от дворца Маккавеев и от Ксиста (площадь народных собраний) чрез Тиропеон в храм к портику Соломона или к южной колоннаде храма, состоявшей из трех рядов колонн. К северу от еврейского квартала находится обширное здание госпиталя, начало которому, по преданию, положено при царице Елене.

К востоку от еврейского и христианского кварталов расположен магометанский квартал, занимающий горы Морию и Везефу. Гора Мория есть, без сомнения, одно из самых замечательных мест в мире, на котором совершились многие события Ветхого и Нового завета, и ныне эта гора занята главными святынями магометан.

На горе Мориа Авраам приносил в жертву Исаака, здесь царь Давид устроил алтарь и Соломон воздвиг великолепный храм, который несколько раз был разрушаем, был восстановлен Зоровавелем и Иродом Великим и окончательно был разрушен римлянами в 70 г. по Р. Х. В этом храме на горе Мориа была воспитываема Пресвятая Дева Мария; здесь праведный Симеон и вдовица Анна сретали младенца Иисуса; здесь двенадцатилетний Иисус Христос беседовал с еврейскими книжниками, а впоследствии Он часто посещал храм и, шествуя по колоннадам храма, передавал народу божественное учение; сюда он торжественно вступил при кликах народа: «Осанна! Осанна!», здесь же при крестной смерти Спасителя разодралась надвое завеса храма. После разорения Иерусалима и храма римлянами на месте храма Соломона был при императоре Адриане построен языческий храм Юпитера; позже император Юлиан Отступник дал евреям дозволение восстановить храм Соломона, но, как говорит предание, подземный огонь и землетрясение помешали постройке и разогнали строителей. Затем, когда христианство заменило в Римской империи язычество, то на площади храма построена была *церковь Введения во храм Пресвятой Девы Марии*. В VII в. магометане, покорив Иерусалим, обратили эту церковь в *мечеть эль-Акса* и сделали к ней пристройки, а на Мориа храма Соломона построили великолепную *мечеть Омара*, или *мечеть Куббет эс-Сахра* (мечеть купола скалы); построение этого здания некоторыми исследователями приписывается императору Юстиниану или же византийским зодчим, ибо в то время магометане едва ли могли построить столь замечательное здание и только обратили существовавшую уже христианскую церковь в мечеть. Далее, в XII в., во время Крестовых походов, обе мечети, эль-Акса и эс-Сахра, обращены были в христианские церкви, и здесь основан был *Орден рыцарей храма, Орден храмовников* или *тамплиеров*. Но после Крестовых походов эти храмы снова

обращены были в мечети и доныне почитаются величайшими святынями магометанскими; сюда, по верованиям магометан, ежедневно нисходят ангелы, чтобы петь «аллилуйя», и произнесенные в этом месте молитвы считаются особенно действительными и угодными Богу. Вход в эти мечети до новейшего времени воспрещен был христианам и только со времени посещения Иерусалима русским великим князем Константином Николаевичем христиане получили доступ к этим святыням магометанским.

Так как гора Мориа представляла небольшую поверхность на своей вершине и со всех сторон, особенно с южной, имела крутые склоны, то для устройства обширного храма необходимо было искусственно увеличить поверхность горы; для этого верхние выдающиеся части горы были отсечены и выровнены, а с боков горы были устроены стены и своды, над которыми сделаны были насыпи в уровень с поверхностью горы; все это образовало обширную ровную площадь, и только в середине ее оставлена была выдающаяся вершина природной скалы, над которою в древности устроено было святое святынь храма Соломона, окруженного дворами и колоннадами, а ныне над вершиною скалы находится мечеть Куббет эс-Сахра. Вся площадь окружена высокими стенами, которые с восточной и южной сторон совпадают с городскими стенами, а с других сторон имеют многие ворота, ведущие из города на площадь храма. Основания храмовых стен, сложенных из четвероугольных, необычайной величины камней твердой известковой горной породы миззи относятся к глубочайшей древности, и обделка их имеет признаки финикийского происхождения; эти камни с наружной стороны обтесаны, и края их на вершок ширины вытесаны глубже и ровнее, так что высечка образует около камня как бы четвероугольную рамку; но древние основания стен ныне трудно осмотреть, ибо в продолжение многих веков они засыпаны мусором и щебнем и только на месте плача евреев видна древняя клад-

ка стены. *Храмовые ворота эс-Силселе* (цепные ворота) ведут из улицы Давида на площадь храма или на обширный, величественный, окруженный стопами и большею частью пустынный двор храма — *Харам эс-Шериф* (священная ограда), имеющий 140 сажен длины и 70 сажен ширины. Двор храма, местами вымощенный, местами поросший травой, украшен многими купами кипарисов, лавровых, оливковых и померанцевых деревьев, многими водоемами, фонтанами, киосками и надгробными памятниками, между которыми во многих местах двора находятся отверстия для стока дождевой воды в глубокие цистерны, устроенные под площадью храма; но главными украшениями двора служат две мечети — мечеть Куббет эс-Сахра и мечеть эль-Акса. Лучший вид на весь двор храма представляется с высоты минарета, находящегося близ северной стены храмовой площади.

В середине храмового двора возвышается обширная мраморная платформа, на которую с каждой из четырех сторон ведут по две лестницы с порталами в четыре свода, или всего восемь лестниц в двадцать ступеней каждая; на этой площадке построен величественный восьмиугольный храм скалы, мечеть Кубет эс-Сахра, или мечеть Омара. Наружные стены восьмиугольной мечети снизу до окон обложены мрамором, а выше — разноцветными, преимущественно голубыми, изразцами с золотыми арабесками и надписями, от которых ярко отражаются лучи палящего солнца. На каждой из восьми сторон мечети находится по семи окон с разноцветными стеклами. Над окнами и над серединою крыши, покрывающей все здание, возвышается тамбур (фонарь), или круглая стена со множеством окон, обложенная изразцами лазоревого цвета с золотыми надписями; на этой стене, или купольном барабане, покоится огромный полукруглый купол, и на его вершине, на которую ведет наружная лестница, утвержден золотой полумесяц, которого концы соединены между собою и образуют круг. Четыре входа с портиками с четырех стран све-

та ведут во внутрь храма. Перед восточным входом находится небольшая многоугольная постройка с колоннами и полукруглым куполом; это есть так называемый купол суда, где, по преданию, находился престол Давида, или купол цепи. Здесь, по преданию, в подземной пещере находились цепи и весы, на которых взвешивали приносимые в храм дары и жертвы; самый вход в мечеть с восточной стороны называется входом цепи, потому что здесь, по преданию, была повешена цепь, которая имела свойство обличать лжесвидетелей, прикасавшихся к ней. Внутри мечети распространяется таинственное, полутемное, мягкое освещение чрез разноцветные стекла окон; пол мечети украшен мраморною мозаикою; стены украшены мрамором, изразцами и тонкою художественною мозаикою, изображающею арабески и арабские надписи; множество разнообразных, прекрасных мраморных и яшмовых колонн с позолоченными капителями образуют два концентрических круга и поддерживают потолки, своды и огромный купол, внутри украшенный пестрою мозаикою и золотом; колонны второго, внутреннего, круга соединены между собою железною решеткою. В середине мечети, среди великолепных изящных колонн, мозаик, стен и разноцветных окон, за красивою золоченою решеткою находится огромный, необделанный, суровый, древний камень, вышиною в рост человека и длиною в 30 футов. Этот камень есть природная вершина горы Мориа и почитается священной скалою; о нем сохранилось множество сказаний и преданий, как еврейских, так и магометанских. Во время Крестовых походов камень скалы служил престолом при богослужении в обращенной в христианский храм мечети Омара. Ныне это здание снова принадлежит магометанам, и у камня, по местным верованиям, прозвучит грозная труба, чтобы известить миру последний Страшный суд Божий. В настоящее время весь камень покрыт дорогою красною шелковою тканью, и на нем и около него находятся различные священные для магоме-

тан предметы: древние кораны, знамя Магомета, его щит, меч и седло. В середине камня имеется отверстие, а под ним находится пещера, в которую можно спуститься, и если ударить в пол пещеры, то в нижних подземных ходах раздается глухой гул; это есть так называемая *пещера духов*, в которой указывают место, где молились Давид и Соломон. Таковы некоторые из преданий, сохраняемых об этом древнем камне, главной святыне магометан в мечети Куббет эс-Сахра. К югу от этой мечети находится несколько больших водоемов и прекрасная кафедра, *миграб*, в арабском стиле.

Далее, у южной стены храмового двора, возвышается мечеть эль-Акса, бывшая *церковь Введения во храм*, состоящая из нескольких соединенных между собою построек. Семь больших входов со сводами ведут в мечеть эль-Акса; внутри семь длинных рядов колонн поддерживают потолки и своды мечети и разделяют ее на семь частей, или церковных кораблей, из которых средний шире боковых. На месте бывшего алтаря находится ниша, в которой показывают два камня, из коих один со следом стопы Спасителя перенесен сюда с Елеонской горы, а на другом находятся два следа стоп Божией Матери. Возле этих камней стоит миграб, или кафедра, украшенная художественною резьбою; здесь же показывают две колонны, близко стоящие одна к другой, и между ними, по верованию магометан, может пройти только человек праведный. Направо, к западу от бывшего алтаря, идет длинная колоннада, построенная во время Крестовых походов.

Возле входа в мечеть эль-Акса находится спуск в обширное подземелье, состоящее из двух широких галерей со многими толстыми столбами, колоннами и сводами, над которыми построен самый храм эль-Акса; в древности в это подземелье вели так называемые *двойные врата*, которые находились в нижней части южной стены храма и ныне заложены; из подземелья же внутренний ход вел наверх, на площадь храма. Вообще под большею частью храмовой

площади, или двора, находятся обширные подземелья, которые состоят из многих галерей со сводами, поддерживаемыми множеством столбов из огромных камней; в этих подземельях устроены цистерны и водохранилища, которые частью наполняются дождевою водою, частью вода проведена в них посредством водопроводов из отдаленных водоемов Соломона. Одна часть этих подземелий, в которую вели тройные врата, носит название *конюшен* или *катакомб Соломона*. Вход в другую часть подземелий находится в юго-восточном углу храмового двора; здесь крутая каменная лестница спускается вниз, и на середине лестницы находится небольшая мечеть с каменным углублением, называемым *колыбелью Христа*. По преданию, младенец Иисус возлежал в этой колыбели у св. Симеона Богоприимца, имевшего здесь свое жилище.

Восточная стена храмового двора обращена к Кедронскому потоку, и вдоль ее наружной стороны расположено магометанское кладбище. С внутренней стороны у стены, там, где снаружи начинается кладбище, находится лестница и на верху стены лежит поверженная колонна *эт-Тарик* (дорога); сюда, по верованиям магометан, в будущем явится Магомет и будет творить последний суд, на который по звуку трубы должны будут явиться все люди; затем от стены к противоположной Елеонской горе будет протянута проволока, тонкая, как волос, и все должны будут пройти по ней; праведные быстро как молнии пройдут по проволоке, а нечестивые упадут в бездну ада. Далее к северу в стене находятся так называемые *Золотые ворота*, чрез которые Спаситель, по преданию, вступил во храм при громких кликах народа: «Осанна, Осанна!» Золотые ворота великолепно украшены и состоят из двух арок с несколькими сводами и куполами, поддерживаемыми прекрасными колоннами; над воротами находятся небольшие помещения, а под воротами существуют подземелья, но вход в них заложен; сверху ворот представляется прекрасный вид с одной сто-

роны на мечети и весь двор храма, с другой — на глубокую долину Кедрона и на Елеонскую гору. Золотые ворота в настоящее время заложены, но магометанское предание говорит, что чрез эти ворота христианские победители проникнут в Иерусалим, а другое предание говорит, что Золотые ворота откроются при втором пришествии Иисуса Христа. Еще далее у стены находится небольшая мечеть, носящая название *трона Соломонова*. В северной стене двора находятся ворота, ведущие к Овчей купели и на улицу Страстного пути; здесь же, вероятно, находились *Красные*, или *Апостольские, ворота*, при которых апостол Петр исцелил хромого, просившего милостыню (Деян., III, 2—8). В северо-западном углу двора, на выдающейся природной скале, находится большое здание присутственных мест и казарм, построенное на месте крепости Антония и дворца Пилата. Наконец вдоль западной стены храмовой площади устроены многие мечети и здание с красивыми колоннадами, служащее помещениями для школ, для магометанских духовных лиц и богомольцев; с этой же стороны многие ворота ведут из храмового двора в город.

К достопримечательностям Иерусалима относятся также городские ворота и стены, окружающие весь город. Толстые городские стены имеют до 50 футов вышины, причем на восточной стороне города стены несколько выше, чем на западной; при каждом повороте стен возвышаются башни, которых всего насчитывают до 34. Нынешние стены и ворота большею частью не соответствуют древним иудейским стенам, и только в немногих местах видны остатки древних стен. Вообще нижние части стен сложены из камней огромной величины, указывающих на их глубокую древность и относящихся, может быть, ко временам Соломона; средние части стен сложены из камней меньшей величины, но тщательно обделанных и относящихся, вероятно, ко временам римским; наконец, верхние части стен возведены арабами и турками. Из городских башен заме-

чательны башни *Иппик* и *Фазаель*, или башня *Давида*, находящаяся в городской крепости, и башня *Псефин* в северо-западном, и *Журавлиная башня*, или башня *Танкреда*, в северо-восточном углу города. Из ворот замечательны: на западной стороне города красивые *Яффские ворота*, называемые также *Вифлеемскими*, *Кевронскими воротами*, или *воротами Поклонников*; сюда к воротам по вечерам жители города выходят для прогулки и для встречи богомольцев; здесь же пред воротами находится оживленный базар с многочисленными кофейнями и палатками бедуинов; здесь же преимущественно встречаются содержатели наемных лошадей и мулов для поездок по Палестине. На северной стороне города находятся великолепные *Дамасские ворота*, украшенные колоннами и башнями; ворота представляют извилистый проход чрез башни, в которых сохранились древние помещения. С той же северной стороны находятся *ворота Ирода*, ныне заложенные и замененные небольшою калиткою. На восточной стороне в город ведут *ворота св. Стефана*, или *ворота Девы Марии*, древние *Овчие* или *Гефсиманские ворота*; близ этих ворот называют место мученической смерти св. Стефана, а к югу от ворот, вдоль наружной городской стены, до колонны эт-Тарик, находится мусульманское кладбище; далее следуют заложенные *Золотые ворота*. С южной стороны города находятся *Гнойные*, или *Грязные, ворота*, ныне заложенные и замененные калиткою; чрез эти ворота, по преданию, Спаситель веден был из Гефсиманского сада в город на суд первосвященников; далее следуют *Сионские*, или *Давидовы, ворота*. Все городские ворота после захождения солнца запираются, и чрез них до утра никого не пропускают. С трех сторон вокруг городских стен находятся глубокие овраги; с востока, между горами Мориа и Елеонскою, пролегает глубокая долина *Иосафата* с потоком *Кедронским*, с запада и юга пролегает долина Гинном, или Геенна, с потоком *Гигон*; оба эти потока, ныне иссохшие; и их русла на юго-вос-

токе от города соединяются в один поток, который проходит далее на восток, между горами, по диким ущельям грозной долины *Кедронской*, или *Огненной*, и изливается в Мертвое море. С четвертой, северной, стороны Иерусалима не встречается природных оврагов, и потому здесь город непосредственно соединяется с соседними возвышенностями и представляет более удобную местность для нападений неприятелей.

VII. Гефсиманский вертеп и Елеонская гора

В окрестностях Иерусалима находится много замечательных мест, ознаменованных священными событиями; из этих мест особенное внимание обращает на себя *Елеонская*, или *Масличная гора*, на которую обыкновенно идут чрез *Гефсиманские ворота*. Елеонская гора возвышается к востоку от Иерусалима, по ту сторону Кедронского потока, против горы Мориа и мечети Куббет эс-Сахра, то есть против места древнего храма Иерусалимского. Елеонская гора представляет идущий с севера на юг известковый горный хребет с тремя вершинами, из коих средняя, самая высокая, называется *горою Вознесенья*, или собственно Елеонскою горою, северная вершина называется *Галилейскою горою*, а южная — *горою Соблазнов*.

Галилейская гора, *гора Галилейских мужей*, или *Малая Галилея*, получила свое название, вероятно, оттого, что здесь в гостинице в древности останавливались богомольцы, приходившие с севера, из Галилеи, в Иерусалим на время великих годовых праздников. На этой горе, по преданию, Ангелы явились ученикам Христа после Его вознесения на небо: *«Когда они смотрели на небо, во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо. Тогда они*

возвратились в Иерусалим с горы, называемой Елеон, которая находится близ Иерусалима, в расстоянии субботнего пути». (Деян., I, 10—12). В настоящее время на этой горе видны развалины древнего храма, обнесенные оградой; возле находится греческая обитель и церковь Вознесенья и русское место, с которого открывается прекрасный вид на Иерусалим. Южная вершина Елеонской горы получила название горы Соблазнов оттого, что Соломон во время своего заблуждения воздвиг на ней капище идолу Молоху.

Замечательнейшая из вершин Елеонской горы есть средняя, с которой совершилось вознесение Иисуса Христа на небо. Обыкновенно на эту гору проходят чрез ворота св. Стефана или Гефсиманские, Овчие, ворота. По выходе из ворот путнику представляется с левой стороны небольшой водоем, или пруд Девы Марии. С правой стороны от ворот вдоль городской стены находится магометанское кладбище со многими надгробными памятниками, простирающееся до лежащей на стене колонны суда.

Прямо впереди находится крутой спуск в долину Кедронскую, а за нею возвышается Елеонская гора. На половине спуска в долину встречается каменистое место, на котором, по преданию, св. Стефан побит был камнями; на этом месте устроена была церковь, впоследствии разрушенная, а теперь это место обозначено камнем, который лобызают благочестивые богомольцы. Вблизи указывают другой камень, обозначающий место, на котором стояла и плакала Божия Матерь во время мученической смерти св. Стефана; здесь же указывают колодезь, при котором Савл, впоследствии апостол Павел, стерег одежды побивавших св. мученика: *и выведя за город, стали побивать его камнями. Свидетели же положили свои одежды у ног юноши, именем Савла, и побивали камнями Стефана, который молился и говорил: Господи Иисусе! приими дух мой. И, преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего. И, сказав сие, почил.* (Деян., VII, 58—60). Мощи

св. Стефана впоследствии перевезены были в Рим, в *церковь св. Лаврентия*. По другому преданию, место мученической смерти св. Стефана находилось пред Дамасскими воротами. Ниже этих мест, на дне долины, в древности протекал ныне иссохший поток Кедрон (черный); чрез русло этого потока устроен мост, за которым начинается подъем на Елеонскую гору. Эта гора, местами обработанная и покрытая полями и садами масличных деревьев, вообще представляет печальный однообразный вид, но возбуждает множество священных воспоминаний. В древности у подошвы горы находились лавки торговцев голубями, которых покупали для жертвоприношений в храме. Сюда, на Елеонскую гору, в Гефсиманский сад часто приходил Иисус Христос с учениками, а после Его вознесения сюда приходили Божия Матерь и апостолы; впоследствии в пещерах этой горы селились многочисленные христианские отшельники.

У подошвы Елеонской горы, с левой стороны от моста, находится вход в подземную *церковь Гефсиманского вертепа*; это есть погребальный вертеп Божией Матери — одна из главных святынь иерусалимских; над этою подземною церковью был построен монастырь, впоследствии разрушенный и частью засыпанный землею. В настоящее время здесь, на небольшой площадке, на три ступени ниже поверхности земли, находится сводчатый вход с железною дверью, за которою крутой спуск в 50 ступеней, высеченных в скале, ведет вниз, в подземную церковь Гефсиманского вертепа. На двадцатой ступени в углублении в стене, с правой стороны, находятся *гробницы Богоотец Иоакима и Анны*; на противоположной левой стороне лестницы, в углублении стены, находится *гробница св. Иосифа*, обручника Девы Марии; в конце спуска внизу с правой стороны устроен *придел св. Николая*. За этим престолом несколько далее направо, к востоку, открывается мрачная подземная галерея, в которой, как звезды, мерцают огоньки множества горящих золотых и серебряных лампад. В середине

галереи возвышается вертеп, или небольшая, высеченная из скалы часовня с двумя входами, освещаемая множеством лампад и свечей в серебряных свещниках. Внутри часовни в углублении стены находится высеченный из скалы выступ, или *лавица*, покрытая белым мрамором: это и есть погребальный камень, на котором возлежало тело св. Девы Марии; сюда апостолы перенесли тело Божией Матери после Ее успения на Сионской горе, но здесь оно не долго пребывало. Когда апостол Фома, не присутствовавший при погребении Божией Матери, прибыл чрез три дня в Иерусалим и когда для него раскрыли гробницу, то в ней уже не было тела Пресвятой Богородицы, взятой на небо. Мраморная плита над погребальным камнем служит ныне престолом при богослужении, совершаемом в вертепе греками и армянами; стены погребального вертепа, ярко освещаемого двадцатью постоянно горящими лампадами, увешаны шелковыми и парчовыми тканями. Снаружи вертепа, к его западной стене приделан армянский престол; возле вертепа с южной стороны находится небольшая молельня магометан, которые также почитают это место священным. За вертепом, в восточном продолжении галереи, находится греческий престол с чудотворною иконою Божией Матери, а в конце галереи помещается жертвенник, на котором греческое духовенство совершает проскомидию. В противоположном, западном, конце подземной галереи, налево от лестницы, находятся придел св. Стефана, придел абиссинцев и цистерна с хорошею водою; здесь же в соседних пещерах устроено несколько приемных келий и помещений для греческого настоятеля церкви.

По возвращении из подземелья на входную площадку путник направляется по левой стороне площадки к небольшому ходу и к железной двери, которые ведут в другую пещеру, находящуюся, по преданию католиков, на месте моления о чаше; по православному преданию, это есть место, где Спаситель предан был Иудею; в этой пещере, обра-

щенной в католическую часовню, находится икона молений о чаше и несколько алтарей. В нескольких шагах от пещеры расположен обнесенный каменною оградою и принадлежащий францисканским монахам сад, который включает в себе восемь старых, толстых масличных деревьев; каждое дерево окружено камнями, и между деревьями разведены роскошные цветники, разделенные решетками один от другого; вдоль каменной ограды устроено 14 часовен с изображениями страстей Господних. Этот сад, по преданию, есть остаток Гефсиманского сада, который столь часто посещаем был Спасителем. Вблизи сада сохранились развалины башни на месте древнего селения *Гефсимании* (масличный гнет), получившего свое название оттого, что в нем выделялось много деревянного масла; и теперь из маслин гефсиманских деревьев выделяют драгоценное масло, а из зерен маслин приготавливают четки. Несколько выше по горе находится принадлежащее грекам место, которое также называется *Гефсиманским садом*. Против входа в католический Гефсиманский сад виден большой плоский камень, указывающий место, где опочивали три апостола во время моления о чаше. Несколько далее *камня трех апостолов* вделанный в стену столб указывает самое место моления о чаше, где, по православным преданиям, Спаситель молился, душевно скорбел даже до смерти пред Своими страданиями. Здесь началась тайна искупительных страданий Господних! Здесь ни в чем не повинный, безгрешный Богочеловек принимал на Себя грехи всего мира, все преступления, пороки и прегрешения человечества от его начала и до последних времен, чтобы удовлетворить правде Божией. Здесь божественный Искупитель ясно предвидел все предстоявшие Ему унижения, поругания, истязания, страдания и мучительную крестную смерть, одна мысль о которых вызывала в Нем душевное борение и смертельную скорбь. В одиночестве, всеми оставленный, никем не понятый, Он с кровавым потом молился: «Отче Мой, если возможно, да минует Меня

чаша сия!» Крайняя тяжесть жертвы и изнеможение подавляли человеческое естество Богочеловека, которое молило об избавлении; но в то же время, в эти решившие судьбу человечества мгновения, Он выразил послушание, повиновение даже до смерти, воле Бога-Отца, сказав: *Впрочем, не как Я хочу, но как Ты, Отче Мой, если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить из нее, да будет воля Твоя!* И эти слова решили величайшее деяние в мире — искупление, спасение рода человеческого!

За Гефсиманским садом несколько крутых тропинок ведут на вершину Елеонской горы мимо ячменных полей, мимо оливковых насаждений и мимо многих мест, озаменованных, по сохранившимся преданиям, священными событиями. Против Гефсиманского сада, несколько выше камня трех апостолов, возле Гефсиманской башни, на русском месте построена в русском стиле небольшая, но прекрасная пятиглавая церковь св. Марии Магдалины, с паперти которой представляется прекрасный вид на окрестности. Далее, при восхождении на гору, указывают место, обозначенное камнем, где Божия Матерь останавливалась для отдохновения во время частых посещений Елеонской горы; другой камень означает место, где апостолу Фоме, по преданию, дарован был пояс Божией Матери, упавший на камень и отпечатлевшийся на нем. Далее крутая тропинка поднимается выше и затем близ сохранившихся развалин становится более отлогою; здесь открывается прекрасный вид на Иерусалим, и на этом месте Спаситель, восседая с учениками и взирая на город, плакал об участи, предстоявшей Иерусалиму. Выше указывают места, где Христос предрекал кончину мира. Еще выше находится место, где, по преданию, Архангел Гавриил с пальмовою ветвью явился Божией Матери за три дня до Ее успения и предрек Ей близкую кончину.

Далее следует вершина горы Елеонской, горы последних поучений и вознесения Иисуса Христа. На этой священ-

ной вершине горы царица св. Елена воздвигла монастырь и обширный храм Вознесения с куполом несведенным, или открытым, на вершине; *храм Вознесения* был несколько раз разрушаем и возобновляем и, наконец, обращен в турецкую мечеть. Все место бывшего храма Вознесения обсажено масличными деревьями и обнесено каменною стеною, образующею неправильный восьмиугольный двор. Внутри двора, куда магометанский сторож за небольшую плату допускает богомольцев, устроено вдоль стен несколько христианских приделов; греческий престол находится в правой половине двора, на месте, где, по преданию, стояла Божия Матерь во время вознесения Христа, и на этом престоле в день Вознесения совершается греческое богослужение. В середине двора, на месте древнего храма Вознесения, стоит небольшая восьмиугольная мечеть с мраморными колоннами и куполом; внутри здания, направо от входа, в полу видно обложенное мраморным окладом углубление, в котором видна часть природной скалы; на ней указывают отпечатлевшийся во время вознесения след правой стопы Спасителя, и богомольцы обыкновенно делают восковые снимки с этого следа; другая часть камня со следом левой стопы Спасителя была взята с Елеонской горы, и теперь этот камень хранится в греческой патриархии; по другому же преданию, он находится в мечети эль-Акса.

Возле храма Вознесения находился древний монастырь, на развалинах которого ныне устроена небольшая арабская деревня и принадлежащая дервишам мечеть с высоким минаретом. Под развалинами бывшего монастыря находится обширная пещера, передняя часть которой обращена была в подземельную церковь, а за нею находится погребальная пещера с каменною гробницею св. Пелагии Антиохийской, которая, услышав однажды проповедь о Страшном суде, оставила греховную жизнь, приняла св. крещение и спасалась в этой пещере. Несколько далее находится самая высокая оконечность Елеонской горы, возвышающая-

ся на 400 сажен над уровнем моря и на 30 сажен над горою Мория. Вблизи, к востоку от вершины горы, находится принадлежащее России место, на котором построена в греческом стиле русская *церковь Христа Спасителя*; внутри церкви находится прекрасный иконостас и видны сохранившиеся остатки древней церкви; снаружи возле церкви построена высокая колокольня, для которой приготовлен колокол, один из самых больших в Палестине; возле колокольни находится Русский дом, в котором сохраняется древний пол и другие древности, найденные в этих местах, а под домом открыты древние погребальные пещеры с гробницами; эти русские постройки на Елеонской горе украшаются разведенными около них садами и виноградниками. С высоты русских построек, а также с вершины Елеонской горы и с минарета мечети дервишей открывается во все стороны обширный вид, особенно поразительный по утрам и по вечерам при закате солнца вследствие чистоты и прозрачности воздуха. С западной стороны, у подошвы Елеонской горы, виден глубокий овраг Кедронский, за которым, на возвышении Мория, виден весь двор мечети Куббэт-эс-Сахра и далее открывается вид на весь Иерусалим с его многочисленными башнями, минаретами и куполами; за городом высятся горы, между которыми выдаются гора Самуила и гора Соба. К северу возвышаются *Самарянские горы*, между которыми выделяются вершины *гор Гевсия и Гаризима*; к югу видны каменистые, округленные *Иудейские горы*, среди которых извиается дорога в Вифлеем и в Хеврон и выступает вершина горы *Иродион*, или *горы Франков*. Наконец, к востоку от Елеонской горы простирается обширная, песчаная, плоская возвышенность — безводная и безлюдная, выжженная палящим солнцем *пустыня Иудейская*, на которой видны многие отдельные холмы, развалины и пещеры; в некоторых местах пустыня Иудейская прорезывается дикими глубокими ущельями, из которых замечательны ущелья *Кедронской*, или *Огненной долины*. Далее за пустынею между скалами и горами в углубле-

нии видна белеющая долина эл-Гор с извилистою зеленою полосой деревьев и кустарников, среди которых протекает священная река *Иордан*, а южнее Иордана, в виде озера, видно *Мертвое море*; за Иорданом и Мертвым морем поднимаются темные базальтовые *Моавитские горы* Переи и высокая гора *Навав*, с которой Моисей после выхода евреев из Египта увидел обетованную землю, Палестину.

С вершины Елеонской горы несколько крутых тропинок ведут вниз мимо различных замечательных мест. Вблизи русского места находится латинский женский монастырь *Кармелиток*, основанный княгиней Ла Тур д'Оверн; здесь указывают пещеру, в которой собирались апостолы и составили начала *Символа веры*; в этой пещере, в которой видны остатки двенадцати арок, была устроена церковь *Св. апостолов*, теперь же в ней помещен католический алтарь. Возле находится место, где Иисус Христос научил учеников Своих молитве «*Отче наш*»; на этом месте устроен четверугольный монастырский двор, окруженный крытыми ходами и стенами, на которых молитва «*Отче наш*» золотыми буквами написана на 33 различных языках. Ниже к югу указывают так называемые *гробницы пророков*, относящиеся к глубокой древности; здесь малозаметный узкий вход, высеченный в скале, ведет в подземную круглую пещеру, от которой радиусами расходятся узкие подземные галереи, пересекатье двумя другими полукруглыми галереями, к которым примыкают другие обширные галереи и пещеры; в стене второй полукруглой галереи находится множество углублений, или ниш, служивших в древности погребальными помещениями; вообще на Елеонской горе встречается много гробниц и погребальных пещер, которые впоследствии служили жилищами для христианских отшельников. Ниже гробниц пророков, на восточном склоне Елеонской горы, находится монастырь *св. Спиридония*, а на западном склоне расположено еврейское кладбище, и затем обрывистые скалы и крутизны спускаются к Кедронскому потоку, проходящему по середине *Иосафатовой долины*.

VIII. Окрестности Иерусалима, Иосафатова долина, долина Гинном и гробницы царей и судей израильских

Вдоль подошвы Елеонской горы проходит глубокий овраг, который начинается к северу от Иерусалима и сначала идет с запада на восток, потом поворачивает на юг, проходит между горами Елеонскою и Везефою, мимо Гефсиманского сада, затем значительно суживается между горами Елеонскою и Мориа и, наконец, соединяется с долиною Гинном; посреди оврага проходит безводное, иссохшее русло потока Кедрона (черный, мрачный), которое только иногда, после зимних дождей, является быстрым бурным ручьем. Скаты гор по бокам этой лощины представляют бесплодные, безжизненные скалы и камни, покрытые многими развалинами и гробницами, а дно лощины завалено щебнем, мусором и множеством надгробных камней. Эта печальная лощина есть так называемая *долина Иосафата* (Иегова судит), или *Царская долина*, в которой, по сказаниям евреев, должны совершиться последние события: долина расширится, за ней произойдет воскресение мертвых и последний, Страшный суд, и огненная река потечет по долине; магометанские верования также указывают на Иосафатову долину как на место последнего суда, поэтому и евреи и магометане устроили свои кладбища по сторонам этой долины. Еврейское кладбище находится на левой стороне Кедронской долины, на склонах Елеонской горы, и доньше многие престарелые евреи переселяются из разных стран в Иерусалим, чтобы умереть в этом городе и быть похороненными в Иосафатовой долине; магометанское кладбище расположено на правой стороне долины, на склонах горы Мориа, вдоль городской стены, начиная от Гефсиманских ворот до лежащей на стене колонны суда.

Против Гефсиманских ворот, чрез русло Кедрона ведет *первый мост*, за ним ниже Гефсиманского сада находится

второй мост, по которому неоднократно шествовал Спаситель: у этого моста Он исцелил слепого, здесь указывают на камне след Его стопы, чрез этот мост Он переезжал на ослице при кликах народа: «Осанна!» и, наконец, преданный Иудею, взятый воинами первосвященников, Он был веден из Гефсиманского сада чрез этот мост и чрез Гнойные ворота на суд к первосвященнику Каиафе. Чрез этот же мост апостолы, после успения Божией Матери, переносили Ее тело с горы Сиона к месту Ее погребения. Близ этого второго моста, на левой стороне долины, на склонах Елеонской горы, находится высеченный из скалы древний памятник Авессалома. *«Авессалом еще при жизни своей взял и поставил себе памятник в царской долине»* (2. Царств., XVIII, 18). На этот памятник непокорного сына Давида каждый мимо идущий еврей считает необходимым бросить камень. Позади памятника Авессалома находится высеченная в скале так называемая *погребальная пещера Иосафата*. Несколько далее видна не имеющая входа *гробница Захарии*, высеченная из цельной скалы. Возле этой гробницы в горе находится обширное подземелье со многими пещерами; это есть *гробница св. Иакова*, двоюродного брата Господня, который после крестной смерти Иисуса Христа, вместе с другими учениками Спасителя, скрывался в этой пещере; по преданию, здесь Спаситель явился св. Иакову, который впоследствии претерпел мученическую смерть и был погребен в этой пещере. Несколько далее указывают место, где, по одному преданию, удавился Иуда. За этими древними памятниками далее к югу, вдоль Иосафатовой долины, находится продолжение еврейского кладбища, уставленное множеством надгробных памятников. Далее, за еврейским кладбищем, находится высеченный из скалы и принадлежащий России древний памятник, у которого начинается арабское селение *Силонам*, расположенное на обрывистых склонах горы Соблазнов; в скалах этой горы высечены погребальные пещеры и каменоломни, и многие из

пещер, к которым пристроены дома, служат жилищем для бедных обитателей селения. Позади селений, на горе Соблазнов, находится место, где иудеи во времена Соломона приносили жертвы языческим идолам, а на вершине горы видны некоторые погребальные пещеры иудеев.

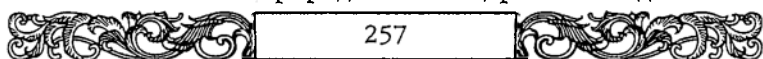
По ту сторону долины Иосафата, на склонах горы Мориа, вдоль городской стены, расположено магометанское кладбище. Далее, вдоль южной городской стены, находится продолжение горы Мориа, составлявшее в древности городское предместье *Офел*. Вблизи городской стены виден спуск в 30 ступеней к подземному источнику *Смоковничье*, или источнику *Дракона*, называемому также колодезем *Девы Марии*, к которому, по преданию, Божия Матерь приходила почерпать воду во время пребывания своего в доме Иоанна Богослова на Сионской горе. Из источника Девы Марии вода проведена по подземелью к другому источнику — *Силоамскому* (посланный), близ которого видны колонны и развалины древней церкви, построенной царицею св. Еленою. Здесь был исцелен слепой, которого Иисус Христос послал к купели Силоамской: *«И сказал ему: пойди, умойся в купели Силоамской, что значит посланный. Он пошел и умылся, и пришел зрячим»*. (Иоан., IX, 7). Здесь же, у источника, находилась *Силоамская башня*, которая во времена Иисуса Христа упала и побила осьмнадцать человек (Лука, XIII, 4). Вблизи источника стоит старое *шелковичное дерево* с раздвоившимся пнем, окруженное грудой камней; здесь, по преданию, был погребен *пророк Исаия*, претерпевший мученическую смерть от распиления деревянною пилою по приказанию *Манассии*.

Ниже Силоамской купели Иосафатова долина несколько расширяется и соединяется с долинами Тиропсом и Гинном; это место, называемое *Царскою долиною*, представляет самую плодоносную местность в окрестностях Иерусалима; здесь в древности находились *царские сады Соломона*, и ныне здесь расположены сады и огороды жителей селения

Силоам; здесь же, по преданию, происходило свидание Авраама с Мельхиседеком, царем правды и священником Бога Всевышнего. В конце Царской долины видны белые развалины здания и между ними глубокий колодец *Рогел* (переходящий) с прекрасною водою, которая в колодце иногда понижается, иногда, после зимних дождей, значительно повышается. За источником Рогель Царская долина обращается к юго-востоку и получает название *Огненной долины*, которая проходит между высокими горами и скалами по грозным, диким ущельям и доходит до монастыря св. Саввы и до Мертвого моря; в горах и скалах этой долины находится много древних погребальных пещер, из которых замечательны принадлежащие России *пещеры эр-Романие*.

К западу от Царской долины между горами проходит узкая, мрачная *долина Гинном*, или *Геенна*, которую игумен Даниил называет адом; здесь некогда стоял огромный *истукан Молоха*, которому приносили в жертву живых детей, бросая их в раскаленную внутренность истукана; здесь же постоянно горел огонь для сожигания мусора и нечистот, выбрасываемых из города. Долина Гинном, по которой протекал *поток Гигон*, получила свое название от древнего владельца долины Гиннома; эта долина окружает Иерусалим с западной и южной сторон и проходит между горою Сионом и горою *Злого совещания*. В крутых скалистых спусках горы Злого совещания находится множество расположенных в два, один над другим, ряда погребальных пещер, из которых некоторые весьма тщательно отделаны и имеют треугольные фронтоны над входом; в некоторых пещерах находятся груды костей, ныне же многие из них служат для загона стад овец на ночное время. Вообще гробницы у древних иудеев были наружные, или открытые, и внутренние; первые сооружались в виде памятников различных форм и высекались из скал; вторые высекались внутри скал из твердых горных пород. Сначала для погребения умерших пользовались природными пещерами и подземелья-

ми, во множестве встречающимися в палестинских горах; впоследствии же устраиваемы были искусственные погребальные пещеры. Для этого сначала высекали в скале узкий вход, который заваливался большим камнем; близ входа обыкновенно устраивалась цистерна. За входом высекалось в скале небольшое помещение, или преддверие, в стенах которого устраивались небольшие углубления, или ниши, для лампад, иногда зажигавшихся в пещерах; за преддверием следовала или четвероугольная погребальная камера со сводами, или продолговатая галерея; в этих помещениях вдоль стен оставляли выступы скалы с углублением, или *лавицы*, в которые полагаемы были тела умерших, или же в стенах устраивали углубления, *погребальные ниши*, в которые вставлялись саркофаги с останками умерших; иногда позади погребальных ниш в скале высекались небольшие помещения для сокровищ, хоронимых вместе с умершим. Некоторые погребальные пещеры были весьма обширны и состояли из нескольких камер; в таких пещерах первая камера не имела погребальных ниш. Но в каждой ее стене сделан был вход, и за каждым входом следовала погребальная пещера со множеством погребальных ниш; иногда за первую погребальную пещеру следовала вторая, иногда же под или над всеми камерами находился второй, нижний или верхний, ряд погребальных пещер. Среди сохранившихся на горе Злого совещания погребальных пещер замечательна более обширная пещера, над которою надстроено четвероугольное здание, окруженное масличными деревьями; это, по предположениям, есть так называемая *Акельдама*, или *земля крови*, *земля горшечника*, *село скудельничье*, место для погребения странников, которое было куплено на сребреники, полученные Иудою за предание Иисуса Христа первосвященникам. Возле находится другая обширная пещера св. *Онуфрия*. Одна из пещер называется пещерою *Апостолов*, потому что в ней, по преданию, скрывались апостолы во время страданий и крестной смерти Ии-

суса Христа; здесь же во время гонений скрывались первые христиане, а впоследствии здесь жили отшельники, которые увеличили некоторые пещеры и обратили их в церкви; отсюда при царице св. Елене на многих кораблях перевезена была священная земля в Рим, а впоследствии отсюда же перевозили землю в итальянский *город Пизу*, на кладбище *Campo Santo*. На вершине горы Злого совещания видны развалины, находящиеся, по преданию, на месте *загородного дома Каиафы*, где первосвященник совещался с Иудой о предании Иисуса Христа; вблизи указывают старое дерево, на котором, по одному преданию, удавился Иуда. С вершины горы Злого совещания представляется прекрасный вид на южную часть Иерусалима и на Елеонскую гору; по другую сторону горы Злого совещания видны *монастырь св. Илии* и пустынные округленные горы южной Иудеи, между которыми выдается высокая гора Иродион.

Долина Гинном проходит от Царской долины мимо горы Злого совещания на запад, затем поворачивает направо, к северу, несколько расширяется, проходит мимо горы Сиона к западной стене Иерусалима и к Яффским воротам и наконец снова поворачивает на запад. В этой части долины Гинном находятся *Гинномские водохранилища*, или *водотечи, нижняя и верхняя*. Нижняя, или южная, водотечь, *водоем султана*, представляет обширный, ныне иссохший водоем с известковыми берегами, в который в древности издали проведена была вода посредством водопроводов и который ныне обращен в пшеничное поле. Против водоема на возвышении расположен обширный *еврейский странноприимный дом Монтефиоре*, за которым видно несколько больших ветряных мельниц; вблизи к югу находится немецкая колония храмовых братьев, у которых, кроме этой колонии, есть еще другие близ Яффы, в Сароне и Кайфе; к северу же, вероятно, на месте древнего *монастыря св. Кукши*, находится монастырь и подземная *часовня св. Георгия*, где хранится древняя икона св. Георгия и цепь, в которую

святой во время гонений был закован. Вблизи монастыря расположен обширный общественный сад *Никифория*, место вечерних прогулок для городских жителей. Вблизи находится *церковь св. бессребреников Козьмы и Дамиана* и холм, с которого удобно можно обозреть часть окрестностей Иерусалима. Далее, в конце долины Гинном, находится *верхняя водотечь*, или *пруд Мамиллы*, получивший свое название от находившегося вблизи монастыря св. Вавилы; этот водоем, расположенный среди другого магометанского кладбища, вблизи приюта для прокаженных, вблизи древнего Белильного поля, иногда во время дождей наполняется водою и посредством подземных каналов находится в сообщении с патриаршими прудами внутри города.

К северу от долины Гинном, близ Яффских ворот, расположены обширные *Русские постройки*, обнесенные невысокою каменною стеною с несколькими воротами, образующею неправильный четырехугольник. Посреди Русских построек возвышается величественный *собор Святой Троицы*; внутри собор великолепно украшен, а совершаемое в нем русское богослужение отличается торжественностью и стройным пением певчих. Вокруг собора находятся большие постройки: мужской и женский странноприимные дома, вмещающие в себя до 1000 богомольцев; затем дома русской миссии и русского консульства и помещение для русского архимандрита и русского духовенства; между постройками устроены небольшие садики и цветники и большие цистерны, а пред собором лежит огромная, высеченная из скалы, но не употребленная на постройку, древняя колонна. Возле Русских построек Франция устроила обширные странноприимные дома и госпитали.

На северной стороне Иерусалима красивые Дамасские ворота, находящиеся между двумя холмами, Гионским и Везефою, ведут из города на холмистую местность, пересекаемую началом Кедронской долины, а далее к северу видны возвышение *Скопос* и затем высокие Иудейские и Са-

марьянские горы; здесь, на Скопосе, во время осады Иерусалима римлянами расположено было римское войско под начальством Тита. С левой стороны Дамасских ворот находится русский сад и роща масличных деревьев, составляющая любимое место вечерних прогулок для жителей Иерусалима. С правой стороны ворот в городской стене находится спуск в обширные подземелья, называемые *царскими каменоломнями*, которые простираются под значительную часть города Иерусалима. Прямо против спуска в царские подземелья, в ста шагах от городской стены, находится украшенная резьбою пещера, свод которой поддерживается одною круглою, стоящею посреди пещеры колонною, и в одном месте пещеры находится высокое каменное ложе; эта пещера есть так называемая *пещера пророка Иеремии*, который здесь скрывался и здесь же написал книгу «Плач Иеремии», оплакивающую разорение храма и города Иерусалима Навуходоносором. Под пещерою Иеремии находится вторая, более обширная, нижняя пещера, также поддерживаемая одним, в середине стоящим, четвероугольным столбом; эта пещера, в которой собирается дождевая вода, служит ныне цистерною. Вблизи, с восточной стороны пещеры Иеремии, находятся другие пещеры, называемые *пещерами пророков Варуха и Иезекииля*. Все эти пещеры в древности, вероятно, были каменоломнями, а впоследствии служили темницами. К северу от пещеры Иеремии находятся развалины церкви св. Стефана, у которых основан доминиканский монастырь.

Далее, по Дамасской дороге, к северу, в одной версте от города находятся так называемые *царские гробницы*, которые, по одним предположениям, служили местом погребения иудейских царей, следовавших за Соломоном, а по другим предположениям, в них была погребена царица Елена адиавенская, поселившаяся в Иерусалиме в I в. по Р. Х.

Перед царскими гробницами высечено в скале углубление, образующее небольшой дворик, за которым следу-

ет второй, несколько больший, также высеченный в скале двор, и в нем находится высеченный в скале и украшенный скульптурою вход в пещеры, которых всего семь; первая за входом пещера представляет как бы прихожую, или преддверие, из которой спуск в несколько ступеней и потаенный ход ведет во вторую общую пещеру со многими каменными седалищами и небольшими нишами для лампад; из второй пещеры несколько ходов ведут в следующие пещеры, в стенах которых устроено до 30 погребальных ниш; в одной из этих пещер найден был великолепный древний саркофаг, перевезенный в Париж, в Луврский музей; в другой пещере виден спуск, который ведет еще глубже, в особую нижнюю пещеру. К северо-востоку от царских гробниц возвышается холм Скопос, с которого представляется прекрасный вид на Иерусалим, на реку Иордан и на Мертвое море. К северо-западу от царских гробниц, в двух верстах от города, находятся так называемые *погребальные пещеры судей израильских*, служившие, вероятно, гробницами иерусалимских первосвященников. Вход в эти пещеры, высеченный в отвесной скале, украшен фронтоном и прекрасными изваяниями; самые пещеры, отличающиеся обширностью, расположены в два яруса, и в них устроено до 60 погребальных ниш.

Возвратившись от погребальных пещер судей к Дамаским воротам и направляясь вдоль городской стены к востоку, мимо спуска в царские каменоломни и мимо Иродовых ворот, путник доходит до угловой *башни Танкреда, или Журавлиной башни*, у которой городская стена поворачивает на юг и идет вдоль Иосафатовой долины к Гефсиманским воротам. Таким образом богомольцы, уже ранее осмотревшие святыни самого города Иерусалима, знакомятся при обходе вокруг всего города с замечательными местами его ближайших окрестностей и затем предпринимают странствования к другим, более отдаленным от Иерусалима замечательным местам святой земли Палестины.

IX. От Иерусалима до Вифлеема и до Хеврона

В Палестине, кроме Иерусалима, находится много других замечательных местностей, посещаемых богомольцами; к югу от Иерусалима богомольцы посещают места до Вифлеема и до Хеврона, лежащего близ южной границы Палестины. Небольшой город Вифлеем отстоит от Иерусалима на 2 часа пути, но в повозке или на лошадях по довольно удобной дороге можно скорее достигнуть Вифлеема. Дорога в Вифлеем идет чрез Яффские, или Вифлеемские, ворота, за которыми она круто поворачивает налево, к югу, и затем, спускаясь в долину Гинном, проходит мимо монастыря св. Георгия и нижнего водоема, мимо госпиталя Монтефиоре, мимо немецкой колонии и мимо горы Злого совещания. Далее дорога, оживляемая многими путниками и караванами лошадей и верблюдов, проходит по обширной, окруженной горами, частью пустынной, частью обработанной *равнине Рефаимской, или долине великанов, долине теревинфов*, которая на юго-западе соединяется с *долиною роз*; в долине теревинфов Давид, по преданию, победил филистимлян. Вдоль дороги по этой долине видны многие развалины, из коих одни, по преданию, находятся на месте *дома св. Симеона Богоприимца*. Вблизи указывают камень и остатки древнего теревинфского дерева (род дуба), под которым, по преданию, останавливалась Божия Матерь во время пути из Вифлеема в Иерусалим. Затем близ дороги видны водопойня и колодезь, называемый *колодезем волхвов*; здесь в последний раз волхвам, шедшим в Вифлеем, явилась звезда, которая привела их с востока в Иерусалим: *«И се, звезда, которую видели они на востоке, шла пред ними»*. (Матф., II, 9). Далее, в конце долины теревинфов, на горе, с левой стороны дороги, расположен бедный греческий *монастырь пророка Илии*; при повороте к монастырю находится древний колодезь, из которого, по преданию,

Св. Семейство во время странствований в Иерусалим почерпало воду. Перед входом в монастырь лежит камень, на котором, по преданию, пребывал для отдыха пророк Илия во время своего бегства из Палестины на Синай к горе Хориву; вблизи находится другой камень, закрывающий, по преданию, вход в древние подземные пещеры. Самый монастырь, обсаженный масличными деревьями, окружен стенами и представляет вид укрепленного замка. В монастыре монахи, по древнему обычаю, встречают партии богомольцев колокольным звоном и, не требуя с них пожертвований или вкладов, угощают их трапезою и вином. В большой монастырской церкви, на левой стороне ее, указывают весьма древние иконы страданий Господних. С террасы монастыря открывается превосходный вид на окрестности: к северу виден Иерусалим и за ним гора Самуила, к югу видны вершины скалистых, бесплодных гор и долины с обработанными полями и многими селениями, между которыми выдаются селение Бет-Джала с белыми постройками и Вифлеем, а за ним возвышается высокая гора Франков, или Иродион; к востоку виднеются Заиорданские горы около Мертвого моря. За монастырем пророка Илии дорога спускается в плодородную долину со многими садами, виноградниками, обработанными полями и стадами пасущихся коз. С правой стороны дороги указывают выдолбленный камень, на котором, по преданию, пребывала для отдыха Божия Матерь; вблизи находится гора патриарха Иакова, на которой некогда стояли палатки Иакова. За горою видны обширные австрийские постройки Мальтийского ордена с церковью и госпиталем. Далее, на первом возвышении близ развалин древней башни, находится небольшое, так называемое гороховое поле, на котором всегда попадают небольшие камешки в виде горошин; предание говорит, что сеявший здесь горох на вопрос Божией Матери: «что он сеет?» отвечал: «камни». И с тех пор то место постоянно усеяно каменными горошинами.

Далее дорога разделяется на две: одна, главная дорога, идет на юг, к Соломоновым прудам и к городу Хеврону, а другая, среди обработанных полей, виноградников и оливковых насаждений, ведет на восток, к Вифлеему. У самого раздела дорог, на правой стороне, близ древнего селения Рам находится *памятник Рахили*, жены Иакова, напоминающий избиение младенцев Иродом: *«Глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться; ибо их нет»*. (Матф., II, 18). Памятник Рахили, окруженный деревьями и многими гробницами, представляет небольшую постройку с куполом и небольшим отверстием, чрез которое внутри постройки виден невысокий выбеленный столб, сложенный из огромных камней; это и есть древний памятник Рахили; возле столба в полу видна плита, закрывающая вход в подземелье. Возле памятника Рахили находятся древние развалины, или так называемые остатки, *дома Иакова*, мужа Рахили. За поворотом дороги к Вифлеему следует *Давидова гора*, на которой видны развалины и несколько высеченных в скале цистерн, или так называемые *колодцы Давида*; здесь Давид вел войну с филистимлянами, и когда он однажды возжаждал, то три воина с опасностью жизни принесли ему воды из этих колодцев, находившихся во власти филистимлян, но Давид не пожелал пить этой воды и вылил ее на землю. С горы Давида представляется вид на город Вифлеем и на обработанные, цветущие окрестности, ознаменованные многими событиями Ветхого и Нового завета.

В этих местах некогда жил Иаков и умерла его жена Рахиль; здесь Руфь собирала колосья на полях Вооза; здесь Самуил помазал на царство Саула; здесь была родина Давида, здесь он пас стада отца своего Иессея; здесь он был избран на царство и вел войны с филистимлянами; здесь же была родина апостола Матвея и, наконец, здесь, в Вифлееме, родился Спаситель мира, о чем Ангелы возвестили находившимся в поле пастухам. С горы Давида виден Вифле-

ем, небольшой город с четверугольными кубическими домами из серого камня, живописно расположенный на двух холмах среди зеленеющих, цветущих садов и виноградников, расположенных в виде уступов или террас. Восточная часть города представляется в виде укрепленного замка со многими постройками, окруженными стеною; это — *монастырь и храм Рождественский*, в котором находится *вертеп Рождества Христова*, делающий город Вифлеем столь дорогим для каждого христианина; возле города находится местечко с *церковью св. Николая* и с неиссякаемым источником, из которого, по преданию, Божия Матерь почерпала воду; несколько далее видна цветущая, покрытая маслинами долина пастырей.

Вифлеем (дом хлеба, хлеба небесного — Иисуса Христа), или *Евфрата* (плодоносный), или *Град Давида*, находится в восьми верстах от Иерусалима, на склонах двух скалистых, но плодородных холмов, в местности, в которой сначала росли плодовые деревья (Евфрата), а потом разведены были хлебные поля (Вифлеем); вокруг города вдали видны высокие вершины гор. В городе Вифлееме считается до 5000 жителей арабов, из которых большая часть христиане, православные и католики. Жители Вифлеема, отличающиеся мужеством и трудолюбием, занимаются земледелием, скотоводством, виноделием, тканьем пестрых тканей и, по преимуществу, выделкою из перламутра и особого черного камня четок, крестиков и образков, украшенных искусною резьбою; эти изделия они продают приходящим богомольцам или отвозят их для продажи в Иерусалим. Четвероугольные, с плоскими крышами дома Вифлеема построены из серого камня, и многие дома пристроены к скалам, так что пещеры скал составляют часть домашних помещений; между домами проходят узкие, кривые и гористые улицы, а в конце города находится базарная площадь, за которою возвышается группа зданий, окруженная стеною, которая и есть *храм Рождества Христова* с пристро-

енными к нему тремя монастырями: греческим, католическим и армянским. Место, на котором стоит храм, по некоторым предположениям, принадлежало предкам Иосифа и Марии, именно Воозу и его жене Руфи, которые владели в Евфрате домом; этот дом перешел во владение к их потомку Давиду, который подарил его своему приближенному Хамаму, сыну Верзеллия, оказавшего Давиду помощь во время восстания Авессалома; впоследствии *дом Хамама*, или дом Давида, обращен был в *хан*, или гостиницу для путников, и при гостинице находилась пещера с яслями, служившая для помещения вьючных животных, а в более древнее время служившая, может быть, погребальной пещерою; эта гостиница была, вероятно, та самая, в которой остановились Иосиф и Мария и в вертепе, или пещере, которой совершилось Рождество Христово; впоследствии, в IV веке по Р. Х., царица Елена основала над вертепом храм, достроенный в VI веке императором Юстинианом; этот храм Рождества Христова в продолжение веков был несколько раз опустошаем и снова восстанавливаем, но в общем сохранился в первоначальном древнем виде и ныне представляет один из обширнейших храмов в Палестине.

Узкие врата ведут на первый, окруженный стеною монастырский двор, на котором находятся три колодца, и среди двора возвышается обширное здание храма, основание которого имеет вид креста. С одной стороны двора вторые ворота ведут на второй двор, в котором находятся помещения для богомольцев и трапезная; затем третьи ворота ведут на третий двор с помещением и садом греческого митрополита и с входом в церковь Рождества. Внутри здания каменная перегородка разделяет весь храм на две части; в первой, передней части, составлявшей трапезу, или корабль храма, четыре ряда мраморных колонн, которых всего сорок, разделяют трапезу на пять частей, или кораблей; средний, более широкий и высокий церковный корабль не имеет потолка, но покрыт крышею, лежащею на балках

и стропилах из ливанского кедра; стены храма покрыты были мрамором и отчасти сохранившимися мозаиковыми изображениями святых, изображениями вселенских соборов и надписями, заключающими в себе постановления соборов; с правой стороны между колоннами находится *крещальня*, или древняя купель, из белого мрамора; эта передняя часть здания ныне находится в запустении и часто служит местом ночлега для богомольцев. Вторая часть храма, где прежде находился алтарь, отделена от первой части каменной стеною, в которой устроено три двери, ведущие во вторую часть храма или в нынешнюю церковь; иконостас церкви, возвышающийся на несколько ступеней над остальным пространством церкви, состоит из арок со многими иконами и лампадами; главный, средний, престол в алтаре, принадлежащий грекам, устроен над самым вертепом Рождества Христова; по сторонам главного престола устроено еще несколько престолов греческих и армянских; один из них, *придел св. Георгия*, украшен древними иконами; другой, *придел трех волхвов*, устроен на месте, где установилась звезда, приведшая волхвов с востока: «*Как наконец пришла и установилась над шестом, где был Младенец*». (Матф., II, 9). С северной стороны к храму пристроены католическая *церковь св. Екатерины* и католический монастырь.

С двух сторон верхнего греческого алтаря две мраморные лестницы ведут вниз, в мрачное подземелье в 6 сажень длины и 1 или 2 саж. ширины; пол и стены подземелья, или крипты, обложены мрамором и на стенах висят прекрасные иконы и куски дорогих, но устаревших тканей и парчи. В восточной части крипты под главным престолом верхней церкви находится ниша, или полукруглое углубление в стене, — это и есть *вертеп Рождества Христова*, священное место, где родился Спаситель, место, где началось таинство искупления человечества. В углублении на полу сделана серебряная звезда с латинскою надписью: *Здесь от*

Девы Марии Иисус Христос родился, обозначающею самое место рождения Христова; над звездою устроен престол для богослужений, освещаемый 16 дорогими серебряными лампадами, которые, по преданию, иногда сами собою приходят в колебание. С правой стороны вертепа находится другая *пещера яслей Господних*, в которой устроен католический престол над яслями, высеченными в скале в виде продолговатого углубления; внутренняя часть яслей перевезена в Рим в *церковь св. Марии*, оставшаяся же в Вифлееме часть яслей обложена белым мрамором и освещается множеством лампад; в этой же пещере яслей устроен другой *престол Поклонения волхвов*, на том месте, где находилась Божия Матерь с Божественным Младенцем во время поклонения волхвов. Эти вертепы, составляющие величайшие святыни христианского мира, посещаются многими богомольцами; но так как святыни принадлежат христианам различных вероисповеданий, между которыми часто происходили ссоры, доходившие иногда до драки, то для охранения порядка в подземных вертепах постоянно находится турецкий часовой. В западном конце подземелья, или крипты, находится углубление с источниками воды; здесь же в стенах устроен вход, за которым узкая галерея ведет на север, в другие подземные пещеры. В одной из них, в *пещере св. Иосифа*, жил св. Иосиф, и в ней он получил повеление к бегству в Египет. Далее, на несколько ступеней ниже, находится *пещера избитых при Ироде младенцев*. Из этой пещеры один ход, прямо на север, ведет наверх, в католическую *церковь св. Екатерины*; другой ход ведет к *гробнице Евсевия* и затем к *гробнице и часовне блаженного Иеронима*, который в VI в. прожил в этих пещерах тридцать лет и сделал здесь перевод Библии на латинский язык, известный под именем Вульгаты. Прах блаженного Иеронима впоследствии был перевезен в Рим в *церковь Марии Маджоре*.

К собору Рождества Христова пристроены различные монастыри. С южной стороны собора находится греческий

монастырь с несколькими церквями и со множеством различных помещений, лестниц и переходов; с высокой террасы монастыря представляется прекрасный вид на город и окрестности. Возле греческого монастыря находится армянский монастырь и большое здание школы блаженного Иеронима. С северной стороны к собору пристроен католический монастырь с великолепно украшенною церковью св. Екатерины. При всех этих монастырях устроено много помещений для богомольцев и школы для мальчиков и девочек. Вне стен монастыря в городе Вифлееме протестанты имеют свой приют и свою школу для арабских детей. В Вифлееме указывают также место того дома, в котором Божия Мать с Младенцем Иисусом обитала, после того как она оставила вертеп гостиницы.

Из Вифлеема дорога за греческим монастырем ведет на юго-восток, в долину *пастухов*. Сначала по дороге встречается обширная *Млечная пещера* с католическим алтарем; по преданию, в этой пещере Св. Семейство скрывалось во время бегства в Египет; здесь же Божия Мать кормила своего Младенца, и часть молока упала на пол; оттого, по преданию, в пещере появились белые камни, и вифлеемские матери приходят в эту пещеру, чтобы молиться о счастливом вскармлении своих младенцев и покупать продаваемые здесь белые лепешки. Далее следует крутой спуск с горы, и направо от дороги видны так называемые развалины *дома св. Иосифа*. Далее, на возвышении в долине, окруженной известковыми горами, находится селение *Бет-Сагур*, которое русские паломники называли *Пастушками*; в этом селении находится много пещер и цистерн, и об одной из цистерн, расположенной в середине селения, предание говорит, что когда однажды жители селения отказались почерпнуть воды для Божией Матери, то вода в цистерне сама чудесным образом поднялась и напоила жаждущих. За селением Бет-Сагур простирается обработанная долина, в которой, по преданию, паслись стада патриарха Иако-

ва и Руфь собирала колосья на полях Вооза. В этой долине, среди оливковой рощи, обнесенной оградой, находится пещера и кругом видны развалины монастыря, основанного св. Еленой; это место, по преданию, есть священная паства, где Ангелы явились пастухам и воспели: *Слава в вышних Богу*, а в пещере Ангел возвестил пастухам о рождении Божественного Младенца. В пещере, ныне принадлежащей местным пастухам, устроена бедная греческая церковь, в которую спускаются чрез низкий свод, по нескольким ветхим, искрошившимся ступеням; по другому преданию, место явления Ангелов пастухам находилось в двух верстах к востоку от храма Рождества, у сохранившихся развалин древней церкви. Далее к востоку находятся обширные виноградники, принадлежащие патриархии и монастырю св. Саввы, а к северо-востоку дорога идет по пустыни Иудейской к Огненной долине и к монастырю св. Саввы Освященного.

К юго-востоку от селения Бет-Сагур можно чрез один час пути по горам и долинам, мимо селения Бет-Тамар достигнуть до выдающейся крутой *горы Франков*, *горы Фердес* (райская), или *Иродиума*; на вершине этой горы, на которую вела подземная лестница, сохранились развалины крепости, дворца и башен, построенных Иродом Великим, который, по преданию, был похоронен на этой горе; здесь же, по преданию, крестоносцы долго держались против нападений магометан. С вершины горы представляется обширный вид: к востоку видна грозная, дикая пустыня Иудейская, со многими ущельями и лощинами в горах, которые спускаются к Мертвому морю, виднеющемуся между горами; к юго-западу видны долина Харитония и развалины Фекуи; к северо-западу видны Вифлеем, Бет-Сагур, монастырь св. Илии, а вдали виднеются гора Самуила и Средиземное море. От горы Фердес дорога спускается вниз в дикую, величественную местность с высокими скалами, глубокими ущельями и со многими пещерами, в которых некогда жили христианские отшельники; особенно замечательна в полу-

часе пути от горы Фердес, близ селения *Курейтан*, на краю глубокой пропасти обширная *пещера св. Харитония*, который здесь в начале V в., основал иноческую лавру. Пещера св. Харитония состоит из множества расположенных один под другим подземных ходов, галерей и обширных подземелий, в которых по стенам сохранились древние надписи, а в погребальных нишах встречаются черепа и кости умерших; эта пещера, по преданию, есть *пещера Адулам*, в которой Давид скрывался от преследований Саула. Далее, в $\frac{3}{4}$ часа пути, встречается возвышение с развалинами древнего города *Фекуи*, родины пророка *Амоса*; с этого возвышения к востоку видны пустыня Иудейская и Мертвое море.

От развалин Фекуи трудная дорога поднимается выше и выше, идет на юго-запад по горам и лощинам и, наконец, соединяется с большою хевронскою дорогою, идущею от Иерусалима и Вифлеема к Хеврону. Вблизи соединения дорог находится источник и *ручей ен-Дирве*, окаймленный большими плитами, а возле видны следы христианской церкви; по преданию, это есть источник, в котором апостол Филипп крестил евнуха эфиопской царицы (Деян., VIII, 38). Вблизи источника, с восточной стороны, находится отвесная скала со многими погребальными пещерами, а направо, к западу от дороги, на холме видны развалины весьма древних построек селения *Бетур*, сложенных из огромных камней. Далее дорога к Хеврону постепенно повышается, и с левой стороны дороги видны развалины мечети, построенной, по преданию, на месте гробницы пророка *Ионы*, или пророка *Гала*. Затем, налево от дороги, на возвышении видно место *Рамет*, окруженное полуразрушенною четвероугольною оградой из огромных камней, внутри которой устроены террасы одна выше другой; это место, *святыня Авраама*, может быть, есть древний *Гаваон*, где во времена Давида стоял кивот завета. Далее дорога, весьма неровная и худая, идет по чрезвычайно живописной местности, на самых высоких горах Иудеи; между горами простирает-

ся роскошная плодородная долина со многими источниками, пастбищами, обработанными полями, виноградниками и купами оливковых, фиговых и теревинфовых деревьев; вскоре за долиною, с одного возвышения, показываются Мамврийская дубрава и город Хеврон.

Древний Хеврон (четверной), нынешний ель-Халиль (друг Божий), находящийся в 45 верстах от Иерусалима, на 3600 ф. над уровнем моря, есть один из древнейших городов в мире и до времени Авраама принадлежал племенам ханаанским под именем *Кириат-Араба*. В этих ханаанских местах были погребены Авраам, Исаак, Иаков, Сарра и Лия; здесь же, в Хевроне, сначала находилась столица Давида. Население нынешнего Хеврона доходит до 8000 душ, состоит преимущественно из арабов-магометан, которые весьма враждебно относятся к христианам; кроме магометан в городе живет несколько сот евреев; жители преимущественно занимаются торговлею с кочующими арабами-бедуинами. Самый город, окруженный садами и виноградниками, около которых поднимаются горы и скалы из белого камня, расположен в долине и разделяется на две части, между которыми находится обширный, обложенный камнями древний водоем, дающий начало небольшому потоку. Узкие, грязные улицы города проходят между высокими каменными домами с плоскими крышами и куполами; в конце города, в юго-восточной части, находится древний замок и обширная мечеть; эта мечеть построена над *погребальной пещерою патриархов*, или над так называемою сугубою *пещерою Махпела*, которую Авраам после смерти Сарры купил у хеттеянина Ефрона и которая служила местом погребения патриархов. Над пещерою Махпела уже в древнейшее время устроен был памятник; впоследствии св. Елена основала здесь церковь, которая разорена была магометанами и на ее месте построена мечеть, но доступ в нее не разрешается христианам. Хевронская мечеть, представляющая вид четвероугольной крепости, окружена с четырех сторон вы-

сокими стенами; нижняя часть стены сложена из огромных тесаных камней с выпусками и принадлежит к древнейшим постройкам Палестины, может быть, ко временам пророка Исаии и иудейского царя Езекии; верхние части стены с башнями и высокими минаретами по углам стен устроены позже магометанами. Внутри двора стоит небольшое четвероугольное здание мечети; в середине мечети, стены которой обложены мрамором, находятся каменные гробницы, покрытые зелеными и красными тканями, шитыми золотом и серебром; две гробницы, находящиеся в мечети, называют *гробницами Исаака и Ревекки*, а в небольших боковых помещениях находятся *гробницы Авраама, Сарры, Иакова и Лии*; в одном месте, на полу мечети, находится закрытое отверстие, которое ведет в подземные пещеры, остающиеся еще совершенно не исследованными. По некоторым предположениям, сугубая пещера Махпела находилась не в городе, а за городом, в одном ч. пути от Хеврона, в равнине, в которой сохранились развалины церкви, построенной, вероятно, Константином Великим над древнею пещерою. Город Хеврон окружен горами и плодоноснейшими долинами, со многими насаждениями. С одной ближайшей горы открывается обширный вид на восточную пустыню Иудейскую, на Мертвое море и на Иерусалим; вблизи Хеврона указывают гору, с которой Авраам увидел горящий город Содом. К югу от Хеврона, находящегося близ границы Палестины, начинается спуск с Иудейской возвышенности, и дорога под горами вступает в дикие величественные пустыни, ведущие в Аравию и Египет, но путешествие по этим пустыням весьма затруднительно.

От Хеврона к северо-западу, среди роскошной плодородной местности со многими виноградниками, миндальными и оливковыми деревьями, находится возвышение, покрытое теревинфовой рощею; это есть так называемая *Мамврийская дубрава*, среди которой стоит невысокий, но толстый древний дуб *Мамврийский*. Здесь, по преданию,

стояла палатка Авраама, когда ему явился Господь в лице трех Ангелов, которым Авраам оказал гостеприимство; на этом месте видны развалины древней постройки. Вблизи, в скалах, находятся древние погребальные пещеры; узкий ход ведет в первую обширную пещеру, из которой несколько других ходов ведут в меньшие пещеры с погребальными нишами для умерших. В настоящее время все место близ Мамврийского дуба приобретено русскою миссиею; на этом месте устроен сад, обнесенный каменною оградой, и прекрасный странноприимный дом, с террасы которого открывается обширный вид; кроме того, в черте русских владений находятся древние погребальные пещеры и древнее *точило*, или виноградная давяльня. К западу от Мамврийской дубравы находится значительное селение *Дора*.

Осмотрев город Хеврон, Мамврийский дуб и окрестности, богомольцы предпринимают обратный путь в Иерусалим. Большая хевронская дорога спускается с хевронских возвышений и проходит мимо источника ен-Дирве, по долине, оживленной источниками, рощами и разнообразною растительностью; затем дорога то поднимается на горы, в которых видны голые скалы, пещеры и развалины, а с горных высот можно увидеть отдаленные города Газу и Аскалон и далее Средиземное море, то спускается в ложину и доходит до так называемых *Соломоновых прудов*, находящихся направо, к востоку от дороги, близ древней крепости *Итам*, при начале дикого таинственного ущелья *Артас*. Сначала показывается большое здание *ел-Бурак*, окруженное стенами с башнями и помещениями для турецкой стражи прудов. Позади сторожевого здания, на склоне долины Артас, находится вход в глубокое подземелье, из которого другой вход ведет в следующую темную пещеру с бассейном, и за ним из скалы вытекает несколько источников с прекрасною водою; все источники соединяются в один канал и вливаются в бассейн пещеры, из которого вода посредством труб проводится далее; это есть

древний, так называемый *запечатленный источник*, наполнявший пруды Соломона водою. Пруды Соломона состоят из трех огромных водохранилищ, расположенных уступами, один ниже другого, в понижающейся к востоку долине Артас; пруды, из коих нижний есть самый большой и самый красивый, частью высечены в скале, частью искусственно устроены из больших камней. Эти пруды наполнялись водою из запечатленного источника и других итамских горных ключей, а также в них собиралась зимняя дождевая вода, и они служили для орошения великолепных садов и вертоградов Соломона, расположенных по сторонам прудов на плодородных склонах долины Артас. Из этих же прудов вода посредством водопроводов, устроенных вдоль вифлеемской дороги, была проведена в Иерусалим, в водохранилища, находившиеся под храмом Соломона; во времена Иисуса Христа Понтий Пилат возобновил пруды и водопроводы, которые существуют и ныне и поддерживаются турецким правительством.

Далее дорога идет по чрезвычайно гористой и каменистой местности. Через час пути от Соломоновых прудов, налево, к западу от дороги, находится небольшой греческий монастырь св. Георгия, в котором пред иконою хранятся вериги св. Георгия, и к ним иногда приковывают бесноватых, приводимых сюда для исцеления. За монастырем св. Георгия иерусалимская дорога доходит до упомянутого уже памятника Рахили, у которого к востоку отделяется дорога в Вифлеем, а к западу отделяется другая дорога, которая ведет к селению *Аин-Карим*, древней Иуте, или к *Горнему городу*, отстоящему от Вифлеема на $2\frac{1}{2}$ часа пути и от Иерусалима — на 1 час пути; поэтому богомольцы, чтобы не возвращаться в Иерусалим прежнюю уже знакомую дорогою, сворачивают с большой дороги, посещают Горний город и оттуда возвращаются в Иерусалим. Сначала дорога доходит до большого селения Бет-Джала, населенного арабами-христианами; по преданию, жители этого местечка,

получив извещение о рождении Христа, первые уверовали в нисшедшего Спасителя. В Бет-Джала находится большая греческая церковь, католическая семинария и школа, протестантское училище и русский приют для девочек православного исповедания. В окрестностях селения Бет-Джала разведено много виноградников, которые, по древнему обыкновению, окружены каменною оградой, и в каждом из них находится высокий каменный столб для помещения сторожей на время созревания винограда. От Бет-Джала в 2 ч. пути к северо-западу, в дикой скалистой местности, по дороге, проходящей из Иерусалима в Газу, находится источник Аин-Гание, или древний источник св. Филиппа, вытекающий из древнего водоема, над которым св. Еленою построен был монастырь; здесь, по некоторым преданиям, находился источник, в котором апостол Филипп крестил евнуха эфиопской царицы, возвращавшегося с праздника из Иерусалима в Эфиопию. Далее по дороге, к северу, следует большое селение *Малеха*, где, по преданию, Св. Семейство, возвращаясь из Египта, остановилось у колодца и, узнав, что вместо умершего Ирода Великого царствует сын его Архелай, удалилось в Назарет. Окрестности Малехи чрезвычайно плодородны и покрыты виноградниками и масличными и смоковничными деревьями; здесь же находится принадлежащая греческим монастырям и засаженная розовыми кустами *долина роз*, из которых греческие монахи выделывают в большом количестве розовую воду. Далее следует крутой подъем на дикие горы и столь же крутой и узкий спуск к местечку Аин-Карим, или древней Иуте.

Город *Иута*, или *Иуда*, *Горный город*, нынешний Аин-Карим, или селение св. *Иоанна Предтечи*, почитается местом рождения св. Иоанна Крестителя. Город Иута, населенный арабами-магометанами и немногими христианами, находится на склоне горы, над прекрасною долиною со многими садами и обработанными полями. На месте дома Захарии построен в виде крепости обширный католический

монастырь, в котором находится до двадцати францисканских монахов и содержатся хорошо устроенная школа, монастырская ферма и сад с прекрасными кипарисами. Среди монастырского двора, обнесенного высокою стеною, возвышается прекрасный католический храм, покрытый куполом. Внутри храма, украшенного мозаиковым полом и мраморными стенами, находится три алтаря и много прекрасных икон, из которых замечательна *икона св. Иоанна Предтечи в пустыне*, помещенная близ органа. Алтарь на несколько ступеней возвышается над пологом церкви, а с левой стороны алтаря спуск в 8 ступеней ведет в крипту, или подземную *церковь вертепа рождества Иоанна Крестителя*. Вертеп украшен мраморными барельефами, иконами и шелковыми тканями; в одном месте устроен богато украшенный и открытый снизу престол, под которым на помосте находится мраморный круг с надписью: *Здесь родился Предтеча Господень*; здесь же указывают перенесенный сюда из пустыни камень, с которого Иоанн Предтеча проповедовал приближение царствия Божия. Так как многие русские богомольцы посещают святыни Горнего града, то для них в селении устроен странноприимный дом с прекрасным садом и русская женская обитель с русскою церковью.

Вне города Иуты, на скате горы, среди двора, окруженного стеною и деревьями, находятся развалины предполагаемого загородного дома Захарии и Елисаветы; в этом доме, имевшем два этажа, св. Еленою устроен был монастырь. В нижнем этаже сохранившейся постройки находится сложенный из больших камней свод, под которым виден колодезь и католический алтарь; здесь, по преданию, временно скрывалась Елисавета с младенцем Иоанном во время избиения младенцев Иродом. Возле сводов сохранилось несколько ступеней *крыльца встречи*, у которого, по преданию, происходила встреча Девы Марии с родственницею Своею Елисаветою, причем Дева Мария на приветствие Елисаветы сказала: *«Величит душа моя Господа, и воз-*

радовался дух мой о Боге, Спасителе моем». (Лук, I, 46, 47). Перед зданием находится большое дерево, окруженное каменной скамьей, и вблизи показывают осененный деревьями колодезь, к которому часто приходила Божия Матерь во время пребывания Своего у Елисаветы.

После Иуты богомольцы посещают *пустыню Иоанна*, отстоящую от Иуты на 1 час пути к юго-западу. Дорога идет по живописной местности по крутым, каменистым горам и скалам, вдоль глубокой ложины, частью заросшей кустарником, частью засаженной виноградниками и маслинами. На пути указывают камень на месте, где Иоанн Предтеча начал свою проповедь; другой камень, служивший ему местом отдохновения, перенесен в монастырь Иуты. Далее, в дикой, уединенной местности находится бьющий из земли обильный источник воды *Айн-Габис*, от которого несколько ступеней ведут вверх к пещере, в которой находится католический алтарь и род наружного балкона, высеченного в скале над расстилающеюся внизу долиною; в этой пещере, по преданию, Елисавета скрывала младенца Иоанна от преследований Ирода; здесь св. Иоанн провел свое детство, здесь он возматывался, приготавливаясь к своему великому служению и питаясь акридами и диким медом (Лук, I, 80). Возле пещеры предание указывает место погребения Елисаветы, а над пещерою видны развалины часовни; ниже пещеры св. Иоанна расстилается обширная *долина Сатаф*, которая начинается на севере около местечка Кулоне, затем идет на юго-запад и соединяется с долиною *реки Сорек*, впадающей в Средиземное море. После осмотра пустыни Иоанна богомольцы возвращаются в Иуту и продолжают путь в Иерусалим.

Из города Иуты дорога к Иерусалиму идет на восток, сначала по зеленеющей, плодородной долине, потом по крутым каменистым горам, с которых представляется обширный вид: позади на запад ясно представляется вся Иута, а вдали виднеется Средиземное море; к северу видна гора Самуила, к востоку за Рефаимскою долиною видны часть

Иерусалима, Елеонская гора и вдали Мертвое море; наконец, к югу видно селение Малеха, окруженное виноградниками и долиною роз. Далее дорога, приближаясь к Иерусалиму, идет между виноградниками и спускается с гор в долину, в которой с правой стороны виден *монастырь св. Креста*, отстоящий на полчаса пути от Иерусалима.

Иверский *монастырь св. Креста*, основанный, по преданию, св. Еленою на том месте, на которомросло древо св. Креста Господня, находился во владении грузин и был великолепно отстроен и украшен грузинскими царями, но впоследствии, когда грузины потеряли значение в Палестине и грузинские монастыри обеднели, то Крестовый монастырь за долги перешел от грузин во владение греческого духовенства, которому он принадлежит и доныне. Монастырь св. Креста, окруженный масличною рощею и высокими стенами, построен в виде четвероугольного укрепления, как вообще в Палестине многие древние монастыри были построены в виде крепости для защиты от нападений магометан и бедуинов. Небольшая железная дверь ведет в монастырский двор, за которым следует вторая стена и второй двор; в этом дворе вдоль стен устроены многие кельи, террасы и различные помещения; здесь же находится хорошо устроенное училище и греческая духовная семинария, в одной из комнат которой находится цистерна со свежою водою. Посреди монастырского двора возвышается обширный великолепный собор св. Креста; внутри собора пол украшен мозаикою, стены покрыты древнею живописью и фресками, а на хорах находится монастырская библиотека, в которой между прочими книгами *замечательна рукопись св. Иоанна Златоуста*, со многими миниатюрами. В одном месте на полу церкви указывают красные пятна, как следы крови христианских иноков, убиенных здесь во время нашествия арабов; в алтаре церкви находится спуск в подземную пещеру со сводами.

Иверский монастырь был основан в честь св. Креста, на котором распят был Иисус Христос. После крестной смер-

ти Иисуса Христа пречестный Крест Господень был сокрыт врагами христианства; он был брошен в глубокую пещеру, или цистерну, близ скалы Голгофы, был завален землею и камнями и затем над ним и над Голгофою был построен языческий храм Венеры, так что Крест Господень находился под землею в продолжение 300 лет; но эта же языческая постройка послужила к сохранению памяти о месте сокрытия Креста; кроме того, по преданию, на этом месте постоянно росли благоухающие царские цветы, или *василиски*, которые у греков и до сих пор употребляются для кропления водою, освященною св. Крестом. В IV в. по Р. Х., в 326 г., Крест Господень был обретен царицею св. Еленою. Именно император римский Константин Великий во время веденных им войн имел чудесное видение креста из звезд, сиявшего на небе ярче солнца, и около сияла надпись: *Сим победиши*; император велел сделать изображение креста на оружиях своего войска и действительно одерживал победы. Тогда Константин Великий соорудил на площадях своей столицы Византии три колонны с крестами, а мать его, престарелая царица св. Елена, отправилась со значительною суммою денег в Иерусалим, чтобы восстановить иерусалимские святыни и отыскать св. Крест Господень. Для этого, по указанию одного старого еврея Иуды, разрушен был языческий храм Венеры, под ним произведены были раскопки, и на указанном месте в пещере найдено было три креста, из которых Господень узнан был по чудному исцелению болящей и по воскрешению умершего; тогда множество народа окружило обретенный Крест и все желали его узреть; поэтому иерусалимский *патриарх Макарий*, став на возвышенном месте, три раза *воздвигал* или поднимал вверх Крест, показывая его народу, а народ восклицал: «Господи, помилуй!» Часть св. Креста св. Елена увезла с собою в Византию, а большую часть Креста оставила в Иерусалиме, где он хранился в серебряном ковчеге в храме Гроба Господня; предание говорит, что частицы Честного Креста были раздаваемы приходившим поклонникам, но Крест

постоянно восполнялся до целости. В VII в. персидский царь Хозрой II разорил Иерусалим и овладел св. Крестом, который 14 лет оставался в плену у персов, но в 628 г. возвращен был из плена в Иерусалим византийским императором Ираклием. Во времена Крестовых походов св. Древо во время войн было предносимо пред войсками крестоносцев, но в одном сражении св. Древо снова было взято в плен султаном Саладином и находилось в плену тридцать лет, после чего св. Крест снова был возвращен в Иерусалим. Многие части св. Креста, розданные богомольцам, были вывезены в различные страны; ныне главная часть св. Креста хранится в Иерусалиме, в храме Воскресения Христова, а другие частицы Креста сохраняются в Риме, Венеции, Париже, а также в Москве, в Успенском соборе, и в Петербурге, в Петропавловском соборе.

За монастырем св. Креста дорога в Иерусалим поднимается в гору и идет по скалистой и каменистой местности; вскоре показываются Русские постройки, и путник, пройдя мимо сада Никифора, мимо пруда Мазаллы, или верхнего гинномского водоема, и по древнему *Белильному полю*, чрез $\frac{1}{4}$ часа пути достигает Яффских ворот Иерусалима. Таким образом, все замечательные места к югу от Иерусалима могут быть посещены в одно путешествие и в описанном порядке, но, конечно, богомольцы могут осмотреть эти места и в другом порядке или в нескольких путешествиях, предпринимаемых отдельно к Вифлеему, к Хеврону и к Горнему городу.

Х. От Иерусалима до Иерихона, Иордана, Мертвого моря и до монастыря св. Саввы Освященного

В первый день Страстной недели богомольцы отправляются обыкновенно большими караванами из Иерусалима на восток для обозрения реки Иордана, Мертвого моря и монастыря св. Саввы; в другое же время путешественник

должен взять на это странствование охрану из местных бедуинов и разрешительную грамоту патриарха для входа в монастырь св. Саввы. Вся поездка на Иордан продолжается 2—3 дня и обходится около 20 рублей.

Дорога из Иерусалима в Иерихон и к Иордану проходит чрез Гефсиманские ворота, или врата св. Стефана, за которыми она сначала спускается в Кедронскую долину, затем идет мимо Гефсимании, вдоль подошвы Елеонской горы и, повернув налево, к востоку, проходит мимо места, где по некоторым преданиям, удавился Иуда; далее дорога идет вдоль оврага между горою Елеонскою и горою Сობлазнов, по склону этой последней горы. С левой стороны дороги виден монастырь св. Спиридония, а с правой стороны, между двумя холмами, видны развалины на месте, где находилось местечко Вифсфегия (дом смоков, или дом челюсти). Здесь, около Вифсфегии, содержались овцы, назначаемые для жертвоприношений в Иерусалимском храме; отсюда же началось торжественное шествие Спасителя на ослати в Иерусалим в сопровождении народа, восклицавшего: «*Осанна Сыну Давидову! благословен грядый во имя Господне! осанна в вышних!*» (Матф., XXI, 9). Несколько далее указывают место, где росла бесплодная смоковница, засохшая после слов Спасителя. Далее, к юго-востоку от Елеонской горы, в уединенной местности находится бедное арабское селение *эль-Азариси*, древняя *Вифания* (дом фиников, дом бедных), где жили Марфа и Мария и их брат Лазарь, которых часто посещал Иисус Христос. Селение *эль-Азариси* состоит из нескольких хижин и многих развалин, окруженных садами. Здесь на месте дома Лазаря св. Еленю был построен обширный монастырь, часть которого с сохранившимся фасадом обращена в турецкую мечеть. Вблизи мечети находится высеченная в скале погребальная пещера Лазаря; вход в пещеру обложен большими камнями; за входом крутой спуск в 24 ступени ведет вниз в пещеру, обращенную в часовню, в которой находится сло-

женный из камней престол; на левой стороне пещеры узкий вход и спуск в шесть ступеней ведут в нижнюю пещеру, в левом углу которой на каменном выступе находилось место погребения Лазаря. Кроме этих древностей, в эль-Азариси замечательны развалины женского бенедиктинского монастыря, построенного на месте древнего укрепления и дома Симона прокаженного, у которого женщина возлила драгоценное миро на главу Спасителя (Матф., XXVI, 7). Далее, за Вифаниею, вправо от дороги, близ небольшой церкви виден так называемый *камень беседы*, на месте, где Марфа и Мария встретили Иисуса Христа после смерти Лазаря. Далее дорога извилинами спускается в глубокую долину, снова поднимается на возвышение и в $1\frac{1}{2}$ верстах от Вифании доходит до бассейна с источником чистой воды, вытекающей из-под свода каменной древней постройки; это так называемый *Солнечный колодезь*, или *колодезь апостолов*, при котором Иисус Христос с учениками останавливался для отдыха во время Своих частых хождений по этому пути из Иерусалима в Иерихон.

После Вифании и Солнечного колодца путник вступает в безлюдную, мертвенную *пустыню Иудейскую*, которая простирается на восток до низменной долины Иордана и Мертвого моря и до монастыря св. Саввы, до Вифлеема и еще далее на горе; эта пустыня представляет безводную холмистую местность, которая весною покрывается некоторою растительностью, служащею пастбищем для стад кочующих бедуинов, а летом всякая растительность исчезает в выжженной палящим солнцем пустыне; кое-где в пустыне местами расположены шатры полукочевых, полуоседлых бедуинов; эта местность была *областью Азазеля*, в которую во время годовичных жертвоприношений иерусалимских был изгоняем *козел отпущения грехов*. Дорога к востоку от Вифании до середины пустыни более и более возвышается и идет, то поднимаясь на дикие, безжизненные горы, покрытые колючими растениями или голыми камнями, то

проходя по окраинам грозных ущелий, то спускаясь в глубокие долины и снова поднимаясь. На половине дороги, в 3 часах пути от Иерусалима, на вершине горного перевала находится небольшое бедное пристанище; выше на горе видны развалины древнего здания и вблизи в красноватых скалах находятся пещеры, над которыми высечены изображения крестов. Это место есть древний *Адамим* (красный подъем), где, по преданию, находилась *гостиница благого самарянина* и где в древности происходили частые нападения разбойников, скрывавшихся в окрестных пещерах; а высеченные в скале кресты, по преданию, означают место, где ограбленный и окровавленный путник был найден благим самарянином. Близ Адамима богомольцы и ныне обыкновенно останавливаются для отдыха и укрываются в пристанище от ярких лучей палящего солнца. К северу от Адамима находятся развалины древнего *города Ефрема*, куда Спаситель укрылся после воскрешения Лазаря. К северо-востоку от Адамима, в ущельях пустыни, особенно в *долине Фаракской*, находится много пещер и развалин древних монастырей, в которых обитало множество отшельников в первые века христианства; ныне же вместо отшельников в пещерах скрываются хищные звери. Еще далее к северо-востоку виднеется высокая *гора Карантель*, или *Сорокадневная гора искушений*. За Адамимом дорога сначала проходит мимо плодородной долины, населенной мирными бедуинами; потом дорога постепенно понижается и проходит мимо диких, неприступных гор, по крутым спускам и ущельям и по краю обрывистой пропасти *Кельт*, которая начинается у Фаранской долины. С правой стороны дороги, вдали, в одном глубоком и диком, но величественном ущелье находятся развалины высеченного в скале *монастыря Иоанна и Георгия Хозевита*, в которых сохранились стены с фресками, а в монастырской усыпальнице хранится множество костей и черепов почивших иноков; на юг от этого ущелья, вдали, на возвышении, виднеется монастырь магометанских дервишей, называемый *монастырем пророка Моисея*.

Далее дорога проходит вдоль пропасти с отвесными скалами, в которой шумит протекающий вниз горный поток Кельт, и затем дорога достигает до последнего спуска с возвышенности Иудейской пустыни. С этого места представляется великолепный вид: впереди в глубине, под горами, простирается длинная, песчаная и безлюдная пустыня реки Иордана и Мертвого моря; по обеим сторонам этой длинной равнины идут с севера на юг два ряда высоких каменных гор, подобных скалистым стенам, между которыми по эту сторону Иордана высятся *гора Карантель*, или *гора Искушений*, и выдающаяся вперед *гора Сувейран*, а по ту сторону равнины возвышаются *Заиорданские, Моавитские горы*, и между ними выдается *гора Навав*. Между этими рядами гор расстилается пустыня Иордана, или *равнина эль-Гор* (углубление, низина); посреди равнины эль-Гор, в углублении, зеленою лентою извивается полоса пустош, среди которых протекает река Иордан, изливающаяся в Мертвое море. В одном месте равнины, недалеко от спуска с гор Иудейской пустыни, видно небольшое селение *Риха*, окруженное садами и роскошною растительностью, образующей прекрасный оазис в пустыне; это селение находится на месте древнего Иерихона, и за ним, к северу, возвышается крутая, остроконечная гора Искушений. Дорога крутыми извилинами спускается с гор в тропически жаркую равнину и проходит мимо развалин древнего здания, мимо обширного, иссохшего пруда и вдоль светлого, быстро текущего из Фаранской долины *потока Кельт*, близ которого, по преданию, скрывался от преследований *пророк Илия*; затем путники проходят мимо развалин каменного моста и под сводами древнего водопровода переходят поток Кельт и доходят до роскошного зеленого оазиса, среди которого расположено селение Риха.

Нынешнее селение *Риха* лежит несколько южнее первоначального города Иерихона, находившегося близ подножия горы Искушений, при *источнике пророка Елисея*.

Моисей увидел древний Иерихон из-за Мертвого моря с вершины горы Навав; Иисус Навин взял Иерихон и разрушил его, после того как израильтяне семь раз при звуках труб обнесли вокруг города кивот завета и городские стены распались; впоследствии город был восстановлен несколько южнее прежнего города, там, где теперь видны развалины и водопроводы, близ спуска с гор Иудейской пустыни; Ирод Великий, который жил и умер в Иерихоне, развел в нем прекрасные сады и построил много великолепных зданий, дворцы, театр, ипподром, водопроводы, от которых сохранились развалины; в то время чрез Иерихон проходила на север большая торговая дорога, поэтому в Иерихоне учреждены были римские таможи, и чрез этот город проходили галилейские паломники, шедшие из Галелеи по долине Иордана в Иерусалим на праздники. В этом городе Иисус Христос исцелил *слепца Вартимея* и посетил дом начальника таможни *мытаря Закхея*: отсюда же началось последнее шествие Иисуса Христа в Иерусалим. Впоследствии город Иерихон снова был разрушен, а во время Крестовых походов, несколько к востоку от разрушенного города, был построен замок, также разрушенный, и близ его развалин находится нынешнее бедное селение Риха. Это селение состоит из нескольких каменных хижин и жалких лачуг; в конце селения находятся развалины средневековой башни, построенной, по преданию, на месте дома Закхея, и с высоты этой башни открывается прекрасный вид на долину Иордана, на гору Искушений и на Заиорданские, Моавитские горы. Близ иерихонской башни находится русский странноприимный дом с прекрасным садом, построенный о. архимандритом Антонином на месте древних развалин, в которых сделаны были раскопки и найдено было много древностей; вблизи, на месте исцеления слепого Вартимея, устроена небольшая русская церковь. Окрестности Рихи, орошаемые многими источниками, представляют среди тропически знойной пустыни плодороднейшую долину с

роскошною растительностью пальм, кипарисов, олеандров и мирт, со многими виноградниками, апельсинными, лимонными, гранатовыми, фиговыми и оливковыми деревьями; здесь растут бальзамические растения, *иаккум*, из которых выделяются различные благовонные и целебные бальзамы; здесь растет особый жесткий и колючий терновник *сидр*, разводимый для изгородей, и из ветвей этого растения был, вероятно, сплетен терновый венец Спасителя; здесь же росли *иерихонские розы*, замечательные тем, что когда семена их созревают, то все растение отделяется от корня, сжимается и свертывается в клубок, который ветром перекачивается с места на место, заносится песком, и при первой сырости семена растения всходят, и вырастает новая роза иерихонская.

От Иерихона в $1\frac{1}{2}$ часа пути к северо-западу находится гора *Карантель*, гора *Кварнатана*, или *Сорокадневная гора*, гора *Искушений*, на которой Иисус Христос провел 40 дней в посте и молитве и был искушаем от дьявола. Дорога к Сорокадневной горе идет сначала чрез густую рощу к прекрасному, бьющему из скалы источнику *Аин эс-Султан*, древнему источнику пророка *Елисея*, который чудесным образом, бросив в воду соль, обратил нездоровую воду этого источника в хорошую, здоровую воду. Далее дорога поднимается на возвышенность, за которою виден глубокий, грозный овраг и пустынная, безжизненная местность; за оврагом возвышаются две отвесные, скалистые горы, из которых высокая, остроконечная гора с правой стороны есть гора *Искушения*. Крутые склоны этой горы спускаются в бездну и изрыты пещерами, в которых некогда жили отшельники, и во многих пещерах сохранились смертные останки почивших отшельников. Над одною пещерою трещины в скале образуют род креста, и предание говорит, что Христос пребывал в этой пещере во время сорокадневного поста; на стенах этой пещеры, обращенной св. Еленою в церковь, видны следы икон и древние фрески. В смеж-

ных пещерах селились отшельники и основали в них *монастырь Сарандарь*. А ныне здесь находится бедный *монастырь Сорокадневный*, в пещерах которого живет несколько отшельников. Далее весьма трудный и крутой подъем по узкой, опасной стезе ведет наверх, на вершину горы, на которой был искушаем Спаситель; здесь видны развалины церкви и древнего укрепления. С вершины горы представляется великолепный вид: с одной стороны, к востоку, видна вся пустыня Иорданская, Мертвое море и Заиорданские горы; с другой стороны, к западу, между горами видны многие ущелья, лощины и долины, в которых, особенно в дикой Фаранской долине, находится много пещер, некогда населенных отшельниками; в этих местах *св. Харитоний* положил начало иноческой жизни в Палестине.

Посетив гору Искушений и возвратившись в Иерихон, богомольцы направляются к реке Иордану, находящейся в 10 верстах от Рихи. Дорога к Иордану идет по ровной песчаной пустыне, местами обработанной и обращенной в засеваемые поля, местами покрытой редкими колючими растениями или же беловатым соляным налетом. В одном месте, налево от дороги, встречается *холм Гилгал* (круг), где, по преданию, израильтяне сложили в круге 12 камней, взятых со дна Иордана, после чудесного перехода чрез Иордан под предводительством Иисуса Навина. Далее, направо от дороги, в одной версте от реки, находится *источник и монастырь св. Герасима*, восстановленный из древнего монастыря, от которого сохранились некоторые стены с древнею живописью, и некоторые галереи и своды, сложенные из огромных камней. Еще ближе к реке, налево от дороги, находится древний *монастырь св. Иоанна Крестителя*, или *Каср Егуд*, основанный св. Еленой на месте древней пещеры и возобновленный греческим духовенством. Далее почва понижается и образует углубление, в котором среди густой зелени протекает река Иордан; здесь, по преданию, находилось *местечко Вифавара* (дом переправы), место пе-

рехода чрез реку, близ которого в новейшее время устроен мост: по ту сторону Иордана указывали *гору Германии*, с которой, по преданию, пророк Илия взят был на небо.

Священная *река Иордан*, проходившая по стране, текущей млеком и медом, ознаменована многими событиями Ветхого и Нового завета и преданием называется одной из рек земного рая. Чрез эту реку, близ Вифавары, чудесным образом перешли израильтяне при Иисусе Навине; здесь река расступилась пред пророком Илиею; здесь пребывал Иоанн Креститель и раздавался его глас вопиющий в пустыне; но главным образом река освящена пребыванием при ней и крещением в ее водах Иисуса Христа, причем Дух Божий нисходил в виде голубя и слышен был глас: «*Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение*». (Матф., III, 16, 17). Река Иордан, протекающая около 200 верст с севера на юг, получает свое начало на севере, близ подошвы *Большого Гермона*, в обширной долине *Бекаа*, находящейся между *горами Ливаном* и *Антиливаном*; образуясь из нескольких источников, река далее проходит чрез небольшое болотистое *озеро Гюле*, или *Мером*, к югу от которого через реку построен так называемый *мост Иакова*. Далее река проходит чрез прекрасное *Тивериадское озеро*, или *Галилейское море*, и затем, изгибаясь многими извилинами, образуя много водопадов и приняв с востока р. *Ярмок*, или *Иеромакс*, р. *Яввок*, р. *Церки* и много других рек и речек, быстро течет по глубокой пустынной равнине эль-Гор и наконец впадает в Мертвое море. Между Тивериадским озером и Мертвым морем обширная равнина эль-Гор имеет до 100 верст в длину и до 1,5 версты в ширину и лежит на 150—200 сажень ниже уровня океана. С двух сторон равнина эль-Гор окаймлена высокими известковыми и меловыми горами; с восточной, заиорданской, стороны поднимаются крутые, отвесные *Аравейские*, или *Моавитские, горы*; между ними замечательна *гора Навав*, с которой Моисей увидал обетованную землю, и на этой горе он дол-

жен был умереть (Второз., XXXII, 50, 52); с западной стороны равнины находятся не столь крутые *Иудейские* и *Самарянские горы*; между ними выдаются гора Карантель, близ Иерихона, и гора Сартабе, Цертан или Сувейран, выдающаяся вперед в том месте долины эль-Гор, где, по преданию, воды Иерихона остановились отвесною стеною в то время, когда иудеи под начальством Иисуса Навина переходили чрез Иордан. Начиная от подошвы окаймляющих ее гор, равнина Иордана с обеих сторон понижается к середине и представляет песчаную пустыню с чрезвычайно жарким, тропическим климатом; вдоль средины пустыни проходит низина в семь сажен глубины и в две версты ширины, которая есть древнее русло реки Иордан; по середине этого углубления, между густыми растениями, извивается нынешнее русло Иордана. Вообще вся равнина Иордан лежит чрезвычайно глубоко, именно на 150—200 саженях ниже уровня океана и составляет величайшую впадину на всем земном шаре. Берега Иордана, отчасти топкие, местами покрыты густою травою лугов, местами заросли тростником и кустарником, местами заняты низкими, но густыми деревьями лавровыми, тамарисками, сикоморами, олеандрами, акациями, ивами, тополями и дубами, оживляемыми множеством птиц и насекомых; но в этих кустах и рощах часто появляются дикие звери, гиены и шакалы и часто скрываются хищные бедуины заиорданских пустынь. Приближаясь к Мертвому морю, берега реки более и более понижаются, и на них растет один только тростник; далее, при впадении Иордана в Мертвое море, его берега образуют две вдающиеся в море плоские, песчаные косы без всякой растительности, и на них часто видны аисты и другие птицы, которые вылавливают выплывшую на поверхность воды рыбу, занесенную из Иордана в море. Беловатая, мутная и теплая вода Иордана, приятная на вкус и изобилующая рыбою, быстро несется по каменистому и илистому дну реки, имеющему значительный уклон с севера на юг.

В обыкновенное время ширина реки не более десяти сажен, а глубина около двух аршин; но ширина и глубина Иордана по временам значительно изменяются и особенно увеличиваются во время зимних дождей.

К священной реке Иордан ежегодно собираются тысячи богомольцев, привлекаемых к ней воспоминаниями о мощном проповеднике покаяния, св. Иоанне Предтече, и о совершившемся здесь крещении Иисуса Христа; но место крещения точно неизвестно, тем более что Иордан в течение многих веков изменял свое русло и значительно отклонился на восток от прежнего русла. В древности, как полагают, река проходила возле нынешнего монастыря св. Иоанна Крестителя, и, как говорит предание, здесь находилось место проповеди Иоанна и место крещения Спасителя; здесь же находилось местечко Вифавара, место прохождения израильтян чрез Иордан. К этому месту прибывают богомольцы, чтобы искупаться в священной реке; здесь они надевают саваны, взятые от камня миропомазания в храме Гроба Господня, погружаются в волны Иордана и на память берут с собою иорданскую воду, камешки, собранные со дна реки, и трости, вырезанные из кустов, растущих на берегах Иордана. *Посетив место крещения на Иордане*, путники направляются к югу, к Мертвому морю. Дорога идет по равнине, которая постепенно понижается к югу и становится еще более пустынною, безжизненною и лишенною растений; в некоторых местах пустынной равнины возвышаются холмы, покрытые иссохшею от палящего солнца травой и колючим терновником или бесплодным, солонцеватым песком, на котором осаждаются соленые испарения, поднимающиеся с поверхности Мертвого моря.

Мертвое море, отстоящее от Иерусалима на 30 верст, находится в глубокой низине, и поверхность моря на 200 сажен ниже океана и на 600 сажен ниже Иерусалима, но в древности поверхность моря, вероятно, была гораздо выше, и море занимало большую часть долины эль-Гор. Длина

Мертвого моря доходит до 70 верст, а его ширина — до 15 верст, причем выступающий с востока, против *возвышенности Еннедди*, полуостров разделяет море на две неравные части, из которых северная более южной; в некоторых местах северной части Мертвого моря глубина доходит до 200 сажень, напротив, южная часть моря, на дне которого находится много источников *асфальта*, или горной смолы, во многих местах не глубже одной или даже половины сажени. Южная часть Мертвого моря есть, вероятно, древняя плодородная долина Сиддим, в которой находилось *пятиградие*, или пять древних городов: *Содом, Гоморра, Адама, Севоим* и *Сигор*, погибшие в наказание за прегрешения жителей этих городов. В Мертвое море впадают Иордан и горные реки *Церка-Майн, Арнон, Иерек* и др.; из него же не вытекает ни одной реки, но вода его сильно испаряется от действия палящего солнца. Темно-синяя поверхность Мертвого моря отличается своею неподвижностью: его тяжелые, густые, горько-соленые воды, пропитанные горным асфальтовым маслом и солью, редко колышутся и не производят оживленного шума волн; в этой воде человек не может утонуть, ибо его поддерживает густая вода; во время бурь тяжелые волны разбивают прибрежные скалы, а после бурь со дна морского всплывает горная смола, вытекающая также и из окрестных скал; над морем часто поднимаются в виде туманов и облаков густые испарения, из которых осаждается соль, покрывающая тонким беловатым слоем берега и окрестности моря; в водах Мертвого моря не водятся ни рыбы, ни раковины, ни другие водяные животные, и птицы редко носятся над поверхностью моря. Вокруг Мертвого моря высятся пустынные беловатые горы и отвесные скалы, прорезанные глубокими, дикими ущельями, и горы повсюду доходят почти до самой воды, оставляя лишь узкую полосу земли вдоль берега моря. На восточной стороне Мертвого моря, между Моавитскими горами, замечательна *гора Навав*, до которой Моисей довел израильтян

из Египта; южнее, в ущелье реки Церка-Майн, находятся горячие *минеральные источники Каллирое*. Еще южнее, на возвышении, видны развалины Махеруса, древней крепости и замка, построенного Иродом Великим; впоследствии в этой крепости, в которой находились многие великолепные покои и подземные темницы, имел свое местопребывание *Ирод Антипа*, который, по преданию, здесь заключил в темницу и обезглавил св. Иоанна Крестителя. С высоты Махеруса представляется прекрасный вид на все Мертвое море и на лежащую за ним пустыню Иудейскую, на долину Иордана, на Иерихон, Иерусалим и отдаленный Хеврон. На западном берегу Мертвого моря возвышаются крутые и бесплодные горы Иудейской пустыни. В одном месте на выдающемся берегу видны следы развалин. Южнее, на склоне горы, находится теплый *источник Енгейды* (козий источник), около которого в пустыне образовался цветущий оазис; здесь в древности обитали последователи секты *Ессеян*, а впоследствии здесь селились христианские отшельники; в этих местах добывается много камеди и встречается много *содомских яблоков* — растения, коих плод вроде яблока, внутри пустой, издает пыль и смрад. Еще южнее, в конце Мертвого моря, находится соленая гора Уздум, своим названием напоминающая древний *город Содом*, коего развалины, как говорит предание, видны были под водою. Гора Уздум, состоящая из каменной соли, покрытой слоями гипса и мела, размывается дождями, и соль уносится в море, а размытая гора представляет множество соляных груд и столбов, подобных закутаным статуям, из коих одна носит название *столпа жены Лота*. Наконец, с северной стороны Мертвого моря берег не занят горами и представляет низменную, глинистую или мергелевую, равнину с бесплодною, солонцеватою почвою, которая покрыта тонким слоем соли и лишена всякой жизни, всяких растений и животных; кое-где терновник или сухой мох и содомские яблоки. Кругом Мертвого моря господствует тишина и мертвенность

пустыни, и по берегам его лежат, как скелеты, высохшие беловатые стволы деревьев, принесенных Иорданом и выброшенных на берег тяжелыми морскими волнами; а на дне моря, по верованиям арабов, видны развалины погибших городов. Вообще пустынность и таинственность Мертвого моря и его безжизненных окрестностей возбуждают удручающее чувство грусти и безотчетного страха.

От Мертвого моря обратный путь в Иерусалим можно совершить по прежней дороге чрез Иерихон и Адамим или же по другой дороге чрез Кедронскую или Огненную долину, в которой находится замечательный древний монастырь св. Саввы Освященного, отстоящий на 15 верст и от Иерусалима, и от Мертвого моря. Эта последняя дорога сначала идет по берегу моря, затем отклоняется от него вправо, к западу, и проходит по пустынной равнине, в которой воздух накаляется жгучими лучами солнца до того, что становится тяжело дышать, и путнику необходимо иметь при себе запасы воды для освежения и утоления жажды. Чрез час пути дорога достигает до подошвы крутых гор, изрытых зимними потоками; вскоре начинается подъем по кручам и скалам вдоль *ущелья эд-Дабр*, в глубине которого проходит русло горного потока, а в одном месте подъема кругом на скалах видно множество мелких птиц. Дорога идет все выше и выше на поверхность гор, откуда представляется прекрасный вид на Мертвое море, на равнину Иордана и на окрестные горы. К северу, с правой стороны дороги, находится так называемый *монастырь пророка Моисея*, принадлежащий магометанским дервишам; этот монастырь устроен на развалинах *монастыря св. Евфимия*, и в нем, вероятно, сохранилась гробница этого святого, которая арабами принимается за гробницу Моисея; кроме гробницы, покрытой зеленою тканью, в монастыре замечательны подземелья, в которых сохранились останки христианских иноков, замученных при нападении Хозроя, царя персидского. Вблизи монастыря, возле дороги,

видна груда камней, на которую каждой проходящей араб полагает камень в память Моисея. В этой же местности в ущельях находят так называемый *Моисеев камень*, состоящий из известняка, пропитанного смолою: черный, глянцевитый и горючий камень, издающий при горении противный запах и употребляемый арабами для выделки различных талисманов, четок, крестиков и других мелких вещей. Далее дорога идет по высокой холмистой горной равнине Иудейской пустыни с бесплодною, меловатою почвою, которая весною покрывается растительностью, служащею пастбищем для стад кочующих бедуинов. Во многих местах этой пустыни находятся развалины монастырей, например *монастырей св. Феоктиста, св. Мартирия* и др.; в одном из разрушенных монастырей под алтарною частью храма находится подземелье, в котором хранится множество костей замученных магометанами иноков. Далее дорога, становясь более и более неровною и дикою, то поднимается на возвышения, то снова спускается и проходит мимо большой *горы Джамум* и хранилища дождевой воды, а затем вступает в тесное ущелье между отвесными скалами; полуденные лучи палящего солнца, отражаясь от скал, производят в ущелье неимоверный жар, а безводная местность не дает возможности утолить томительную жажду. Далее крутая дорога, высеченная в отвесных скалах глубокого *ущелья Вадиен-Нахр*, или Огненного ущелья, начинает спускаться и достигает дна пропасти, по которой проходит русло потока Кедрона. Здесь находится небольшая горная долина, окруженная голыми скалами и утесами, в которых на неприступной вышине видны отверстия множества пещер; в этих пещерах некогда жили тысячи отшельников, которые один раз в неделю спускались из пещер в горную долину, получившую оттого название *монашеского базара*. В долине монашеского базара дорога переходит чрез Кедронский поток, затем начинает снова подниматься уступами и, извиваясь вдоль скал, входит в тесное, глубокое и мрачное

ущелье, которое в одном месте между высочайшими отвесными скалами имеет не более 15 шагов ширины. В самом диком месте этой трущобы дорога делает крутой поворот, и путникам внезапно представляется вид на лавру св. Саввы, которая, как орлиное гнездо на высоте, как бы прилеплена к скале. От этого поворота более удобная дорога, проложенная в скалах, поднимается извилинами выше и выше, и чрез 20 минут путники достигают до входной башни монастыря св. Саввы.

Вся местность, окружающая монастырь св. Саввы, и вообще вся пустыня Иудейская от Иерусалима до Мертвого моря на востоке и от Фекуи до Фаранской долины и горы Искушения на севере, была в первые века христианства населена множеством отшельников, положивших начало иноческой жизни в Палестине и построивших монастыри, от которых сохранились многие развалины. Сначала некоторые глубоко благочестивые люди, посвящая себя молитве и служению Богу, удалялись от мира и селились в пустынных местах и неприступных пещерах, в самых диких трущобах и дебрях Палестины, преимущественно в дебрях пустыни Иудейской. К этим благочестивым пустынножителям собирались ученики и последователи, которые поучались от первоначальных отшельников и селились при них или в ближайших пещерах; мало-помалу число отшельников увеличивалось и устраивались отшельнические поселения, или обители, но все они зависели от главной обители, или лавры, в которой жил первоначальный пустынножитель; таким образом, возникли лавры и зависевшие от них обители или монастыри. Но благочестивые основатели лавр, стремясь к уединению и тяготясь многочисленностью лавры, удалялись в новые дебри, куда снова к ним приходили ученики, и таким образом возникали новые лавры. Так, св. *Харитоний*, положивший начало отшельнической жизни в Палестине в V в., сначала основал лавру в Фаранской долине, а потом, удалившись на юг, основал лавру в пещерах

Адуллам, близ Векуй. Из первых палестинских отшельников и основателей монастырей, после св. Харитония, особенно замечательны св. *Зосима*, св. *Мария Египетская*, св. *Евфимий*, св. *Феоктист*, св. *Герасим*, св. *Савва Освященный*, св. *Феодосий*, св. *Иоанн Молчальник*, св. *Иоанн и Георгий Хозевиты*, св. *Иоанн Дамаскин* и многие другие. Особенно замечательные лавры были лавра св. *Харитония* в Фаранской долине и другая лавра в пещерах близ Фекуи, лавра св. *Евфимия* близ Мертвого моря и лавра св. *Саввы* в Кедронской долине. Около этих лавр было основано много монастырей, но впоследствии как лавры, так и монастыри были разрушены магометанами-завоевателями; эти обители частью были обращены в магометанские святилища, частью сохранились в развалинах, частью же были в новейшее время восстановлены, и только монастырь св. Саввы в продолжение многих веков сохранился доньше в Огненной долине.

Небогатый греческий монастырь св. Саввы, основанный в V в. св. Саввою Освященным, несколько раз подвергался опустошениям, причем иноки были избиваемы, но затем монастырь снова был восстанавливаем; в последний раз монастырь св. Саввы был возобновлен в нынешнем столетии при помощи даров и пожертвований из России. В настоящее время в монастыре, имеющем весьма строгий устав, находится до 60 иноков, между которыми иногда бывают и русские монахи, и все они ведут жизнь весьма бедную, ибо монастырь не обладает большими средствами. Построенный в виде крепости и окруженный стенами с тремя башнями для защиты от нападений хищных бедуинов, монастырь св. Саввы расположен уступами на крутых склонах скал в конце небольшой ложины, которая с южной стороны выходит в Кедронскую, или Огненную, долину; все монастырские постройки сверху донизу занимают до 60 сажен и оканчиваются отвесною скалою, спускающеюся в глубокое ущелье Кедронской долины, на дне которого находится источник воды. При приближении богомольцев сторожевой

монах, по древнему обычаю, ударяет в колокол, и богомольцы чрез узкую железную дверь впускаются в первый монастырский двор, в котором по длинной лестнице спускаются ко второй монастырской стене. За второю стеною другая лестница ведет вверх на главную монастырскую площадку, устланную плитами. Среди площадки находится *соборная церковь Благовещения*, главная из многих монастырских церквей; снаружи собор украшен крестом на вершине храма и присланными из России колоколами; внутри собора замечательные древние византийские и русские иконы и московское паникадило; в алтаре хранятся мощи святых, а в монастырской библиотеке имеется несколько весьма древних рукописей. На той же монастырской площадке, против западного входа в собор, находится восьмиугольная часовня с куполом, которая служила местом погребения св. Саввы, но мощи святого во время Крестовых походов были перевезены в Венецию, а в монастыре сохранилась только его гробница; внутри часовни помещены иконы святых отшельников, а в куполе написан большой образ Спаса Нерукотворного; возле часовни находится спуск в подземелье под площадкою, в котором устроены погребальные пещеры, или места погребения иночествующей братии. Близ собора на краю скалы находится монастырская трапезная, из которой одно окно выходит в Кедронское ущелье, и чрез это окно монахи по приставляемой лестнице спускаются за водою к находящемуся на дне пропасти источнику, к которому из монастыря ведет еще другой ход по подземной галерее; в самом монастыре для скопления дождевой воды устроено несколько цистерн. Кроме соборной церкви в монастыре находится еще несколько меньших церквей и приделов. Так, позади собора, в пещерах, устроена *церковь св. Николая*, в которой в особом отделении за решеткой находится множество черепов и костей иноков, замученных в VII в., во время нападения на монастырь Хозроя царя персидского; вблизи церкви находится древняя крещальня. От

главной площадки монастыря многие лестницы, подъемы и спуски, переходы, галереи и тоннели, частью высеченные в скалах, частью устроенные вдоль скал, ведут вверх и вниз ко множеству площадок, крылец и балконов; вдоль ходов и площадок расположены уступами, одни выше других, монастырские помещения и кельи, которые местами устроены в пещерах, местами высечены в скалах или пристроены к ним и образуют постройки, как бы прилепленные к скалам и висящие на воздухе над пропастью. Один высеченный в скале ход ведет от площадки в пещеру, служившую св. Савве молельнею и опочивальнею; другая, возле находящаяся пещера, первоначально служила кельею св. Савве, который, по преданию, изгнал из нее льва. На самом верху монастыря находится сторожевая башня с чрезвычайно толстыми стенами, построенная во время Юстиниана Великого. Нижний этаж этой башни служил кельею песнопевцу св. Иоанну Дамаскину; из кельи потаенная лестница ведет в подземную церковь, в которой находится гробница св. Иоанна Дамаскина и в которой иноки скрывались от неприятелей, нападавших на монастырь; над кельею в верхнем этаже башни устроена *церковь св. Иоанна Предтечи*. С вершины сторожевой башни представляется ужасающий вид на окружающие дикие ущелья и пустынные горы, выжженные палящим солнцем; на противоположной стороне ущелья, против монастыря, поднимаются высокие отвесные скалы, изрытые множеством пещер, в которых некогда жили отшельники, теперь же в них водятся дикие звери и стаи птиц, которых монахи приручили до того, что из рук кормят прилетающих к ним птиц. Вид этих горных трущоб и глубоких пропастей, особенно при таинственном лунном освещении, в ночной тишине, прерываемой лишь воем шакалов в глубоком ущелье, производит поразительное, неизгладимое впечатление. За стенами монастыря находится *церковь св. Симеона Столпника* и пещеры, в которых спасались св. Харитоний и св. Иоанн Молчальник. Внутри мо-

настыря повсюду видны голые скалы и камни; только в некоторых местах на наносной земле разведены небольшие огороды и цветники, а единственная в монастыре пальма, по преданию, была посажена св. Саввою. Летом лучи палящего солнца раскаляют скалы и кельи, в которых невыносимый жар не уменьшается даже ночью, и всякая влага высыхает, так что даже в глубоких колодцах и цистернах монастыря едва сохраняется скудная дождевая вода.

Из монастыря св. Саввы одна дорога, поднимающаяся на вершины соседних гор, ведет на юг к Вифлеему, отстоящему от монастыря на 10 верст. Через час пути по этой дороге встречаются на возвышении развалины *монастыря св. Феодосия*; в этом монастыре некогда жила и скончалась *русская княжна св. Евфросиния Полоцкая*, мощи которой перевезены в Россию и почивают в киевских пещерах. Вблизи развалин монастыря св. Феодосия находится много пещер, и в одной из них, по преданию, останавливались волхвы, когда они из Вифлеема возвращались на восток. Здесь же представляется прекрасный вид на священнейшие места Палестины: на севере видны Иерусалим и гора Елеонская; на востоке — долина Иордана и Мертвого моря, на юге — Вифлеем и гора Фердес. Другая дорога из монастыря св. Саввы, ведущая в Иерусалим, идет по Кедронской, или Огненной, долине и поднимается все выше и выше к Иерусалиму, который лежит на 600 сажен выше Мертвого моря, и потому Кедронская долина имеет весьма значительный уклон с запада от Иерусалима на восток, к Мертвому морю. Сначала дорога идет по извилистой тропе в диком ущелье, лишенном всякой растительности; с одной стороны дороги поднимаются голые, крутые скалы со многими пещерами, с другой стороны видна глубокая, узкая пропасть; внизу, на дне пропасти, видны стоянки местных бедуинов, которые считаются охранителями обители св. Саввы и получают от нее припасы и подаяния. В одном месте по дороге встречается обширное, высеченное в скале углубление, наполнен-

ное свежую водою; в другом месте дорога поднимается на возвышение и внезапно представляется прекрасный вид на Иерусалим. Далее грозная дикость ущелий начинает уменьшаться, долина становится шире, появляются обработанные поля и зеленеющие сады, которые, по мере приближения к Иерусалиму, становятся все роскошнее и роскошнее. Дорога, постепенно возвышаясь, проходит по плодородной Царской долине, затем по долине Гинномской, и, наконец, обогнув юго-западный угол города, путники чрез Яффские ворота возвращаются в Иерусалим. Весь путь от Мертвого моря чрез Огненную долину и до Иерусалима отличается грозным величием, дикостью и крайнею тяготой для путников, которые после утомительного странствования находят в священном городе отдых и успокоение. Этот путь есть как бы изображение жизни человека, который младенцем приходит в мир печали и страданий, его жизнь в суетах и скорбях восходит от младенчества к старости, и, наконец, для него в смерти настает покой и освобождение от жизненных тревожений.

XI. От Иерусалима до Назарета. Общий очерк Палестины

Поклонившись святыням Иерусалима и посетив южные и восточные части Палестины, богомольцы из священного города Иерусалима отправляются на север, где лежит большая часть Палестины. Вся Палестина представляет небольшую страну, которая простирается в длину с севера на юг, от Ливанских гор до Аравийской пустыни, на 200 верст и в ширину с запада на восток, от Средиземного моря до Сирийской пустыни, на 150 верст. Эта небольшая страна находится как бы в средоточии Старого Света, между Азией, Африкою и Европою, и как бы служит переходом от Средиземного моря к возвышенностям Средней Азии; поэтому в древности чрез Палестину проходили большие торго-

вые дороги, и евреи могли иметь сношения с различными странами и народами, а возникшее в Палестине христианское учение могло легко распространяться из Палестины во все части Старого Света. Но в то же время Палестина представляет страну уединенную, отделенную от соседних стран и народов на севере высокими Ливанскими горами, на западе обширным Средиземным морем, на юге и востоке необозримыми пустынями Аравии и Сирии; поэтому население Палестины не приходило в близкие отношения к другим народам и могло развиваться самостоятельно, еврейский народ мог долго удерживать свои древние нравы и обычаи и сохранять веру в истинного Бога в то время, когда все другие народы впали в грубое язычество.

Вся Палестина по свойствам местности может быть разделена на четыре полосы, проходящие с севера на юг. Во-первых, на западе, вдоль берега Средиземного моря, по всей Палестине тянется *приморская полоса* в виде длинной и узкой равнины, которая у самого берега моря покрыта песком, а далее от берега несколько возвышается и представляет плодороднейшую местность с роскошными лугами и пастбищами, с толстолиственными кустами и деревьями, которая оживляется многими стадами пасущихся коз и овец. Эта приморская полоса, пересекаемая *горю Кармиллом*, расширяется к югу и образует весьма плодоносные, но малообработанные *долины Саранскую и Сефала*, разделяемые возвышением, находящимся у приморского города Яффы. Вторую *горную полосу* образует высокая горная возвышенность, которая начинается на севере у *горы Большого Гермона*, составляющей южную оконечность *горного хребта Антиливана*, и проходит под названием *Галилейских, Самарянских и Иудейских гор* чрез всю Палестину на юг до Аравийской пустыни. *Галилейские горы* составляют южную оконечность высокого Ливанского горного хребта и понижаются с севера на юг к *Эзраилонской равнине* и на запад к Средиземному морю; высшие точки Галилеи представляют гора *Большой Гермон* на севере и горы *Малый Гермон*

и *Фавор* на юге Галилеи; между горами Галилеи находятся прекрасные плодородные долины, из которых замечательна *Зевулонская долина*. *Самарянские*, или *Ефремовы, горы* изобилуют многими источниками, лугами, пастбищами и плодовыми садами; среди этих гор выдаются *горы Гевал* и *Гаризим*, а севернее к Эзраилонской долине выделяются *горы Гильвоа* и *Кармил*. *Иудейские горы*, составляющие южное продолжение Самарянских гор, более и более возвышаются к югу, к г. Хеврону, и отличаются каменистою, бесплодною почвою и округленными вершинами; высшие точки Иудейских гор, среди которых находится священный город Иерусалим, суть *Елеонская гора*, *гора Искушения*, *гора Самуила*, *гора Соба* и *гора Фердес*, или *Иродиум*. Вся цепь палестинских гор только в одном месте прерывается обширною долиною Эзраилонскою, которая орошается *рекою Киссоном* и отделяет Галилейские горы от Самарянских. Горы Палестины, в которых находится множество природных пещер и подземелий, преимущественно состоят из *меловых, известковых и мраморных горных пород*, к которым принадлежат твердая горная порода миззи и более мягкая порода *мелеки*, употребляемые для построек. Под этими породами находится *красноватый песчаник*, а еще ниже лежат *основные формации гнейса и гранита*. Вершины и крутые склоны гор Палестины большею частью представляют бесплодные, каменистые скалы, кое-где покрытые скудною растительностью колючих растений, но между горами, особенно в Галилее и Самарии, находится множество ущелий, долин и равнин с богатою почвою, и там, где встречаются источники и речки, появляется роскошная растительность; поэтому Палестина, ныне столь бедная, может, при ее плодородной почве и при тщательной обработке и орошении земли, сделаться богатою страной и дать пропитание многочисленному населению, как это и было в древности. Так как в Палестине при жарком климате от летних палящих лучей солнца все высыхает, то здесь является необходимость в искусственном орошении, и потому древние

евреи обращали большое внимание на устройство водопроводов, водоемов, колодцев и цистерн; притом в древности в Палестине было, вероятно, более лесов, которые укрепляли почву, задерживали влагу и давали начало многим источникам и речкам, увеличивавшим плодородие страны. Кроме того, воды зимних дождей смывают с поверхности каменных гор плодородный слой почвы, поэтому в древности поля и сады в горах устраивались уступами, в виде террас, укрепленных каменными стенами, чтобы этим воспрепятствовать смыванию почвы и чтобы задерживать в почве дождевую воду. Таким образом, в Палестине могут совершаться быстрые переходы от плодородия почвы к ее бесплодности и обратно, что зависит от того, насколько тщательно человек обрабатывает землю. Юго-восточная часть горной полосы Палестины вдоль Мертвого моря представляет выжженную солнцем каменистую и пустынную местность со многими пещерами, ущельями, лощинами и холмами; это есть так называемая *Иудейская пустыня*, которая в древности разделялась на *пустыни Энгедди, Зиф, Маон и Фекую*. Западная часть этой пустыни вдоль Иудейских гор состоит из холмов и пастбищ; средняя часть представляет бесплодную каменистую и холмистую возвышенность, прорезанную глубокими лощинами; наконец, в восточной части Иудейской пустыни находятся крутые спуски с каменных гор и скал пустыни к берегам Мертвого моря. *Третью низменную полосу Палестины* составляет долина реки Иордан *эль-Гор* (спуск, низина) с двумя морями, *Тивериадским* и *Мертвым*; эта долина значительно понижается с севера на юг и представляет длинную, глубокую впадину, лежащую значительно ниже океана. Долина *эль-Гор*, весьма плодородная в древности, ныне отличается пустынностью, тропическим жаром и скудной растительностью. Наконец, в *четвертой заиорданской полосе* снова возвышаются крутые горы, а за ними расстилаются необозримые пустыни, в которых множество развалин свидетельствует о значительности местного населения в древности. Эта по-

лоса, простирающаяся от Большого Гермона на севере до южной оконечности Мертвого моря, может быть разделена на четыре части. Первая, северная, часть, от Большого Гермона до реки *Ярмока* или *Иерамакса*, представляет плоскую возвышенность с хорошими пастбищами и отдельными горами, покрытыми дубовыми лесами; почва и горы со многими потухшими вулканами состоят преимущественно из вулканической лавы, трахита, долерита и темного базальта, который употреблялся при постройке домов в городах и селениях этой страны. Здесь находились области *Итурея*, или *Джедур*, *Гавлонитида*, или *Джаулан*, *Трахонитида*, или *Леджа*, *Ватанея*, или *Нукра* и *Аеранитида*, или *Авран*, и города *Астароф* и *Едрей*. Вторая часть заиорданской полосы, простирающаяся от р. *Ярмока* до реки *Явока*, представляет холмистую красивую местность с белою известковою почвою, со многими пещерами, рощами, богатыми пастбищами и плодородными полями. Третья часть, *Галаад*, простиралась от р. *Явока* до долины р. *Арнона* и была местом жительства древних аммонитян; в ней находились крутые известковые и меловые Галаадские горы со многими пещерами, высокая гора *Осха* и города *Рамоф-Галаад* и *Равав-Аммон*. Наконец, четвертая часть, место жительства древних маовитян, простиралась вдоль восточного берега Мертвого моря от долины *Арнона* до южной оконечности моря и изобиловала плодородными полями и хорошими пастбищами.

Климат Палестины вообще жаркий, но умеряется отчасти возвышенным положением страны, отчасти ветрами; так, с севера, с Ливанских гор, дуют холодные ветры; с запада, со Средиземного моря, ветры приносят сырость; напротив, южные ветры из пустынь Аравии приносят жар, а восточные ветры из песчаных степей Сирии приносят сухость. Первая, приморская, полоса Палестины охлаждается близостью моря; вторая, горная, полоса прохладнее первой, особенно зимою, когда в ноябре и декабре месяцах дуют холодные северные ветры и идут зимние дожди, а

в январе и феврале на горах даже выпадает снег, который, впрочем, быстро сходит; летом же, особенно в августе, в этой полосе усиливаются жары от горячих южных ветров, но по ночам бывают сильные росы; в третьей, низменной, полосе глубокой долины Иордана, в которой воздух не освежается ветрами и лучи солнца отражаются от крутых скал, окаймляющих долину, господствуют сильные тропические жары. Разнообразие климата и почвы Палестины дает возможность к произрастанию самых разнообразных растений. Так, в Палестине произрастают хлебные растения, пшеница, ячмень, чечевица, различные овощи, разнообразные плодовые растения, виноградники, маслины, фиговые, гранатовые, абрикосовые, апельсиновые, лимонные, миндальные, ореховые деревья; кроме того, произрастают табак, лен, хлопок, шелковица, бальзамные растения, теревинфы (терпентинное дерево), пальмы, кипарисы, дубы, тополи, олеандры, кактусы. Из животного царства в Палестине водятся: рогатый скот, коровы, овцы, козы; далее лошади, ослы, мулы, верблюды, собаки, зайцы, лани, шакалы, гиены, различные мелкие птицы, куриные породы, голуби, вороны, соловьи, перепела, аисты, коршуны, орлы; затем хамелеоны, ящерицы, змеи, скорпионы, саранча, пчелы, москиты, мухи. Для скотоводства луга представляют превосходные пастбища, а плодородные поля, при некотором труде человека, даже в песчаных и каменистых местах дают обильные жатвы, и земля производит два-три урожая в год. Поэтому древние евреи занимались преимущественно земледелием и скотоводством; напротив, ремесла, искусства и науки у них процветали менее, чем у других народов древности; ныне же Палестина обработана менее, чем в древности, и большею частью находится в запустении.

Палестина, ныне столь пустынная и малонаселенная, в древности была богатою и весьма населенною страню. Первобытное население Палестины принадлежало к семитическому племени и состояло из древнейших племен рифеев, рефаимов, исполинов, которые разделялись на мно-

гие племена; к востоку от Иордана обитали *рефаимы* (высокорослые), *сажумимы* (выдающиеся) и *емимы* (страшные); к западу от Иордана в собственной Палестине жили *енакимы* (длинновынные) и *аффеи*, а к югу от Мертвого моря жили *троглодиты*, или обитатели пещер *хорреи* и *кенеи*. Эти племена были покорены и вытеснены *хамитическим* племенем *хананеян*, потомков *Ханаана*, сына Хама, от которых страна получила название *Ханаан* и которые разделились на племена *хананеев*, *хеттеев*, *ферезеев*, *амореев*, *еввеев*, *гергессеев* и *иевусеев*; эти ханаанские племена не составляли одного сильного государства, но управлялись отдельными царями. На юге Ханаана поселилось сильное племя *филистимлян*, от которых впоследствии вся страна получила название *Палестины*. Между этими племенами Ханаана кочевали родоначальники семитического племени *евреев*, патриархи Авраам, Исаак, Иаков и его двенадцать сыновей, которые вскоре переселились в Египет и, пробыв там около 400 лет, обратились в многочисленный народ израильтян, а около Ханаана поселились родственные евреям семитические племена *аммонитян* и *моавитян* к востоку и *едомитян*, или *идумеян*, *амалекитян* и *мидианитян*, или *измаильтян* (агарян) к югу от Палестины; к северу от этой страны жили *арамеи*. Затем около 1400 г. до Р. Х. евреи, или израильтяне, вышли из Египта под предводительством Моисея и под предводительством Иисуса Навина завоевали большую часть Ханаана, или Палестины, которая была разделена на двенадцать частей между двенадцатью коленами израильскими; впоследствии около 958 г. до Р. Х. в Палестине образовалось два царства — *Иудейское* и *Израильское*. Позже Палестина была покорена восточными завоевателями *ассириянами* и *вавилонянами*, страна была разорена, города разрушены, жители Иерусалима отведены были в семидесятилетний плен в Вавилоне, а в Палестину переселены были восточные язычники, которые ввели в ней языческую веру и язык арамейский, или халдейский; этот язык приняли и иудеи, возвратившиеся из плена вави-

лонского в Иудею. Затем Палестина подпадала под власть соседних народов македонян, египтян, сириян и, наконец, римлян; в это время иудеи сближались с завоевателями язычниками, принимали от них и язык и образование, но каждый истый иудей твердо хранил веру отцов и чуждался и ненавидел всякого язычника. В первом веке до Р. Х. Палестина была подчинена власти римлян, которые всю страну называли Иудеею и назначили царем Иудеи идумеянина Ирода Великого; в конце правления Ирода Великого совершилось величайшее мировое событие, в Вифлееме родился Спаситель мира Иисус Христос.

Во времена Иисуса Христа после Ирода Великого в Палестине было несколько правителей под верховною властью римлян, и Палестина была разделена на четыре части: *Иудею, Самарию, Галилею и Перею*. Иудея на юге Палестины представляла небольшую, маловодную и малоплодородную область со многими голыми каменными горами и скалами; высшая точка Иудеи находится около города Хеврона, за которым начинается южный спуск Иудейских гор в пустыни Аравии. Эта область с городом Иерусалимом и храмом Иерусалимским составляла средоточие общественной и религиозной жизни древних иудеев, а чем далее от Иерусалима, тем более иудеи смешивались с переселявшимися в Палестину язычниками. Самария между Иудеею и Галилеею представляла небольшую область, также весьма гористую, но со многими плодоносными долинами, в которых при тропическом климате и при достаточном орошении поспевают плоды разнообразнейших растений. Среди Самарии возвышаются горы Гевал и Гаризим, а на север от Самарянских гор отделяются горы Гелвуийские, Малый Гермон и Кармил. В Самарию, после отведения израильтян в плен на восток, были переселены многие язычники, особенно из *города Куфы* близ Вавилона, которые принесли с собою языческую веру, но, смешавшись с оставшимися в стране израильтянами, приняли иудейскую веру и образовали самарянский народ; самаряне признавали только кни-

ги Моисея, имели свое богослужение, свой отдельный храм на горе Гаризиме и сохранили некоторые языческие обряды, поэтому иерусалимские иудеи отделялись от самарян, не имели с ними сношений, считали их нечистыми, и между иудеями и самарянами постоянно существовала сильная вражда. Галилея (округ), отделявшаяся от Самарии обширную Эзраилонскую долиною, разделялась на две части: на плодородное южное плоскогорье, или *иудейскую Галилею*, и на северную горную Галилею, часть которой за Иорданом называлась *Галилеею языческою*. Галилея была обильная водою, плодоносною областью, в которой встречались то прекрасные зеленеющие долины, то высокие скалистые горы. В Галилее было много иноплеменников, неевреев, и оставшихся непокоренными древних хананеян, но господствующею верою в Галилее была иудейская вера. При густом населении в Галилее было много городов и селений, а на красивом Галилейском море, обильном рыбою, плавало много судов, и живописные берега моря были покрыты многими селениями. *Перея*, малонаселенная, пустынная область к востоку от Иордана и Мертвого моря, в древности была населена значительно, нежели ныне, и составляла на севере так называемое десятиградие с городами *Гадара*, *Галгала*, *Пелла*, нынешняя *Фиала*, против *Вифсеана*, или *Бейсана*, и др.; на юге Переи находился обширный укрепленный город Махерус. Около собственно Палестины находились отчасти от нее зависевшие страны — к востоку *Итурея*, *Гавлонитида*, *Трахонитида*, *Ватанея* и *Авронитида*, а к югу от Палестины находилась *Идумея*. После времен Иисуса Христа притеснения и жестокости римских правителей возбуждали ожесточенные восстания иудеев, но в 70 г. по Р. Х. Палестина была совершенно покорена римлянами под начальством Тита; город Иерусалим был разрушен, страна была разорена, а жители были или истреблены или выселены, так что древнее иудейское население Палестины рассеялось и было заменено новым населением, арабами и европейскими переселенцами, преимуще-

ственно греками. Впоследствии Палестина была покоряема восточными завоевателями: персами, арабами-магометанами, турками-сельджуками, от которых эту страну на время освободили западные крестоносцы, но затем Палестина снова подпала под власть магометан и в XVII в. была завоевана турками-османами. Жители нынешней Палестины, число которых доходит до 700 тысяч, большею частью арабы-магометане и отчасти арабы-христиане, у которых высшие духовные места занимает греческое духовенство; к арабам-магометанам принадлежат кочующие арабы, или *бедуины*, восточных, заиорданских пустынь, которые занимаются скотоводством и грабежами и часто ведут междоусобия, преимущественно из-за пастбищ и хороших источников воды. В некоторых местах Палестины, особенно в Иерусалиме, поселились многие евреи, переселяющиеся из Европы и разделяющиеся на испанских евреев, *шефардим*, и на русских, польских, немецких евреев, *ашкеназим*. В новейшее время в Палестине более и более увеличивается число переселенцев из разных стран Европы, особенно из Германии, которые устраивают в Палестине колонии и вводят в ней европейскую культуру.

Для посещения северной Палестины путники из Иерусалима проходят чрез Дамасские ворота и чрез масличную рощу, мимо русского сада и Русских построек, находящихся с левой стороны, и мимо пещер пророка Иеремии и царских гробниц, находящихся с правой стороны Дамасской дороги. Далее дорога спускается в долину, занятую обработанными полями и составляющую начало Кедронской долины; затем дорога поднимается на горы и скалы и идет по каменистой бесплодной местности, которая значительно возвышается над Иерусалимом и называется *Скопосом*, а также *Поклонною горою*. С этой горы в последний раз представляется прекрасный вид на северную часть Иерусалима, который далее, за горою, теряется из виду; здесь, на Поклонной горе, всякий богомолец, расстающийся с Иерусалимом, чтобы более не возвращаться в него, чувствует

невыразимую скорбь и сожаление, как бы он что-либо потерял и схоронил, ибо при всех недостатках и неудобствах, встречающихся страннику в нынешнем Иерусалиме, этот священный город становится близким и дорогим всякому богомольцу, посетившему и обозревшему его многочисленные святыни.

За Поклонною горою дорога идет далее на север по каменистой, песчаной и безжизненной местности, в которой повсюду видны бесплодные скалы и камни, покрывающие даже обработанные поля, и повсюду представляются следы опустошений — древние развалины и остатки разрушенных некогда городов; с дороги, проходящей по хребту Иудейских гор, по обеим сторонам видны ущелья, лощины и долины, спускающиеся то к востоку, к равнине Иордана, то к западу, к Средиземному морю. Чрез $\frac{3}{4}$ часа пути от Иерусалима, с левой стороны дороги встречается селение *Шафат* с водоемом, древними развалинами и остатками разрушенной христианской церкви. Далее, с правой стороны дороги, находится *пригорок эль-Фул*, с которого представляется прекрасный вид на окрестности; к востоку за пригорком видно селение *Аната*, древний *Антот*, родина пророка Иеремии. За пригорком эль-Фул от большой северной дороги отделяется налево, к западу, другая дорога, ведущая в Лидду и далее в Яффу чрез селение эль-Джиб, древний *Гаваон*, и *Верхний* и *Нижний Вефорон*; от эль-Джиба в $\frac{1}{2}$ часа пути к югу поднимается высочайшая в окрестности Иерусалима крутая *гора Самуила*. Далее, с правой стороны дороги, на горе, видны развалины башни, находящейся, по предположениям, на месте древней Гивы Сауловой, родины Саула. Вблизи находится селение Рама (высота), предполагаемая родина пророка Самуила, в которой показывают остатки дома Самуила; здесь же находятся развалины башни, которая, по преданию, в древности служила границею между царствами Иудейским и Израильским.

Вскоре за Рамою большая северная дорога вступает в Ефремские горы, не столь высокие, как Иудейские горы;

здесь, между Ефремскими горами, вершины которых представляют скалы, кое-где покрытые скудной растительностью, виднеются многие плодоносные долины, зеленые пастбища, обработанные поля и сады плодовых деревьев; по дороге встречаются путники, караваны нагруженных верблюдов и множество селений, большая часть которых находится не в плодоносных долинах, а в горных ущельях, для более удобной защиты от нападений хищных бедуинов. Через 2 часа пути от Иерусалима странники достигают до селения *Рамалла*, древний *Аримаф* (возвышение), которое, по некоторым предположениям, почитается родиной и местом погребения пророка *Самуила* и родиной *Иосифа Аримафейского*; в селении, жители которого большею частью христиане, находятся развалины, мечеть, устроенная из древней церкви, и греческий *Авраамов монастырь*, в котором странники могут остановиться для отдыха; с возвышения *Рамаллы* представляется обширный вид на спускающиеся к западу горы, на равнины *Сефала* и *Саронскую* и на отдаленную *Яффу* и *Средиземное море*. Далее дорога обходит начало долины *Сувенит*, которая спускается к востоку, соединяется с *Фаранскою долиною* и, приняв название долины *Кельт*, выходит к равнине *Иордана*; с двух сторон *Сувенита* находились города *Гива* и *Михмас*, при которых *Саул* вел войну с филистимлянами. Обойдя начало долины *Сувенит*, дорога достигает до селения *эль-Бир* (колодезь), в котором находится много источников и развалины древней церкви, галерей и арок, принадлежавших госпиталю времен крестоносцев. *Эль-Бир*, по преданию, есть то место, откуда *Божия Матерь* и св. *Иосиф* возвратились в Иерусалим, отыскивая оставшегося в городе Божественного Отрока *Иисуса Христа*. Вскоре за *Эль-Биром* дорога проходит мимо пещеры с двумя родниками воды, в которой два столба поддерживают пещерные своды.

Далее, чрез 1/2 часа пути от *Эль-Бира*, дорога вступает в дикую, таинственную дебрь; повсюду видны каменные плиты, дикие скалы и вершины гор, на которых находятся

развалины и вельи, или гробницы, чтимых магометанских имамов, а между горами видны прекрасные пастбища и обработанные поля. На склоне одной горы, на месте древнего еврейского *святилища Вефиля* (дом Божий), расположено бедное селение Бетин; выше селения, на вершине горы, видны развалины церкви и башни, а внизу, под горою, в зеленеющей лощине находится обширный каменный бассейн; на противоположной стороне лощины, на горе, также сохранились развалины башни средневекового монастыря, и с этой горы на востоке открывается вид на долину Иордана. Вся эта местность ознаменована древнейшими ветхозаветными событиями; здесь Авраам устроил жертвенник Богу и вместе с Лотом пас свои стада; отсюда Авраам и Лот разошлись: Авраам удалился к Хеврону, а Лот поселился в плодотворной долине Сиддим в городе Содоме. Здесь же, в Вефиле, на горе, Иаков имел во сне видение лестницы от земли до неба, по которой восходили и нисходили Ангелы, и Господь дал Иакову великие обетования; в воспоминание видения Иаков поставил памятником камень, который служил ему изголовьем во время сна, и возил на него елей, а самое место назвал Вефилем. В Вефиле некоторое время стоял кивот завета, и здесь Самуил, а потом *пророкица Деввора* производили суд над народом; здесь же Иеровоам, царь Израильский, устроил жертвенник и ввел поклонение тельцам. Впоследствии в Вефиле был устроен христианский храм, от которого сохранились развалины. Далее за Бетином, или Вефилем, прекращаются суровые Иудейские и Ефремовы горы и начинаются менее высокие Самарянские горы, на вершинах которых почти повсюду видны или развалины, или магометанские вельи. Каменистая дорога то поднимается на крутые горы, то спускается в долины, в которых обильные источники дают возможность разводить виноградники, маслины и плодовые деревья. В одном месте, к западу от дороги, видно большое, населенное христианами селение *Джифна*, древняя *Гофна*, в котором находятся развалины церкви и латинский монастырь. Из Джиф-

ны дорога, идущая на северо-запад, ведет к *местечку Тибна*, древнему Тимнат-Харесу, в котором указывают предполагаемую гробницу Иисуса Навина; по другим предположениям, в Тибне находится гробница Иероваама, а Тимнат, иначе называвшийся *Тиццою*, находился севернее, недалеко от Ливны, на месте нынешней *деревни Кефар Харес*, в которой близ мечети и старого теревинфа указывают древнюю гробницу, и это, может быть, и есть гробница Иисуса Навина.

Большая дорога от Бетина идет далее на север по горам и долинам. В одном месте дорога круто спускается по тесной каменистой лощине в долину с обработанными полями; в лощине, близ развалин монастыря и рощи прекрасных маслин, между скал виден так называемый источник разбойников, *Аин эл-Харамие*, вытекающий из отвесной скалы. Далее, с правой, восточной стороны дороги, находится *деревня Сейлун* с древними погребальными пещерами и с развалинами, принадлежащими древнему городу *Силому*, в котором израильтяне остановились при Иисусе Навине для раздела завоеванной ханаанской земли; здесь же некоторое время стояла скиния сведения, при которой служил судия Илия и возрастал пророк Самуил; с возвышения Сейлуна представляется прекрасный вид на окрестности. Далее большая северная дорога проходит мимо источника и дорожного пристанища *Ливна*, расположенного близ развалин в глубокой долине, и затем следует подъем на высокий перевал Самарянских гор. За перевалом открывается обширная, окруженная горами плодоносная *долина Махна*, в которой видны многие селения, поля и сады маслин и которая оканчивается на севере двумя высокими горами, *Гаризимом* и *Гевалом*; узкая дорога, высеченная в скалах, идет вдоль долины по склону горы Гаризима. В долине Махна, особенно в северной ее части, происходили некоторые события священной истории. Здесь у дуба *Море* останавливался Авраам, здесь Иаков со своим семейством раскинул шатры и пас свои стада. В конце долины с правой стороны дороги, идущей по подошве Гаризима, находится глубокий,

но маловодный колодезь *Иакова*, или *Бир-эс-Самарие*, у которого Спаситель беседовал с самарянкою, называвшеюся, по преданию, Фотиньею; впоследствии св. Елена построила над колодцем церковь, от которой сохранились развалины, а камень, на котором восседал Спаситель, отвезен был в Константинополь. Несколько далее к северо-востоку от колодца указывают *гробницу Иосифа*, которая представляет возвышение или род саркофага, окруженного оградой и виноградниками; под возвышением находится недоступная и неисследованная погребальная пещера, в которой, вероятно, сохраняется гробница Иосифа. Далее за гробницею Иосифа у подошвы горы Гевал находится селение *Аскер*, вероятно на месте древнего города *Сихара*, из которого пришла самарянка к колодцу Иакова; здесь из-под сводов со ступеньками, высеченными в скале, выходит источник *Аскер*, коего вода течет в бассейн. Вблизи указывают *сихемский дуб*, под которым Иаков зарыл в землю *терафимов*, или домашних идолов, хранившихся в его семействе.

За долиною Махна в 1/2 часа пути от колодца Иакова странник достигает до большого города *Набулуса*, или древнего *Сихема*. Дорога из долины Махна обращается на запад и проходит по подножию горы Гаризима, мимо турецких казарм и мимо колодца, всегда оживленного толпою народа. Затем дорога вступает в узкую долину, лежащую между двумя высокими горами: к югу находится красивая зеленеющая гора — *благословенный Гаризим* (боги гор), а к северу возвышается мрачная, грозная гора — *проклятый Гевал*, на которой стоял жертвенник, сложенный при Иисусе Навине из 12 камней с начертанными на них законами Моисея. Между горами Гевалом и Гаризимом находится живописная и весьма плодородная вследствие изобилия источников долина, а в ней среди зелени густых садов, виноградников, масличных, шелковичных и плодовых деревьев расположен город *Набулус*, или *Неаполис* (новый город), древний *Сихем* (затылок, плечи, хребет), один из древнейших городов в мире. Сихем упоминается уже во времена Авраама и

Иакова, а позже, во времена Ровоама, он служил столицей Израильского царства. Нынешний город Набулус окружен зубчатыми стенами и застроен весьма тесно; улицы города узки, а дома представляют массивные средневековые постройки с плоскими крышами; посреди города в его низменной части проходит главная улица со множеством лавок и базарною площадью, постоянно оживленную толпою народа. Из построек замечателен основанный св. Еленюю и перестроенный крестоносцами великолепный храм св. Иоанна, обращенный в мечеть, и древняя церковь, построенная, по преданию, на месте пребывания Иакова, когда он узнал о мнимой смерти Иосифа; кроме того, в городе находится греческий *Георгиевский монастырь* с помещениями для богомольцев. Жители Набулуса, число которых доходит до 13 тысяч, ведут значительную торговлю и занимаются производством бумажных тканей и варением мыла из оливкового масла; при своей деятельности и предприимчивости жители Набулуса отличаются мужеством, независимостью и беспокойным нравом и особенно враждебно относятся к христианам. В Набулусе сохранился до новейшего времени единственный остаток самарянского народа, но число самарян более и более уменьшается; они живут в глухой *Зеленой улице*, близ Гаризима, и имеют древнюю синагогу, небольшое, четвероугольное здание со сводами и одним окном; внутри синагоги в нише за зеленою занавесью, в металлическом ковчеге хранится обернутый в розовую шелковую пелену весьма древний список Пятикнижия Моисея, написанный на трех свитках. С южной стороны города поднимаются крутые обрывы горы Гаризим, на которой самаряне, отделившись от иудеев, устроили святилище, или храм самарянский, вскоре разрушенный, и ныне самаряне ежегодно совершают на этой горе, несколько ниже ее вершины, свои религиозные празднества. От западного конца города на гору Гаризим ведет дорога, сначала довольно удобная, потом весьма крутая; во многих местах из горы вытекают источники, во многих местах видны пещеры, слу-

жившие каменоломнями для городских построек; вершина горы покрыта камнями, голыми скалами и многими развалинами с башнями и цистернами, принадлежавшими, вероятно, самарянскому храму и древней христианской церкви; с вершины горы представляется прекрасный вид на город и окрестности. Еще более обширный вид на окрестности города и на всю Самарию, на всю страну от Иерусалима до Назарета и от Средиземного моря до Иордана, представляется с противоположной, более высокой и крутой горы, Гевала. На крутых склонах горы Гевала видны скалы и пещеры; во многих местах уступами или террасами расположены сады и огороды; каменистая вершина горы, на которую ведет крутой подъем, часто покрывается облаками и на ней видны развалины и магометанская гробница, или вели, в которой, по верованиям магометан, хранится глава Иоанна Крестителя.

Из Набулуса путники идут далее к селению *Севастии*. Дорога по выходе из западного конца города Набулуса идет сначала на запад по прекрасной плодородной долине, чрез оливковые рощи, мимо водопроводов и мимо *источника Рас эль-Аин*, который вытекает из горы Гаризим и проходит чрез весь город Набулус. Затем дорога снова поворачивает на север, поднимается на гору, с которой впереди видна Севастия, снова спускается и идет по долине, чрезвычайно обработанной и орошаемой многими ключами и ручейками, а также искусственно, посредством водопроводов и цистерн; местность оживляется многими селениями, садами и рощами плодовых деревьев, а на вершинах гор видны развалины и магометанские вели. Вскоре путники достигают до Севастии, находящейся на отдельной горе среди плодоносной долины, окруженной прекрасными плодовыми садами и многими великолепными развалинами. Нынешнее селение Севастия расположено на месте древней *Самарии*, или *Симерона*, города, получившего название от *Шамора*, древнего владельца этой местности. Некогда Самария была столицею Израильского царства, и в ней владычествовали не-

честивый Ахав и его жена финикиянка *Иезавель*, которые ввели в Израильском царстве поклонение идолам Ваала и за это подвергались укорам пророка Илии. Впоследствии город Самария был несколько раз опустошаем, но Ирод Великий восстановил и украсил город, а Ирод Антипа построил в нем великолепный храм в честь римского императора Августа и назвал город *Августою*, или *Севастиею*. При устройстве города отдельно возвышающаяся гора, на которой стоял город, была правильно обсечена и отделана уступами, или террасами, а вершина горы была выровнена, и на ней был языческий храм с колоннами, от которых сохранились развалины; с вершины горы широкая лестница вела вниз, на нижние террасы, на которых также находились колоннады, отчасти сохранившиеся доньше; еще ниже вокруг всего города шла стена, остатки которой видны и теперь. В Севастии, по преданию, был погребен своими учениками Иоанн Креститель, обезглавленный в Махерусе, а по другим преданиям, он здесь же, в Севастии, был заключен в темницу и обезглавлен. Над темницею и погребальною пещерою Иоанна Крестителя был построен св. Еленою храм, увеличенный во времена Крестовых походов; от этого храма сохранились обширные развалины, среди которых ныне устроена небольшая мечеть. Внутри мечети находится спуск в 21 ступень, ведущий в темное тесное подземелье с мраморною площадкою; здесь в стене пещеры указывают углубление, и перед ним на полу видны красивые пятна, обозначающие, по преданию, место усекновения главы Иоанна Крестителя; возле этого места в стене находятся три ниши, или склепа, из которых средняя служила гробницею св. Иоанну Крестителю, а боковые служили гробницами *пророков Авдия* и *Елисея*. Впоследствии, во времена римского императора *Юлиана Отступника*, по словам *Фотия*, писателя XII в., тело Иоанна Крестителя было сожжено и прах его вложен был в урну, но некоторые части мощей св. Иоанна Крестителя были сохранены; так, десная рука святого, сохранившаяся у Иоаннитов, или Мальтийских рыцарей, и перенесенная

вместе с частью Животворящего Креста Господня и чудотворною иконою Божией Матери в Россию при императоре Павле I, который был последним великим магистром Мальтийского ордена, хранится в С.-Петербурге, в соборе Зимнего дворца. В том же городе Севастии апостол Филипп проповедовал христианское учение и крестил жителей города, между которыми был и Симон волхв (Деян., III, 5—13).

Из Севастии дорога в Назарет идет на север то по невысоким горам, то по плодородным, обработанным долинам, в которых видны многие развалины и многие селения, состоящие из низких каменных мазанок, едва заметных издали. В одном месте долина суживается в тесное дефиле, и с левой стороны, на скате холма, видны развалины укрепленного замка *Санур*, окруженного зубчатыми стенами с башнями; кругом в горах и скалах находится много погребальных пещер. Далее за Сануром следует подъем на гору, и дорога идет вдоль обширной плодородной долины *эл-Горак*, которая простирается далеко на восток и в дождливое время обращается в болото или озеро. С возвышения видно направо от дороги селение *Митилие*, вероятно, древняя Витулия, родина Юдифи, а прямо к северу видна обширная долина Эзраилонская и вдали синеют Галилейские горы, среди которых на одном возвышении виднеются белые дома Назарета. Далее после крутого спуска и нового подъема на гору встречается большое селение *Кабатие*, у которого от большой дороги отделяется налево другая дорога, идущая среди плодоносных долин на запад к местечку *Дофаиму* (два колодца), где на прекрасных пастбищах сыновья Иакова пасли стада и где они продали младшего брата своего Иосифа купцам. За Кабатие начинается спуск с Самарянских гор; дорога проходит чрез тесное ущелье, по которому протекает ручей, и спускается в плодоносную долину, в которой находится богатое, оживленное местечко *Дженнин*, древний *Енганим*, составлявший в древности границу между Самариею и Галилеею, а по некоторым предположениям, Дженнин есть древний Дофаим. До этого местеч-

ка доходил *Олоферн*, полководец царя Навуходоносора, но здесь погиб от руки Юдифи; здесь же проходил Иисус Христос из Галилеи в Самарию и исцелил десять прокаженных (Лука, XVII, 11—19). Местечко Дженнин, коего улицы и базары постоянно оживлены народом, окружено плодовыми деревьями и садами, которые орошаются многими источниками; население города, отличающееся богатством, состоит преимущественно из негостеприимных и враждебных христианам магометан.

От Дженнина к северу начинается обширнейшая, плодородная *равнина Ибн Амир*, *древняя Эзраилонская*, или *Изреельская долина*, имеющая 25 верст ширины и 50 верст длины. Эта долина на северо-западе доходит до Средиземного моря, а на востоке разделяется горами на две меньшие долины, из коих одна, южная, доходит до равнины Иордана, а другая, северная, — до Тивериадского озера. Вокруг Эзраилонской долины поднимаются высокие живописные горы: на юге — *Самарянские горы* и *гора Кармил*, на востоке — *Гулвуйские горы*, *Малый Гермон* и *гора Фавор*, на севере — *Галилейские горы*, за которыми высятся *Ливанские горы*; по всей равнине протекает *река Мукатта*, *древний Киссон*, которая начинается на востоке, принимает в себя много притоков, образует в долине много болот и на западе вливается в Средиземное море. Большая часть Эзраилонской долины хорошо обработана и представляет богатые поля или превосходные пастбища с высокою травою и множеством цветов, так что долина с окрестных горных высот представляется обширным зеленым морем; в этой долине водятся стаи журавлей и аистов, дикие кабаны, шакалы и леопарды. Население Эзраилонской долины незначительно, ибо жители-арабы селятся большею частью не в долине, а в ущельях окрестных гор, чтобы удобнее защищаться от бедуинов, которые производят частые грабежи и кочуют преимущественно в восточной части Эзраилонской равнины, пользуясь ее превосходными пастбищами. Западная часть равнины называется *долиною Ма-*

геддонскою от находившегося здесь города *Маггедона*, *Ар-маггедона* или, может быть, *Легеона* (Леджун). В обширной Эзраилонской равнине уже с древнейших времен происходили замечательные события и многие большие битвы. Здесь *пророчица Деввора* и *Варак* победили войска хананеян; здесь Гедеон разбил мидианитян и амалекитян, Саул вел войну с филистимлянами, египетский *царь Нехао* победил царя израильского *Иосию*, по этой долине полководец Навуходоносора Олоферн доходил до города Дженнина; здесь же маккавеи сражались против сирийских войск, римский император Веспасиан сражался с иудеями, затем Саладин разбил крестоносцев, и, наконец, в новейшие времена Наполеон и Клебер разбили здесь турецкие войска. Таким образом, обширная равнина Эзраилонская имела важное значение в истории Палестины и служила местом многих состязаний народов.

Дорога из Дженнина в Назарет идет по восточной части Эзраилонской равнины, чрез русло иссохших речек, по местности, заросшей терновником; вдали к востоку, на склонах горы *Джебел Факуа*, древних *Гельвуйских гор*, видны многие селения. Дорога приближается к горе *Факуа*, на которой в красивой местности находится селение *Зерин*, древний *Изреель*, или *Эзраилон*, окруженное садами и виноградниками, между которыми видны многие развалины и обломки древних построек; здесь вблизи Саул потерпел поражение от филистимлян и окончил жизнь, бросившись на свой меч; впоследствии город Изреель служил столицею нечестивому царю Ахаву и его жене Иезавели, которая погибла в этом городе. Далее дорога переходит чрез узкую долину *Джалуд*, которая находится между Гельвуйскими горами и горою Малый Гермон и спускается на восток к равнине Иордана; с этого места дороги, близ Изрееля, можно обозреть всю долину Эзраилонскую на восток до Иордана и на запад до горы Кармила и до Средиземного моря. В начале долины Джалуд находится источник *Джалуд*, или источник Голиафа, вытекающий из большой обсеченной ска-

лы и наполняющий водою обширный бассейн; ниже, в этой же долине, находится селение *Бейсан* близ развалин древней крепости *Вефсеана*, или *Скифополиса*. Далее дорога в Назарет всходит на склоны *горы Дахи*, или *Малого Термона*, принимаемой некоторыми за гору Преображения Господня. Малый Гермон представляет отдельно стоящую, остроко-нечную пустынную гору, коей вершина часто покрывается снегом, а ниже находятся пастбища и еще ниже находятся некоторые селения. Из них замечательны окруженное кактусовыми насаждениями селение *Сунем*, древний *Суним*, у которого стояли филистимляне во время битвы с Саулом; здесь же пророк Елисей воскресил умершего сына сунамитянки. Несколько далее к востоку, за крутым склоном горы *Дахи*, находится красивое селение *Неин*, древний *Наин*, в котором Господь воскресил умершего сына вдовы наинской. За Неином, еще далее к востоку, в скалах горы видно много погребальных пещер и близ них находится бедное селение *Эндур*, древний *Аендор*, где жила аендорская волшебница, которая, по просьбе Саула, вызвала тень Самуила пред началом неудачной для Саула битвы с филистимлянами. За Аендором, далее к востоку, видны равнина Иордана и Заиорданские горы, а к северу простирается холмистая долина, среди которой возвышается округленная, покрытая зеленью гора Преображения Господня, гора Фавор, и к ней ведет небольшая дорога от Аендора. Возвратившись из Аендора и Неина на большую Назаретскую дорогу, путники спускаются с горы *Дахи* в Эзраилонскую долину; дорога переходит один из притоков Киссона и приближается к отвесным назаретским скалам, и вскоре начинается крутой подъем на Галилейские горы. При восходе на горы встречается большой водоем и с левой стороны дороги видно селение *Яффа Назаретская*, которая, по преданию, была отечеством апостолов Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевых; от Яффы Назаретской проложена удобная колесная дорога к Средиземному морю. На высоте назаретского подъема находится небольшая горная долина, покрытая обработан-

ными полями и садами, среди которых выдаются белые постройки города Назарета, находящегося на южной оконечности Галилейских гор.

Галилейские горы, южные отрасли Ливанских гор, образуют живописную горную возвышенность, древнюю Галилею, которая уступами понижается во все стороны: на западе — к Средиземному морю, на юге — к Эздрайлонской равнине, на востоке — к Тивериадскому озеру и только на севере Галилейские горы, между которыми возвышаются горы *Сафет* и снежная вершина *Большого Гермона*, не понижаются, а повышаются и соединяются с более высокими Ливанскими горами. В плодородной Галилее (округ), орошаемой многими реками и речками, между горами находятся многие долины с тучными лугами и полями, со многими садами, виноградниками, рощами маслин, фиговых, апельсиновых и других плодовых деревьев. В древности чрез густонаселенную Галилею проходила караванная дорога из Дамаска к морю и в Египет, и Галилея имела частые сношения с иноземцами, оттого в римские времена в Галилее учреждены были многие таможни. Население Галилеи, отличавшееся трудолюбием, смелостью и независимостью, было чрезвычайно смешанное; кроме евреев здесь жили многие остатки древнего ханаанского племени, принявшие иудейскую веру; затем здесь селились арабы, греки и римляне; особенно много греков находилось в Галилее, так что высшие классы народа во времена Иисуса Христа говорили преимущественно на греческом языке, а все население имело свой особенный говор, по которому иерусалимские иудеи узнавали галилеян; иудеи чуждались галилеян и называли их страну, отделенную Самариею от Иудеи, *Галилеею языческою*. Из Галилеи ежегодно тысячи богомольцев отправлялись на праздник Пасхи в Иерусалим и, не желая проходить чрез полуязыческую Самарию, шли или вдоль берега Средиземного моря, или по долине Иордана, чрез Иерихон, откуда они поднимались на горы Иудейской пустыни, шли мимо Адамима, гостиницы благого

самарянина, останавливались в Вифании и, приближаясь к Иерусалиму с пением и с пальмовыми ветвями в руках, останавливались за городом, на северной вершине Елеонской горы, названной поэтому *горою Галилеян*, и располагались на ней в шатрах и кущах. Иисус Христос также ежегодно странствовал в Иерусалим на праздники иерусалимские, но всегда возвращался в любимую Им Галилею, в которой Он провел большую часть жизни и в которой Он посещал для проповеди не только города, но и большие и малые селения; поэтому в Галилее находится много местностей, упоминаемых в Новом Завете, и между ними особенно замечателен город Назарет. *Назарет*, небольшой, красивый город, находящийся в 120 верстах от Иерусалима, расположен уступами на склонах холма, среди виноградников и садов, орошаемых колодцами и окруженных изгородами из кактусов; далее вокруг города и садов поднимаются холмы и горы. Назарет, сохранивший вид древнего города, разделяется широкою базарною площадью на три квартала: греческий, католический, мусульманский. Население Назарета, состоящее из арабов, занимается садоводством, скотоводством и торговлею; число жителей доходит до 6000, и большая часть из них принадлежит к христианам, по преимуществу православным, но главные святыни города принадлежат католикам; протестанты также имеют в городе церковь, школу и больницу, а на одном из высших мест города находится обширный английский приют для девочек; в городе имеются русский и католический странноприимные дома, здесь же находится небольшая русская колония, при которой устроена школа для арабских детей. Город Назарет связан со многими священными воспоминаниями; здесь, в Назарете, протекла большая часть тихого, скромного и неизвестного детства, отрочества и юности Иисуса Христа, здесь каждая пядь земли освящена стопами Спасителя или Божией Матери, и предание указывает в Назарете многие, ознаменованные священными событиями, мес-

та, из которых особенно замечательно принадлежащее католикам место бывшего жилища Св. Семейства.

При въезде в город из долины Эзраилонской на правой стороне базарной улицы находится обширный францисканский *монастырь Благовещения*, построенный в виде четвероугольной крепости с высокими стенами; в монастыре находится до 25 монахов; кроме того, в нем содержится школа для детей и разведены прекрасные сады, в которых есть несколько пальмовых деревьев. Среди монастырского двора, устланного плитами, возвышается великолепная церковь Благовещения, заменившая прежде существовавшую здесь древнюю церковь, которая, по преданию, была воздвигнута св. Еленю на месте дома св. Иосифа и Девы Марии. Дом Св. Семейства, по некоторым предположениям, был пристроен к скале, и пещеры этой скалы служили частью помещений дома, как и ныне еще бедные жители Назарета живут в пещерах скал или в сделанных к ним пристройках; затем в продолжение веков наносы, щебень и развалины несколько раз опустошенного города повысили почву, и потому пещеры, принадлежавшие к жилищу Св. Семейства, ныне находятся ниже почвы и образуют подземелья. Над этими пещерами построен великолепный католический храм Благовещения; внутри храма четыре пилястра поддерживают высокие своды, а стены и помост украшены мрамором; в храме устроен орган и хранится древняя икона, как полагают, снимок с нерукотворного образа, посланного, по преданию, Спасителем чрез апостола Фому эдесскому *царю Авгару*. Две мраморные лестницы в 17 ступеней ведут к главному алтарю во имя Архангела Гавриила и ко входу в кельи монахов. С левой стороны алтаря широкая мраморная лестница в 15 ступеней ведет вниз, в подземные пещеры. В первой пещере св. Ангела устроено *два престола: Архангела Гавриила и Богоотца Иоакима*. Между обоими алтарями находится вход, спускающийся на несколько ступеней ниже во вторую *пещеру Девы Марии*, или *пещеру Благовещения*, в которой находится *престол Благовеще-*

ния, а под ним в полу сделан мраморный круг с крестом и латинскою надписью: «Здесь Слово плоть бысть»; над престолом, который освещается многими дорогими лампадами, находится замечательная по живописи икона Благовещения. Налево от входа в эту пещеру находятся две поставленные св. Еленю колонны: одна из черного мрамора указывает место, где во время благовещения стоял Архангел Гавриил, а другая находится на месте, где стояла Дева Мария; эта последняя колонна была распилена, как полагают, магометанами, думавшими найти в ней сокровища, и теперь верхняя часть колонны висит со свода пещеры. За вторую пещерою следует третья *пещера св. Иосифа*, с устроенным во имя его алтарем и лестницею, ведущею во двор монастыря; здесь, по преданию, учился Божественный Отрок Иисус и пребывал в повиновении у родителей. Далее на несколько ступеней ниже находится четвертая пещера, служившая кухнею в доме Св. Семейства, и из нее лестница ведет наверх, в помещения монастыря. К монастырю Благовещения принадлежит также находящийся против него, по другую сторону Базарной улицы, католический странно-приимный дом, Casanuoia, в котором монахи гостеприимно принимают богомольцев.

К северо-востоку от монастыря Благовещения, на окраине города, внутри небольшого двора, находится небольшая католическая церковь, устроенная, по преданию, на месте *плотницкой мастерской древодела св. Иосифа*, в которой прошла большая часть простого и уединенного отрочества Спасителя; часть древней стены этой мастерской сохранилась в стенах вновь построенной церкви и внутри церкви над престолом помещена икона, изображающая отрока Иисуса, помогающего св. Иосифу в работе. Вблизи находятся остатки древнего здания, частью опустившегося в землю и поросшего травю; эти развалины, сложенные из огромных камней, по преданию, принадлежали школе времен Иисуса Христа. В середине города, близ мечети с высоким минаретом, находится маронитская церковь с древни-

ми сводами, устроенная на месте синагоги, в которой Иисус Христос благовествовал Свое учение и откуда иудеи вывели Его, чтобы сбросить с высокой горы в пропасть. На западной окраине города, возле другой маронитской церкви, находится маронитская часовня, в которой сохраняется большой плоский известковый камень, служивший, по преданию, трапезой для Спасителя и Его учеников; здесь же прежде хранилась упомянутая древняя икона, снимок с нерукотворного образа Спасителя, перенесенная впоследствии в монастырь Благовещения. За часовнею маронитов находится высокая, отвесная *гора Джебель-эт-Тих*, с которой иудеи хотели сбросить Спасителя в пропасть и на которой находятся развалины католического храма, носившего название *церкви Марии в ужасе*. С этой горы представляется прекрасный, обширный вид, на который, вероятно, не раз взирал проведший в Назарете Свою молодость Иисус Христос; отсюда к югу, внизу, в глубине видна обширная, как зеленое море, Эзраилонская равнина, а за нею видны Самарянские горы и Малый Гермон со многими селениями; к западу возвышается гора Кармил, у подножия которой синее Средиземное море, а на вершине Кармила едва заметны постройки монастыря пророка Илии; к северу представляются Галилейские горы и равнины, за которыми видны гора Сафет и снежный Большой Гермон; наконец, к востоку, внизу, под ногами, на склоне холма, среди зеленых садов лежит город Назарет со своими белыми постройками; за городом видна гора Фавор, далее видно углубление Тивериадского озера и реки Иордан, а еще далее за озером видны темные горы Авранитиды и Васана. На противоположном конце города, на его северо-восточной окраине, находится православная арабская *церковь Архангела Гавриила* с глубоким источником, от которого вода посредством подземного канала проведена к близлежащему водоему. Это есть единственный источник воды для Назарета, сюда постоянно приходят черпать воду назаретские женщины, живописные одежды которых сохранили древ-

ний вид и покррой; сюда и в древности приходили за водою, здесь, без сомнения, почерпала воду и Божия Мать, потому этот древний колодезь называется *колодезем Девы Марии*, или *колодцем Иисуса Христа*. Над этим священным колодцем св. Елена воздвигла церковь во имя Архангела Гавриила, и впоследствии эта церковь была возобновлена, как говорят, при содействии Петра Великого. Внутри церковь богато украшена и имеет хороший иконостас; возле алтаря, позади северного клироса, устроен особый нижний придел, на полу которого находится обложенное белым мрамором и освещаемое множеством лампад отверстие священного колодца, из которого почерпают воду, опуская в него кружку, и из него же вода по каналу проведена в ближайший водоем; над колодцем помещена икона Благовещения, а возле находится решетка, за которою лестница ведет вниз, ко дну колодца, обложенного белым мрамором. Несколько далее церкви Архангела Гавриила, уже за городом, находится другой колодец, у которого, по преданию, часто останавливался Иисус Христос со Своими учениками.

ХII. От Назарета до горы Фавора и Тивериадского озера, до горы Кармила и до города Яффы

Из Назарета богомольцы отправляются на гору Фавор и к Тивериадскому озеру. Дорога из Назарета к Фавору идет на восток, мимо источника Девы Марии и мимо небольшой церкви, находящейся на возвышении, с которого открывается хороший вид на покидаемый город Назарет и на лежащую глубоко внизу Эзраилонскую равнину; затем начинается заросший дубовою порослью спуск с Назаретских гор в долину и вскоре открывается вид на гору Фавор, стоящую отдельно среди равнины в $1\frac{1}{2}$ часа пути от Назарета. Высокая, округленная гора Фавор, состоящая из меловых и известковых горных пород, почти до вершины покрыта зеленью, лугами, кустами, рощами дубовых и фисташко-

вых деревьев, населенных множеством птиц. Эта гора Фавор почитается *горой Преображения Господня*. Дорога извилинами поднимается на гору в тиши дубовых рощ, между горами камней, мимо многих развалин и горных пещер. В одном месте на склоне горы находится *селение Девора*, из которого происходила пророчица Деввора, воодушевлявшая израильтян к борьбе с филистимлянами. Далее по дороге, ведущей на верх горы, указывают место, где Господь запретил ученикам до времени говорить о совершившемся Преображении. На обширной плоской вершине Фавора, отличающейся чистотою ароматического воздуха, находятся обрабатываемые поля, луга, несколько построек и много развалин церквей, дворцов, укреплений, стен, башен, ворот и цистерн. Уже в древности сирияне, маккавеи и римляне строили на этой горе укрепления, которые во время войн были разрушаемы. Св. Елена построила здесь три храма: во имя Преображения и во имя пророков Моисея и Илии; во время Крестовых походов эти храмы были возобновлены, а вершина горы была укреплена и обнесена стенами, но впоследствии и эти постройки были разрушены. В настоящее время на вершине Фавора среди развалин находится два монастыря: греческий и латинский; в церкви греческого монастыря устроены три алтарные конхи, и главный престол, по преданию, находится на самом месте Преображения Господня; в этой церкви мозаиковый пол и часть церковной стены принадлежат к остаткам от церкви, устроенной св. Еленой, а церковные иконы большей частью присланы из России; в монастыре живут немногие монахи и по временам здесь уединяются отшельники. С вершины горы Фавора, особенно с крыши греческого монастыря, представляется великолепный вид на большую часть Палестины: на востоке, между горами, виднеется сияющая поверхность части Тивериадского озера с его скалистыми берегами; на востоке же видны долины Иордана и реки Ярмока, впадающей в Иордан, а за ними высятся Заиорданские горы и вдали виднеется возвышенность Аврани-

тиды, или Аврана; к югу у подошвы Фавора расстилается роскошная равнина Эзраилонская, которая понижается на восток, к Иордану, и на запад к Средиземному морю; среди равнины поднимается мрачный Малый Гермон, за ним видны горы Гельвуйские и Самарянские с вершинами Гевала и Гаризима, а вдали виднеются Иудейские горы с вершиною горы Искушений; к западу видны Назаретские горы с белеющимся Назаретом, гора Кармил и отдаленное Средиземное море; наконец, к северу видны живописные Галилейские горы и между ними гора, на которой находится *Сафед, город, лежащий на высоте*, а за ними, в туманной дали, виднеются снежный Большой Гермон, белые снежные вершины Ливанских гор и вулканические горы отдаленной Гавлонитиды.

С горы Фавор дорога к Тивериадскому озеру спускается на восток и идет сначала чрез дубовые рощи и луга с высокою травою, в которой ночью видно много светляков и в которой водится много шакалов; здесь же кочуют многие хищные бедуины. Далее дорога, спустившись в равнину, соединяется с большою караванною дорогою, идущею в Дамаск, и, пройдя между двумя холмами с развалинами, доходит до источника и до развалин древней *гостиницы Туджар*; за ними прекращается лесистая местность и начинаются засеянные поля; в этой местности находится несколько поселений черкесов, выселившихся с Кавказа. Далее местность постепенно террасами понижается и становится более и более пустынною и выжженною солнцем, а почва вулканического происхождения представляет голые скалы и обломки базальта. С левой стороны дороги видно ровное место, заросшее кустами и травою, и на нем находится груда черных камней, состоящая из одного большего и многих меньших обломков базальтовой скалы; это место, называемое *Биш* (хлеб), есть, по преданию, место, где Иисус Христос семью хлебами насытил 7 тысяч человек, и здесь путники обыкновенно останавливаются и вкушают хлеба; за местом Биш вдали видно возвышение *Карн Гит-*

тим, предполагаемая гора Блаженств. Далее местность понижается, дорога проходит мимо огромной, оторвавшейся от гор, но не скатившейся вниз скалы и после 5 часового пути от горы Фавор достигает до крутых, скалистых и каменистых спусков с гор; с этого места внезапно открывается вид на лежащий внизу, в глубине, город Табарие и на прекрасное Тивериадское озеро, окруженное невысокими, однообразными горами, над которыми на севере господствует высокий снежный Большой Гермон.

Нынешний город Табарие, расположенный на западном берегу Тивериадского озера, близ развалин древней Тивериады, находится на том месте, где, по преданию, совершился чудесный лов рыбы апостолом Петром; на этом месте св. Еленою построен был храм с двенадцатью престолом в память двенадцати коробов остатков (хлебов), а ныне на месте древнего храма находится католическая церковь. Город Табарие, с узкими грязными улицами, со стороны суши окружен полуразрушенными стенами и башнями, а на север от города находится значительная, но разрушенная крепость. Близ одной башни у берега моря находится греческий монастырь с церковью св. Петра, устроенный преимущественно при пособии из России на развалинах древней синагоги; возле монастыря часть берега моря приобретена для устройства русского пристанища. Недалеко от монастыря близ берега моря находится католическая церковь св. Петра и странноприимный дом францисканских монахов, которые радушно принимают странников; с крыши этого монастыря представляется прекрасный вид, а для поездок по озеру при монастыре имеется лодка. Число жителей Табарие доходит до 3000 и состоит преимущественно из евреев, которые имеют здесь весьма древнюю синагогу. Уже в древности, после разрушения Иерусалима римлянами, евреи переселялись в Тивериаду и переезжали сюда иерусалимский синаггорион; сюда же и теперь переселяются многие евреи, преимущественно из России. В Табарие евреи сохранили в чистоте древний еврейский

язык и древние обычаи; здесь же славились еврейские ученые, которые основали в Табарии многие синагоги, ученые школы и составили большую часть талмуда, и теперь еще евреи в Табарии преимущественно занимаются изучением талмуда, этого замечательного сборника еврейского знания и философии. Вообще талмуд (знание) состоит из собрания трактатов, часто странных объяснений и толкований на основную вечную мудрость *Тора*, на основные положения еврейской веры, заключающиеся в законах и во всем Пятикнижии Моисея. Талмуд составлялся постепенно; уже со времени семидесятилетнего пленения вавилонского в синагогах обыкновенно по субботам читали сначала законы Моисея, которые разделялись на дневные чтения, затем читали книги пророков, которые разделялись на части, или *гофшары*, и так как священные книги были написаны на древнееврейском языке, отчасти уже забытом, то за чтением книг следовали объяснения прочитанного, или *мидраги*. Для объяснения законов и книг Моисея древние еврейские ученые, книжники и раввины начали их изучать и составляли к ним различные объяснения, толкования, дополнительные правила, примешивая к ним различные вымыслы и заимствования из языческих религий, с которыми они познакомились во время плена вавилонского и в последующие времена, и эти толкования и дополнения передавались устно и письменно из поколения в поколение. В I в., во времена Иисуса Христа, еврейские ученые начали составлять сборники толкований; из этих сборников замечательны *Халака* — *сборник раввина Шаммая*, заключающий в себе строгое изложение закона, и *Агада* — *сборник раввина Ийль-Хеля*, заключающий в себе наставления, объяснения и дополнения к законам; затем во II веке по Р. Х. эти оба сборника были соединены *раввином Акибою* и несколько позже *раввином Иудю Кадош* в один сборник *мишну* (повторение или объяснение законов Моисея). Впоследствии ученые евреи в Тивериаде и еврейские ученые, поселившиеся в *Суре*, близ древнего Вавилона, изучали, объясняли и допол-

няли мишну или собирали эти новые, дополнительные толкования; таким образом составилось два новых сборника толкований на мишну или две *гемары* (довершение, дальнейшее объяснение): одна *гемара Иерусалимская* составлена в Тивериаде около 350 г. по Р. Х., другая *гемара ваогиионская* составлена в Суре около 550 г. Эти две гемары вместе с мишною составляют Талмуд, который и доныне употребляется евреями как основание их религиозного и нравственного учения. Окрестности Табарие отличаются плодородием и тропическим климатом, так что в них растут даже пальмы, но вследствие сильных жаров и значительной сырости город и его окрестности вредны для здоровья и причиняют тягостные лихорадки. К югу от Табарие находятся далеко вдающиеся в море развалины древней *Тивериады*, бывшей в древности главным городом Галилеи. Этот город, основанный Иродом Антипою и названный Тивериадою в честь римского императора Тиберия, был украшен великолепными храмами, дворцами, площадями и морским портом; особенно великолепен был так называемый Золотой дворец Ирода Антипы. Так как Тивериада была населена преимущественно язычниками, особенно греками, то иудеи чуждались этого города, и Иисус Христос не посещал его. Далее к югу, в трех верстах от Табарие, находится *местечко Эммаус*, в котором близ морского берега из скалы вытекают горячие воды, сродные с водами Мертвого моря, и при них устроены мраморные купальни; близ этих теплых ключей на горе указывают гробницы знаменитых еврейских ученых *Рабби Акибы*, *Маймонида* и других. Далее к югу за минеральными источниками высокие горы и скалы подходят почти к самому озеру, оставляя у воды лишь узкий береговой проход и заслоняя вид на южную часть озера.

Озеро Тивериадское, или Галилейское, Генисаретское море, находящееся в северной Палестине, окружено горами, с вершины которых оно кажется весьма небольшим, но море это имеет 25 верст длины и 7 верст ширины; оно лежит в значительном углублении, так что его поверхность на

100 сажен ниже океана. Чрез Галилейское море проходит река Иордан, которая вливается в него с севера и вытекает из него с юга; вода в море пресная, приятная на вкус и изобилующая, особенно в северной части озера, рыбою, а в прибрежных тростниках водится множество птиц. Поверхность моря, большею частью тихая и спокойная, иногда внезапно возмущается бурями, возникающими от встречи горячих южных ветров, дующих из долины Иордана, с холодными северными ветрами, идущими от Ливанских гор. Берега Тивериадского озера, особенно с восточной стороны, представляют крутые скалы и темные, базальтовые горы со многими мрачными ущельями; только северные и северо-западные берега озера более отлоги и плоски; эти берега при жарком климате и чрезвычайном плодородии весною покрываются роскошною зеленью лугов, самых разнообразных кустов и деревьев и множеством цветов. Берега этого прекрасного озера, ныне малонаселенные и пустынные, в древности были прекрасно обработаны и густо населены, а на море плавало множество судов. Здесь, около Галилейского озера, раздавалось божественное благоговение Спасителя, и берега озера ознаменованы многими священными событиями и чудесами: на этих берегах народ часто внимал новому учению, преобразовавшему мир; здесь были призваны новые ученики Спасителя, и многие болящие и бесноватые получили чудесное исцеление; здесь совершился чудесный лов рыбы; здесь произошло чудесное укрощение бури и чудесное хождение по водам; здесь же Иисус Христос, по воскресении Своем, явился ученикам во время их безуспешного лова рыбы на море. Это красивое и оживленное в древности море составляет противоположность безжизненному, пустынному Мертвому морю, и оба моря по своим свойствам и окрестностям отличаются между собою, как блаженный рай и грозный ад.

К северу от Тивериады, по берегу Галилейского моря в древности находилось много городов и селений, в которых совершилась большая часть проповеди и чудесных дея-

ний Иисуса Христа, но от этих поселений не осталось почти никаких следов; замечательнейшее из этих местечек был *Капернаум*, нынешний *Тел-Кум*, до которого можно достигнуть или морем на лодке, или сухим путем. Дорога из Табарие на север идет вдоль берега моря и сначала у городской стены проходит мимо обширных развалин древней крепости; далее дорога поднимается на высокую черную долоритовую скалу, доходящую до самого берега морского, и вскоре за скалою теряется вид на Табарие. Спустившись с возвышения в долину, путники сначала встречают небольшое, состоящее из нескольких хижин селение *Могдал*, родину *Магдалины*. Далее горы и скалы значительно отступают от берега и образуют обширную, низменную, лежащую почти в уровень с морем долину *Генисаретскую*, которая орошается многими ключами и ручейками и чрезвычайно плодородна, но мало обработана и заросла травой, репейником и олеандрами; в долине видны немногие хижины и пастухи со стадами, а на берегу моря видны рыбаки, которые ловят рыбу или чинят свои сети. В одном месте по дороге указывают камень с насеченными крестами, обозначающими, по преданию, место насыщения 5 тысяч народа пятью хлебами; здесь богомольцы обыкновенно совершают молитвы и освящение хлебов. Далее, у берега моря, близ местечка *Хан Миние*, находится мельница и видны груды камней, поросших кустарником; это, как полагают, суть развалины *Вифсаиды* (рыбачье селение), родины апостолов Филиппа, Андрея и Петра, а также, по некоторым преданиям, родины апостолов Иакова и Иоанна; здесь же Иисус Христос исцелил слепого; впоследствии св. Еленою на месте дома апостола Петра построена была церковь, не сохранившаяся доньше. В конце Генисаретской долины дорога снова поднимается в гору и идет по узкому пути, иссеченному в скале; этот единственный путь к Капернауму, сохранившийся с древних времен, мало изменился, и по этому пути, без сомнения, много раз шествовал Иисус Христос со Своими учениками. Далее дорога снова спускается к берегу моря

и проходит мимо многих развалин неизвестных городов и селений и чрез многие ручьи, на которых устроены мельницы; в этих местах в древности проходила большая торговая дорога из Дамаска к Средиземному морю, в Иерусалим и в Египет, поэтому во времена римлян здесь находился мыт, или таможня, и отряд римского войска под начальством сотника; здесь призван был в число апостолов мытарь *Матфей*. Далее, на северном берегу моря, в трех часах пути от Тивериады и в восьми днях пути от Иерусалима, дорога достигает местечка *Тел-Кум*, в котором иногда останавливаются для отдыха торговые караваны верблюдов; здесь, на берегу моря между Тивериадою и Вифсаидою Юлиею, находился древний богатый город *Капернаум*, от которого сохранилось много развалин и много колонн и карнизов, лежащих в траве и заросших кустарником. В одном месте видны развалины обширной синагоги, в которой, вероятно, благовествовал Иисус Христос; в другом месте, вдающемся в море, сохранилась древняя постройка вроде башни, служащая ныне пристанищем для путников. Иисус Христос часто и долго пребывал в Капернауме и называл его Своим городом; здесь Господь благовествовал свое учение, совершил многие чудеса и исцелил расслабленного, раба сотника и многих других больных; но в то же время, видя неверие, нераскаянность жителей Капернаума, Он пророчески сказал: «*И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься; ибо, если бы о Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня*». (Матф., IX, 23). В этих священных местах, ознаменованных пребыванием Господним, еще не имеется пристанища для русских богомольцев. Вблизи, на полчаса пути к северу от Капернаума, протекает среди болот река Иордан, впадающая здесь в самую северную часть Тивериадского озера. Выше иорданских болот, на обоих берегах реки, находился другой город *Вифсаида*, заиорданская часть которого называлась *Вифсаидою Юлиею*. Далее к востоку, по ту сторону Иордана и Тивериадского озера, простирается обширная пусты-

ня с темными базальтовыми горами и дикими ущельями, со многими погребальными пещерами подземными, пещерными селениями и великолепными развалинами городов, построенных преимущественно из черного базальтового камня; многочисленные развалины свидетельствуют о значительности населения, обитавшего некогда в этих ныне пустынных местах. Юго-восточная часть этой пустынной страны составляла в древности так называемое *десятоградие* с городами *Гераза*, *Гамала*, *Тадара*, *Пепла* и другими; далее на восток находились Васаиское царство и страна Уц, родина многострадального Иова.

От Тивериадского озера и от Капернаума далее на север в древности также находились замечательные места, но гористая и малонаселенная местность затрудняет путешествие по этой стране. Дорога на север от Капернаума идет сначала среди черных базальтовых скал по местности, которая более и более возвышается к северу, к Ливанским горам, и через час пути дорога достигает до развалин древнего *города Хоразина*. Затем среди плодородной долины поднимается высочайшая в Галилее меловая гора, на вершине которой находится *город Сафед*; по преданию, Сафед был тем городом, о котором было сказано: *не может укрыться город, стоящий на верху горы.* (Матф., V, 14). В этом городе было много ученых талмудистов, и по верованию евреев, здесь должен явиться ожидаемый ими Мессия; ныне этот город населен преимущественно евреями, переселившимися из России. Сафед в тридцатых годах нынешнего столетия был совершенно разрушен землетрясением, чему способствовало самое устройство города, расположенного на горе террасами, так что крыши нижних домов служат улицами для верхних домов, и над всем городом на вершине горы находится крепость; поэтому во время сильного землетрясения верхние постройки обрушились на нижние и произвели полное разрушение города, причем погибло множество народа. К западу от Сафед, на крутой горе, находится *селение Мейрон*, и близ него много погребальных пещер,

в которых, по преданию, погребены еврейские ученые *раввины Гиллел, Шаммаи, Симон бен Иоихай, Елеазар* и др. От Сафеда одна дорога идет к востоку, соединяется с большою караванною дорогою в Дамаск и переходит чрез Иордан по древнему *мосту дочерей Иакова*; вблизи находится небольшое *озеро Мером*, чрез которое протекает река Иордан, а северная часть озера представляет обширные болота, заросшие густым тростником, в котором водятся пеликаны, утки, кабаны и буйволы. Другая дорога из Сафеда идет на север мимо озера Мером и *города Кедеса*, родины *Варака*; в этом городе замечательны развалины и многие древние саркофаги. Далее к северу начинаются Ливанские горы с снежным Большим Гермоном. У подошвы Большого Гермона находилась сильная в древности крепость *Кесария Филиппова*, или *Панеас*, ныне *Баниас*, город, до которого доходил Иисус Христос во время Своих земных странствований. Над городом на возвышении находится обширный замок, из которого представляется прекрасный вид на окрестности; здесь же, близ города Баниаса, находится один из истоков Иордана, вытекающий из большой пещеры в отвесной скале; другою исток Иордана в виде большого водоема находится к западу от Баниаса, близ деревни *эль-Еади*, древнего *Дана*, который был самым северным городом Палестины.

Осмотрев северные страны Палестины, путники возвращаются к Тивериадскому озеру и направляются на запад Палестины, к горе Кармилу. Сначала дорога от Капернаума до Генисаретской долины идет по прежнему пути вдоль берега моря; затем она поворачивает на запад, вступает в горы и круто поднимается по тесному ущелью, заваленному горами камней; с обеих сторон ущелья высятся крутые, отвесные скалы, в которых на значительной высоте находится много обширных пещер, соединенных между собою внутренними ходами и населенных многочисленными стаями голубей. В этих пещерах в древности устроена была *крепость Арбела*, затем в них скрывались разбойники, а впоследствии в пещерах обитали христианские от-

шельники в память совершенного в этих местах Спасителем исцеления прокаженного. Пройдя ущелье и поднявшись на гору, дорога, идущая из Капернаума, соединяется с дорожкой, идущей из Табарие, и вскоре достигает до отдельно стоящего округленного холма *Карт Гаттин*, имеющего вид огромной трапезы или стола с двумя возвышениями; по преданию, это *гора Блаженств*, с которой Спасителем преподаны были народу Нагорная проповедь и заповеди блаженств; с вершины Гаттина и представляется прекрасный вид на гору Фавор и на Тивериадское озеро, на Сафед и на Большой Гермон. Вблизи Гаттина в XII в. крестоносное войско было совершенно разбито *султаном Саладином*; в этом сражении войско крестоносцев было истреблено, король Иерусалимский *Гвидо Лузиньян* был взят в плен, и Иерусалимское королевство прекратило свое существование, а Палестина снова подпала под власть магометан. Далее дорога идет мимо пристанища *хан Лубиех* и спускается в обширную плодородную горную долину, которая хорошо обработана и оживлена многими селениями, роскошными лугами и рощами масличных деревьев.

Далее дорога снова поднимается на возвышение, которое окаймляет южную сторону обширной Завулонской долины, и путники достигают до небольшого бедного селения *Кефр-Кенны*, окруженного садами, виноградниками, маслинами, кактусами и другими растениями, которые, вследствие изобилия источников воды, отличаются пышным ростом. В селении находится до 600 жителей-арабов, большею частью православных, которые радушно встречают странников; многие из них обучаются в находящейся здесь католической школе, и потому некоторые ученики школы переходят в католицизм. Селение Кефр-Кенна считается за древнюю *Кану Галилейскую*, в которой Спаситель на брачном торжестве в доме, как говорит предание апостола *Симеона Кананита*, совершил первое чудо претворения воды в вино; здесь же Он исцелил сына сотника капернаумского; по другому предположению, Кана Галилейская находи-

лась в селении *Кенет эль-Джелил*, в северной части Завулонской долины. В Кефр-Кенне на месте совершения чуда построена была церковь, и в ее помосте вделаны были некоторые водоносы, послужившие, по преданию, чуду претворения воды в вино, остальные же водоносы перевезены были в Рим. До новейшего времени на этом месте находилась небольшая бедная церковь православных арабов, но недавно здесь на пожертвования из России построен прекрасный храм, внутри которого в нишах близ алтаря поставлено два водоноса в память совершившегося здесь чуда. Вообще из России и от русских паломников ежегодно поступает много пожертвований и вспоможений в пользу греческого духовенства Палестины, но это немного приносит пользы православию и значению России в Палестине. Греческое духовенство, озабоченное своими делами, не может поддерживать интересов России, и даже иногда противодействовало им; равным образом оно недостаточно заботится об охране православия в Палестине, вследствие чего католическая и протестантская пропаганды более и более усиливаются между арабами-туземцами. Для охранения православия и значения России в Палестине необходимо было бы более целесообразное употребление русских пособий, которые не должны идти исключительно в пользу духовенства из греков. Так, средства, идущие из России, могли бы быть употреблены на основание в значительных местах, особенно близ святынь Палестины, небольших русских колоний, в виде русских, а не греческих монастырей, и при каждой колонии должна бы находиться русская церковь, школа для арабских детей, госпиталь и странноприимный дом, сад и огород. При этом церкви и монастыри должны быть воздвигаемы непременно в русском, а не в греческом или византийском стиле и богослужение должно происходить на славянском языке; в школах наставники должны быть русские и по возможности иноки или инокини монастырей; госпитали, странноприимные дома должны быть безвозмездно открыты для больных и странников

всех вероисповеданий; затем жители колоний могли бы с пользою обрабатывать сады и огороды и, ознакомившись со священными местами окрестностей колоний, могли бы служить полезными путеводителями для русских странников; наконец, для взаимного единения Палестины и России необходимо издание в России еженедельного или ежемесячного общедоступного по дешевизне *Палестинского листа*, который знакомил бы Россию с прошедшим и современным состоянием Палестины и сообщал бы все, что делается на пользу Палестины в России, этой естественной покровительнице православия на Востоке. Все эти и подобные меры, отчасти уже употребляемые католиками и протестантами, могли бы содействовать к охранению православия и значения России в Палестине, в этой священной для христиан стране.

Из Керф-Кенны дорога на запад, к Средиземному морю, идет по возвышенной окраине Завулонской долины, мимо видимого вдали налево от дороги селения *эль-Мешкед*, в котором, по преданию, находится *гробница пророка Ионы*. Далее дорога в шести часах пути от Табарие достигает селения *Сефурие*, находящегося в южной части Завулонской долины. Это селение находится на месте древнего города (*Зеффорис* или *Диокесариис*), который, по некоторым предположениям, был родиною св. Богоотец Иоакима и Анны и Девы Марии, и в селении указывают развалины древней церкви, находившейся на месте жилища Иоакима и Анны. Над селением Сефурие, на вершине горы, находится католический монастырь и хорошо сохранившиеся развалины обширного замка и башни; с высоты этой башни представляется прекрасный вид на окрестности. От Сефурие, к северу, расстилается обширная, чрезвычайно плодородная *равнина Баттуф*, древняя *Завулонская долина*, которая к востоку между горами разветвляется на многие меньшие долины. На северной окраине Завулонской долины находится селение *Еанет эль-Джелиль*, принимаемое некоторыми за древнюю Кану Галилейскую; еще далее к се-

веру, на высокой горе, находилась в древности *крепость Иотопата*, ныне *Джифат*, в которой иудеи, под начальством *Иосифа Флавия*, долго защищались против римлян; теперь на вершине горы видны голые скалы и множество пещер. Пройдя прекрасную Завулонскую долину, дорога идет на запад, по горам и долинам, покрытым лесами, и достигает до большого селения *Шефат-Амр*, близ которого находится много погребальных пещер в скалах и много развалин древних замков с весьма толстыми стенами; от этого селения, в котором находится католический монастырь, открывается обширный вид к западу на Средиземное море, на города Акку и Кайфу и на гору Кармил. Далее к западу местность становится менее гористою и более и более понижается; дорога спускается с гор в обширную равнину, которая сначала чрезвычайно плодородна и покрыта рощами и лугами, а потом, по мере приближения к Средиземному морю, становится песчаной и бесплодной; с левой стороны дороги протекает *река Мукатта*, древний *Киссон*, а за нею возвышается гора Кармил, со многими лесистыми вершинами. Затем, после $2\frac{1}{2}$ часов пути от Шефат-Амр или 6 часов пути от Сефурии, дорога подходит к берегу Средиземного моря, переходит чрез Киссон, идет вдоль берега морского залива по подошве горы Кармил, мимо апельсиновых садов и пальмовых деревьев и, наконец, после шести часов пути от Сефурии дорога достигает приморского города Кайфы. Город Кайфа, находящийся у подножия горы Кармила, на берегу обширного залива, окружен стенами и прекрасными садами оливковых, апельсиновых и пальмовых деревьев; в городе находится русский странноприимный дом и русский вице-консул; за городом, на склонах горы Кармил, видны развалины замка и многие древние пещеры. К западу от города расположена германская колония *общества храма Иерусалимского*; эта колония, окруженная прекрасно возделанными садами, виноградниками и полями, отличается европейским устройством и богатством жителей, занимающихся земледелием и садоводством. На

противоположном берегу обширного залива, на вдающемся в море скалистом мысе, находится *крепость Акка*, древняя *Птолемоида Акра*, окруженная зубчатыми стенами; в крепости Акка находятся мечети с высокими минаретами, обширный *ханам*, или постоялый двор, и русский приют. Недалеко от Акки протекает *речка Белус*, в которой водятся раковины, служившие древним финикиянам для добывания краски *пурпура*, а песок этой речки употреблялся ими для выделки стекла. Далее, к северу от Акки, находятся песчаные берега *пределов Тирских и Сидонских* древней Финикии, в которой у так называемой *тирской лестницы* отрасли Ливанских гор доходят до самого моря.

Из Каифы путешественники посещают гору Кармил и затем направляются вдоль морского берега на юг к городу Яффе. Дорога на гору Кармил идет сначала вдоль берега, среди обработанных полей германской колонии, потом поднимается в гору крутыми уступами между насаждениями масличных и фиговых деревьев, доходящими до половины горы, а затем дорога становится весьма извилистою и крутою и, наконец, чрез час пути от Каифы достигает вершины горы у монастыря св. Илии. *Гора Кармил* (сад Божий), составляющая западную отрасль Самарянских гор, вдается в море длинным отвесным мысом и возвышается на 2000 футов над поверхностью моря. На вершинах продолговатой горы, более и более возвышающейся от моря к юго-восточному концу, находится много источников, которые делают почву весьма плодородною, поэтому гора Кармил, особенно в юго-восточной, высшей части, покрыта богатою растительностью, высокою травою, цветами и мрачными лесами, в которых водятся дикие кабаны, леопарды, пантеры и гиены; верхние склоны Кармила представляют неровную поверхность со многими скалами, пещерами, оврагами и ущельями; ниже, на склонах горы, снова является богатая растительность. Уже в древнейшие времена гора Кармил почиталась священной, и к ней относятся многие сказания. На этой горе долго жил пророк Илия, так

что Кармил называется также *горю пророка Илии*. По преданию, пророк Илия жил близ источника, в обращенной к морю пещере, на северо-западной оконечности Кармила; вблизи, в другой пещере, поселился ученик его *пророк Елисей*, недалеко от этих пещер, указываемых на Кармиле, крутая тропинка вдоль обрывов скал ведет вниз к третьей обширной пещере, соединенной внутренними проходами с другими, меньшими пещерами; в большой пещере, вдоль стен которой высечены в скале широкие лавки, помещалась по преданию *школа пророков*, предание же говорит, что Божия Матерь с Младенцем Иисусом, возвращаясь из Египта, посетила Кармил и остановилась для отдохновения в пещере школы пророков. В римские времена у этой пещеры, как полагают, был устроен языческий храм Юпитера, при котором находилось много жрецов; впоследствии в пещерах горы Кармил жили многие христианские отшельники, а ныне в пещере школы пророков магометанами, которые также чтут пророка Илию, устроена турецкая мечеть, освещаемая люстрой и многими лампадами. Предания указывают на горе Кармил многие места, ознаменованные деяниями пророка Илии; так, на юго-восточной оконечности Кармила он приносил чудесную жертву Богу, уничтожил поклонение идолам Ваала и велел умертвить языческих жрецов; здесь же он испросил обильный дождь после продолжительной засухи в Палестине. В память посещения Кармила Божиею Матерью одним из 70 учеников Иисуса Христа Агавом была построена древнейшая христианская церковь во имя Пресвятой Матери Божией над первою пещерою пророка Илии, на западной оконечности Кармила. Впоследствии, в XII в., на этом месте основан был католический *монастырь кармелитов*, много раз подвергавшийся разорениям; в новейшее время монастырь был razорен турками в 1799 г., во времена Наполеона I, и в 1821 г., но снова был великолепно возобновлен. Обширный кармелитский монастырь пророка Илии построен в виде четвероугольника, в середине которого возвышается великолеп-

ная монастырская церковь с полукруглым куполом. Внутри церкви находился богато украшенный престол, над которым в нише поставлена превосходная мраморная статуя Божией Матери; под самым престолом церкви в природной скале находится крипта, или подземная церковь, устроенная в пещере пророка Илии; спуск в пять ступеней ведет из верхней церкви в пещеру, в которой находится каменное ложе, обращенное в престол, и на нем поставлена статуя св. Илии, а за нею помещена икона Божией Матери. Вокруг главной церкви монастыря находится много красивых садилов, много построек, часовня и придел абиссинский и католиков с престолом и статуей пророка Илии; внутри главного здания монастыря устроено множество переходов, лестниц и широких коридоров с кельями и помещениями для богомольцев, которых монахи радушно принимают. Перед входом в монастырь устроен пирамидальный памятник над местом погребения французских воинов и обитателей монастыря, погибших в 1799 г. Близ монастыря расположены некоторые постройки и невысокий маяк. С террасы монастыря представляется прекрасный вид на безбрежное море, с трех сторон окружающее мыс Кармил. Еще более обширный вид открывается несколько выше монастыря, с вершины горы Кармил; к западу видно Средиземное море, к северу виден морской залив, а за ним видна Акка, с ее зубчатыми стенами и высокими минаретами, и далее пределы тирские и сидонские до тирской лестницы, за которою возвышаются Ливанские горы; к востоку видна зеленеющая равнина Эзраилонская, горы Фавор и Малый Гермон и вся страна от снежного и облачного Большого Гермона до Иудейских гор; к югу видна расстилающаяся вдоль моря до города Яффы, и Саронская равнина с развалинами древнего *города Кесарии*.

От горы Кармила путешественники направляются на юг по длинной Саронской равнине, простирающейся на 80 верст до города Яффы, и это путешествие продолжается 2—3 дня. Сначала дорога, спустившись с горы Кармил, идет

по узкой, хорошо обработанной долине между Кармилом и морским берегом; в этой долине с левой стороны возвышается гора Кармил, с которой текут многие ручьи, с правой стороны расстилается безбрежное море, а над головою на ясном небе светит палящее солнце. Дорога проходит мимо находящихся на выдающемся в море мысе развалин *города Атлита*, между которыми замечательны обширные развалины *замка рыцарей храмовников*, далее следуют развалины *города Тантуры*, древнего ханаанского города *Дора*, близ которого из моря добывали много пурпуровых раковин. Далее дорога идет по песчаному берегу моря, местами заросшему морскою травой, и переходит чрез *реку Церка* (синий), в которой водились крокодилы и близ которой находился город *Крокодилополис*; в разных местах песчаного берега видны развалины древних построек. Через два часа пути от Тонтуры на берегу моря показываются обширные развалины древнего города *Кесареи Августы*. Этот город, находившийся на месте другого, более древнего ханаанского города, был великолепно отстроен Иродом Великим и назван Кесариею Августою, в честь римского императора Августа; здесь были построены великолепные храмы, театры, водопроводы, стены с башнями и морской порт. После взятия и разрушения Иерусалима Титом в Кесарии совершены были великолепные празднества, и Кесария Августа сделалась главным городом Иудеи, в котором жили римские правители Палестины. Кесария была посещаемая апостолами Петром, Павлом и Филиппом; апостол Петр крестил здесь *сотника Корнилия* (Деян., 10), а апостол Павел два года пробыл в Кесарии заключенным в темнице. Впоследствии в Кесарии жили христианские епископы Иудеи и в этом городе основана была христианская школа ученых и писателей, из которых наиболее замечателен *историк Евсевий* в IV в. Позже крестоносцы взяли и сильно укрепили Кесарию; при взятии города они нашли в нем шестиугольную чашу из зеленого стекла, которая, по преданию, была *чашею Тайной Вечери*; эта чаша, известная под названием

Грааль, была перевезена в Геную и хранится в этом городе в сокровищнице *церкви св. Лаврентия*. В настоящее время от Кесарии сохранились обширные развалины стен, башен храмов и церквей, которые более и более заносятся морским песком; близ развалин Кесарии расположены некоторые селения болгарских переселенцев. Далее за этими развалинами дорога в Яффу идет по обширной пустынной местности, частью покрытой травой, частью сыпучим песком; местами встречаются болота, в которых водятся буйволы; с правой стороны дороги, к западу, постоянно видно море; с левой стороны, к востоку, вдали за равниною возвышаются Самарянские и Иудейский горы; днем в этой безлюдной и безлесной пустыне нестерпимо жарко, и палящее солнце ослепительно светит в глаза путникам, едущим с севера на юг; а ночью некоторые места этой пустыни небезопасны от нападений хищных бедуинов. Далее к югу местность становится более оживленною и обработанною; появляются рощи, луга и пасущиеся на них стада. Дорога идет вдоль морского берега и чрез 12 часов пути от Кесарии переходит по мосту *реку Авдие*, у начала которой в местечке *Расэль-Айн* (место источника) в горах находятся великолепные развалины средневекового *замка Мирабель*. За рекою Авдие начинается плодородная *Саронская долина* со многими селениями, местность более и более оживляется рощами и садами, встречаемыми путниками и караванами; уже заметно приближение городского поселения, и чрез получаса пути от реки Авдие путешественник вступает в Иерусалимские ворота приморского города Яффы.

Таким образом, начав обзор Святой Земли от Яффы и посетив Иерусалим и все священные места Палестины, можно окончить странствование в той же Яффе, из которой пароходы по обширным морям увозят богомольцев на родину, в различные страны, отдаленные от Святой Земли. Каждый богомалец с глубоким сожалением расстается с этою единственною в мире странною, освященною пребыванием в ней Спасителя нашего Господа Иисуса Христа; у

каждого побывавшего в Палестине неизгладимо сохраняются дорогие воспоминания об этой стране, о ее многочисленных святынях, памятниках, преданиях и легендах, о ее прекрасных видах, благодатном климате, плодороднейшей почве, наконец, о священном городе Иерусалиме, и невольно у каждого перед отъездом из Палестины является желание еще раз посетить святыню Иерусалима — Гроб Господень. Палестина, эта столь небольшая страна, приблизительно равная 1/3 части Новгородской губернии, эта страна ныне столь бедная, разоренная и запущенная, лишенная даже своего коренного населения, евреев, рассеянных по всему миру, преисполнена множеством замечательных в прошедшем местностей, в которых совершались события, имевшие важное значение для всего человечества; может быть, и в будущем эта страна снова будет восстановлена, снова процветет и снова будет иметь для человечества значение. Также и теперь европейские державы более и более обращают внимание на Палестину, делают значительные пожертвования в ее пользу, заботятся о восстановлении древних памятников и о поднятии благосостояния страны; многие европейцы, особенно русские, как паломники, посещают Палестину и ее святыни, и многие, особенно германцы, поселяются в ней и основывают в ней свои учреждения и колонии. Затем евреи, повсюду рассеянные, стремятся к своему древнему отечеству, и многие из них в старости переселяются в Палестину. Еврейский народ, после разрушения Иерусалима и гибели массы евреев, был рассеян между всеми народами и повсюду терпел жестокие унижения и гонения, вселявшие в евреях робость и страх, как им некогда было предречено: *«И рассеет тебя Господь по всем народам, от края земли до края земли... и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей»*. (Второз., XXVIII, 64, 66). Но этот, некогда избранный народ, хотя и подвергся бедствиям и гонениям, но не совсем погиб, он не исчез подобно другим народам древности: ассириянам, вавилонянам, египтянам; хотя евреи частью из-

менились, приняв отчасти национальность народов, среди которых они живут, и таким образом явились евреи испанские, немецкие, польские, русские и др., но они не потеряли своей религии, своих нравов, обычаев, языка, которые соединяют всех евреев в одно целое; они даже приобрели более и более увеличивающуюся власть и значение среди народов чрез несметные, скопленные ими богатства, чрез выдающиеся способности многих из них, чрез неутомимую деловитость и чрез взаимную между собою связь всех евреев. Может быть, некогда в Палестине возникнет новая, восстановленная в духе христианства самостоятельность еврейского народа, как о нем сказано: *«Ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников; и так весь Израиль спасется»*. (Рим., XI, 25, 26). Наконец, Палестина, может быть, и для христианства будет иметь большее значение; может быть, в Палестине, в которой последователи различных церквей сближаются между собою и преимущественно посвящают себя религиозным интересам, в неизвестном будущем прекратятся рознь христианских вероисповеданий и после соединения церквей в мире настанет блаженное время единого стада и единого Пастыря.

Н. Тимаев. Иерусалим и Палестина. СПб., 1891.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Вейнберг. ИЕРУСАЛИМ</i>	<i>5</i>
<i>А. Муравьев. ИСТОРИЯ СВЯТОГО ГРАДА ИЕРУСАЛИМСКОГО</i>	<i>24</i>
<i>Н. Тимаев. ИЕРУСАЛИМ И ПАЛЕСТИНА</i>	<i>168</i>

+

**Сканировано для
<http://drevodelatel.ru>**

**Сайт <http://drevodelatel.ru> -
это не только изделия из дерева на заказ,
их ремонт и реставрация,
это и большая библиотека интересных книг
и видеоматериалов,
интересные статьи на разные темы,
мастер-классы по изготовлению изделий из дерева
и созданию сайта,
обзоры компьютерных игр,
лакокрасочных материалов и инструментов,
и многое, многое другое! :-)**

**Электронная версия данной книги
создана исключительно для ознакомления!
Реализация данной электронной книги
в любых интернет-магазинах,
и на CD (DVD) дисках с целью получения прибыли,
незаконна и запрещена!
По вопросам приобретения
печатной или электронной версии данной книги
обращайтесь непосредственно
к законным издателям, их представителям,
либо в соответствующие организации торговли!**

ИЕРУСАЛИМ
История Святой Земли

*Составитель А.Р. Андреев
Редактор В.Г. Манягин, художник Б.Б. Протопопов,
верстка А.А. Кувшинников, корректор Н.Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Издат»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-0825
Оптовая торговля: 617-0825, 617-0952
Мелкооптовая торговля: г.Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место: № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541
Сайт: <http://www.algorithm-kniga.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Сдано в набор 19.11.10. Подписано в печать 27.12.10.
Формат 84х108/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л. 11. Тираж 2000 экз. Заказ № 2018.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122
Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36
<http://www.gipp.kirov.ru>
e-mail: pto@gipp.kirov.ru

В этой книге рассказывается
об истории Святого города – Иерусалима,
самого сакрального города человечества,
где произошли распятие, смерть
и Воскресение Господа нашего Иисуса
Христа. Иерусалим видел многих библейских
пророков, нашествие разноплеменных войск,
знавал времена триумфа и времена падения.

За город сражались персы, римляне,
крестоносцы, сарацины... Даже Крымская война
1854–1856 гг. формально началась из-за споров
о принадлежности христианских
ценностей Иерусалима.

Издание представляет интерес для широкого
круга читателей.